

327.2 417
П52

А. ПОЛТОРАН, Е. ЗАЙЦЕВ

РУРСКИЕ
ГОСПОДА
И
ВАШИНГТОНСКИЕ

Судья

А. ПОЛТОРАК, Е. ЗАЙЦЕВ

*РУРСКИЕ
ГОСПОДА
И
ВАШИНГТОНСКИЕ
СУДЬИ*

ЛЕНИЗДАТ · 1968

Книги А. Полторака «От Мюнхена до Нюрнберга» и «Нюрнбергский эпилог» заслужили широкую известность и признательность читателя.

Эта новая книга — третья за последние годы, в которой А. Полторака выступает в соавторстве с Е. Зайцевым. Две первые книги переведены на иностранные языки издательством «Прогресс» в Москве. Новая книга — живой интересный рассказ о том, как американские трибуналы в 1947—1949 годах судили руководителей германских монополий. Она дает яркое представление о международном союзе монополий, особенно немецких и американских, который не прерывался в годы второй мировой войны, стирая грань между большим бизнесом и государственной изменой.

Но авторы пишут не только о прошлом. Они протягивают нить из прошлого к событиям послевоенных лет — к агрессии США в Корею, Вьетнаме, к событиям на Ближнем Востоке, рассказывают о деятельности монополий в ФРГ. В книге даются литературно-политические портреты многих руководителей монополий.

Написанная живым и выразительным языком на основе документальных материалов, книга будет интересна широким кругам читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В НЮРНБЕРГЕ

1866 год. С.-Петербург.

«...Существуют на свете будто бы некоторые такие лица, которые могут... то есть не то что могут, а полное право имеют совершать всякие бесчинства и преступления, и что для них будто бы и закон не писан... те люди не так сделаны; настоящий в л а с т е л и н, кому всё разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армию в Египте, тратит полмиллиона людей в Московском походе и отделяется каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры — а стало быть, и всё разрешается. Нет! На таких людях, видно, не тело, а бронза!»

Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание»

1946 год. Нюрнберг.

«...Развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тяжчайшим международным преступлением...

Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права».

Из приговора Международного военного трибунала, осудившего к смертной казни руководителей гитлеровской Германии

Вступлени е

Судебный зал Дворца юстиции в Нюрнберге. Здесь в 1946 году проходил процесс над главными немецкими военными преступниками. Спустя два года во Дворце юстиции американский суд слушал дело руководителей германской монополии — «ИГ Фарбениндустри».

Человек, участвовавший в 1946 году в работе Международного военного трибунала, осматрившись ныне в зале, мог бы обнаружить немало знакомых, главным образом среди адвокатов. В Международном военном трибунале они дебютировали в новом деле — деле защиты военных преступников. Впоследствии многие из них такую защиту сделали своей специальностью.

На Нюрнбергском процессе главных военных преступников доктор Зиммерс представлял интересы гросс-адмирала Редера, теперь он защищает одного из руководителей «ИГ Фарбениндустри» Шницлера.

А вот американский обвинитель генерал Тэльфорд Тэйлор. Он по-прежнему строен, по-военному подтянут, моложав. Опытный юрист и умный политик, он немало сделал, помогая осуществлению правосудия в Международном военном трибунале. Тэйлор, обстоятельно доказав вину подсудимых, вскрыл также корни совершенных нацистами злодеяний. В Международном военном трибунале он требовал не только осудить Кейтеля и Йодля, Редера и Деница, но и признать немецкий генеральный штаб в целом преступной организацией. Тэйлор видел и трезво оценивал опасность возрождения германского милитаризма и реваншизма, казавшуюся тогда многим эфемерной. Он говорил: «Если сбить с дерева отравленные плоды, то этим будет достигнуто немного. Гораздо труднее выкорчевать это дерево со всеми его

корнями. Однако только это, в конечном счете, приведет к добру. Деревом, которое принесло эти плоды, является немецкий милитаризм... Немецкий милитаризм, если он выступит опять, не обязательно сделает это под эгидой нацизма. Немецкие милитаристы свяжут свою судьбу с судьбой любого человека или любой партии, которые сделают ставку на восстановление немецкой военной мощи».

Эти взгляды вызвали в США немедленную реакцию. Тэйлору дали ясно понять, что вооруженные силы США легко обойдутся без такого генерала. «Арми энд нэви джорнэл» обрушил на Тэйлора каскад нелестных эпитетов за то, что он посмел выступить с обвинением против «лиц почетной военной профессии», против генералов, которые лишь «выполняли свой долг». После окончания нюрнбергских процессов Тэйлора уволили из армии, пришив ему ярлык «красного».

Но мы забежали вперед.

Пока что Тэйлору предстояло здесь, в Нюрнберге, в 1948 году руководить всем аппаратом американских следователей и обвинителей. Судя по всему, он отдавал себе отчет, сколь сложны, с точки зрения политической, судебные процессы против монополий. Генерал Тэйлор уже успел окунуться в поток документов, извлеченных из сейфов германских монополий, и то, что он там обнаружил, заставляло его над многим призадуматься.

Добытые следствием доказательства приобрели собственную логику и силу, уже не зависящую от воли тех, кто их нашел и систематизировал. Здесь гораздо отчетливее, чем в деле главных военных преступников, проступала та очевидная истина, что мир «свободного предпринимательства», и не только германского, чреват агрессивными войнами и военными преступлениями. Еще до начала процессов американская печать учуяла неладное в этом деле. Учুяла и подняла шум. Газеты возмущенно вопрошали: как можно судить «деловых людей» и кому это на пользу? Вспоминали выступление Тэйлора с обвинениями в адрес германского генерального штаба. Ныне этот генерал замахнулся не просто на отдельных монополистов, а на весь мир большого бизнеса.

Всё это, естественно, не могло быть безразлично для Тэйлора. Ведь «красным» он стал лишь в глазах американских «бешеных», в действительности это был яркий

представитель либерально мыслящих деятелей буржуазной юстиции. Но не только нападки газет влияли на Тэйлора. Листки календаря подтверждали: мир вступил в 1948 год. Уже бушевала холодная война, то тут, то там образовывались большие трещины в отношениях между бывшими союзниками. И генерал, очевидно, решил в своей обвинительной речи покривить душой, представ перед судьями менее пронизательным и более наивным, чем он был в действительности. Этим воспользовался опытный адвокат Зимерс, оценивший в полной мере и общую направленность доказательств, и международную политическую обстановку, в которой развертывались процессы против руководителей монополий.

Доктор Зимерс, защищая одного из руководителей «ИГ Фарбен» — Георга фон Шницлера, привел слова Тэльфорда Тэйлора, который заявил, что судебное преследование направлено не вообще против германской экономики, а против конкретных ее представителей, виновных в конкретных преступлениях. Зимерс позволил себе не согласиться с обвинением. И адвокат в данном случае был ближе к истине, чем обвинитель. Другое дело, что при этом доктор Зимерс преследовал определенную цель — вызвать нужную защитную реакцию у американских буржуазных судей.

— Я стою на своей позиции, — заявил Зимерс, — я считаю, что процесс этот представляет опасность для германской экономики в целом и просто потому, что главные пункты обвинительного заключения и многие утверждения обвинителей с совершенной очевидностью показывают, что процесс над монополиями — это удар, направленный против германского капитализма в целом.

Развивая свою мысль, Зимерс далее квалифицировал судебные процессы над германскими монополиями как антикапиталистические, способные вызвать «большую радость коммунистов».

Строго говоря, приведенная выше аргументация не имела никакого юридического значения для защиты фон Шницлера и носила не правовой, а социальный характер. Но, приводя ее, доктор Зимерс как бы говорил американским судьям: «Опомнитесь, господа! Вы ведь сами олицетворяете капитализм, и самый что ни на есть классический! Не подрубаете ли вы сук, на котором сидят те, кто вас направил сюда, в Нюрнберг? Если вы

признаёте немецких промышленников виновными в том, что они способствовали развязыванию агрессии, то кто вам поверит, что такая роль свойственна лишь германским монополистам?»

И так уж случилось, что именно подзащитный доктора Зимерса барон Георг фон Шницлер дал суду показания, которые нанесли удар по всей стратегической линии защиты... Впрочем, об этом потом...

Но что же всё-таки произошло в Нюрнберге в 1948 году? Почему над столом судей развевается один лишь звездно-полосатый флаг? Почему исчезли флаги других союзных держав, представители которых в течение года рассматривали дело германских военных преступников?

...2 октября 1946 года. Нюрнберг. Здание Дворца юстиции напоминает развороченный муравейник. Накануне судьи Международного военного трибунала закончили оглашение приговора по делу главных нацистских военных преступников. А уже на следующий день многочисленный аппарат делегаций четырех держав начал подготовку к отъезду из Нюрнберга. Приведены в порядок архивы. Все подлинные доказательства и иные документы будут отправлены в Гаагу, — судьи решили сдать все архивы трибунала на хранение Международному суду Организации Объединенных Наций.

Впрочем, разве с вынесением приговора по делу Гейринга и других завершилась деятельность Нюрнбергского трибунала?

Кое-кому хотелось, чтобы это было именно так.

На скамье подсудимых в Нюрнберге находилось два десятка человек. Но неужели этим исчерпывался список главных нацистских военных преступников? Неужели можно считать, что, осудив этих людей, Международный трибунал исчерпал свою задачу?

1 октября 1946 года был оглашен приговор, а уже со следующего дня во всей иностранной печати началась острая дискуссия по поводу этого документа. Одни справедливо писали об огромном историческом значении приговора, другие всячески его хулили, вплоть до того, что называли «грубым ударом по правосудию».

Многие утверждали, что Нюрнбергский трибунал, сделав свое дело, перестал существовать еще раньше, чем осужденные им нацистские преступники были повешены. Так рассуждали, игнорируя принятый союзными

державами Устав трибунала, те, кому наказание военных преступников было вообще не по душе.

Между тем уже в самом названии Соглашения о создании Международного трибунала («О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси») подчеркивается, что он создан не только ради одного процесса. Далее. Для чего было определять в Уставе трибунала порядок председательствования на судебных процессах, указывать, что избранный председателем судья руководит заседаниями только на одном процессе и что «устанавливается принцип очередности председательствования на последующих судебных процессах»? В Потсдамской декларации говорится о первом списке подсудимых, а в Уставе трибунала указывается, что «первый процесс состоится в Нюрнберге, а последующие процессы состоятся в местах по определению трибунала». Международный трибунал был создан для проведения многих судебных процессов.

Почему же всё-таки Нюрнбергский международный трибунал фактически прекратил свою деятельность? Разве в нюрнбергской тюрьме уже не оставалось больше главных военных преступников, которых должен был судить созданный союзными державами трибунал?

Отнюдь нет. В камерах этой тюрьмы находились многие министры третьего рейха, фельдмаршалы и генералы, руководившие нацистским вермахтом, руководители нацистской партии и карательных органов. Здесь же сидели такие преступные главари германской промышленности, как Крупп, Флик и другие.

Так в чем же дело?

Судебная деятельность по наказанию военных преступников являлась продолжением определенной политики. Международный военный трибунал был создан и действовал в результате согласованной союзной политики стран антигитлеровской коалиции. Но в 1946 году мир услышал речь Черчилля в Фултоне, провозгласившего эру холодной войны. Западные державы начали новую политику в германском вопросе. Уже вырисовывались контуры Бизонии, Тризонии, бундесвера во главе с гитлеровскими генералами. Кто же стал бы на Западе настаивать на том, чтобы при помощи Международного трибунала, в котором активнейшую роль играли

советские представители, подпиливать тот сук, на котором держалась новая политика Запада в Германии?

А раз так, то, может быть, попросту прекратить всякие судебные процессы над нацистскими военными преступниками и широко раскрыть ворота тюрем, где они содержатся? Даже самые отъявленные реакционеры понимали, что это так просто сделать нельзя, — слишком свежи у народов в памяти страшные преступления нацистов, и слишком велик гнев людской. Народы не забыли еще союзных деклараций, в которых антигитлеровская коалиция торжественно провозглашала свою решимость найти даже на краю света всех нацистских военных преступников и передать их в руки правосудия.

Но если невозможно отмахнуться от своих обязательств, то нельзя ли западным державам как-то обезопасить судебную деятельность по преследованию нацистских преступников? Нельзя ли избавиться от тех, кто еще на международном процессе проявил свое «упрямство» и кто считает, что судебная машина, совершившая в Нюрнберге свои первые обороты, находится лишь в начале своей деятельности? Вряд ли надо объяснять, что главной заботой реакционных кругов на Западе было желание избавиться от сотрудничества с советскими представителями.

Уж не раз отмечалось, что некоторые американские юристы на Нюрнбергском процессе главных нацистских военных преступников зарекомендовали себя как активные участники разоблачения преступного механизма гитлеровской Германии.

Но вот главный американский обвинитель Роберт Джексон стал получать всё новые и новые свидетельства того, что его деятельность в Нюрнберге не приносит в правящих кругах США тех политических дивидендов, на которые он мог рассчитывать. Джексона всё чаще стали упрекать в том, что он, сидя «за одним столом с красными», проявляет явное политическое недомыслие, произнося свои громовые речи в Нюрнберге. И с Джексонем случилось то, что столь часто случается в «свободном мире» с людьми, подобными ему, — он стал сползать на те позиции, на которых стояли правящие круги США в условиях новой политической обстановки.

И вот уже в докладе на имя президента Трумэна он пишет: «У США нет ни моральных, ни юридических обя-

зательств предпринимать другой процесс такого рода...» Джексон, человек, подписавший от имени Соединенных Штатов Америки Устав Международного трибунала, рассматривавший судебный процесс над Герингом и другими лишь как первый процесс, теперь пишет: «Я всё время искренне и прямо считал и говорил на совещаниях, что США полагали бы достаточным один процесс главных военных преступников...»

И что самое любопытное — Джексон, опытный юрист, отлично владеющий словом, не мог обосновать убедительно свою новую позицию и вынужден был со- слаться на... дороговизну международных процессов.

«Четырехсторонний, четырехязыковый Международный суд явится самым медленным и самым дорогим методом судопроизводства... Самый быстрый метод суда, который потребует от США наименьших денежных средств и людских сил, будет тот, при котором каждая из оккупационных властей взяла бы на себя ответственность за судебное преследование в пределах ее зоны арестованных, содержащихся ею под стражей».

Джексон, конечно, отлично знал, что еще в последние дни войны наиболее высокопоставленные гитлеровские руководители, не сумевшие скрыться от преследования, предпочли оказаться в руках западных держав, предпочтительно США. Американскому обвинителю было известно, что крупнейшие германские монополисты находились в американских тюрьмах в Западной Германии.

Напомним, что расхождения между советскими и западными представителями в Международном трибунале в наибольшей степени относились к решению судьбы руководителей германских монополий. Советский судья не согласился с оправданием западными судьями в Международном трибунале Ялмара Шахта, председателя рейхсбанка, экономического диктатора третьей империи, так как это создавало базу для последующего оправдания руководителей германских монополий.

Именно поэтому Льюис Клей, бывший американский военный губернатор в Германии, в своей книге «Решение в Германии» писал, что «советский протест против приговора Международного трибунала сделал другие международные процессы нежелательными».

Аналогичную точку зрения на предстоящие процессы руководителей монополий высказал и Джексон в

конфиденциальном письме президенту Трумэну: «Особый процесс специально над промышленниками создаст впечатление, будто они преследуются лишь потому, что они промышленники. Это тем вероятнее, что, преследуя их, мы оказались бы в союзе с советскими коммунистами и французскими левыми».

Характеризуя позицию советской стороны, находившийся в Нюрнберге в качестве официального наблюдателя генеральный секретарь Национального союза юристов США Мартин Поппер писал тогда:

«Советский обвинитель Руденко заявил мне, что его правительство стремится к переговорам о выполнении Потсдамской декларации, в которой о нюрнбергских обвиняемых говорилось как о первом списке обвиняемых. Из этого Советский Союз делает вывод, что должны быть составлены дальнейшие списки и что компетенция Международного военного трибунала распространяется на все другие совместно возбужденные обвинения, предъявленные по общему решению».

Однако положительное решение этого вопроса зависело не только от Советского Союза.

Так закончилась эра международного правосудия. В Нюрнберге началась деятельность американских судов.

Двенадцать судебных процессов было проведено в здании окружного суда в Нюрнберге, где незадолго до того судили преступных лидеров нацистской Германии. Один за другим прошли процессы над руководителями министерств гитлеровской Германии, вожаками германского генерального штаба, большой группой нацистских дипломатов, руководителями СС, гестапо и СД, медиками, участвовавшими в умерщвлении людей, над нацистскими судьями, превратившими право в орудие нацистского террора. Характерно, что на всех двенадцати процессах многие подсудимые были осуждены на столь незначительные сроки лишения свободы, что вскоре после окончания процессов оказались на свободе. Многие были оправданы.

Каждый из двенадцати процессов интересен не только для юристов. Обвинители представили огромную массу доказательств, раскрывших чудовищные преступления гитлеровской Германии. И независимо от оценки, которую американские судьи дали этим доказательст-

вам, их значение непреходяще, они приобрели характер важнейшего исторического источника.

Итак, в Нюрнберге, кроме основного «большого», были проведены двенадцать судебных процессов. Предлагаемые читателю очерки основаны на материалах трех из них. Речь идет о процессах над руководителями монополий Круппа, Флика и «ИГ Фарбениндустри».

Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками раскрыл перед всем миром преступный механизм нацистского государства, все важнейшие его звенья: через Геринга и Гесса — нацистскую партию, всю ее политику, через Риббентропа, Нейрата и Папена — гитлеровскую дипломатию, через Кейтеля, Йодля, Деница и Редера — военный механизм агрессии, через Кальтенбруннера — карательные органы, через Розенберга, Штрейхера и Фриче — деятельность идеологического и пропагандистского аппарата. Через обвиняемого Густава Круппа должен был быть раскрыт механизм преступной деятельности германских монополий. Но Круппа не судили, — врачи признали его безнадежно больным. А суд над Шахтом не мог раскрыть во всех важнейших чертах деятельность монополий.

Специальные судебные процессы над руководителями концернов Круппа, Флика и «ИГ Фарбениндустри» должны были восполнить то, что не успел сделать Международный военный трибунал.

Таков был замысел, но только по идее. Реальность оказалась иной.

Дело в том, что любой из судебных процессов над германскими военными преступниками был подобен палке. Один ее конец бил по фашизму, другой — по тому строю, который только и мог породить фашизм, — по капитализму.

Другой конец палки бил особенно больно, когда судили руководителей германских монополий — то есть силы, которые не только не были порождением фашизма, но, напротив, сами его создали. Ясно ведь, что методы, которые применяли Крупп и Флик, готовя гитлеровскую Германию к агрессии, мало чем отличались от тех приемов, которыми пользуются деловые люди в других капиталистических странах.

Вот почему доктор Зимерс во вступительной речи решил напомнить американским судьям, что они

проявят неосторожность, если слишком уж заинтересуются карьерой Круппа, Флика и Шницлера. Зимерс не случайно напомнил судьям и о той радости, которую они могут доставить «коммунистам во всем мире».

В самом деле, сколько усилий положили идеологи буржуазии в своих попытках ниспровергнуть ленинское учение об империализме, ленинские глубоко обоснованные выводы о преступной роли монополий в подготовке и развязывании захватнических войн! А вот теперь американские обвинители, роясь в архивах, словно бы только тем и озабочены, чтобы дать миру еще одно документальное свидетельство ленинской правоты.

...Нюрнбергская тюрьма. 1945 год. Одиночная камера Шахта. В один из вечеров к нему зашел врач Джильберт. Ялмар Горацио Грилли Шахт только что вернулся с очередного допроса. Он несколько возбужден. Джильберт — первый человек, которого Шахт увидел после допроса. И с ним он решил поделиться обуревавшими его чувствами. Нет, Шахт не мог пожаловаться на дурное обращение, на необъективность следователя. И вообще после этого очередного допроса Шахт не столько лично задет, сколько просто удивлен. Куда ни шло, если бы еще русские следователи копались в этом вопросе. Но американцам уж совсем всё это ни к чему!

Что же случилось? Почему был так удивлен Шахт?

Оказывается, на этот раз во время допроса шла речь не о нем лично, а об ответственности руководителей крупнейших германских концернов. Шахт впервые узнал, что американские обвинители готовят материалы к судебному процессу над германскими монополиями.

Шахт всегда считал себя (в общем небезосновательно) реалистом, всегда полагал, что, предпринимая ту или иную акцию, политик должен быть уверен не только в ее выгодности, но и в том, что при любых ситуациях она не обернется против ее автора.

— Если вы, американцы, — говорил Шахт Джильберту, — хотите предъявить обвинение промышленникам, которые помогли вооружить Германию, то вы должны предъявить обвинение самим себе.

Шахт тут же напомнил Джильберту, что автомобильные заводы «Оппель», которые всю войну снабжали вермахт важнейшими видами вооружения, принадлежали американской компании «Дженерал моторс»...

Те реакционные западные деятели, которым были не по нутру судебные процессы над руководителями германских монополий, могли бы упрекнуть американские власти в беззаботном отношении к подбору людей для расследования этих дел.

И действительно, группа расследователей состояла из людей, профессионально хорошо подготовленных, прогрессивно настроенных, твердо решивших, что, обнаружив доказательства преступлений нацистских промышленных магнатов, они не вправе их скрывать.

Среди них прежде всего надо отметить полковника Бернарда Бернштейна, бывшего чиновника министерства финансов США, в годы второй мировой войны являвшегося финансовым советником генерала Эйзенхауэра. После капитуляции третьей империи Бернштейн стал финансовым директором американской военной администрации в Германии. Ему поручили организовать и возглавить группу для расследования преступной деятельности руководителей немецких монополий. В эту группу Бернштейн включил несколько гражданских чиновников из министерства юстиции и финансов, а также офицеров американских войсковых частей.

Бернштейну помогали четыре специалиста из министерства юстиции США: Нормен Бёрслер, Александр Сакс и Джеймс Стюарт Мартин, возглавлявший в этом министерстве отдел по вопросам экономической войны. В группу входили также экономисты: Рассел А. Никсон, ранее доцент Гарвардского университета, Ричард Сэсюли, Фредерик Беркс, Эндрю Кармак и другие. Эти люди тщательно и методично собирали материалы о заговоре монополистов против мира, о совершенных ими военных преступлениях. Результаты их расследований фигурировали в печати и в подробных докладах конгрессу. Они собрали большинство доказательств, которые затем использовались обвинением в американских военных трибуналах, где проходили суды над германскими монополистами. Короче говоря, они способствовали тому, что мировая общественность осознала еще более ясно преступные дела германских монополий. Американской реакции не удалось просто «закрыть» процессы над монополистами в значительной мере благодаря работе этой группы специалистов.

Понятно, что действия Бернштейна и его помощников

должны были вызвать ярость на американском финансовом Олимпе. Когда Бернштейну стало ясно, что деятельность военного губернатора в Германии. Льюшеса Клея и его политического советника Роберта Мэрфи не имеет ничего общего с задачами подлинной декартелизации, он подал в отставку. Его преемником стал Рассел Никсон, продолжавший линию своего предшественника, но и он вскоре был вынужден покинуть свой пост. Тогда жезл этой нелегкой эстафеты перешел в руки Джеймса Стюарта Мартина, полтора года возглавлявшего отдел декартелизации и стремившегося проводить в жизнь прогрессивную политику. Мартин обладал и знаниями и опытом: с февраля 1942 года он являлся специальным помощником министра юстиции и немало сделал на этом посту для раскрытия преступных связей американских и германских монополий.

Одним словом, специалисты, расследовавшие преступления монополий, не оправдали доверия хозяев. Надо было принять меры к более осторожному подбору судей. Конечно, хорошо, что удалось проводить эти процессы без участия советских юристов. Но от того, как будут сформированы судейские коллегии в отдельных трибуналах, тоже зависит очень многое. Как это видно из воспоминаний многих американцев, в Вашингтоне был разработан ряд мер, чтобы обезопасить судебные процессы над руководителями германских монополий.

Поэтому прежде всего выявилось стремление не допустить в Нюрнберг тех американских судей, чье политическое кредо вызывало хоть какое-нибудь сомнение. Фред Винсон, председатель Верховного суда США, сделал первый шаг, сообщив, что ни один федеральный судья не получит отпуска для председательствования на этих процессах. В конечном итоге судьи были подобраны. Часть из них в прошлом занимала посты юрисконсультов американских фирм.

Так или иначе, всё было готово. И наступил день, когда весьма уважаемые американские судьи заняли свои места. Итак, в Нюрнберге им предстояло провести двенадцать судебных процессов.

Когда речь шла о чудовищных преступлениях гестапо и СС, о массовых расстрелах мирного населения, об умерщвлении миллионов людей в газовых камерах, об убийстве беззащитных военнопленных, то никаких — ни

юридических, ни психологических — трудностей у судей в Нюрнберге не возникало. На судебном процессе главных нацистских военных преступников не вызывал особых трудностей даже дотоле казавшийся спорным вопрос об уголовной ответственности государственных деятелей за подготовку и ведение агрессивных войн. Международный трибунал признал агрессию тягчайшим преступлением, а лиц, повинных в ней, присудил к смертной казни.

Но вот на скамью подсудимых сели руководители германских монополий. И тут не возникало особых трудностей, пока речь шла о таких преступлениях, как грабежи, использование рабского труда, преднамеренное соучастие в убийстве миллионов людей в лагерях. Но как только речь зашла об ответственности руководителей германских монополий за подготовку и ведение гитлеровских агрессивных войн, прибывшие в Нюрнберг американские судьи сразу ощутили и юридические, и психологические, и, что самое главное, политические трудности.

Журнал «Нейшн» предупреждал американских судей, что они своей деятельностью в Нюрнберге могут подорвать «основы нашей социальной жизни».

Еще в тот период, когда в Нюрнберге происходил процесс главных военных преступников, противники осуждения Круппа и Шахта выдвигали такой аргумент: если стоять на той позиции, что Крупп и ему подобные должны отвечать за поставку вермахту вооружения, то ведь завтра надо будет судить любого капиталиста в любой стране, который имеет дело с военными поставками. Капиталисту нет дела до того, как и в каких целях используется проданный им товар (будь это и вооружение). Его дело — произвести товар и продать его с прибылью. Если стоять на позиции нюрнбергских обвинителей, то, скажем, Генри Форда следовало бы судить столько раз, сколько убийств и увечий происходит при помощи выпущенных им автомашин. Дело Форда — производить автомобили, но как только они произведены и вышли за ворота, Форд уже не имеет к ним никакого отношения.

Дюпон и Морган — давние поставщики американской армии. Но ведь и в голову никогда не придет судьям в Америке привлекать этих джентльменов к

ответственности за то, что правительство США в плохих целях использовало вооружение, закупленное у них.

Если коротко говорить, то именно эти обстоятельства создавали немалые трудности для американских судей, которым предстояло рассмотреть дела руководителей германских монополий.

Судьи, конечно, не были так наивны, чтобы не понимать: обвинители вовсе не требуют от них осудить Круппа и других «деловых людей» лишь за самый факт продажи вооружения вермахту. Обвинители представили суду огромное количество документов, которые окрашивают в определенные цвета сделки монополий с нацистским вермахтом, придавая этим сделкам явно преступный характер. Всё дело заключалось в том, чтобы признать или не признать эти документы достаточными доказательствами того, что невинные с виду коммерческие сделки на деле были чем-то другим, куда более зловещим, чем это пытались представить сами «деловые люди» и их защита.

Но американские судьи не могли не понимать и другого. Документы, касающиеся германских монополий, по своей сущности, видимо, мало отличаются от аналогичных документов, характеризующих взаимоотношения «деловых людей» в других капиталистических странах. Просто в Германии они стали широко известны, а там, в других странах, они оседают в секретных сейфах.

Американские судьи сознавали парадоксальность своего положения. Они, представлявшие в Нюрнберге страну классического капитализма, должны были осудить, а следовательно и разоблачить то, что в их собственной стране деловые люди считают самым обычным делом.

Такова была самая главная трудность, которая возникла перед американскими судьями.

Вот под давлением каких сложных политических и психологических соображений оказались судьи.

Положение осложнялось и другого рода давлением.

Речь идет о том бесчисленном количестве документальных доказательств, которые представлялись обвинителями и которые объективно сталкивали буржуазных судей с позиций привычного представления о так называемом «свободном бизнесе», раскрывали перед судьями подлинную картину преступной деятельности германских монополий. На судей давила правда жизни.

„Он дал нам столь ясную картину своих идей...“

Эрих Кох, один из основателей нацистской партии, писал, что эта партия, конечно, могла пользоваться поддержкой толстосумов. Могла, но не хотела! Уже находясь в варшавской тюрьме в ожидании суда за преступления, совершенные во время войны, Кох написал мемуары. И вот в них-то он выражает возмущение тем, что «оболгали его партию», партию национал-социалистов. Кох пишет:

«Денег от капиталистов мы не получали. Мы с гордостью отказались принимать от них деньги. Всё было сделано на пфенниги, пожертвованные пришедшими к нам рабочими, которые были такими же пламенными социалистами, как мы сами».

Лжет, конечно, Кох. Всему миру известно, что монополисты оказывали нацистской партии всестороннюю помощь, в том числе и финансовую, еще до прихода гитлеровцев к власти и продолжали ее оказывать вплоть до крушения третьей империи.

Конец 1932 года. Нацистская партия потерпела два тяжелых поражения — сперва на выборах в рейхстаг, затем на выборах в ряде общин. Согласно дневниковым записям Геббельса, Гитлер в ту пору был близок к самоубийству. И вот тут, когда гитлеровская партия начала катиться в пропасть, германские монополисты поспешили ей на помощь. 19 ноября 1932 года Густав Крупп, Фриц Тиссен, Рейнгард, банкир Шредер, Ялмар Шахт и другие промышленные и финансовые воротилы

обратились с письмом к президенту Гинденбургу, в котором в категорической форме потребовали назначить Адольфа Гитлера рейхсканцлером. Подлинник этого письма сохранился и попал в Нюрнберге в руки обвинителей.

Это теперь служители империалистической реакции стремятся доказать, что «не было идеи столь далекой от их (монополий. — Авт.) мнений, чем идея о том, чтобы сделать Гитлера диктатором». Однако в 1932 году тогдашний канцлер фон Папен был несколько иного мнения о целях и намерениях магнатов германского большого бизнеса. Он даже обиделся на них. Он так много сделал для рурских властителей, будучи канцлером. И вот благодарность! Разве не обидно фон Папену, когда к нему от имени германских монополий приходит Шахт и говорит:

— Отдайте вашу должность Гитлеру. Это единственный человек, который может спасти Германию.

И Папен, которого эта старая обида мучила как плохо зажившая рана, поведал обо всем этом в Нюрнберге Международному военному трибуналу.

Но если бы Папен и молчал, то за него заговорили бы немые свидетели — так именуют юристы документальные доказательства. Вот, например, относящееся к тем дням послание Шахта Гитлеру, в котором содержится категорический прогноз: «Нет сомнения, что развитие событий может иметь только один исход — Ваше канцлерство».

На чем же основывал проницательный и осторожный Шахт столь категорический вывод? Ведь политическая обстановка в Германии в тот период была бурной, изменчивой, чреватой неожиданностями.

Шахт слишком долго находился у истоков подлинной власти и потому хорошо знал, кто заказывает музыку в империалистическом государстве. Вот почему он заканчивает это послание Гитлеру следующими многозначительными словами, содержащими намек на письмо Круппа и других монополистов Гинденбургу от 19 ноября 1932 года: «Кажется, наша попытка заполучить ряд подписей руководителей тяжелой промышленности не является напрасной. Я верю, что тяжелая промышленность по праву носит свое имя «тяжелая промышленность», ибо она много весит».

Не проходит и четырех месяцев, и на 5 марта 1933 года назначаются выборы в рейхстаг. Гитлер хочет упрочить свое положение, консолидировать нацистский режим в стране. Выборы требуют значительных средств. И они были доставлены нацистам. Кем? Когда?

Извольте. Вот на судебном процессе «ИГ Фарбен» обвинитель предъявляет показания фон Шницлера:

«В конце февраля 1933 года четыре члена правления «ИГ Фарбениндустри», в том числе доктор Бош, глава правления, и я, были приглашены от имени президента рейхстага (Геринга. — Авт.) на совещание, цель которого не была заранее нам указана... В нем участвовало примерно двадцать человек. Они были ведущими промышленниками Рура... В комнату вошел Гитлер, пожал всем руки и сел во главе стола. В своей пространной речи он говорил в основном об угрозе коммунизма, над которым, как он считал, была одержана решающая победа. Затем он говорил о союзе, заключенном его партией и немецкой национал-народной партией, которая в то время была реорганизована господином фон Папеном. В конце речи Гитлер перешел к вопросу, ради которого, как мне показалось, было созвано всё совещание. Гитлер подчеркнул, насколько важно, чтобы две вышеупомянутые партии получили большинство голосов на предстоящих выборах в рейхстаг. Крупп фон Болен поблагодарил Гитлера за произнесенную речь. Когда Гитлер покинул комнату, доктор Шахт предложил создать фонд для ведения избирательной кампании. в сумме примерно в 3 миллиона марок...»

Итак, трамплином, послужившим Гитлеру для прыжка к власти, явился фонд в 3 миллиона марок, собранный крупнейшими монополистами и позволивший нацистам развернуть невиданную по масштабам избирательную кампанию, одурачить немецкого обывателя и обеспечить себе успех.

Чем же фюрер сумел так привлечь на свою сторону толстосумов, что они сразу выложили на стол такую крупную сумму?

Ответ на этот вопрос содержится в документе, именуемом «меморандумом Густава Круппа», датированном 22 февраля 1933 года и посвященном тому собранию, о котором рассказывал Шницлер. Этот документ

обвинения фигурировал на нюрнбергских процессах монополий:

«...20 сего месяца я выразил канцлеру Гитлеру признательность от имени примерно 25 присутствовавших промышленников (это происходило в резиденции президента рейхстага) за то, что он дал нам столь ясную картину своих идей...»

Следовательно, Гитлер не делал тайны из своих планов и всё рассказывал господам монополистам, которые, таким образом, хорошо понимали, на какое дело они вносят свою скромную лепту: он дал им «столь ясную картину своих идей». Затем, и это не менее существенно, в меморандуме отмечается, что фюрер обещал создать «сильное авторитарное государство», в котором «экономика и коммерция могут гармонично развиваться и процветать».

Что понималось под «сильным авторитарным государством», легко понять из выступления Геринга на этом же собрании. Убеждая монополистов раскошелиться на предвыборную кампанию, он сказал:

— Жертвы, которые требуются от промышленности, гораздо легче будет перенести, если промышленники смогут быть уверены в том, что выборы пятого марта будут последними на протяжении следующих десяти лет и, может быть, даже на протяжении следующих ста лет.

Всё это дало обвинителю на процессе концерна Флика полное основание утверждать в своей вступительной речи:

— Подсудимые помогали СС и нацистскому строю, ясно сознавая умом и сердцем, какое дело они финансируют. Эта поддержка была не просто финансовой помощью, а частью тесного союза между подсудимыми и нацистским строем, который возник еще до захвата нацистами власти и оставался в силе вплоть до последних дней существования третьего рейха...

Требуется диктатор

Связи монополий с нацистской партией завязались еще задолго до 19 ноября 1932 года.

Разгром Германии в первой мировой войне и вызванное этим ослабление позиций немецких монополий на

мировом рынке, рост демократических и революционных настроений внутри страны, непрерывное усиление влияния компартии — всё это вызывало тревогу руководителей монополий. Так родилась тоска по сильному человеку, а проще говоря — по диктатору. Требовались такой человек и такая политическая партия, которые были бы способны сокрушить революционный рабочий класс и другие демократические элементы внутри Германии.

В 1926 году в своей речи перед членами федерации немецких промышленников, опубликованной в органе промышленных и банковских кругов «Дер Дейче», Карл Дуисберг, один из главных руководителей «ИГ Фарбен», говорил:

— ...Мы надеемся, что наши слова, произнесенные сегодня, будут претворены в жизнь, что найдется сильный человек, который даст для всех общую платформу... ибо он всегда необходим нам, немцам, как в свое время необходим был Бисмарк.

В другой речи Дуисберг вновь ратовал за диктатуру:

— Если Германии суждено вновь быть великой, то все классы нашего народа должны осознать, что для этого необходимы лидеры, могущие действовать, не считаясь с капризами масс... Надо надеяться, что в Германии найдется достаточное число таких людей, которые и станут вождями нашего народа. И только тогда она сможет освободиться от своих бедствий и достигнет былого величия.

«ИГ Фарбен» вела поиски диктатора и соответствующей политической партии не торопясь, в течение ряда лет. Был образован секретный политический комитет в составе четырех человек, который непосредственно подчинялся двум руководителям концерна — доктору Бошу и доктору Дуисбергу. «ИГ» снабжала правые политические партии денежными средствами, дабы влиять на исход выборов в рейхстаг. Каждые выборы обходились только одному этому концерну примерно в четыреста тысяч марок.

Уже в 1930 году стало ясно, что нацисты более всего подходят для выполнения тех целей, которые преследовал концерн. И с этого времени «ИГ Фарбен» стала делать денежные взносы в партийную кассу нацистов. По этому поводу в марте 1932 года представитель заграничного отдела фирмы «Дюпон» писал своему шефу: «Нет

никакого сомнения в том, что доктор Шмиц (председатель правления «ИГ Фарбен». — Авт.) вносит большие средства в фонд нацистской партии».

Впрочем, чем Шмиц хуже Генри Форда-старшего? Ведь этот автомобильный король, когда нацизм лежал еще в колыбели, а Гитлер был известен только завсегдатаям мюнхенских пивных, уже понял, что такое национал-социализм и кому он может принести пользу. Понял и раскошелился. 8 февраля 1923 года «Нью-Йорк таймс» писала, что недавно в Германии были арестованы «два помощника господина Гитлера, у которых найдены французские франки и американские доллары», и что вице-президент баварского ландтага Ауэр заявил по поводу этих арестов следующее: «Баварский ландтаг давно уже имел сведения о том, что гитлеровское движение частично финансируется главарем американских антисемитов Генри Фордом... Гитлер открыто хвастает поддержкой Форда и восхваляет его не как великого индивидуалиста, а как великого антисемита».

В прессе тех лет были данные и о других иностранных магнатах, оказывавших финансовую поддержку нацизму в первые годы его существования. Это были председатель англо-голландского нефтяного концерна «Ройял датч Шелл» Генри Детердинг, шведский спичечный король и международный аферист Отто Крейгер и французские директора военно-промышленного концерна Шнейдер и Крезо.

Поэтому с полным правом можно сказать, что международные монополии были крестными отцами нацизма при его рождении.

Летом 1940 года, в канун капитуляции Франции, стальной король Фриц Тиссен, один из тех, кто активно помогал Гитлеру сесть в кресло канцлера, а потом и стать диктатором, порвал со своим фаворитом и выехал из Германии. Тиссен, хорошо знавший агрессивные планы фюрера, очевидно, раньше других понял их авантюризм, а следовательно и угрозу, которую они представляют для самих монополистов. В том же 1940 году Тиссен написал книгу о нацизме, тайне его рождения и прихода к власти. Фриц Тиссен писал:

«Я обязался финансировать нацистскую партию совместно с фон Папенем, фон Шредером, Кирдорфом и Круппом фон Болен унд Гальбах. Мы являемся, так ска-

зять, гарантиями перед Германией и всем миром, что Гитлер будет вести себя хорошо... Гитлер обещал нам то, к чему мы больше всего стремились: фон Папену — власть и почет, Круппу — заказы и деньги, горы денег, а мне, в частности, — что некоторый период Германия будет проводить мирную внутреннюю и внешнюю политику. Он обещал также... ликвидировать профсоюзы и конфисковать их имущество».

В этой книге Тиссена соседствуют правда и ложь: правда, когда говорится о тех обещаниях, которые Гитлер дал господам монополистам, а ложь, когда Тиссен пытается уверить, что лично ему фюрер обещал «мирную внешнюю и внутреннюю политику».

Несмотря на это, признание Тиссена, сделанное задолго до нюрнбергских процессов, — ценное свидетельство человека, хорошо знающего, о чем он говорит.

Еще один факт, показывающий, как была открыта Гитлеру дорога к диктатуре.

Осенью 1930 года, задолго до образования третьей империи, «Пангерманский союз», идейный и политический предтеча нацизма, праздновал в Берлине свой юбилей — сорок лет с момента основания. Присутствовавший на торжестве редактор демократической берлинской газеты «Фоссише цейтунг» Гейнц Поль в книге «Скрытый враг» писал впоследствии, как происходило это собрание: «...позади Шахта сидели представители германской промышленности — их было всего несколько человек, но они олицетворяли миллиарды марок: Альберт Фёглер, председатель правления Рейнско-Вестфальского угольного синдиката, старый Эмиль Кирдорф, основатель горнопромышленного электрического концерна... и господин Блом, совладелец гамбургских верфей «Блом унд Фосс»... На переднем плане, ближе к зрителям, сидели... представители нацистской партии: Герман Геринг... и Рудольф Гесс».

Председательствовал старый Альфред Гугенберг, принадлежавший к монополистской элите, газетный король, полновластный хозяин германской буржуазной прессы. Сухой, со сморщенным лицом, поблескивая старомодными очками, он говорил с воодушевлением:

— Я с радостью узнал о том, что гитлеровская партия, олицетворяющая будущую Германию, одержала такую блестящую победу на выборах!.. Это пангерманисты

начали борьбу за германскую честь и могущество — за могущество, которое не ограничивалось бы рамками небольшой германской территории в Европе, а простиралось бы на весь мир!.. Ныне мы вплотную приблизились к нашей цели: теперь уже недолго ждать пробуждения Германии... Да здравствует Пангермания!

Так на этом собрании представитель монополий Гугенберг приветствовал равных к власти нацистов и призвал распространить германское могущество на весь мир. Каждому, кто разбирался в политике, было ясно, что означает эта формула!

По словам Поля, это вызвало восторг участников собрания: все встали, кричали, размахивали флагами со свастикой. Геринг, Гесс и их окружение подняли руки, отдавая гитлеровский салют. Оглушительные крики «хох!» и «хайль!» сотрясали зал.

Послушаем в этой связи также очень любопытные показания на суде Отто Штейнбринка. Он являлся руководителем многих промышленных предприятий концерна Флика и главным помощником Флика с 1925 по 1929 год; затем Штейнбринк — один из руководителей металлургической компании «Ферейнигте штальверке АГ». Он член наблюдательных советов и правлений многих частных и государственных предприятий, руководитель военной экономики, генеральный уполномоченный по металлургической промышленности на оккупированных территориях Северной Франции, Голландии, Бельгии и Люксембурга, член «кружка друзей Гиммлера», член президиума «имперского объединения угля и стали», бригадный генерал СС, награжденный многими знаками отличия.

Здесь мы сталкиваемся с длинным перечнем должностей и званий, наглядно показывающим, насколько тесно срослось и переплелось руководство монополий с государственным аппаратом и карательными органами третьей империи.

Итак, у пюльта Отто Штейнбринк, подсудимый по делу концерна Флика:

«...До 1930 года мы не занимались непосредственно политикой. Когда начались события 1931—1932 годов, картина изменилась... Следует помнить, что наши предприятия были расположены в наиболее беспокойных районах страны. Заводы «Риз», «Гредиц» и «Лаухгам-

мер» находились в Саксонии. Этот район всегда был под влиянием социалистов и считался самой красной частью Германии, а заводы «Бранденбург» и «Хеннингсдорф», близ Берлина, в этом смысле не уступали красной Саксонии. Руководство наших заводов боялось, как бы осложнения, которые мы пережили восемь лет назад, не возникли вновь. Я имею в виду тяжкие бои против революционных сил, которые пришлось вести в Фогтланде, в Саксонии и Риз. Всё это было еще свежо в нашей памяти».

Так Штейнбринк начинает свои показания, хорошо учитывая, что он стоит перед американскими судьями. Поэтому прежде всего он хочет объяснить, что и концерн и он лично занялись этой злосчастной политикой, имея только одну цель — борьбу с красными. Эта же цель, которая, как он надеется, хорошо понятна и близка высоким судьям, привела его и концерн в объятия национал-социализма.

«Мы внимательно следили за образованием различных политических групп и организаций. Это были «Стальной шлем», позже — СА и СС. Мы следили за развитием этих движений не только на местах, но и в Берлине. Таковы были наши первые контакты с политическими организациями».

А затем Штейнбринк стал рассказывать и о том, о чем его даже не спрашивали и о чем не принято разговаривать в добропорядочном буржуазном обществе.

«У нас были особые отношения с прессой... Нашим естественным желанием было, чтобы пресса оставила нас в покое и не мешала нам делать свое дело. Это можно было обеспечить только при наличии хороших связей с ведущими газетами... Я сам регулярно за кружкой пива встречался и обсуждал с редакторами важные вопросы... Через посредство прессы нами устанавливалась связь с депутатами рейхстага... Само собой разумеется, что депутаты рейхстага также выражали нам свои пожелания, и мы по возможности шли им навстречу».

На вопрос суда: «Какого рода пожелания это были? Вы имеете в виду просьбы о финансовой поддержке или какие-либо другие?» — Штейнбринк без обиняков ответил: «Помимо заинтересованности в информации о положении в промышленности эти пожелания касались материальных проблем. В то время каждые несколько

месяцев проводились выборы, а политические партии располагали недостаточными средствами. Через посредство представителей прессы мы получали от депутатов предложения оказать помощь той или иной партии. Часто мы шли навстречу этим требованиям, оказывали финансовую помощь, в особенности крайне левым партиям и газетам» («крайне левыми» партиями и газетами Штейнбринк называл нацистские и пронацистские).

Затем Штейнбринк поведал суду, как, начиная с 1931 года, становились всё более тесными его связи с нацистскими главарями, как он окончательно остановил свой выбор на этой партии и в 1932 году уже был посредником при переговорах Гитлера с Фликом, как, наконец, в начале 1933 года сам вступил в ряды национал-социалистов.

Защитники «деловых людей» утверждали, что господа монополисты — это люди бизнеса, а не политики, что они не допускались на секретные совещания нацистской элиты, а потому знали о сокровенных планах и особенно о замышляемых агрессивных войнах столько же, сколько и любой рядовой немец. А вот на процессе концерна Флика не в меру разболтавшийся Штейнбринк и здесь высказал особое мнение: «Летом 1932 года ко мне обратились, точнее к Фёглеру и Флику, с предложением принять участие в рассмотрении и урегулировании экономических проблем и в выработке политико-экономической линии национал-социалистской партии. Это предложение было связано с Шахтом».

Итак, «ничего не знавшие» Фёглер, Флик и Штейнбринк сами участвовали «в выработке политико-экономической линии национал-социалистской партии» накануне захвата Гитлером власти. Ценное и достоверное признание!

В 1958 году федеральный канцлер Конрад Аденауэр решил отметить семидесятипятителетие Фридриха Флика и отправил ему поздравительную телеграмму, в которой прославлял его «большую и удивительную жизнь, наполненную успехами, долгим и самоотверженным трудом».

Может быть, Флик, прочтя эту телеграмму, вспомнил, как зимой 1946 года американский следователь протянул ему газету «Пост меридиэм» от 17 декабря и сказал:

— Вот почитайте, какую вам дают оценку!

Газета писала: «Американские чиновники охарактеризовали Флика как вероятную наиболее мощную закулисную силу гитлеровской военной машины, еще большую, чем Густав Крупп фон Болен унд Гальбах...»

Так допрос Штейнбринка приоткрыл ту завесу, за которой обычно скрываются подлинные истоки политической деятельности в империалистическом государстве, показал тесную связь между этой деятельностью и целями, которые преследуют монополии.

Это случилось потому, что Штейнбринк, как и некоторые другие монополисты, под влиянием страха — как показало будущее, сильно преувеличенного — впал в шоковое состояние и на процессе начал говорить правду. В обычной обстановке этого за ним не замечалось. Что делать, Отто Штейнбринк не обладал даром предвидения, и грозные виселицы, воздвигнутые приговором Международного военного трибунала, казались ему куда реальнее, чем перспективы, которые обещал послевоенный политический климат холодной войны.

Это и был ответ на вопрос, который так мучил Шехта в одиночной камере нюрнбергской тюрьмы: что за метаморфоза произошла с людьми, среди которых он жил, работал и преуспевал? Кажется, всё серьезные были люди — люди большого бизнеса, ворочавшие миллиардами и тасовавшие целые правительства с такой же легкостью и ловкостью, с какой шулер тасует колоду карт. Сколько доверительных бесед он с ними вел, и у него никогда не было оснований упрекать их даже в неояльности, а тем паче в болтливости. Что же случилось с ними теперь, в Нюрнберге? Почему они сразу так обмякли, почему так обострилась у них память и так развязались языки?

Фонд Адольфа Гитлера

До прихода нацистов к власти сбор средств на их нужды производили различные организации гитлеровской партии, а также СС, СА и «Гитлерюгенд».

Монополистам не жаль было средств на хорошее дело, но их беспокоило отсутствие должного порядка: немало денег могло прилипнуть к рукам различных

сборщиков. Жертвователи должны быть уверены в том, что их деньги используются на основные цели нацистской партии. А для этого лучше всего организовать единый централизованный фонд помощи.

И вот 27 марта 1933 года происходит совещание. От монополистов представляют Крупп, Херле, Ашенбах. От нацистской партии — Гесс и Борман.

Крупп просит разъяснить, на какие цели пойдут средства, отныне аккумулируемые в фонде Адольфа Гитлера.

«Г-н Гесс ответил, что взносы будут затрачены на нужды СС, СА и на содержание зарубежных организаций нацистской партии.

Г-н Крупп сообщил в связи с этим, что к нему обратились с просьбой провести специальный сбор для использования средств в Австрии... Было решено, что те фирмы, которые могут внести вклад в дело борьбы за Австрию, добавят свои взносы к фонду Адольфа Гитлера.

По поводу взносов, поступивших от продовольственных фирм, было сказано, что, по договоренности между Гиммлером и Гессом, половина суммы будет передана СС, а половина — в кассу национал-социалистской партии».

Итак, основная сумма собранных монополистами средств идет на финансирование нацистских карательных организаций СС и СА, остальное — «на дело борьбы за Австрию», то есть на подготовку первого акта агрессии, совершенного потом третьей империей.

Главы монополий придавали такое значение планомерному, централизованному и контролируемому финансированию нацистской клики, как мощному рычагу действенного руководства ее политикой, что не удовлетворялись совещанием с ближайшими помощниками Гитлера — Гессом и Борманом. Они поручили Круппу, председателю «Имперского объединения германской промышленности», повести об этом переговоры с самим фюрером.

И 29 мая 1933 года Крупп сообщал о результатах этих переговоров президенту рейхсбанка Ялмару Шахту:

«Дорогой доктор Шахт!

Бесчисленные сборы денежных средств национал-социалистской партией и «Стальным шлемом» среди

германских промышленников приобрели бесконтрольный и хаотический характер; это, однако, не отвечает интересам руководства национал-социалистской партии и промышленности.

Воспользовавшись совещанием с рейхсканцлером и фюрером национал-социалистской партии, я предложил сконцентрировать все денежные сборы, производимые партией, в одном крупном фонде, который, если это окажется возможным, охватит всю германскую промышленность, включая сельское хозяйство и банки, причем взносы будут распределены равномерно и пропорционально.

Г-н Гитлер согласился со мной и просил меня подготовить всё для организации таких денежных сборов. Соответственно, я вступил в переговоры с руководителями отдельных отраслей промышленности. Было решено назвать это фондом Адольфа Гитлера».

Результаты всех этих переговоров не замедлили сказаться. Вот директива заместителя Гитлера по нацистской партии Рудольфа Гесса, изданная в августе 1933 года:

«Фонд Адольфа Гитлера основан на соглашении между центральным руководством нацистской партии и отдельными промышленными предприятиями.

Цель создания этого фонда, с одной стороны, — предоставление руководству партии средств, необходимых для выполнения задач, поставленных перед СС, СА, «Гитлерюгенд» и другими политическими организациями, с другой — дать участвующим в фонде предпринимателям уверенность, что их работа во имя возрождения германской экономики не будет заторможена безответственными и неожиданными сборами.

Я запрещаю всем членам, организациям и отделениям партии собирать деньги на предприятиях и в союзах промышленности, которые участвуют в денежных пожертвованиях в фонд Гитлера. Пожертвователи будут иметь удостоверение с моей подписью и печатью партии».

Итак, пожелание монополистов выполнено: создан единый централизованный фонд, деньги вносятся в банк, а на руках остаются официальные документы с печатью нацистской партии, удостоверяющие размер сделанного вклада. Всё привычно, всё нормально, как в каждой

добропорядочной коммерческой фирме. Но господам монополистам хочется еще, чтобы во главе фонда Адольфа Гитлера стоял свой, надежный, проверенный человек. И это осуществляется.

Крупп специальным письмом ставит в известность доктора Шахта:

«Решено создать правление этого фонда (фонда Адольфа Гитлера. — Авт.). По единодушному желанию руководителей всех союзов промышленников я, стремясь выразить тем самым благодарность фюреру от имени всей нации, взял на себя председательство в организации».

Сев в председательское кресло, Густав Крупп прежде всего привлекает к руководству этим делом других монополистов и начинает действовать со свойственной ему энергией и целеустремленностью. И 14 июня 1933 года деловым людям Германии рассылается следующее циркулярное письмо:

«Вместо одиночных сборов, которые производились различными отделениями национал-социалистской партии, организуется централизованный сбор пожертвований в фонд Гитлера во всех отраслях германской промышленности. Руководство сборами будет осуществляться кураториумом, состоящим из представителей различных отраслей промышленности. Руководство кураториумом передано господину Круппу фон Болен унд Гальбах...

...«Имперское объединение германской промышленности» и «Объединение германских работодателей» призывают все фирмы поддержать это начинание всеми средствами... Надо действовать быстро и самоотверженно, с тем чтобы провести сбор эффективно...»

Итак, документы, приведенные выше и предъявленные обвинением, свидетельствуют, что средства монополистов шли на избирательные кампании, приведшие нацистов к власти, на подготовку актов агрессии («борьба за Австрию») и, в очень значительной части, на организацию и подкармливание целой армии головорезов, объединенных в СА и СС.

У колыбели этих преступных организаций, тщательно их пестуя и опекая, стояли руководители германских монополий.

„Зондерконто С“

На процессе главарей концерна Флика впервые прозвучало это странное название — «Зондерконто С». Что за штука? И почему это ассоциируется с Гиммлером?

Чего только не делали защитники монополистов, чтобы представить Гиммлера злейшим врагом деловых людей. И вдруг обвинитель спокойно доказывает суду, что между господами из Рура и Генрихом Гиммлером давно уже установилась самая прочная дружба, основанная, конечно, на взаимной выгоде.

Понятно, что монополисты больше всего боялись революционного взрыва. Они не забыли 1918 год, Гамбург, красные знамена. И Гиммлер стал для них символом спокойствия и порядка.

Главный имперский каратель, палач не только по должности, но и по призванию, главарь СС, организатор лагерей уничтожения и газовых камер, человек, которого люто ненавидела вся оккупированная Европа, предстает на процессах монополий как близкое и доверенное лицо большого германского бизнеса.

...Династия Шредеров, ведущая свой род из Гамбурга, была испокон века банкирской. Шредеры вели дела не только в Германии. Даже в годы второй мировой войны члены этого почтенного семейства возглавляли банковские фирмы в Англии («Дж. Генри Шредер энд компани оф Лондон») и в США («Дж Генри Шредер бэнкинг корпорейшн оф Нью-Йорк»). Наконец, в их руках был кёльнский банк Штейна, им руководил барон Курт фон Шредер.

В мире большого бизнеса кёльнский банк почтительно именовался «банком королей картелей». Это привлекло к нему внимание начальника американского отдела декартелизации, прогрессивно настроенного Джеймса Мартина и его людей. Однако в марте 1945 года Мартин получил из Кёльна от командования американских частей особого назначения сообщение, что здание банка Штейна разрушено до основания, а его архивы погребены в подвалах под шестиметровым слоем битого кирпича и остатков стальных конструкций.

Мартину удалось установить адрес виллы барона Курта Шредера, и 16 апреля 1945 года он со своими сотрудниками направился туда. На вилле никого не

оказалось, зато в подвале были обнаружены разбросанные в беспорядке груды бумаг, и среди них — папка с перепиской барона фон Шредера. Некоторые письма были адресованы Шредеру как одному из руководителей нацистской партии, другие — тому же Шредеру как генерал-лейтенанту войск СС.

Несколько писем, написанных на изящных бланках без адреса и без телефона, привлекли особое внимание Мартина. На бланках напечатано было только два слова: «Рейхсфюрер СС», а внизу стояла подпись: «Г. Гиммлер». Письма Гиммлера почтенному барону отличались редкостным однообразием: рейхсфюрер требовал денег, денег и денег, требовал сотни тысяч и даже миллионы марок.

Подчиненные Мартина установили по документам, что главными клиентами кельнского банка были виднейшие деятели тяжелой промышленности Германии. Американцам попались бухгалтерские книги, в которых подробно записывались все операции по вкладам на особый текущий счет, фигурировавший под названием «Зондерконто С» («особый счет С»). С первого взгляда поражали имена вкладчиков, одних и тех же лиц, начиная с 1933 года. Это были известные всему миру руководители самых крупных германских промышленных фирм — угольных, металлургических, машиностроительных, химических, электротехнических, транспортных и других. Два обстоятельства привлекли внимание подчиненных Мартина к этому счету: во-первых, регулярный характер вкладов, примерно одни и те же суммы; во-вторых, то, что остаток денег на счете уменьшался после каждого письма Гиммлера к Шредеру.

Самого барона Курта фон Шредера удалось допросить только через два месяца после этой находки. Его обнаружили во Франции в лагере для пленных эсэсовцев. Там он предпочел сменить генеральский мундир войск СС на мундир простого ефрейтора.

Система распоряжения счетом «Зондерконто С» оказалась предельно простой. Счетом владел Вильгельм Кепплер, руководитель нацистского концерна «Герман Геринг». Когда Гиммлер нуждался в деньгах для своих чудовищных дел, он сообщал об этом Шредеру, тот — Кепплеру, и деньги выдавались без задержки. Вкладчики же, крупнейшие монополии, делали свое дело

втихомолку, не компрометируя себя открытой поддержкой карательных органов третьей империи.

Мартин и его группа начали поиски монополистов — вкладчиков «Зондерконто С». В числе других был обнаружен в своей загородной вилле один из главных руководителей концерна «ИГ Фарбен» барон фон Шницлер. Мартин допрашивал его в своем бюро во Франкфурте-на-Майне. Вот как Мартин вспоминает эти события:

«Он выглядел весьма импозантно в мягкой черной шляпе, костюме с бархатным воротником и серых гетрах; рядом с ним стояла молодая, красивая баронесса. Трудно было предположить, что фон Шницлер — преступник, один из финансовых столпов нацистского режима и вдохновителей международных авантур «ИГ Фарбен». Когда Франкфурт был взят в ночь на 28 марта 1945 года, фон Шницлер жил без всяких забот и тревог на своей вилле в нескольких километрах от города. В нашем присутствии он вел себя как хозяин дома, приветствующий прибытие пожарной команды: любезно, изысканно вежливо и в то же время так, чтобы пожарные не забывали своего места. Он предложил нам брэнди, но, убедившись, что братание с ним не входит в наши намерения, поставил бутылку на место. Однако всем своим видом он стремился показать, что наше отрицательное отношение к идее братания было необдуманым шагом со стороны американцев определенного типа.

Война не коснулась барона фон Шницлера, а если верить ему, то и он не имел к ней никакого отношения. Он хотел лишь жить и давать жить другим. Он спросил нас, скоро ли ему удастся установить связь со своими друзьями из «Империял кемикл индастриз» в Англии и с Дюпоном в Соединенных Штатах. Он выразил удовлетворение по поводу того, что недавние «неприятности» закончились. По его мнению, было крайне необходимо, чтобы он сам и его друзья как можно скорее получили возможность приняться вновь за прерванный труд и продолжать свою плодотворную деятельность...

Он отрицал всякую свою причастность к Гитлеру или нацистской партии. Он-де стоял выше всего этого. Он деловой человек, а его заводы производили то, в чем нуждались нацисты; однако нацисты приходили к нему,

а не он к нацистам. Разумеется, он никогда и ничем не помогал их деятельности. Он умышленно не вникал в дела, которые его фирма вела с правительством; этим занимались другие директора».

Мартин рассказывает, что, хотя допрос длился несколько часов, барон держал себя весьма непринужденно. Его неоднократно предупреждали об ответственности за дачу ложных показаний, но он держался уверенно, говорил спокойно и убежденно, на превосходном английском языке. Слушая его, можно было подумать, что книги с «Зондерконто С» находились где-то за тридевять земель и относились к незапамятным временам. Возможно, Шницлер не подозревал, что эти книги найдены, и потому так беспардонно лгал. Однако, отмечает Мартин, если бы даже он и знал об этом, то со своей точки зрения был бы не в состоянии постичь всю несовместимость своего положения бизнесмена, стоящего якобы в стороне от политики и не интересующегося преступными делами правительства, с записями в бухгалтерских книгах о регулярных взносах на «Зондерконто С», достигавших по меньшей мере 40 тысяч долларов в год. У Шницлера было свое представление о мире; он считал, что можно платить взносы для каких-то «дел» и оставаться в то же время совершенно непричастным к ним.

Джеймс Мартин в течение нескольких лет в период второй мировой войны изучал экономику и характер деятельности германских монополий и их связей с монополиями американскими. Он был видным специалистом в этом вопросе. Однако при первой встрече с Шницлером, по соображениям тактическим, Мартин решил разыграть из себя простака. Шницлер попался на эту удочку.

Мартин так описывает этот эпизод:

«Для того чтобы дать ему возможность свободно высказаться во время нашей первой беседы, я сделал вид, что мне никогда не приходилось слышать ни о фирме «ИГ Фарбен», ни о фон Шницлере. Для начала я спросил у него, какова его профессия. Когда он ответил мне, что был директором «ИГ Фарбениндустри», я поинтересовался, что это значит. Он сказал, что это название компании. Тогда я спросил у него, чем занималась эта компания, что она выпускала — обувь, суда или ткани.

Он ответил, что это была очень крупная химическая фирма».

Естественно, что, пока сыпались вопросы в том же духе, выдававшие полное невежество тех, кто призван был расследовать его деятельность, фон Шницлер оставался совершенно спокойным. Он сидел слегка откинувшись назад в кресле, со слабой самодовольной усмешкой, удивленно поднимая брови. Хищный римский нос и пронизывающий взгляд, вспоминает Мартин, делали его похожим на коршуна, готового броситься на свою добычу. И в течение всей беседы он продолжал плести свою ложь без тени смущения.

Только к концу второй беседы фон Шницлер попытался выяснить, с кем же он имеет дело. В это время один из сотрудников Мартина опрометчиво назвал его по имени. На какое-то мгновение глаза барона сощурились: он силился что-то вспомнить. Самодовольная усмешка исчезла. Затем он спросил американцев, удовлетворены ли они полнотой и искренностью его ответов и не хотят ли, чтобы он уточнил какие-либо детали. Причина такой перемены вскрылась несколько позже, когда американцы нашли в архивах химического барона экземпляр доклада о деятельности «ИГ Фарбен», подготовленного Мартином для сенатской комиссии в 1944 году. Там фамилия автсра доклада была подчеркнута зелеными чернилами. Очевидно, поэтому фон Шницлер не выказал особенного удивления, когда после беседы с американцами его посадили в тюрьму по обвинению в даче ложных показаний представителям военной администрации.

Когда следственные органы США продолжили начатое Мартином расследование, касающееся «Зондерконто С», то они обнаружили много нового и весьма любопытного.

Оказалось, что господа из Рура не только щедро вносили средства на «Зондерконто С», но и создали специальный «кружок друзей» рейхсфюрера СС, который организовано заправлял всем этим делом. Открытие «Зондерконто С» — одно из мероприятий этого кружка.

25 февраля 1936 года уже знакомые нам директор кельнского банка «Дж. Г. Штейн» барон фон Шредер и один из руководителей концерна Флика Штейнбринг

отправили письмо профессору Эмилю Г. Мейеру, унтерштурмфюреру СС, члену правления дрезденского банка.

Письмо гласило:

«После двухдневной поездки по Мюнхену, на которую нас пригласил рейхсфюрер СС в декабре прошлого года, кружок друзей решил, что каждый из нас — в зависимости от возможностей — внесет определенную сумму в распоряжение рейхсфюрера на специальный текущий счет С («Зондерконто С»), который будет создан банковской фирмой «Дж. Г. Штейн» в Кёльне для использования в специальных целях вне бюджета. Это позволит рейхсфюреру полностью рассчитывать на своих друзей. В Мюнхене было решено, что нижеподписавшиеся будут иметь полномочия решать и определять вопросы, связанные с этим фондом.

Теперь этот текущий счет уже создан, и мы хотим, чтобы каждый из участников знал, что если он хочет сделать финансовый вклад на имя рейхсфюрера для упомянутых выше целей, будь то от имени своей фирмы или от имени кружка друзей, то он может направить деньги банковской фирме «Дж. Г. Штейн» в Кёльне (текущий счет рейхсбанка, почтовый счет № 1392) на специальный счет С».

Рожденный монополиями, «кружок друзей Гиммлера» вскармливал эсэсовских головорезов «в специальных целях, вне бюджета». Начнется вторая мировая война, и весь мир узнает об этих целях: благодарный Гиммлер и его люди помогут монополистам грабить на захваченных территориях и поставят на их предприятия сотни тысяч рабов, угнанных из оккупированных гитлеровцами стран.

Члены «кружка друзей Гиммлера» не ограничивались денежными взносами. Они поддерживали тесные личные отношения с Генрихом Гиммлером и его подручными. 18 февраля 1937 года один из членов кружка, директор «Дрезденер банк» К. Раше, получил за подписью Штейнбринка письмо:

«Лично.

Дорогой доктор Раше!

Как было договорено, расходы, связанные с приятным вечером, проведенным с рейхсфюрером СС и его

друзьями 9 февраля, должны быть разделены. Пока мы внесли аванс.

Прошу Вас перевести Вашу долю в сумме 24 000 германских марок на текущий счет № 51551 в Берлине, принадлежащий «Миттельдейче штальверке АГ». Берлин.

Хайль Гитлер!»

Что касается самого Штейнбринка, то он общался с Гиммлером и в ресторанах и в интимной домашней обстановке.

Вот короткая выдержка из протокола судебного заседания по этому вопросу:

— Обвинение утверждает, что вы были хорошо знакомы с Гиммлером. Я хочу знать, были ли у вас тесные личные отношения с Гиммлером? — спрашивает судья.

— Я должен ответить утвердительно, — говорит без колебаний Штейнбринк. — На протяжении 1932 и 1933 годов я часто встречался с Гиммлером... Я дважды приглашал Гиммлера к себе домой... Во второй раз Гиммлер был гостем в моем доме, насколько я помню, во второй половине 1934 года. Он пришел на этот раз вместе с Шахтом, Кепплером и Кранефуссом... Я был только один раз в доме Гиммлера в Мюнхене. Это было в начале 1934 года, а может быть — в конце 1933-го. В ответ на гостеприимство Гиммлера я просил Гиммлера с женой, его адъютанта Гейдриха с женой пообедать со мной в отеле в Мюнхене. Помимо этого, я в полуофициальном порядке изредка посещал Гиммлера в его поместье в Тегернзее.

Во все века бытовало неписаное правило: услугами палачей пользуются, но им не подают руки, их не сажают за свой стол. Штейнбринк, как и другие монополисты Германии, пренебрег этими условностями.

Обвинители кладут на стол суда еще один документ, показывающий, что монополии начали подкармливать эсэсовцев задолго до прихода Гитлера к власти.

Оглашается письмо Штейнбринка от 28 декабря 1938 года Карлу Раабе, члену правления фликковских заводов «Максимилиан Хютте»:

«Из Вашего письма неясно, имеете ли Вы в виду взносы на нужды отрядов СС и СА. Если это касается

отрядов СС, то Вы можете спокойно сослаться на то, что в соответствии со специальным соглашением между нашей группой и рейхсфюрером СС мы обязались все суммы денег вносить непосредственно рейхсфюреру СС. Такое соглашение существует с 1931 года...»

Рурские магнаты осыпали своими милостями не одного Гимmlера. Они хорошо разобрались в характере Германа Геринга, который любил коллекционировать произведения искусства и драгоценности.

Вот счет, который галерея старинного искусства в Мюнхене предъявила 12 января 1939 года одному из директоров «ИГ Фарбен» Крауху:

«Согласно Вашему указанию мы направляем подарок ко дню рождения высокочтимому фельдмаршалу и министру-президенту Герману Герингу.

Масло на дереве 52×38. Мать прижимает к груди младенца. Работа фламандского мастера. Стоимость, 38 000 марок, просим перевести на наш текущий счет в дрезденском банке. Мюнхен».

Краух решает, что одной картины мало, надо добавить наличными, и в тот же день, 12 января 1939 года, пишет Герингу:

«Высокочтимый

господин фельдмаршал!

По случаю Вашего дня рождения мы позволяем себе передать Вам, глубокоуважаемый фельдмаршал, наши сердечные поздравления.

Смею ли я, от имени нашей фирмы, как знак нашей искренней привязанности, передать в Ваше распоряжение сумму денег с просьбой, чтобы, учитывая разнообразие Ваших интересов, Вы сами любезно согласились решить, как ее использовать».

Брак по расчету, заключенный между монополистами и гитлеровской партией, предусматривал не только крупные денежные субсидии нацистам. Германские монополии еще задолго до войны принимали активное участие в шпионаже, а также вели нацистскую пропаганду за рубежом.

По стезе шпионажа и доносов

На суде обвинитель задал члену правления «ИГ Фарбен» Шнейдеру неожиданный вопрос:

— Можете ли вы рассказать трибуналу о том, как и когда вас назначили главным агентом абвера?

Казалось бы, что общего между крупным дельцом Шнейдером и абвером — разведкой и контрразведкой верховного командования германских вооруженных сил? В действительности широкое сотрудничество монополий и нацистского правительства в подготовке агрессивных войн имело свою логику. И эта логика диктовала самые разнообразные формы взаимодействия господ из Рура и руководителей третьей империи. Естественно, что разведка не могла остаться за пределами этого сотрудничества. Гигантский аппарат монополий, как внутри Германии, так и за границей, был пригоден для этой цели. Вот почему такое взаимодействие стало неизбежным.

Разведкой занимались все крупнейшие германские монополии, связанные с военным производством. Ограничимся примерами из деятельности «ИГ Фарбен», ибо деятельность этого концерна на ниве шпионажа как бы вобрала в себя опыт всех «деловых людей».

На суде Шнейдер показал, что начальник абвера адмирал Канарис в письме, адресованном председателю правления «ИГ Фарбен» тайному советнику Шмицу, просил его назвать имя влиятельного деятеля, подходящего для работы в качестве главного агента разведки по этому концерну. Шмиц рекомендовал Шнейдера. Отдавая дань времени, Шнейдер пытался убедить трибунал, что он согласился на это назначение неохотно и только в результате давления, оказанного на него в условиях военного времени. Шнейдер не пощадил своих коллег и конкурентов по большому бизнесу.

«ИГ Фарбен», сказал он, был не единственным трестом, сотрудничавшим с ОКВ (германское верховное командование) в этом отношении. Это делали и другие фирмы, такие, как АЭГ и Симменс. Шнейдер мог бы добавить и Круппа, ибо Крупп тоже грешил по части шпионажа.

Надо отдать Шнейдеру должное: длительное сотрудничество с военной разведкой сделало его язык лаконичным и четким. Читая его показания, можно подумать,

что он еще сидит в кабинете адмирала Канариса и делает ему очередной доклад: во-первых, во-вторых, в-третьих...

— Какие организационные меры были предприняты после вашего назначения? — спрашивает обвинитель.

— Прежде всего, я создал в Берлине отделение «Бюро А», которое часто упоминается в документах обвинения, — отвечает Шнейдер.

— Каковы были обязанности главного агента контрразведки («Бюро А»)?

— Во-первых, — методично излагает Шнейдер, — инструктирование всех агентов контрразведки и на заводах; во-вторых, передача всех экономических и банковских отчетов относительно экономического и политического положения за границей, поскольку «ИГ Фарбен» через нейтральные зарубежные страны имела доступ к этим материалам; в-третьих, получение через связных «ИГ Фарбен» отчетов и газетных статей об экономическом положении за рубежом; в-четвертых, отчеты относительно состояния промышленности и иностранных заводов; в-пятых, выдержки из корреспонденций и писем знакомых и друзей за рубежом; в-шестых, деловые знакомые, приезжающие из-за границы, и служащие «ИГ Фарбен», возвратившиеся из поездок за границу, которых следовало связать с представителями контрразведки; в-седьмых, предъявлялось требование, чтобы тайные агенты абвера были использованы на работе в зарубежных отделениях «ИГ Фарбен». Таковы те области, в которых ОКВ требовала сотрудничества «Фарбениндустри».

Господа монополисты сотрудничали не только с абвером, но и с нацистскими карательными органами. Шнейдер и тут оказался человеком весьма сведущим.

— Имели ли вы какие-нибудь политические обязанности на предприятиях перед гестапо, СД, ЗИПО и РСХА? ¹ — спрашивает у Шнейдера обвинитель.

— Да, мы должны были делать доклады, например сообщать о недовольстве, нарушениях трудовой дисциплины, политических делах и так далее.

— Политических делах и так далее... Что вы имеете в виду?

¹ СД — служба безопасности; ЗИПО — полиция безопасности; РСХА — главное управление имперской безопасности.

— Если становилось известно от кого-нибудь из служащих или через секретные каналы, что кто-то высказывался, скажем, против национал-социалистской системы или против Гитлера, или делал еще какие-либо заявления подобного рода, то о таких вещах следовало докладывать.

Шнейдер по тактическим соображениям избрал на суде позу кающегося грешника. Впрочем, каялся он с рядом оговорок. И обвинители, дополняя его показания, огласили некоторые документы.

Весьма интересными оказались выдержки из протокола совещания агентов разведки «ИГ Фарбен» от 29 ноября 1940 года, подписанные подсудимым фон дер Хейде.

«Приветствовав присутствующих, д-р Шнейдер дал характеристику новой разведывательной организации «ИГ Фарбен», которая необходима для целей ОКВ. Он разъяснил цели и назначение этой организации, задачи главных агентов разведки и их заместителей. Он специально подчеркнул, что обычные агенты разведки получают инструкции только от своего отделения абвера, а главным агентам поручена координация функций разведывательных органов «ИГ Фарбен». Д-р Шнейдер затем сообщил о распределении обязанностей».

Из многочисленных документов, раскрывающих шпионскую деятельность концерна, пожалуй, наиболее примечательным являлся протокол совещания от 2 мая 1941 года.

...Май 1941 года. Уже почти вся Западная Европа захвачена Гитлером; разрушен Белград и подверглась агрессии Югославия; агонизирует Греция; гитлеровские дивизии открыто концентрируются на границах СССР. Руководство «ИГ Фарбен» продолжает свою помощь делу агрессии. И продолжает неплохо. Вот выдержки из протокола совещания от 2 мая 1941 года:

«После того как доктор Шнейдер открыл заседание, майор Блох от имени адмирала Канариса и полковника Пикенброка (заместитель начальника абвера. — Авт.) поблагодарил «ИГ Фарбен» за ценное сотрудничество и поддержку в области военной разведки в вопросах экономики, и в особенности военной экономики. Майор Блох затронул также проблемы, особенно важные в настоящем и будущем. Он потребовал дальнейшей поддержки усилий вермахта со стороны «ИГ Фарбен». Он

подчеркнул, что особенно важна работа в следующих странах: Британская империя, США и СССР».

Затем выступил д-р Хейде.

«В своем докладе доктор Хейде изложил намеченные пути сотрудничества между «ИГ Фарбениндустри» и абвером и остановился на том, как опыт сотрудничества должен быть использован в будущем для систематической и эффективной деятельности. Он разъяснил, почему именно теперь, в военное время, необходимо активизировать все усилия для выполнения намеченных задач, и подчеркнул, что сотрудничество «ИГ Фарбен», как и сотрудничество всей германской экономики в целом, с вермахтом ни в коем случае не должно прерваться с окончанием войны. Напротив, необходимо, в особенности после победоносного завершения войны, установить методическую деятельность всех германских концернов в области военной разведки, уделив особое внимание вопросам военной экономики. При этом следует действовать более систематически, нежели до сих пор. В будущем генеральная линия должна быть следующей: не должно быть ни одной поездки за границу, ни одного пребывания, ни одного возвращения из-за границы, ни одного доклада из-за границы, ни одного обмена новостями и опытом с иностранными государствами без того, чтобы в первую очередь не принять во внимание — заинтересован ли в этом абвер вермахта или его иностранные отделения».

Итак, концерны должны заниматься тотальным шпионажем во время войны для ее успешного завершения и тотальным шпионажем в мирное время для столь же успешной подготовки к новой войне. И эту сторону своей деятельности надо постоянно и всемерно совершенствовать. Вечные войны и их вечная тень — шпионаж, — такова радужная перспектива, которую сулили человечеству в 40-х годах XX столетия руководители «ИГ Фарбен».

Никого из собравшихся на этом совещании господ не смущало то обстоятельство, что ни США, ни Советский Союз не находились тогда еще в состоянии войны с Германией. Дело, однако, не в таких формальностях: господам из «ИГ Фарбениндустри» хорошо было известно, что подготовка Германии к нападению на СССР уже совсем скоро будет завершена. А в этих условиях разве

можно игнорировать тот факт, что в Советском Союзе имелось много заводов синтетического каучука, — никто не должен упрекнуть Крауха и Шницлера в том, что они недооценили для себя все выгоды подготавливаемой войны.

На совещании было решено, что каждый сотрудник «ИГ Фарбен», выезжающий за границу по делам коммерческим, должен выполнять шпионские задания вермахта. «ИГ Фарбен» обязалась также брать на работу в свои представительства за границей секретных агентов абвера, в целях более надежной маскировки этих агентов. Все коммерческие отчеты представительств «ИГ Фарбен» за рубежом должны обрабатываться в «Бюро А», и всё, что может быть полезно абверу, должно туда передаваться.

Вот какие документы становились достоянием человечества на нюрнбергских процессах германских монополий!

Из этих документов явствует, с каким тщанием доктор Шнейдер выполнял свои шпионские функции. Теперь можно судить, насколько он был правдив, когда в суде заявлял, что стал на дорогу шпионажа и доносов «неохотно и под давлением».

Обвинители не ограничились только тем, что доказали тесную связь абвера с монополиями. Они представили трибуналу некоторые плоды шпионской деятельности рурских господ.

Вот, например, Азотный синдикат, входивший в состав концерна «ИГ Фарбен». Он имел специальный функциональный отдел — разведывательный, который, пользуясь своими деловыми связями, добывал для вермахта ценнейшие шпионские данные.

Один из таких докладов Азотного синдиката — на столе суда. 4 мая 1939 года этот совершенно секретный документ получили д-р Мюрек из штаба ОКВ и имперский уполномоченный по делам химической промышленности д-р Краух.

В сопроводительной указывалось:

«Английские химические заводы для производства первичного азота в Моссенде близ Глазго и Мертир Тидфил близ Кардиффа.

Мы прилагаем информационное письмо разведывательного отделения Азотного синдиката, из которого

явствует, что Британское военное министерство построило два завода для производства первичного аммиака на севере и востоке Англии. Эти заводы построены «ИКИ».

Оба вышеупомянутых завода, общей производственной мощностью от 60 до 100 тысяч тонн азота в год, смогут, если подсчеты правильны, покрыть всю потребность английских заводов в первичном азоте для производства высококонцентрированной азотной кислоты, даже если заводы Биллингама будут выведены из строя».

Обвинители постарались, чтобы всё было тщательно документировано, и кладут на стол суда еще один документ — Меморандум военно-экономического отделения верховного командования вермахта, из которого видно, какое значение имели эти шпионские данные для германского верховного командования.

В концерне «ИГ Фарбен» не только «Бюро А» занималось шпионажем — промышляли этим и некоторые другие отделы.

В этой связи интересны воспоминания Ричарда Сэсюли, который после войны в составе группы полковника Бернштейна расследовал деятельность «ИГ Фарбен».

Говоря о Максе Илгнере, видном руководителе «ИГ Фарбен», впоследствии представшем перед Военным трибуналом, Сэсюли пишет:

«Крупнейший отдел его конторы, выполнявший важнейшие разведывательные функции, носил внешне невинное название статистического отдела. Функции этого статистического отдела один из работников «ИГ Фарбен» описал следующим образом:

«Наше дело было готовить... всякие документы, досье, доклады, карты и цифровые данные, какие нам приказывали офицеры верховного командования вооруженных сил; пополнять их материалами как нашего отдела, так и архивов, находившихся в распоряжении верховного командования вооруженных сил; готовить доклады и карты о промышленности и сельском хозяйстве за границей, особенно об узких местах в производственных мощностях и в снабжении сырьем; делать запросы о производстве... и готовить доклады об экономическом положении иностранных государств».

Все эти функции входят в круг обычной деятельности

разведывательной службы. Что здесь примечательно, так это тот факт, что гитлеровское верховное командование систематически использовало для получения разведанных германские монополии. Еще примечательнее признание самого Илгнера в том, что такие отношения с верховным командованием были установлены еще в 1928 году, во времена Веймарской республики.

Как всегда, операции «ИГ Фарбен» были внешне respectable. Руководителем отдела статистики у Илгнера был д-р Рейтингер, считавшийся одним из лучших специалистов в этой области. Он много путешествовал по США, Англии, Советскому Союзу и в каждой из этих стран встречался с виднейшими статистиками и экономистами, общаясь с ними на почве научных интересов и договариваясь о взаимном обмене статистическими данными.

Военное ведомство настолько высоко ценило разведывательную службу «ИГ Фарбен» вообще, и в частности, некоторые определенные ее работы, вроде составления обзоров объектов авиационных бомбардировок, что одной из серьезных забот Илгнера было предотвращение захвата, в буквальном смысле слова, ряда отделов его конторы верховным командованием вооруженных сил. В конце концов некоторые молодые сотрудники были зачислены на военную службу и надели военную форму, но остались на своих старых постах в разведывательной службе «ИГ Фарбен».

Так на судебных процессах с исчерпывающей ясностью было установлено, что руководители германских монополий поставили свой аппарат на службу разведки и контрразведки и тем самым способствовали подготовке и ведению гитлеровских агрессивных войн.

В одной упряжке с доктором Геббельсом

Приход Гитлера к власти вызвал во всем мире большую тревогу: слишком хорошо была известна человеконенавистническая программа нацистской партии. Демократические организации в ряде стран начали широкую кампанию по разоблачению разбойничьей сущности нацистского режима.

Но и тут на помощь Гитлеру приходят «деловые люди». Они берут на себя организацию фальсификаторской пропаганды за границей в пользу нацистского режима.

...Идет допрос Вильгельма Рудольфа Манна. В 1932—1945 годах он — член правления «ИГ Фарбен», руководитель ряда крупнейших предприятий концерна, член нацистской партии, штурмфюрер СА, член Германского трудового фронта, фюрер военной экономики, имперский хозяйственный судья, член совета по пропаганде германской экономики при министерстве пропаганды... В общем — уже знакомое нам переплетение должностей и званий.

Вот он сидит на скамье подсудимых, как раз на том месте, которое занимал на Нюрнбергском процессе Фриц Заукель, главный работорговец гитлеровской Германии. В этом есть свой резон: ведь концерн «ИГ Фарбен» являлся одним из основных потребителей рабского труда, а рабов поставлял из разных стран Европы повешенный в 1946 году в Нюрнберге Фриц Заукель.

Манн высокого роста. Залысины искусственно увеличивают его лоб. Редкие волосы зачесаны наверх. Он сидит, сложив руки на груди. Глаза прикрыты очками.

Манн дает показания своему адвокату Берндту. Защитник спрашивает, что известно Манну о пропаганде нацистских идей за рубежом. Манн выражает удивление — может быть, адвокат имеет в виду «пропаганду товаров» концерна? Если так, он готов сообщить в общем ту банальную истину, что никакие торговые фирмы не могут обходиться без хорошо поставленной рекламы.

— Продажа товаров, производившихся концерном за границей через магазины, требовала хорошо организованной рекламы. Для этой цели, господин адвокат, мы создали мощный аппарат, но мы никогда не использовали его в интересах национал-социалистской пропаганды.

Берндт. Я должен перебить вас. Не откажите в любезности пояснить нам разницу между понятиями «пропаганда» в странах английского языка и в Германии.

Манн. На английском языке слово «пропаганда» имеет политический оттенок, а на немецком, для нас, это означало лишь одно — реклама товаров.

Берндт. Тогда что вы можете сказать по поводу утверждения обвинения о том, что вы вели пропаганду национал-социалистских идей за рубежом?

Манн. Я могу сказать только то, что любые предложения германских властей, имевшие своей целью погнудить нас одновременно с рекламной деятельностью заниматься пропагандой национал-социализма, неизменно отвергались нами.

Уже Нюрнбергский процесс главных военных преступников показал, сколь рискованно голословное отрицание фактов в условиях, когда обвинители располагают многими подлинными документами. А ведь на процессах монополий участвовало немало адвокатов, ранее осуществлявших защиту на большом Нюрнбергском процессе. Это уже были стреляные воробьи. Поэтому Манн, — видимо, по совету своего адвоката, — уже в этом диалоге с защитником постепенно стал сползать со своей первоначальной позиции. Манн готов признать, что под его руководством кое-какая «разъяснительная работа» велась. Он, правда, не любит слово «пропаганда», особенно в английском его понимании. Оказывается, с приходом Гитлера к власти за границей была организована широкая кампания политического и экономического бойкота третьей империи.

— В 1934 году, когда наступил кульминационный пункт этой кампании, я счел своим долгом, в целях защиты коммерческих интересов «ИГ Фарбен», распространить через наших агентов за границей информацию, которая, как я был уверен, должна была раскрыть картину жизни в Германии. Я хочу подчеркнуть, что всё, что делалось мною в этой области, имело своей целью лишь защиту коммерческих интересов компании.

Манну, видно, самому понравился его ответ. Но ведь никто не спорил против того, что всё предпринимаемое «деловыми людьми», в конечном счете, диктовалось интересами их коммерческой деятельности. Сам Гитлер и его банда потребовались им для целей коммерческих, для упрочения власти монополий.

На этом диалог между Манном и его адвокатом заканчивается. Наступает самая неприятная пора — пора перекрестного допроса. К пульту подходит обвинитель Кауфман. У нее свое мнение о «рекламной деятельности» господ из «ИГ Фарбен».

Вот на стол суда кладется любопытный документ: циркуляр, разосланный всем филиалам «ИГ» за границей и за океаном. Он датирован 29 марта 1933 года и подписан: «Манн — руководитель отдела сбыта фармацевтического комбината „ИГ Фарбениндустри“». Заголовок гласит: «Содержание: агитация против германских товаров за границей». Ничего особенного, чисто коммерческий документ! Но в нем содержатся чисто геббельсовские перлы:

«Национальная революция в Германии (захват власти Гитлером в 1933 году. — *Авт.*), которая явилась естественной реакцией на неразбериху последних лет и не в меньшей степени — на марксистско-коммунистическую агитацию, протекала в обстановке невиданного спокойствия и порядка. Нынешнее германское правительство с полным основанием может считать, что оно одержало победу над большевизмом... победу, которая окажется благом не только для Германии, но и для цивилизованных народов всего мира. Эта битва была проведена методами, демонстрирующими стремление к самодисциплине и готовность следовать твердому руководству. Тем более достойно сожаления, что некоторые — их было очень немного — незначительные инциденты, которых, практически говоря, нельзя избежать при осуществлении революции таких гигантских масштабов, были использованы большей частью иностранной прессой как повод для распространения пропаганды о жестокости Германии под лозунгом: „Саботируйте покупку германских товаров“».

Уже тогда весь мир знал, с какими жестокостями и провокациями был связан приход Гитлера и его клики к власти. Провокационный поджог рейхстага Герингом и последовавшие за ним массовые расправы с политическими противниками волновали в те дни совесть человечества. И в это время руководство «ИГ Фарбен» идилично рисует мирные картины «национальной революции», разумеется, используя любимый козырь реакции — антикоммунизм.

Уже подвергаются пыткам первые сотни жертв в подвалах гестапо, уже появляются, как результат таких «допросов», первые трупы и изувеченные люди. Уже на улицах германских городов находят обезображенные тела политических противников нацизма. СС и СА

разминаются и тренируются. Уже идет расовая травля и издевательства над евреями. Уже течет кровь. А господин Манн живописует лживо и цинично:

«Германия всегда была и остается страной идеального порядка и самодисциплины и теперь может рассчитывать на то, чтобы ее причислили к числу самых спокойных стран Европы. Безопасность каждого человека гарантирована во всех отношениях, и никакого вреда не причиняется никому, даже политическим противникам и евреям».

Циркуляр «чисто рекламного характера» заканчивается призывом Манна ко всем зарубежным служащим этой фирмы — стать внештатными пропагандистами геббельсовского ведомства. Попутно даются указания, как это конкретно осуществить:

«Мы поэтому настоятельно просим вас тотчас же по получении письма приложить все усилия к разъяснению подлинных фактов тем способом, который окажется наиболее подходящим и приемлемым для особых условий вашей страны. Это может быть сделано путем посещения ведущих деятелей страны или редакторов газет, относящихся к числу наиболее влиятельных, либо путем рассылки циркуляров нашей клиентуре. Мы просим, в частности, выделить ту часть письма, где говорится, что в измышлениях о жестокостях, которые распространяют за границей, нет ни слова правды».

Понятно и примечание к циркуляру:

«Это письмо должно храниться в специальной папке под серийным номером под личную ответственность адресата. Приложенная к письму форма — уведомление о получении письма — должна быть возвращена секретариату правления ФАРМА, Леверкюзен». Да, пренебрежительный документ.

Обвинитель спрашивает у Манна:

— Вы знали, когда вступали в нацистскую партию, что официальная ее программа предусматривает исключение евреев из экономической жизни Германии?

Подсудимый начинает бормотать, что он припоминает, что «некоторые идеи такого характера действительно были отражены в программе...» Но он не может объяснить, почему он писал, что евреев в Германии не притесняют.

Обвинитель спрашивает Манна, известно ли ему было, что евреев и других политических противников увольняют с государственной службы в Германии.

— Я слышал о некоторых случаях в этой связи, — говорит Манн.

— Ограбление евреев?

— Но мы были уверены в том, что экономические меры против евреев носили временный характер!

Как будто ограбление бывает временным!

Манн явно начинает нервничать, но не может найти ответ на поставленные ему вопросы.

Обвинитель продолжает наступление. Вот и новый документ — еще одно свидетельство того, что начальник отдела сбыта «ИГ Фарбен» руководствовался при распространении информации лишь «коммерческими целями». 14 декабря 1933 года за подписью Манна всем зарубежным представителям фирмы рассылается новое циркулярное письмо № 27. К нему приложена сопроводительная, чтобы сразу было ясно, о чем пойдет речь:

«По случаю предстоящего Нового года мы в детальном письме даем для наших представителей за границей обзор экономической и политической ситуации в Германии на текущий момент».

А дальше идет открытый панегирик гитлеровской тоталитарной диктатуре:

«Потребовалось почти полтора десятилетия внутренних беспорядков, которые привели Германию на край пропасти, чтобы стала очевидной несовместимость парламентских форм правления, пригодных для других западных стран, с германскими условиями. Президент рейха подчинился воле германского народа, и 30 января 1933 года лидер национал-социалистской рабочей партии Адольф Гитлер стал канцлером германского рейха. Устаревшая парламентская система, ослабленная борьбой политических идей, должна была уступить место концепции политического руководства».

Перед новым правительством после прихода к власти возникли огромные трудности. Внутри страны назревала гражданская война, которая грозила разразиться в любую минуту».

Причесав на свой лад историческую правду, господа монополисты дают «добро» кровавой практике гитлеровской государственной машины и пытаются всё это оправ-

дать, всё, включая провокационный поджог рейхстага, учиненный Герингом:

«Новое правительство приступило, однако, к работе без колебаний и с величайшей энергией. За несколько месяцев обстановка радикально изменилась. Внутри Германии пожар в рейхстаге послужил сигналом к борьбе против коммунистов и марксистов, которые готовы были путем вооруженного восстания вновь привести Германию на край пропасти. Правительство вмешалось и железной рукой очистило страну».

Обвинитель предъявляет документ, из которого видно, что Манн направил для бразильского радио текст антикоммунистических лекций.

— Ну и что ж, — говорит Манн. — Меня просил президент Бразилии подготовить ему материалы для его выступления по радио против коммунизма.

Забавно ведь, что бразильский президент обратился за материалами не к своим собственным реакционерам, и даже не к Геббельсу, а к концерну «ИГ Фарбен», который уже так хорошо зарекомендовал себя как организатор антикоммунистической пропаганды.

Обвинитель, освежая память подсудимого, сообщает ему и другие факты: Манн направил для распространения представителю концерна в Брюсселе текст речи Гитлера, произнесенной на нацистском партийном съезде 30 января 1934 года.

— Ну и что же, что здесь страшного? Ведь эта речь была опубликована во всех газетах мира и передана по радио.

Манн удивлен, что его упрекают в распространении этой речи.

Но если она так широко опубликована, то зачем же ее распространять за границей? Подсудимый не может ответить на этот вопрос.

А между тем обвинитель предъявляет всё новые и новые документы. В поте лица конкурируют с Геббельсом ближайшие коллеги господина Манна из правления «ИГ Фарбен» или из ее «политико-экономического отдела» (недурное название для фирмы, владельцы которой стоят «вне политики»).

Вот, например, строго секретное письмо политико-экономического отдела «ИГ Фарбен», извещающее ответственных сотрудников концерна, что господа

монополисты из разных фирм, с благословения Геббельса, создали за свой счет специальное информационное агентство в Аргентине, чтобы влиять на прессу этой страны и направить ее на пронацистский путь:

«Мы обсудили вышеупомянутый вопрос в деталях с германским пресс-атташе в Аргентине и с компетентным референтом имперского министерства пропаганды. Нам сообщили, что речь идет о создании информационного агентства в целях завоевания дополнительного влияния в аргентинской печати таким образом, чтобы об этих целях не было известно аргентинцам. Для проведения такой маскировки было создано при посредстве председателя торговой палаты Шмица чисто аргентинское агентство; служащие агентства не информированы о его связях. Помимо президента Шмица только руководители семи германских фирм были информированы о подлинном характере этого агентства. Кроме посла и пресс-атташе никто из правительственных и партийных чиновников не имел сведений о подлинном положении дела. Поскольку данная служба может функционировать только в том случае, если ее связи останутся неизвестными общественности, нас также просили, чтобы внутри «ИГ» по возможности лишь небольшая группа была поставлена в известность об этом деле».

Вот вам и чисто коммерческая, рекламная деятельность «ИГ Фарбен» за рубежом!

Обвинитель предлагает суду ознакомиться с коротким, но очень характерным письмом, которое подсудимый, член правления «ИГ Фарбен», Макс Илгнер направил 7 октября 1936 года руководителю немецких нацистов в Аргентине, некоему Фрицу Кюстеру:

«Дорогой господин Кюстер!

К сожалению, нам не удалось часто видеться в Буэнос-Айресе из-за Ваших, а также моих поездок по стране, но я смог обсудить многие проблемы с м-ром Симсеном, а экономические — с д-ром Эссыгом. Эти беседы были очень ценными для меня и, я уверен, окажутся очень полезными и для Вас.

Могу ли я предложить, в знак благодарной памяти о моих встречах с членами партии в Буэнос-Айресе, прилагаемые два экземпляра книги фюрера? Я прошу Вас подарить их тем германским согражданам, которые сделали ценный вклад в наше общее дело.

Я позволю себе просить отделение АГФА (филиал «ИГ Фарбениндустри», специализировавшийся на фототоварах. — Авт.) в Буэнос-Айресе переслать Вам также камеру АГФА Мувекс и увеличитель АГФА Мувекс, с тем чтобы дать возможность Вашей ландсгруппе информировать общественность о Вашей работе при помощи фотографий».

Здесь всё умирительно: и то, что Илгнер распространяет в Аргентине книгу Гитлера «Майн кампф», и то, что он снабжает гитлеровского последыша в Аргентине и его группу фотоинструментарием, который должен помочь пропаганде нацистских взглядов в Южной Америке.

Вот протокол совещания коммерческого комитета «ИГ Фарбен» от 15 сентября 1937 года за подписью Шницлера. Он касается «создания агентства за границей и сотрудничества с иностранной организацией нацистской партии».

«...Установлено, что ни при каких обстоятельствах никто не будет назначен в наши агентства за границей, если он не является членом «Трудового фронта» и если его положительное отношение к новому строю не установлено вне всяких сомнений.

Лица, направляемые за границу, должны понимать, что их главная обязанность — представлять национал-социалистскую Германию. Им следует напомнить, что тотчас же по прибытии за границу они должны установить контакт с местной или региональной группой (иностранной организацией нацистской партии. — Авт.) соответственно; ожидается, что они будут регулярно посещать собрания этих групп, равно как собрания «Трудового фронта». Торговые организации должны позаботиться о том, чтобы их сотрудники были обеспечены национал-социалистской литературой».

На очереди снова Манн. На столе суда — протокол совещания служащих концерна от 16 февраля 1938 года, на котором председательствовал Манн. На документе его подпись. Вот выдержки из этого протокола.

«84. Следует любой ценой избегать рекламы фирмы в антигерманских изданиях. Экономические и пропагандистские соображения должны всегда быть подчинены высшей политической цели.

85. Еврейский вопрос: зарубежные филиалы. Немногих оставшихся на службе за границей евреев следует систематически отстранять от работы в наших агентствах. Руководители филиалов ответственны за безотлагательное выполнение этих распоряжений...»

Еще документ. Письмо от 25 февраля 1938 года, адресованное представителю «ИГ Фарбен» в Бразилии Хоманну:

«Секретно.

Дорогой господин Хоманн!

Мы уже обращались к Вам и руководителям Ваших отделений за рубежом по вопросу о поддержке, которую следует оказывать нацистскому государству и нацистской партии в процессе деятельности Вашей фирмы.

Мы хотим воспользоваться началом года, чтобы повторить нашу просьбу к Вам и всем Вашим сотрудникам — приложить новые и новые усилия для поддержки не только правительственных учреждений, но и официальных отделений партии в их зарубежной деятельности. Это значит, что каждый индивидуум должен не только развивать в себе психологически положительное отношение к существующему строю, но должен также по мере возможности вступить в партию...

Наши зарубежные филиалы должны полностью поставить себя на службу интересам Германии. С одной стороны, это предусматривает отказ от размещения заказов антигерманским фирмам или использования антигерманских газет и журналов в рекламных целях. С другой стороны, мы придаем особое значение поддержке тех организаций, которые всегда проявляли себя особенно прогерманскими, путем передачи им рекламных объявлений».

Подписи: *«Манн, Менцель».*

Геббельс выискивал пропагандистов нацизма за рубежом, и немалую помощь оказывали ему тут господа монополисты, пользуясь своими коммерческими связями.

Многочисленные врачи в различных странах были постоянными потребителями медицинских препаратов фирмы «ИГ Фарбен». И решено было попытаться превратить медиков в разносчиков коричневой чумы.

Письмо от 14 августа 1940 года, исходящее из того же политико-экономического отдела «ИГ Фарбен»:

«Дорогой директор Менцель!

В соответствии с нашим соглашением мы снабдили имперское министерство пропаганды списком всех имеющихся в нашем распоряжении адресов врачей и зубных врачей в Испании, Португалии и латиноамериканских странах. Это составляет 43 466 адресов. Ввиду того, что господин Крюгер хочет использовать каждый адрес пять раз, он пришлет нам 217 330 конвертов, которые мы направим Вам в Лeverкюзен. Пожалуйста, надпишите эти конверты и возвратите их нам разложенными по странам».

Таковы некоторые примеры, характеризующие фальсификаторскую пропаганду, которую вели в пользу нацистского режима германские монополии.

И тут, как во всем остальном, что касалось подготовки и ведения войны, монополии тесно сотрудничали с аппаратом третьей империи, действуя в одной упряжке с доктором Геббельсом.

Таинственная спешка

→ Господа судьи, я докажу здесь, что доктор Краух не жестокий промышленный магнат, каким хочет представить его обвинение, а благочестивый христианин, простой человек, исследователь и ученый, человек, сознающий свою ответственность, человек, который никогда не совершал преступлений, но посвятил свою жизнь делу технического и научного прогресса — и всё это в интересах не только Германии, но и других стран, в том числе и Соединенных Штатов Америки.

Так начал свою вступительную речь на процессе «ИГ Фарбениндустри» в защиту Карла Крауха адвокат Бетчер.

Да, адвокат не отрицает того, что Краух, влиятельный член правления концерна «ИГ Фарбен», был связан с руководящими деятелями гитлеровской Германии.

— Но поверьте, господа судьи, что эти контакты и сотрудничество были установлены Краухом отнюдь не в политических целях, но потому, что доктор Краух был международно известным авторитетом в химической области — гидрогенизации азота и искусственного каучука. Доказательства, которые мною будут представлены, покажут, что Краух во всей своей деятельности руководствовался стремлением избежать при помощи правильного руководства промышленностью повторения экономических событий (кризиса. — Авт.), имевших место в период 1929—1930 годов, которые оказались столь губительными для трудящихся масс.

Имя Крауха, в самом деле, мало ассоциировалось с гитлеровской агрессивной политикой. Во всяком случае, в этом смысле он, конечно, не был так широко известен, как Крупп, Флик, Тиссен и другие. В действительности же Карл Краух принадлежал к тем германским «деловым людям», которые никогда не любили света рампы и предпочитали быть подлинными, но невидимыми режиссерами политических событий.

Краух (здесь адвокат был прав) являлся крупным химиком и организатором химической промышленности. Он был одним из важнейших деятелей гитлеровской военной экономики. Точно так же, как без «ИГ Фарбениндустри» нацисты не могли подготовить экономику Германии к войне и вести эту войну, так без Крауха не могла бы действовать эта крупнейшая монополия, да и вся химическая промышленность Германии.

И не случайно в Нюрнберге Краух сидел на первом месте, на том самом месте, которое занимал Герман Геринг, когда судили главных военных преступников.

Краух не спорит против очевидности: концерн «ИГ Фарбениндустри» продавал гитлеровскому правительству и нацистскому вермахту предметы вооружения и снаряжения и тем самым, объективно, конечно, способствовал подготовке гитлеровских войн и их ведению. Но лишь объективно.

Трагедия — большая трагедия! — руководителей концерна заключалась в том, видите ли, что их цинично обманул Гитлер, они были введены в заблуждение относительно действительных целей нацистской внешней политики.

Да, руководители концерна понимали, что без их производства невозможно вести войну. Ведь «ИГ Фарбениндустри» был по существу монопольным производителем синтетического бензина и синтетического каучука. Концерн производил также львиную долю взрывчатых веществ. Но ведь и в самой миролюбивой стране правительство озабочено обороной на случай нападения, а потому должно развивать военную промышленность.

— Следовательно, — говорит адвокат Крауха Бетчер, — главная проблема для определения виновности руководителей концерна состоит в том, чтобы установить, знали ли они, для каких целей вооружается Германия. Но в том-то и дело, что доктор Карл Краух и его

коллеги по «ИГ Фарбен» не имели никаких оснований думать, что Германия готовит агрессивную войну.

Краух не спорит — после большого Нюрнбергского процесса трудно с этим спорить: гитлеровская Германия развязала серию агрессивных войн. И правильно сделал Международный военный трибунал, что осудил Геринга, Риббентропа и других. Но ведь то были политики, военные, одним словом, люди, для которых внешняя политика Гитлера не была тайной за семью печатями. А вот коммерсанты и промышленники о подготовке агрессий не знали.

Что уж говорить о докторе Краухе, если Международный военный трибунал оправдал Ялмара Шахта, который был не просто рядовым министром, а руководил всей военной экономикой страны.

Да, защите известно, что Краух являлся не только одним из руководителей «ИГ Фарбен», он был и чрезвычайным уполномоченным по организации химической промышленности Германии. Но ведь Международный военный трибунал оправдал по обвинению в агрессии доктора Альберта Шпеера, гитлеровского министра вооружений, человека, руководившего всей военной промышленностью во время войны. Не ясно ли, что несправедливо, глубоко несправедливо при этих условиях привлекать к ответственности за агрессию владельцев «ИГ Фарбениндустри»?

Так, если говорить кратко, мотивировали монополисты на всех судебных процессах свое требование оправдать их.

А теперь попробуем разобраться, пользуясь материалами этих процессов, насколько справедливым было требование рурских господ.

...1932 год. Гитлеровская партия рвется к власти. Нацистам нужна поддержка крупных монополистов. Это хорошо понимают во Франкфурте-на-Майне, столице «ИГ Фарбениндустри». Да, помощь нацистам можно и нужно оказать, но необходимо прояснить один вопрос.

Уже в течение нескольких лет под руководством Крауха на предприятиях концерна ведутся опыты по гидрогенизации угля, на которой основано производство синтетического бензина. Концерн «ИГ Фарбен» пытается наладить производство синтетического горючего. Но это

стоит огромных денег. Руководители концерна отлично понимают, что все опыты оправдали бы себя, если бы концерн оказался обеспеченным большими и постоянно повторяющимися заказами на синтетический бензин. А такие заказы приносит война.

Владельцы концерна зорко вглядываются в политический горизонт и, увы, не видят опасности нападения на Германию с чьей бы то ни было стороны. Но ведь к власти рвется Гитлер, а его программа вряд ли сулит длительный мир.

И Краух и Шницлер (также один из руководителей концерна «ИГ Фарбен») решают: прежде чем оказать Гитлеру материальную поддержку, надо узнать, как скоро ему потребуются миллионы цистерн синтетического бензина.

А пока что, — вопреки, казалось бы, всем законам делового мира, — разработка технологии производства синтетического горючего шла полным ходом. Вот как это описывается в юбилейной публикации концерна «ИГ Фарбениндустри», названной «Двадцать лет заводов Лойна»:

«...Таинственная спешка — историческая необходимость. Люди, создавшие газолин «Лойна», действовали так, словно кто-то стоял за их спиной и подгонял, заставляя работать с огромной скоростью. На самом деле этого не было. Те организации, которые могли сказать решающее слово в этом вопросе, скорее тормозили дело. Ни Ауфзихстрат (наблюдательный совет правительства. — *Авт.*), утверждающий фонды, ни правительство Веймарской республики, установившее специальное налогообложение на каждый килограмм продукции синтетического горючего, не возражали против значительно более медленных темпов. Но тайный советник Бош и директор Краух казались охваченными внутренним беспокойством. Они сокращали лимиты времени до предела, форсируя строительство заводов такими темпами, что люди, хорошо знавшие коммерческую сторону дела, лишь в недоумении качали головой».

И «охваченные внутренним беспокойством» члены правления концерна «ИГ Фарбен» в июне 1932 года поручают своему коллеге доктору Бютефишу деликатную миссию: встретиться с Гитлером и узнать от него, когда его будущему правительству понадобится дорогой

синтетический бензин взамен дешевого натурального, но импортного.

Доктор Бютефиш так рассказывает об этой встрече: «Это был прекрасный летний день в июне 1932 года... Мы прибыли в Мюнхен накануне назначенного дня и ждали, чтобы за нами заехала машина и отвезла на прием к фюреру. Примерно в 3 часа открытая машина со штандартом фюрера подъехала и забрала нас. Мы проехали по улицам Мюнхена в личную резиденцию фюрера на Принцрегентштрассе...

Около 4 часов 30 минут фюрер вошел и приветствовал нас. Он уже знал о цели нашего прихода и сказал: «Господа, простите меня, я буду говорить с вами не садясь. Вы знаете, что я занят сейчас напряженной политической борьбой. Я очень утомлен, но считаю проблему обеспечения страны отечественным горючим столь важной, что постараюсь превозмочь усталость, и для этого я буду говорить стоя. Но прежде чем вы выскажете свою точку зрения, я хочу изложить свое отношение к проблеме в целом. В наши дни экономика без горючего несовместима с представлением о Германии, стремящейся к политической независимости. Поэтому горючее для двигателей отечественного производства должно стать реальностью, даже если обеспечение им потребует жертв. Необходимо поэтому, чтобы работа по гидрогенизации угля продолжалась...»

Когда фюрер кончил говорить, я мог лишь сказать, что мне нечего добавить к его словам. Все, что я хотел предложить, уже было сказано фюрером. Я сказал, что это большая помощь и поддержка. Затем фюрер дал мне возможность изложить в деталях техническую сторону вопроса...

Наконец фюрер отпустил нас со словами: «Я оставлю техническое выполнение наших проектов в ваших руках. Это ваша работа. Но у нас один путь, и я надеюсь, что этот путь скоро приведет к невиданному усилению мощи Германии». В течение многих лет мне пришлось хранить в тайне планы, которые фюрер детально изложил нам тогда. Уже в ту пору они включали всю программу четырехлетнего плана (плана подготовки германской экономики к войне. — Авт.). В последующие годы ничего не было изменено в основных положениях, намеченных тогда. Мы уехали, гордые сознанием того, что нам

удалось заглянуть в глубь истории грядущих лет и что будущий фюрер германского народа признал правильными наши дела и придал столь большое значение нашей работе».

Юбилейная публикация концерна «ИГ Фарбен» по поводу заводов «Лойна» относится к периоду, когда вторая мировая война уже была развязана. Поэтому ясно, что имел в виду Бютефиш, когда писал: «Мы уехали, гордые сознанием того, что нам удалось заглянуть в глубь истории грядущих лет...» В глубинах будущего Бютефиш и его коллеги по руководству «ИГ Фарбен» увидели серию грядущих агрессивных войн и грядущих небывалых прибылей и с энтузиазмом включились в экономическую подготовку этих войн.

30 января 1933 года, когда Гитлер захватил власть, монополии начали зловещий бег к войне. И одним из первых в упряжке был концерн «ИГ Фарбен».

Прошло немногим более двух лет. К этому времени деятельность химического концерна оказалась уже настолько связанной с военным производством, что 2 сентября 1935 года признано было необходимым создать в Берлине особое посредническое бюро этой монополии — «Фермиттлунгштелле В» — как специальный военный отдел для связи с вермахтом. Его цели были сформулированы кратко, но выразительно: «Создать в сфере военной экономики систематическое сотрудничество (вермахта. — *Авт.*) и «ИГ Фарбен», в частности для централизованного решения вопросов военной политики и военной техники».

Функции этого бюро, кроме того, заключались в координации работы заводов «Фарбен» с общим планом мобилизации, чтобы в случае войны концерн мог действовать без постороннего вмешательства и руководить всей исследовательской работой в военной области.

О значении этой новой организации можно было судить по тому, что правление «ИГ Фарбен» назначило ее руководителем одного из ведущих ученых концерна Карла Крауха.

Оказалось, что в 1935 году находившийся в ведении Крауха «Фермиттлунгштелле В» руководил военными играми, которые проводились для определения эффекта бомбардировки некоторых заводов, возможности их быстрейшей замены и тренировки военной авиации в

прицельном бомбометании. Было доказано, что отдел являлся посредником между «Фарбен» и правительством в деле разработки мобилизационных планов для заводов «Фарбен».

Разумеется, вся деятельность этого бюро была тщательно засекречена. Для полного сходства с чисто военными органами 22 января 1936 года концерн создает «отдел контрразведки, защиты против шпионажа, саботажа и разглашения производственных тайн», действовавший в тесном сотрудничестве с разведкой вермахта.

Ученый муж Карл Краух, «готовясь к обороне», так детально и обоснованно разработал планы мобилизации концерна «ИГ Фарбен» на случай войны, что «военные власти использовали эту программу как основу для планов общей мобилизации экономики страны».

Поэтому, когда вторая мировая война началась, «ИГ Фарбен» встретил ее во всеоружии, уже целиком переключенный на военные рельсы. И «Фермиттлунгштелле В» 3 сентября 1939 года ограничилось лаконичной телеграммой: «По приказу имперского министерства экономики... перевести все заводы «ИГ Фарбен» на производство, указанное в мобилизационном плане...»

Военная машина концерна работала так же слаженно и четко, как военная машина вермахта, который вскормили, вспоили и выпустили на дороги истории господ из Рура.

„Мы уже накануне мобилизации и войны“

Подсудимые на процессах монополий, когда речь шла об их осведомленности во всем, что касалось гитлеровских планов агрессии, прибегали к одному и тому же аргументу, который заключался в следующем.

Международный трибунал в своем приговоре установил, что нацистская программа агрессии была сформулирована Гитлером на четырех секретных совещаниях — 5 ноября 1937 года, 23 мая 1939 года, 22 августа 1939 года и 23 ноября 1939 года. На них присутствовали даже не все руководящие деятели нацистского правительства, настолько секретными считал эти совещания Гитлер. Оправдывая некоторых подсудимых по обвинению в

агрессии, Международный трибунал ссылался на то, что они не принимали участия в этих совещаниях, а следовательно, не знали об агрессивных планах Гитлера.

Но ведь ни один из преданных суду монополистов, утверждала защита, не был привлечен к участию в этих заседаниях. Как же можно говорить о том, что «деловые люди» знали об этих планах?

Правду говорила защита? Да, правду. В этих совещаниях действительно ни Крупп, ни Флик, ни Краух, ни другие монополисты не участвовали. Гитлер тут встречался в основном с руководителями вермахта — Редером, Бломбергом, Фричем, Кейтелем и другими генералами и адмиралами. Здесь речь шла главным образом о вопросах военной стратегии, обсуждение которых могло произойти и без промышленников.

Зато обвинители напомнили подсудимым, что были и другие совещания, на которых обсуждались вопросы экономического обеспечения агрессивных планов, разработанных с участием генералов. Здесь уже за столом сидели «деловые люди». И обвинители постарались это доказать.

Генералы обсуждали стратегические планы агрессии, Краух и компания — четырехлетний план.

— Позвольте, — говорят адвокаты, — о каком четырехлетнем плане идет речь? О том, который никакого отношения к войне не имеет? О том плане, который имел своей целью развитие мирной экономики Германии?

Иного четырехлетнего плана ни защита, ни подсудимые, видите ли, не знают.

Тем не менее доктор Краух взволновался, когда обвинители заговорили о четырехлетнем плане. Краух, очевидно, вспомнил, что из рук Геринга он принял назначение на один из руководящих постов в управлении по четырехлетнему плану.

Итак, защита утверждает, что четырехлетний план — это план развития мирной экономики, обвинители — что это план подготовки агрессивной войны.

...Доктор Краух дает показания своему адвокату. Не желая оставлять обвинителям возможность использовать отдельные «неудачные» выражения, адвокат ставит Крауху вопрос:

— Как вы можете объяснить наличие в четырехлетнем плане выражения «лебенсraum» (жизненное

пространство. — Авт.), которое обвинением рассматривается как доказательство агрессивных устремлений?

И Краух отвечает:

— Ничего особенного в этом слове нет. Германия была по Версальскому договору лишена колоний, которые ей столь необходимы как средство обеспечения сырьем и как возможность дать немцам работу. Было известно, что должны начаться переговоры с Англией по поводу возвращения Германии этих колоний.

Переговоры, именно переговоры!

Конечно, это была весьма наивная попытка ввести в заблуждение суд, но ведь никто так легко не заблуждается, как тот, кто хочет заблуждаться. Именно так и получилось с американскими судьями, которые вели процессы против германских монополистов.

Но одно дело слова, другое — факты. Обвинители спокойно выслушивали в сущности беспомощную аргументацию защиты. Беспомощную потому, что она решительно опровергалась документальными доказательствами, находящимися в распоряжении обвинения.

Обвинители предъявили меморандум Гитлера о четырехлетнем плане. Защитник заявил: мало ли было документов, подписанных Гитлером или Герингом, которые так и остались неизвестными частным лицам, какими являлись Краух, Флик и Крупп. Тем более что они, эти документы, были с грифом «совершенно секретно».

Тогда обвинители представили суду документ, из которого видно, что меморандум Гитлера о четырехлетнем плане, датированный 1936 годом, был вручен всем крупным германским промышленникам.

Вот что говорится в этом меморандуме: «Германию следует рассматривать как острие западного мира, противостоящее большевизму и его атакам... В настоящее время в Европе имеются лишь две нации, которые можно рассматривать как оплот против большевизма, — это Германия и Италия. Помимо Германии и Японии, только Италия может рассматриваться как страна, противостоящая угрозе. Другие нации либо разобщены своим демократическим образом жизни, либо заражены марксизмом и поэтому обречены на гибель в ближайшем будущем... Все эти нации не будут в состоянии вести победоносную войну против России.

...Я выдвигаю следующие задачи:

1. Германские вооруженные силы должны быть готовы к бою в течение четырех лет.

2. Германская экономика должна быть мобилизована для ведения войны в течение четырех лет».

Так Гитлер раскрыл перед монополистами свои планы и даже последовательность агрессивных акций. Единственное, что он пока еще не мог точно наметить, это календарные сроки развязывания войны:

«Целью этого меморандума не является предсказание времени, когда нетерпимая ситуация в Европе перейдет в стадию открытой войны. Я хочу лишь выразить мое твердое убеждение, что этот кризис не преминет наступить».

Этим, однако, значение меморандума не исчерпывалось: Гитлер не только раскрыл монополистам свои агрессивные планы, но и показал, какими зверскими методами они будут осуществляться:

«...Одновременно с военным и политическим вооружением и мобилизацией нашей нации должно происходить экономическое вооружение с той же скоростью, с той же решимостью и, если потребуется, с той же безжалостностью».

Обвинители продолжали наступление. В их руках оказались еще два документа, содержавшие оценку четырехлетнего плана. Оценка давал чрезвычайный уполномоченный по четырехлетнему плану Герман Вильгельм Геринг.

В мае и декабре 1936 года Геринг провел два совещания с ведущими промышленниками. На совещании 26 мая присутствовали председатель правления «ИГ. Фарбен» Шмиц, генеральный директор стальной монополии Фёглер, Флик, Шницлер и другие.

— Господа, — начал Геринг, — наше совещание носит строго секретный характер, и участники его отвечают за то, чтобы никакие сведения не попали в чужие руки...

И дальше Геринг, развертывая план военно-экономической мобилизации, предупреждает участников совещания, что поскольку «в любой момент мы можем очутиться в весьма серьезной ситуации ...стремительность вооружения ни в коем случае не должна замедляться...»

Геринг понимает, что бурное развертывание военной промышленности таит в себе риск. И он заверяет промышленников, магнатов Рура:

— Если сегодня, может быть, приходится серьезно рисковать, то есть основания считать, что все усилия будут компенсированы сторицей.

Далее оглашается запись речи Геринга на совещании с промышленниками 17 декабря 1936 года. Речь, как это значится в протоколе, слушало более ста крупнейших промышленников.

Напомним: Германия в то время уже демонстративно вышла из Лиги Наций и покинула конференцию по разоружению. Нацистское правительство открыто нарушило Версальский договор и ввело воинскую повинность. 10 марта 1935 года Геринг объявил, что Германия приступила к строительству военно-воздушных сил. Германия связывает себя агрессивными узами с Японией, организует вооруженную интервенцию в Испании.

То был 1936 год, и многое уже было ясно для характеристики внешней политики нацистской Германии.

И вот именно в этих условиях Геринг собирает крупнейших промышленников и говорит им:

— Господа, борьба, к которой мы приближаемся, требует огромных производственных усилий. Никакого конца перевооружения не предвидится. Единственным решающим моментом в этом деле может быть победа или поражение... Если мы победим, промышленники получат полную компенсацию. Что может дать большую прибыль промышленникам, нежели заказы на вооружение? Сейчас, господа, мы делаем большую ставку... На карту поставлена судьба нации. Мы уже накануне мобилизации и войны.

Трудно после оглашения таких документов настаивать на том, что четырехлетний план не имел ничего общего с подготовкой гитлеровских войн. Но, памятуя, что Краух пытался представить этот план как чисто мирный, обвинитель решил огласить еще речь Геринга, произнесенную им 15 июня 1937 года перед вновь собравшимися у него промышленниками.

«Четырехлетний план, — подчеркнул тогда Геринг, — позволит ускорить войну».

Обвинители прибегли еще к одному свидетельству. В системе ОКВ существовал военно-экономический

штаб — орган, который должен был обеспечить организацию военной экономики, координируя свою деятельность с монополиями. Руководителем этого штаба был генерал Томас, пришедший туда из правления концерна Круппа.

Томас писал тогда в «Лейпцигер иллюстрирте цейтунг» следующее:

«Что такое военная экономика?.. Это экономика солдатского характера... Четырехлетний план — это военная экономика в чистейшем виде».

На одном из допросов Карл Краух сказал:

— У меня было такое чувство, что нацисты ведут дело к войне.

Такое заявление могло вызвать только улыбку: вся деятельность провидца Крауха сводилась к энергичной экономической подготовке войны. В этой связи обвинители время от времени упоминали «теневые заводы». Что означает этот термин?

Известно, что капитал заинтересован в обороте. Только в процессе оборота капитал может давать прибыль, и чем быстрее оборот, тем выше эта прибыль. Плохим считается капиталист, который, построив завод, не пускает его в ход, не налаживает немедленно производство.

Ничего дурного о коммерческих и организаторских способностях немецких монополистов сказать нельзя. А вот «теневые заводы», казалось, свидетельствовали о коммерческой слепоте Крауха и Шницлера, Круппа и Флика.

По всей Германии, в соответствии с планом, согласованным с ОКВ, строились большие заводы. Строились, но не пускались в ход. Это и были «теневые заводы», сооружавшиеся на основе соглашений монополий с военными властями на случай войны. Это и был тот случай, когда монополии сознательно шли на временное омертвление капитала. «Деловые люди» отлично понимали, что всё это окупится, агрессия даст свои богатые плоды. Но здесь важнее другое: строя «теневые заводы», германские монополисты отлично сознавали, что эти заводы будут пущены, а следовательно, дадут прибыль только при одном условии — когда будет развязана война.

...Вот к пультау подходит доктор Ганс Вагнер, человек лет сорока пяти. Он служил офицером связи «Фермиттлунгштелле В» с вермахтом. То, что он собирается

сообщить, тоже, казалось бы, не укладывается в обычную коммерческую схему. Вагнер свидетельствует трибуналу, что «ИГ Фарбениндустри» создавал большие запасы стратегических материалов и они помещались в специальных складах концерна, дожидаясь своей очереди. Иногда эти запасы создавались по согласованию с вермахтом и оплачивались последним. Но весьма часто, показал Вагнер, запасы создавались по инициативе самого концерна. И вот здесь опять-таки возникал вопрос: зачем надо было «деловым людям» омертвлять капитал? Да всё с той же целью — экономически обеспечить агрессию на длительное время.

Военная экономика Германии нуждалась в никеле. Внутренних ресурсов явно не хватало. «ИГ Фарбен» по просьбе вермахта всегда готов протянуть руку помощи:

«Незадолго до начала войны большое количество никеля было приобретено «ИГ Фарбениндустри» в Канаде и складировано, — показал Вагнер. — Насколько я помню, были также созданы запасы стабилизаторов со взрывчатыми устройствами, тетратил-свинца, алюминия. По заказам армии были созданы запасы пороха и других взрывчатых веществ.

Концерн вступил в специальное соглашение с американской фирмой «Этиллидэкспорт корпорейшн», по которому «ИГ Фарбениндустри» в 1938 году приобрел 500 тонн тетратил-свинца, за что было уплачено более миллиона долларов. Тетратил-свинец был необходим, чтобы путем добавки его к бензину создать высокооктановое горючее для военно-воздушных сил».

Таким же путем, как показал на допросе подсудимый Август Книрим, «ИГ Фарбен» по поручению германского правительства закупил у американской фирмы «Стандард-Ойл» бензин на сумму 20 миллионов долларов с целью создания запасов для войны. Книрим на процессе сказал, что концерн, осуществив эту сделку, уплатил деньги, а затем получил их обратно от правительства «без всякой прибыли или потерь».

...Ныне Август Книрим, этот «суперюрист» концерна «ИГ Фарбен», занят в ФРГ обширной «научной» деятельностью: он строчит книгу за книгой, имея ясную стратегическую цель — юридически обосновать «незаконность» всех вынесенных в Нюрнберге приговоров, и, разумеется, в первую очередь приговоров против

монополистов, а заодно доказать полную непричастность монополий к агрессивным замыслам гитлеровской клики.

Но это теперь. А тогда, находясь на скамье подсудимых, Кширим еще раз засвидетельствовал, как мы видим, что «ИГ Фарбен» был постоянно озабочен оказанием помощи третьей империи в деле экономической подготовки агрессии.

*Люди, не имеющие ничего
общего с государственным
аппаратом*

Защита не сдавалась. Она пускала в ход любые аргументы, лишь бы доказать наличие непреодолимой стены между нацистским государственным аппаратом и «частными лицами», которые были лишены официальной информации.

Это опровергалось документами, извлеченными из архивов монополии.

...Лето 1938 года. Международная обстановка всё больше накаляется. Уже почти два года действует агрессивная ось Рим—Берлин—Токио. Подписан антикоминтерновский пакт. Ширится интервенция германо-итальянских вооруженных сил в Испании. Уже поглощена Австрия. Ещё несколько недель — и в Мюнхене будет расчленена Чехословакия. А пока Гитлер на весь мир грозит чехам войной, если его требования не будут удовлетворены. Уже три года как ремилитаризована Рейнская область. Растет и вооружается вермахт. Новый военно-морской флот Германии бороздит океаны. А германский генеральный штаб не успевает придумывать кодированные названия для новых агрессивных планов гитлеровской клики.

Только люди, политически глухие и слепые, могли тогда не понимать, куда идет гитлеровская Германия. Но господа из Рура отнюдь не относились к этой категории, они зорко всматривались в политический горизонт и хорошо понимали, по какому курсу идет государственный корабль третьей империи.

Короче говоря, война уже совсем приблизилась, в Германии форсировалось завершение ее подготовки.

И в этих условиях рурские магнаты убеждают Геринга, что пришла пора им самим брать в руки всю государственную организацию военной экономики.

16 июля 1938 года чрезвычайный уполномоченный по четырехлетнему плану рейхсмаршал Геринг издает совершенно секретную директиву.

«Политическая ситуация, — говорится в этом документе, — в особенности необходимость ускоренного выполнения четырехлетнего плана и готовности к мобилизации, заставляет меня... назначить так называемых генеральных уполномоченных для различных, особенно важных, областей экономики. Генеральные уполномоченные действуют по моим приказам и поэтому облечены всей властью, которую предоставил мне фюрер... Возражения, связанные с мерами и инструкциями, предпринятыми генеральными уполномоченными, должны направляться мне.

Я подчеркиваю, однако, что эти возражения ни в коем случае не могут приостановить действия инструкций, приказов и мер, изданных уполномоченными. Их следует претворить в жизнь немедленно, независимо от каких-либо иных точек зрения».

Итак, создается институт генеральных уполномоченных, наделенных, по существу, диктаторскими правами для руководства отдельными отраслями экономики. Только перед Герингом несут они ответственность за свои действия. Ни один министр не может приостановить их распоряжений, он может только жаловаться господину рейхсмаршалу, а пока жалоба не признана обоснованной, распоряжение генерального уполномоченного продолжает выполняться.

Именно в это время Геринг назначает Карла Крауха руководителем имперского управления экономического развития, а затем и генеральным уполномоченным по вопросам химической промышленности.

Итак, «частное лицо» Краух становится могущественным государственным руководителем важнейшей в военном отношении отрасли промышленности. Обвинители, разумеется, не утверждают, что один только Краух занял столь высокий пост. Процесс сращивания аппарата германских монополий с государственным аппаратом гитлеровской Германии зашел настолько глубоко, что очень скоро всё планирование и руководство военной

экономикой оказалось в руках монополий. Уже говорилось, что представитель Круппа Томас занял ключевой пост начальника военно-экономического штаба ОКВ, а Бютефиш из «ИГ Фарбен» был назначен на пост имперского руководителя по производству синтетического бензина. Амброс из той же монополии возглавил производство искусственного каучука, Вюрстер — производство серной кислоты, Шнейдер — азотное производство. Крупный монополист Рёхлинг был назначен генеральным уполномоченным по металлургической промышленности.

Один из видных чиновников «ИГ Фарбениндустри» Кюглер захватил пост специального уполномоченного министерства экономики по чехословацким химическим заводам; член правления этой монополии Тер-Мейер стал специальным уполномоченным министерства вооружений по химическим заводам Италии.

Бывший министр вооружений третьего рейха Шпеер в Нюрнберге подтвердил, что был создан консультативный совет по ведению экономической войны, в составе которого видное положение занимали монополисты — Фёглер, Краух, Рёхлинг и другие. Одной из задач этого совета было «оказание генеральному штабу военно-воздушных сил помощи в выборе стратегически важных объектов для бомбардировки».

Значительное количество важнейших постов в государственном, военном и экономическом аппарате занимали руководящие деятели концерна Круппа. Например, Эрих Мюллер уже в сентябре 1940 года стал председателем вновь созданного комитета по вооружению в министерстве Шпеера, и, таким образом, в его подчинении во время войны было множество военных предприятий Германии. Другой член правления концерна — Гудремонт — играл аналогичную роль в области промышленности металлозаменителей.

Так германские монополисты и их ответственные сотрудники, занимая посты генеральных уполномоченных по отдельным отраслям промышленности, тем самым превратились в непосредственных участников подготовки, а затем и ведения серии агрессивных войн.

Разумеется, оглашение документов об этих назначениях было встречено подсудимыми без всякого энтузиазма: рушился последний бастион защиты. Заняв руководящие посты в государственном аппарате, и Краух, и

Крупп, и Рёхлинг получили возможность направлять военную экономику, а следовательно и политику третьего рейха.

Но любопытно и другое. Господа промышленники проявили необычайное бескорыстие: заняв большие государственные посты, никто из них не потребовал себе жалованья. Более того, они взяли на себя содержание всего аппарата уполномоченных.

Правда, этот «патриотизм» недорого им стоил. Объясним это на примере штата имперского управления экономического развития.

..На большом Нюрнбергском процессе Альберт Шпеер был осужден как один из главных немецких военных преступников. Но прежде чем направиться в тюрьму Шпандау, чтобы отбывать там наказание — 20 лет лишения свободы, — ему пришлось временно превратиться из осужденного в свидетеля.

Шпеер был хорошо знаком с Краухом и другими руководителями «ИГ Фарбен». В течение ряда лет у них сложились добрые отношения. А вот теперь от него хотели получить такие показания, которые будут использованы против его старых друзей.

И прежде всего ему напоминают один из первых его допросов 29 мая 1945 года — вскоре после ареста. Тогда Альберт Шпеер сгоряча сказал многое такое, что теперь ему не хотелось бы повторять.

Но следователь настойчив и методичен. Он спрашивает Шпеера, сообщал ли он тогда, в мае 1945 года, что имперское управление экономического развития по существу представляло собой национализированное «ИГ Фарбениндустри» и это управление было почти полностью укомплектовано персоналом «ИГ Фарбен». Может ли Шпеер подтвердить это свое заявление?

Шпееру очень не хочется повторять эти показания. Поэтому вместо ответа бывший министр вооружений сам ставит следователю полувопрос:

— В принципе я хотел бы заметить, что это заявление было сделано мною в расчете на то, что оно не будет использовано на суде. Я ныне полагаю, что это свидетельство также не будет использовано на суде.

Но следователь не хочет вводить Шпеера в заблуждение:

— Я не могу вам этого обещать.

Тогда Шпеер пытается смягчить свои прежние показания:

— Большое количество служащих, работавших в аппарате генерального уполномоченного по специальным вопросам химической промышленности и имперского управления экономического развития, с которыми мои люди были в постоянном контакте, являлись, насколько мне известно, служащими аппарата «ИГ Фарбен».

Но может быть, заняв руководящие посты в государственном аппарате, Карл Краух покинул свои посты в управлении «ИГ Фарбен»? Нет, зачем же? И это подтвердил коллега Крауха по скамье подсудимых, тоже один из руководителей «ИГ Фарбен», — Тер-Мейер:

«Вопрос. Имя Крауха часто здесь упоминалось. Будьте добры, сообщите мне, когда прибыл в Берлин профессор Краух?»

Ответ. Вы, несомненно, имеете в виду его назначение в имперское управление сырья и синтетических материалов. Это было, очевидно, в 1936 году...

Вопрос. Профессор Краух сохранил свой пост в концерне «ИГ Фарбениндустри»? Когда он приехал в Берлин, он был членом правления, членом центрального комитета?»

Ответ. Он сохранил оба эти поста».

И, наконец, Тер-Мейеру поставили вопрос, который ему, очевидно, показался наивным, и он ответил лаконично и категорически.

«Вопрос. Изменилось ли что-либо в отношениях между профессором Краухом, с одной стороны, и концерном «Фарбен» — с другой?»

Ответ. Нет...»

Итак, Краух, будучи назначенным на крупные правительственные посты, продолжает участвовать в руководстве крупнейшей монополией «ИГ Фарбен».

Да, конечно, «деловые люди» проявили необыкновенное «бескорыстие», не получая жалованья за службу у государства. Более того, правление «ИГ Фарбен» не сетовало на то, что весь аппарат этой монополии столь же «бескорыстно служил государству».

Но откуда всё-таки это «бескорыстие»? И почему возникла даже борьба между крупнейшими рурскими монополиями за то, чтобы предложить нацистскому государству свои «безвозмездные услуги»?

Прежде всего, превращая свой аппарат в часть военно-экономической машины гитлеровской Германии, руководители монополий получали важнейший источник информации о политике государства, приобретали еще одну возможность непосредственного влияния на эту политику, и в особенности в деле форсированной подготовки войны. Но тут была еще одна весьма существенная выгода. Внедрение той или иной монополии в государственный аппарат создавало наиболее благоприятные возможности конкурентной борьбы с другими германскими монополиями. Когда, растолкав локтями другие химические тресты, «ИГ Фарбен» захватил в свои руки государственные органы по координации всей химической промышленности Германии, вопрос о том, как распределять миллиардные военные заказы, уже был решен сам по себе. Концерн «ИГ Фарбен» убедил своих конкурентов в том, что теперь им придется потесниться.

Мы еще увидим, как оправдало себя пресловутое «бескорыстие», когда началась война, а вместе с ней возникла и грызня между германскими магнатами за право наиболее эффективно грабить другие страны. Так, заняв ключевые позиции в военно-экономическом аппарате нацистской Германии, руководители монополий получили еще один солидный и точный источник информации о ходе подготовки войны и ее характере и сами стали творцами этой подготовки.

Вот почему попытки подсудимых и их защитников фальсифицировать историю становились всё более и более беспомощными.

Что случилось с рурским зубром?

Показания подсудимого барона фон Шницлера несомненно вызвали наибольший интерес на процессе «ИГ Фарбен». Во-первых, они касались самой щекотливой темы — виновности подсудимых в подготовке и развязывании гитлеровских агрессивных войн. Во-вторых, Шницлер не второстепенная фигура, он занимал крупнейшее положение в гигантском химическом концерне и был тесно связан с нацистской верхушкой. Но главное, что вызвало сенсацию, — Шницлер прорвал фронт молчания всей скамьи подсудимых, сорвав их попытку скрыть свое активное участие в подготовке и ведении гитлеровской Германией агрессивных войн. Показания Шницлера (они не утратили актуальности донныне) — удар по тем пропагандистам, которые продолжают доказывать, что монополии, как механизм частного предпринимательства, никакого отношения к политике не имеют и никакой роли в подготовке войн не играют.

Что же случилось со старым рурским зубром, почему, в отличие от других подсудимых, он дал такие показания?

Большая сложная жизнь, накопленный опыт привели барона фон Шницлера к твердому убеждению, что никакие государственные катаклизмы, никакие превратности судьбы, настаивающие политических и государственных деятелей, не могут изменить судьбу его и ему подобных промышленных магнатов, не могут пошатнуть той основы, на которой зиждется их подлинная власть.

Тому свидетельством — история промышленной династии, к которой он принадлежал.

Барон фон Шницлер прожил долгий век и в коммерции и в политике. Он и его коллеги успели сменить Гогенцоллернов на Веймарскую республику, Эберта — на Гинденбурга, Папена — на Шлейхера, Шлейхера — на Гитлера. Политические режимы меняются, правительства приходят и уходят, судьбы министров изменчивы: одни кончают жизнь в отставке, другие — в опале, третьи — на плахе. Всё это Шницлер не только наблюдал, во всем этом он участвовал, твердо веря лишь в одно: он — представитель тех кругов, чья неприкосновенность обеспечена при всех переменах.

И вот в 1945 году случилось невероятное: барон фон Шницлер оказался в одиночной камере старой Нюрнбергской тюрьмы. Он подавлен масштабами поражения. Германия разгромлена. Гитлер покончил самоубийством. Геббельс отравил всю семью и самого себя. Всемогущий Генрих Гиммлер счел за благо раздавить во рту ампулу цианистого калия. Рядом со Шницлером, в соседней камере, повесился Роберт Лей. «Тысячелетний рейх» безоговорочно капитулировал. Всё германское правительство арестовано, и судьба его не вызывает сомнений. Но самое страшное — Красная Армия в Берлине!

Один за другим отправляются в тюрьмы виднейшие капитаны германской промышленности и банков. По декларациям союзников, по их первым действиям видно, что они хотят создать новую Германию. У Шницлера такое впечатление, что поражение Германии — это не просто военное поражение. Это огромное социальное потрясение. Однажды, в 1918 году, его удалось предотвратить. А теперь?..

Барон фон Шницлер в состоянии глубокого шока. Катастрофа невиданная, непоправимая. Всё рушится. И вот в этом состоянии Шницлер дает показания. Он видит, что в руках следователя все архивы концерна, архивы нацистского правительства.

Шницлер был убежден в том, что Германия, его Германия, уничтожена. Ярko выраженный эгоцентрист, он отождествлял собственное крушение с крушением всего привычного мира понятий, событий, людей. Но гибель этого мира отнюдь не убила в Шницлере желание

выжить. И, стало быть, сжечь то, чему всю жизнь поклонялся и служил, продать кого угодно и кому угодно, но только остаться в живых.

Шницлеры хорошо усвоили, слегка видоизменив его, афоризм царя Соломона: лучше живая собака, чем мертвый лев. Такие люди необыкновенно легко переходят от состояния полной депрессии и отчаяния к свойственной им наглости, самоуверенности и апломбу, как только обстоятельства меняются в их пользу.

Барон Георг фон Шницлер был членом правления и главой коммерческого отдела «ИГ Фарбен». Он представлял концерн на многих международных встречах монополий. Именно он принимал капитуляцию французской химической промышленности, захваченной в конце 1940 года «ИГ Фарбен».

Да, всё это позади — и международные встречи, и приемы в собственном особняке. Август 1945 года. Шницлера допрашивают во Франкфурте-на-Майне.

Немало виднейших деятелей «ИГ Фарбен» содержалось тогда в старой франкфуртской тюрьме. И каждый реагировал на перемену в своей жизни по-своему. Доктор Макс Илгнер сразу проявил способности организатора: американская администрация доверила ему уборку всего тюремного корпуса. Другой член правления «ИГ Фарбен» — Гюнтер Франк-Фале занялся писанием дневника. Георг фон Шницлер переживал заключение очень тяжело.

Вот как об этом вспоминает Ричард Сэсюли:

«Он был перепуган. После нескольких недель тюремного заключения Шницлер выглядел надломленным стариком. Одежда висела на нем. Иной раз он забывал побриться».

Через некоторое время один американский офицер решил, что деятелей «ИГ Фарбен» незачем содержать далее в тюрьме. И их выпустили. В тот же день, несколько позднее, Шницлер пришел в «Карлтон-отель», где на время оккупации расположились американские офицеры. Его внешний вид совершенно изменился. Он опять выглядел как посол. Манеры его были мягки, внешность внушительна. Директор отеля приветствовал Шницлера как высокопоставленную особу. По всему вестибюлю видны были кланяющиеся фигуры и слышно

было щелканье каблуков: «Не угодно ли чего?» Улицы Франкфурта еще были завалены щебнем развалин, но уже казалось, что «доброе старое время» вернулось.

На следующий день другой американский офицер отменил решение об освобождении арестованных. Большинству деятелей «ИГ Фарбен», в том числе и Шницлеру, приказано было вернуться в тюрьму. Он вернулся туда, стал опять выглядеть плохо, а клеркам в «Карлтон-отеле» пришлось еще немного подождать возвращения «доброе старое время».

Таково было состояние Шницлера, когда летом 1945 года, подгоняемый страстным желанием остаться в живых, он принес следователям свое покаяние.

Однако и здесь, как увидит читатель, куски правды пересыпаны изрядной порцией лжи.

Но сперва — анкетные данные химического магната, как их записал в протоколе допроса следователь. Они интересны переплетением коммерческих, государственных, партийно-нацистских должностей и званий:

«Фон Шницлер, Георг, родился 28 октября 1884 года в Кёльне. Юрист. С 1926 по 1945 год — член правления «ИГ Фарбениндустри»; с 1926 по 1938 год — член рабочего комитета; с 1930 по 1945 год — член центрального комитета; с 1929 по 1945 год — член технического комитета; с 1937 по 1945 год — председатель коммерческого комитета; с 1930 по 1945 год — директор коммерческого комбината красящих веществ; в различные периоды между 1926 и 1945 годами — член других комитетов компании «ИГ Фарбен».

Член нацистской партии, капитан СА (штурмовых отрядов нацистской партии. — *Авт.*), член германского трудового фронта, член нацистской Автомобильной ассоциации (часть СА), член Большого консультативного совета имперской промышленной группы, вице-президент Арбитражного суда, Международной торговой палаты, председатель наблюдательного совета химических заводов «Ауссиг, Фалькенау», «Ауссиг, Чехословакия»; член наблюдательного совета заводов «Франколор», Париж, член наблюдательных советов филиалов «ИГ Фарбен» в Испании и Италии».

Итак, Шницлер летом 1945 года дает показания. Вот выдержки из них:

«Политика автаркии и перевооружение были настолько тесно связаны друг с другом, что трудно их разграничить.

«ИГ Фарбен» очень скоро сумел извлечь выгоды из создавшегося положения. В то время как общие расходы на новые заводы и оборудование составляли в 1932 году всего 10—12 миллионов марок, в 1934—1936 годах они быстро возросли и с тех пор стали набирать темпы... Планы, которые никак не удавалось реализовать в нормальных условиях, стали осуществимыми, и казалось, что открылись заманчивые перспективы. Никто не хотел задумываться над тем, что такое развитие событий в конечном счете неизбежно приведет к войне. Даже доктор Бош без колебаний выделил Крауха в распоряжение Геринга, когда его попросили рекомендовать высококвалифицированного химика, способного занять пост руководителя управления по экономическому развитию».

Таким образом, Шницлер признаёт, что концерн, которым он руководил, с самого начала извлекал огромные выгоды из политики подготовки агрессивных войн, которую Гитлер поставил во главу угла с момента своего прихода к власти. Он признаёт, что открылись «заманчивые перспективы». Что же касается его утверждения, что «никто не хотел задумываться над тем, что такое развитие событий в конечном счете неизбежно приведет к войне», то это просто попытка смягчить участь свою и других монополистов. Это желание убедить следствие и суд, что, по крайней мере в деле подготовки агрессии, магнаты промышленности и банков проявили легкомыслие, но речь ни в коем случае не шла о преднамеренном умысле.

Шницлер не отрицал, например, того факта, что он и другие монополисты знали о готовящейся агрессии против Польши:

«В июне 1939 года концерн «ИГ Фарбен» и вся тяжелая промышленность знали о том, что Гитлер решил вторгнуться в Польшу... В этом мы были абсолютно уверены, и в июне или июле 1939 года германская промышленность была полностью мобилизована для вторжения в Польшу».

И, наконец, Шницлер вынужден признать: вся промышленная элита хорошо понимала, что нацистское

правительство создает армию отнюдь не для обороны страны, а для развязывания агрессивных войн.

«Даже не будучи осведомлены прямо о намерениях правительства вести войну, сотрудники концерна «ИГ Фарбен» и другие промышленники не могли поверить в то, что огромное производство вооружения и активная военная подготовка (особенно после прихода Гитлера к власти), усиленная в 1936 году и достигшая невиданных размеров в 1938 году, могли иметь какой-либо другой смысл, чем тот, что Гитлер и нацистское правительство собирались начать войну в любом случае. Ввиду громадной концентрации средств для военного производства и интенсивной всеобщей подготовки, ни один сотрудник «ИГ Фарбен» или другой руководящий деятель промышленности не мог поверить, что это делалось в целях обороны».

С поражающей откровенностью Шницлер признаёт, что магнатами промышленности и банков, поддерживавшими агрессивные планы Гитлера, руководило только стремление к громадной наживе, не осложненное какими-либо моральными соображениями. Звериный лик империализма здесь явственно проступает между строк следственных и судебных показаний Шницлера: «Всё развитие «ИГ Фарбен», начиная с 1934 года, полностью обязано взаимодействию с правительством и вермахтом. Практически всё увеличение оборота «ИГ Фарбен», с 1 миллиарда до 3 миллиардов марок в 1943 году, на сто процентов является результатом перевооружения и военной политики германского правительства...

Вся продукция искусственного каучука (буны), металлов, высокооктанового горючего, большая часть химикалий, по крайней мере две трети азота и значительный процент красителей и фармацевтических препаратов шли прямо или косвенным образом вермахту. Большой процент этого оборота был с самого начала гарантирован вермахтом...

Всё производство «ИГ Фарбен» в течение последних двенадцати лет не может быть отделено от внешней политики правительства... Несомненно, «ИГ Фарбен» не только следовал «гроссрампполитик» правительства (агрессивная политика завоевания «большого жизненного пространства». — *Авт.*), но извлек из этого существенные выгоды... Оборот «ИГ Фарбен» в так называемой

Великой Германии к концу 1943 года был в четыре раза больше, нежели в 1932 году».

Заключая эту часть своих показаний, Шницлер признаёт: «Действуя таким образом, «ИГ Фарбен» взял на себя величайшую ответственность и оказал самую решительную помощь германской внешней политике, которая привела к войне и разрушению Германии».

Трудно не вспомнить в связи с этими признаниями утверждения идеологов империализма, стремящихся представить германских монополистов как людей, не только ничего общего не имевших с гитлеровской политикой агрессии, но даже пострадавших от гитлеризма.

Забегая вперед, процитируем в этой связи формулу приговора американского трибунала, вопреки фактам оправдавшего руководителей «ИГ Фарбениндустри» по обвинению в соучастии в гитлеровской агрессии:

«Они не были ни высокими государственными деятелями, ни ответственными военными чиновниками. Они участвовали как последователи, а не как лидеры. Если мы снизим уровень участия в военных преступлениях до включения руководителей «ИГ Фарбениндустри», то будет трудно разграничить виновных и невиновных среди огромной массы немцев».

По существу, Шницлер своими показаниями 1945 года загодя дезавуировал приговор американских судей, вынесенный в 1948 году.

Шницлер меняет показания

Столь откровенные признания Шницлера, сделанные в 1945 году, в 1948 году, в разгар холодной войны, пришлись не ко двору империалистической реакции.

Время сыграло свою роль и для самого Шницлера. Находясь в тюрьме, он не был изолирован от мировых событий. Он уже встречался не раз со своими адвокатами, хорошо ориентированными в меняющейся политической обстановке, и Шницлер постепенно вышел из шокового состояния, в котором некоторое время пребывал.

Он делает попытку уйти от своих показаний 1945 года. На допросе в марте 1947 года уже звучат новые

нотки. Это еще не отказ от признания, но уже попытка дать признанию новую трактовку.

«В силу определенных обстоятельств «ИГ Фарбен» должна была следовать общей линии развития Германии, — показывает Шницлер. — Какое бы правительство ни находилось у власти в Германии, ключевое положение «ИГ Фарбен» в химической промышленности было неоспоримым. Начиная с 1925 года, со времени создания, эта фирма должна была играть и всегда играла решающую роль во всем, связанном с химией. Я помню замечание, сделанное Штреземаном в разговоре со мной в 1927 году. «Какие козыри у меня есть на руках, кроме вас — «ИГ Фарбен» — и угольной промышленности?» Просто нельзя себе представить, чтобы концерн «ИГ Фарбен» следовал линии, не отвечающей политике правительства, мог отказаться выполнить распоряжение правительства или оказаться в тайной или явной оппозиции.

...Таким образом, «ИГ Фарбен» была правительственной фирмой как при Штреземане, так и при Брюнинге и Папене.

После прихода Гитлера к власти, что было подготовлено бывшим президентом Гинденбургом, отношение «ИГ Фарбен» к правительству было попросту продолжением той линии, которая существовала по отношению к прежним правительствам. Очень скоро стало очевидно, что нацистский режим намерен пойти иным путем, чем шли бывшие правительства; постепенно мы узнали, что такое на самом деле тоталитарное государство и какими последствиями приход Гитлера к власти будет чреват для нас».

В этих показаниях правда уже прямо соседствует с ложью. Шницлер делает попытку представить дело таким образом, что с приходом к власти фашизма концерн «ИГ Фарбен» будто бы стал утрачивать в значительной мере свою независимость и что его действия в области военного производства целиком диктовались нацистским правительством и вермахтом.

Лжет, конечно, барон Шницлер, когда утверждает, что лишь постепенно они узнали, «что такое на самом деле тоталитарное государство и какими последствиями приход Гитлера к власти будет чреват для нас».

Читатель помнит, как Геринг обещал крупнейшим

монополистам ликвидировать демократию на сто лет вперед, как тут же, под этот вексель, было собрано 3 миллиона марок для очередной избирательной кампании, приведшей Гитлера к власти.

А цитированный выше меморандум фюрера о четырехлетнем плане, разосланный монополистам? А выступление Геринга перед промышленниками по этому же вопросу? Разве в этих документах открыто не провозглашалась политика агрессии и захвата чужих территорий? И разве магнаты промышленности и банков не сделали всё возможное, чтобы вывести эту разбойничью политику на большую дорогу истории?

Так что Шницлеру никак не доказать, что будто он и другие монополисты тоже были простыми бесправными гражданами Третьей империи, жертвами некоего фатума, воплотившегося в «демоническом» характере фюрера.

В показаниях 1945 года Шницлер признавал, что концерн не останавливался ни перед чем, лишь бы завоевать расположение нацистских бонз. Не отрицал он, что Герингу и другим гитлеровским клеветам с этой целью давались взятки.

В 1947 году Шницлер рад бы отказаться и от этого признания. Рад бы, да нельзя, — сохранились и были ему предъявлены документы, удостоверяющие передачу взяток.

Но на то и опытные адвокаты, чтобы найти другую, более безопасную версию для объяснения столь великой щедрости Шницлера и его друзей. Теперь избавившийся от шока Шницлер пытается убедить следователей и суд в том, что концерн «ИГ Фарбен» с приходом фашизма к власти стал терять то влияние, которое он завоевал в период Веймарской республики. Вот почему руководители концерна были очень обеспокоены поиском новых средств влияния на нацистскую верхушку.

«По различным каналам, — сообщает в 1948 году Шницлер, — большие и небольшие суммы денег от имени концерна передавались национал-социалистской партии. Они вручались мелким чиновникам и таким ведущим лицам, как Герман Геринг».

А дальше Шницлер возводит уже напраслину на нацистскую верхушку: «Деньги нацисты принимали, но это не приносило никаких результатов».

На такое не решился бы даже Краух. Уж он-то хорошо знал, как росло влияние и значение «национализированной ИГ» в гитлеровской Германии.

Шницлер в своих новых показаниях утверждал, что концерн «ИГ Фарбен» всё в большей мере ощущал ограничения со стороны нацистских государственных органов:

«Ведомство Крауха приобретало всё большее влияние, так как, находясь под началом Геринга, оно само решало, какое количество продукции какие заводы должны выпускать».

Совсем забыл Шницлер, что Краух, заняв свой государственный пост, оставался одним из руководителей концерна «ИГ Фарбен», и если как руководитель имперского управления экономического развития он отдавал те или иные распоряжения, то адресованы они были Краухом... Крауху. Надо думать, Краух-чиновник не обижал Крауха-дельца.

Так или иначе, Шницлер, пытаясь внести «коррективы» в свои первоначальные показания, потерпел неудачу. И по очень простой причине. Многочисленные показания, которые он давал в течение 1945 года, подтвердились столь же многочисленными архивными документами концерна, оказавшимися в руках следователей. И как только он начинал менять свои показания, то входил в явное противоречие с документальными доказательствами.

Понимал ли американский трибунал создавшуюся ситуацию? Конечно, понимал. Считал ли он возможным так просто отвергнуть эти показания 1945 года, в которых Шницлер раскрывал подлинную роль германских монополий во всей гитлеровской политике агрессии?

Читатель уже знает, что американские судьи оправдали руководителей германских монополий, преданных суду по обвинению в агрессии. Но, принимая явно несправедливое решение, судьи отлично отдавали себе отчет в том, что разоблачительные показания Шницлера подрывают обоснованность этого решения.

И судьи нашли простой, хоть и весьма неубедительный выход. Они указали в приговоре, что «показания Шницлера не могут быть приняты как доказательство против других членов правления концерна, но могут быть использованы как улика против него самого», то

есть лишь как одно из косвенных, а не прямых доказательств вины.

Предприняв такой юридический вольт, американские судьи пришли на помощь защите, когда в ее обороне после показания Шницлера оказалась зияющая брешь.

Но, может быть, судьи всё же сочли показания Шницлера достаточными хотя бы для осуждения его самого? Нет, и этого не сделал американский трибунал. Не сделал потому, что в конечном итоге дело было не в количестве монополистов, осужденных за соучастие в подготовке и развязывании агрессивной войны, а в самом факте осуждения «делового человека» за совершение такого преступления.

Отвлечемся ненадолго от Шницлера. Еще до процесса «ИГ» французский оккупационный трибунал судил и признал виновным в агрессии крупного германского промышленника Рёхлинга. Этот приговор был столь необычен и так угрожал всей линии империалистической пропаганды, согласно которой «деловые люди» в Германии ничего общего с политикой Гитлера не имели, что высшие французские судебные инстанции последовали тут линии американских трибуналов, уже обозначившейся к тому времени достаточно ясно: Рёхлинг и члены правления его концерна, в конечном итоге, по указанному обвинению были оправданы.

Такова была господствующая тенденция западных буржуазных судов, когда заходила речь об ответственности монополистов за агрессию.

Подстрекатели и организаторы агрессии

А теперь вернемся к Шницлеру. Американский суд в своем приговоре пытался представить его показания как нечто изолированное и даже резко противоречащее показаниям других подсудимых и доказательствам, представленным на процессе обвинителями.

Но так ли это было?

Во время предварительного следствия Крауху был поставлен вопрос:

— Не стало ли вам ясно еще в 1935 году, когда вермахт проявил огромный интерес к вашему каучуку, и

позже, когда вы начали работу по осуществлению четырехлетнего плана с целью увеличения химической мощи Германии, что нацистское правительство было на пути к войне?

И Краух вынужден был признать:

— У меня было чувство, что они (гитлеровцы. — *Авт.*) ведут дело к войне. Именно тогда, обнаружив неправильные цифры в плане Лееба, я направился к Герингу и сказал ему, что мы не можем готовиться к войне, потому что намеченные цифры неправильны. На такой основе мы можем проиграть войну.

Весьма характерен и другой документ, связанный с Краухом. 28 апреля 1939 года Краух представил Герингу доклад, в котором подробно анализировал и сравнивал данные о военно-экономическом потенциале Англии и Франции, с одной стороны, и Германии — с другой. Он констатировал сложность положения с минеральной нефтью: «Экономическая арена Великой Германии слишком мала, чтобы удовлетворить военно-экономические потребности в минеральной нефти». Краух указывал на территорию Юго-Востока Европы как на «единственную и надежную возможность обеспечить снабжение минеральной нефтью полностью на много лет». Краух заключал: «Дальнейшая великая цель будет находиться за пределами Великой Германии».

Краух выступает здесь как прямой подстрекатель агрессии. Не только «чувство», что «они ведут дело к войне», было у него. Он сам был опытным организатором агрессии. И не он один. Другой монополист — Рёхлинг, осужденный французским трибуналом, также направил Гитлеру в декабре 1940 года подробный меморандум, мотивирующий необходимость для Германии вторгнуться на Балканы.

А вот любопытное признание другого руководителя «ИГ Фарбен» и подсудимого по этому делу Тер-Мейера.

Тер-Мейер, говоря об обстановке, сложившейся после захвата всей Чехословакии в марте 1939 года, показал: «Первый раз я почувствовал, что наша внешняя политика была неправильной, когда германские вооруженные силы были использованы для оккупации Чехословакии. Это глубоко потрясло меня... Я чувствовал, что нацистская партия направляет Германию по очень опасному

пути. Я чувствовал, что это было нарушением международного соглашения в Мюнхене и агрессивным актом против страны, в чьи дела мы не имели никакого права вмешиваться».

И Тер-Мейер, конечно, не «чувствовал», а отлично знал, что это за «очень опасный путь», по которому нацисты не без его помощи направили Германию. Что же касается «глубокого потрясения», то это переживание весьма интимного характера и потому недоступно судебной проверке. Зато такой проверке очень легко было подвергнуть всё поведение Тер-Мейера, который и после «глубокого потрясения» продолжал ворочать делами «ИГ Фарбен», делал всё, чтобы подготовить, а затем успешнее вести агрессивную войну в Европе.

Очень откровенно показали на суде крупные чиновники «ИГ Фарбен» Эрман и Вагнер: все руководители «ИГ» не только «чувствовали», но и отлично знали об агрессивных планах гитлеровской клики.

Эрман признал, что правление концерна «было информировано о неизбежности войны против Франции и Англии и в связи с этим получило рекомендации перевести свои заводы, расположенные вблизи французской границы, в глубь страны».

Характерны также показания Вагнера, который на следствии подробно рассказал о различных формах сотрудничества предприятий концерна с вермахтом. Он раскрыл тот факт, что концерн был полностью информирован обо всем, что касалось подготовки войны: «У меня не было никаких сомнений в середине 1939 года, что Германия будет вести агрессивную войну. Я полагаю, что все мои коллеги были такого же мнения».

Или вот факты из той же серии доказательств виновности руководителей «ИГ Фарбен» в подготовке и развязывании агрессии. Летом 1938 года, когда уже возникла проблема захвата Чехословакии, правление концерна «ИГ Фарбен» разработало план подготовки персонала для использования его на чехословацких заводах. Характерно, что уже в мае 1938 года концерн был полностью информирован о подготовлявшейся агрессивной акции гитлеровской Германии против Чехословакии. 16 сентября 1938 года, то есть еще за две недели до захвата чехословацкой территории, на заседании правления концерна обсуждался вопрос о порядке

присоединения чехословацких химических заводов, расположенных в Судетской области.

23 сентября 1938 года, то есть еще до заключения Мюнхенского соглашения, член правления «ИГ Фарбен» Кюне отправил письмо другим членам правления концерна — Тер-Мейеру и Шницлеру, сообщая «приятную новость» о том, что концерн добился уже успеха, получив заверения германских властей, что именно ему будет предоставлено право захватить завод «Ауссиг», расположенный в Судетской области.

Такова была совокупность доказательств, свидетельствовавших о соучастии монополистов из «ИГ Фарбен» в преступлениях против мира. Немало таких доказательств против монополистов фигурировало и на других процессах.

Когда задумываешься над зловещими делами «ИГ Фарбен», то не можешь не согласиться с обвинением, давшим свой ответ на меморандум защиты, в котором выдвигалось требование оправдать Крауха, Шницлера и их коллег по обвинению в агрессии: «Их соучастие началось задолго до войны и закончилось вместе с крахом Германии. Уже было показано, что подсудимые в течение 12 лет соучаствовали при помощи «Фарбен» в серии действий, включавших финансовую помощь для захвата Гитлером власти, тесное сотрудничество с вермахтом в подготовке мобилизационных планов, соучастие в экономической мобилизации Германии к войне, включая активную деятельность в осуществлении четырехлетнего плана, активное участие в создании и обеспечении нацистской военной машины, создание запасов стратегических военных материалов; соучастие в пропаганде, разведке и шпионаже, использование своих коммерческих связей в целях ослабления потенциала других стран, планирование и осуществление захвата химической промышленности в Европе, активное соучастие в ограблении всей Европы, использование рабского труда в огромных масштабах в целях укрепления германской военной машины».

Агрессивная программа руководителей «ИГ Фарбен» была сформулирована еще до прихода Гитлера к власти, в 1931 году, тогдашним президентом концерна Дуисбергом в его выступлении перед немецкими промышленниками: «Ограниченность национальной экономической

территории — должна быть компенсирована межнациональными территориями... должен быть создан тесный экономический блок от Бордо до Одессы, являющийся становым хребтом Европы».

Это выступление Дуисберга было встречено бурным одобрением собравшихся монополистов.

Через десять лет, оккупировав Западную Европу и распространив власть паучьей свастики вплоть до Бордо, бесчисленные дивизии вермахта вероломно атаковали Советский Союз, дабы осуществить до конца программу агрессивного монополистического капитала, провозглашенную Дуисбергом. Им удалось дойти до Одессы, широким фронтом выйти на Черноморское побережье. И если, тем не менее, «тесный экономический блок от Бордо до Одессы» не стал «становым хребтом Европы», то, видит бог, меньше всего здесь виноваты дуисберги. Они сделали всё, что было в их силах, чтобы осуществить эти разбойничьи планы.

Надо знать, как развязывались войны в прошлом. Это может помочь предотвратить войны в будущем. Дело «ИГ Фарбен» в этом смысле весьма показательно. Вероятно, впервые в истории гигантский концерн, делающий войну, был схвачен с поличным в результате военного поражения. Так случилось, что все его действия удалось тщательно и всесторонне изучить.

История «ИГ Фарбен» — это убедительная иллюстрация к рассказу о том, как международные концерны и монополии развязали вторую мировую войну.

*Крупп мечтает о «мирной»
продукции*

Старый, уже хорошо знакомый нам, судебный зал Нюрнбергского дворца юстиции. Тот же судейский стол. Та же скамья подсудимых. Когда судили главарей гитлеровского государства, на ней в первом ряду на первом месте сидел Герман Геринг. Теперь это место занимает Альфред Крупп.

Защитник Круппа Кранцбюллер тоже хорошо знаком нам. В течение девяти месяцев мы видели его в зале суда в Нюрнберге, где он защищал тогда Деница.

...Круто изменится судьба военно-морского судьи Кранцбюллера после нюрнбергских процессов. Высоко оценит его заслуги гросс-адмирал Дениц. Еще более существенной окажется оценка Альфреда Круппа, — Кранцбюллер станет главным юрисконсультom концерна и председателем ряда наблюдательных советов фирмы...

Итак, в Нюрнберге американцы судят Круппа. Вступительную речь в его защиту произносит второй защитник — Венер:

— Господа судьи, я оглашу вступительную речь от имени доктора Кранцбюллера в защиту Круппа фон Болена. Но прежде чем я приступлю к изложению наших аргументов, позвольте мне привести выдержку из речи кардинала Фрингса, архиепископа Кёльна, которую он произнес четырнадцатого марта этого (1948-го. — Авт.) года во время католического праздника в Эссене: «Когда я говорю о Круппе, о всей семье Круппа, я неизменно думаю о всем том, что сделало Эссен таким большим

а значительным городом. Я думаю и глубоко уверен в том, что эта фирма и эта семья неизменно обнаруживали большое понимание социальных проблем и именно поэтому проявляли такую заботу о благополучии своих рабочих и служащих. Я знаю, что все люди в Эссене испытывают гордость оттого, что они служат у Круппа. Если кто-нибудь больше всего и заслуживает звания почетного гражданина города Эссена, то это, конечно, глава дома Круппа. Я не знаю, как это звание было утрачено и насколько велика вина этого дома в связи с подготовкой агрессивной войны, и я не хочу даже касаться этого вопроса. Однако никто плохо не подумает обо мне, если я скажу, что я глубоко обеспокоен судьбой этой семьи, о которой всегда так хорошо думали.

После этого адвокат напомнил американским судьям, что Международный военный трибунал, осудив главарей гитлеровской Германии, пришел к выводу, что рядовые немцы не знали многого из того, что происходило в стране. Не знал и Крупп. Адвокат еще хотел бы обратить внимание суда на то, что обвинение предъявляет доказательства виновности фирмы Круппа за три десятилетия. Между тем в начале этого периода Альфреду было всего десять лет.

Просветив суд насчет абсолютной невинности Круппа в гитлеровской агрессивной политике, адвокат, будучи человеком объективным, решил, что он не может так просто обойти обвинение в разграблении концерном Круппа чужой собственности на оккупированных территориях. Адвокат почтительно возражает против применения обвинителями слова «ограбление» и хотел бы довести до сведения трибунала, что во всех случаях, когда концерн что-либо приобретал на оккупированных территориях, он неизменно платил.

Адвокат согласен с тем, что фирма Круппа имела многолетние традиции, и не согласен с обвинителями в характеристике этих традиций. По мнению прокуроров, эти традиции заключаются в подготовке и ведении агрессивных войн. Защита же глубоко убеждена, что крупповская традиция — это «борьба за социальные достижения рабочих, традиция, которая завоевала фирме огромное уважение».

И в заключение доктор Венер решил прибегнуть к аргументу, который уже использовали его коллеги на

других процессах германских монополистов: он деликатно напомнил американским судьям, какое влияние в их собственной стране имеют магнаты промышленности и банков. Поэтому нужно ли копаться в связях германских концернов и нацистского правительства?..

Венер не возражает против того, что обвинение широко использовало книгу Бернхарда Менне «Кровь и сталь — рождение и кризис дома Круппа». Но почему прокуроры прошли мимо предисловия к этой книге (она вышла в Нью-Йорке в 1938 году)? Так вот защита почтительно обращает внимание высокого суда на один существенный абзац из этого предисловия: «Совершенно очевидно, что связь политики и бизнеса, стали и судьбы нации, та связь, которая будет раскрыта на страницах этой книги, характерна не только для германской истории. Француз, когда он читает о делах Круппа, может и должен подменить его Шнейдером, а англичанин — Виккерсом, а любые другие страны — соответствующей фирмой».

Что ж, это была со стороны защиты политика дальнего прицела. И большинство американских судей ушло прозрачный намек: Крупп, как и монополисты на других процессах, был оправдан по обвинению в заговоре против мира, с целью подготовки, развязывания и ведения агрессивных войн, и осужден за совершение преступлений против человечности — ограбление оккупированных нацистами территорий и использование рабского труда.

Один адвокат сменял другого, и каждый старался найти еще и еще одну черту или черточку, которая свидетельствовала бы против предъявленного концерну Круппа обвинения.

Адвокат Белинг счел, что его подзащитный, член директората компании Круппа, фюрер военной экономики Эвальд Оскар Людвиг Лезер — наиболее подходящая фигура для того, чтобы на ее примере обелить всю фирму.

Адвокат заявил: он докажет, что фирма Круппа ничего не выиграла от прихода Гитлера к власти, что эта фирма при гитлеровском режиме подвергалась исключительному давлению в вопросе о том, какую продукцию она должна выпускать. Адвокат просит поверить, что после первой мировой войны Крупп только и мечтал

о том, чтобы производить мирную продукцию. Но увы! Как раз с приходом к власти Гитлера, «несмотря на энергичные протесты, крупковские верфи должны были производить то, что требовало верховное командование военно-морского флота... все производственные мощности были заняты морским командованием, а в тоталитарном государстве не существовало условий для того, чтобы избежать принуждения».

Адвокат хотел бы напомнить суду, что в условиях террористического режима Гитлера не было возможности вести открытую борьбу против этого режима. И тем не менее в Германии было немало людей, которые, рискуя своим положением и своей жизнью, вели тайную борьбу за свержение Гитлера. Но пусть не думает высокий суд, что фирма Круппа была в стороне от этой борьбы.

— Уже прошло четыре года с тех пор, как друзья в первый раз просили меня взять на себя защиту Лезера, — говорит Белинг. — Тогда, в 1944 году, он стоял перед народным судом как заговорщик против гитлеровского режима, будучи обвиненным в государственной измене и подрыве морального духа вооруженных сил. Смертная казнь казалась единственно возможным для него наказанием... Сегодня доктор Лезер вынужден защищать себя от прямо противоположного обвинения — вменяемой ему заговорщицкой деятельности в пользу гитлеровского режима. Из этого противопоставления становится совершенно очевидной несправедливость и парадоксальность последнего обвинения. В самом деле, если кто-либо примет на веру утверждение обвинения, то совершенно очевидно, что доктор Лезер должен был быть участником двух заговоров, противоречащих друг другу. В этом случае он будет заговорщиком против самого себя!

И далее адвокат напоминает суду, что влиятельный член правления концерна Круппа Лезер был участником антигитлеровской оппозиции еще в 1938 году. В то время был образован кружок Герделера, который можно охарактеризовать как конспиративный центр движения Сопrotивления. В этом кружке доктор Лезер играл выдающуюся роль...

Как же получилось, что, будучи участником заговора, Лезер продолжал занимать крупный пост в концерне

Круппа и должен был, таким образом, способствовать военным усилиям гитлеровского вермахта? Не парадоксально ли такое утверждение?

— Отнюдь нет, — говорит адвокат. — Лезер прекрасно понимал, что для сохранения своего положения и использования его в интересах заговора он окажется вынужденным повиноваться драконовским законам, выполнять требования правительства. Если бы он возражал против этих требований, это означало бы, что ему придется пойти на все последствия, в том числе на отказ от своей деятельности члена правления концерна Круппа. Но в этом случае движение Сопротивления потеряло бы возможность сохранить столь влиятельный для себя наблюдательный пост.

Вот каким был ближайший коллега Круппа. Надо ли после всего этого сомневаться в явной несправедливости всех предъявленных концерну обвинений.

Так рисовал портрет своего подзащитного Белинг. В том же духе выступали и другие адвокаты. Одним словом, почитайте эти речи, и, повинувшись логике защиты, вы убедитесь, насколько далек был концерн Круппа и от Гитлера, и от его планов.

В этой связи невольно вспоминается меткая характеристика, которая была дана ораторским упражнениям подобного рода А. В. Луначарским. Рассказывая об одном из выступлений буржуазного златоуста 20-х годов нашего века, министра иностранных дел Франции Аристеда Бриана, Луначарский писал: «Весь зал плакал. Неискушенная в политике публика — от умиления, а дипломатическая часть аудитории — от зависти, что можно так ловко обманывать людей».

Однако современный судебный процесс не случайно назван состязательным: здесь защита сталкивается с противоборствующей силой, с обвинением.

И обвинители, прослушав все вступительные речи адвокатов, всё же вознамерились доказать суду, что имеется по крайней мере одно весьма существенное обстоятельство, которое действует против аргументов защиты. И этим обстоятельством является тот трудно оспоримый факт, что без Круппа и ему подобных Гитлер вообще не мог бы прийти к власти, что без Круппа и других «деловых людей» Гитлер не мог бы за такой короткий срок превратить страну в военный лагерь, не

мог бы вооружить до зубов вермахт, не мог бы вести войну в течение долгих шести лет.

Что же касается Эвальда Лезера (да и не только одного Лезера) и его участия в антигитлеровском заговоре, то можно бы напомнить суду многое, что начисто опровергает аргументы защиты.

Проверим поэтому основной тезис адвоката Белинга, что «если кто-либо примет на веру утверждение обвинения, то совершенно очевидно, что доктор Лезер должен был быть участником друг другу противоречащих заговоров. В этом случае он будет заговорщиком против самого себя».

А действительно, были ли диаметрально противоположными по своим целям эти два заговора — заговор гитлеровской клики против мира и заговор 20 июля 1944 года?

Но, прежде всего, был ли господин Лезер единственным представителем монополий в среде заговорщиков? Отнюдь нет! Там нашли приют многие воротилы большого бизнеса и крупные помещики, рассматривавшие главу заговора, бывшего имперского комиссара по ценам в гитлеровском правительстве Карла Герделера, как свое доверенное лицо.

Вот почему фашистский министр Шпеер, — очевидно, опасаясь, что ему не с кем будет работать на вооружение вермахта, — ходатайствовал о том, чтобы не привлекали к ответственности монополистов — участников заговора. Эта просьба была в основном удовлетворена. Удовлетворена, несмотря на то, что Герделер, надеясь спасти свою жизнь, выдал на допросах всех своих покровителей.

Сохранил жизнь и клиент адвоката Белинга — крупный монополист Лезер. Проводив на плаху своих незадачливых коллег по заговору, он благополучно дожил в лагере до прихода англо-американских войск.

В числе заговорщиков были и крупнейшие представители гитлеровского генералитета. Все они до поры до времени служили фюреру верой и правдой, некоторые — вплоть до 20 июля 1944 года.

Хотя заговор в целом носил реакционный характер, к нему примыкали многие демократически настроенные элементы. Но эти люди были в явном меньшинстве и не могли оказать существенного влияния на программу

заговорщиков. Кстати, об этой программе. Белинг намеренно обошел ее молчанием, и по вполне понятным причинам.

«Буржуазные круги привели Гитлера к власти, — указывал Вальтер Ульбрихт, — и поддерживали политику германо-фашистского империализма до тех пор, пока ему сопутствовали военные успехи. Но теперь, накануне катастрофы, они попытались спрыгнуть с поезда, мчащегося к пропасти, в надежде сохранить основы господства монополистического капитала».

Внутри страны руководители заговора добивались сословного государства фашистского типа с диктатором во главе, либо в лице наследственного монарха, либо какого-нибудь видного представителя германского генералитета. Они были полны решимости избежать «повторения событий 1918 года», когда власть монополистов в Германии висела на волоске. При этом Герделер утверждал, что немцы не созрели для демократии и внемяют лишь одному языку — языку силы.

Своей центральной задачей во внешней политике после свержения Гитлера заговорщики считали немедленные переговоры с Англией и США о заключении сепаратного мира на Западе с тем, чтобы, как говорил Герделер, «концентрировать все военные силы германского народа на Востоке» для продолжения войны против СССР.

Так представители германского монополистического капитала определили социальные и международные планы движения 20 июля 1944 года. Ясно, что Эвальд Лезер никогда не был «заговорщиком против самого себя», как это утверждал его адвокат.

*„Эта семья — символ самых
зловещих сил“*

Обвинители, пользуясь документальными доказательствами, совсем по-иному рисовали портреты Круппа и его ближайших помощников.

Определенное своеобразие создавалось, конечно, тем фактом, что на скамье подсудимых сидел не престарелый Густав Крупп, ко времени суда уже близкий к агонии, а его сын Альфред. Но обвинители, судя по их ре-

чам и по предъявленным доказательствам, понимали, что социальная суть процесса будет заключаться не только в изобличении лично Альфреда Круппа, но и в том, чтобы нарисовать картину преступлений концерна в целом. Обвинители решили создать собирательный образ властителей этой монополии. И, вопреки усилиям защиты, им это удалось...

Лицемерие — неотъемлемое качество каждого империалистического политика, каждого монополиста.

В концерне Круппа лицемерие начинается с фирменного знака — трех переплетенных колец. Они символизируют бесшовные стальные бандажи для колес железнодорожных вагонов, которые концерн стал изготавливать первым в мире в середине прошлого столетия. Однако совсем не мирная продукция ассоциируется в умах людей со словом «Крупп». И если бы владельцы фирмы были откровенны, то и во времена кайзера, как и во времена Гитлера, они избрали бы для своего фирменного знака миниатюрную репродукцию знаменитой картины Верещагина «Апофеоз войны»: холм из человеческих черепов на фоне безрадостной пустыни. Это был бы правдивый фирменный знак для концерна — подлинной кузницы смерти.

Лицемерие начинается у Круппов с фирменного знака. Но на нем оно не кончается...

На большом Нюрнбергском процессе Густав Крупп в числе других нацистских лидеров был включен в список обвиняемых. Там скамья подсудимых формировалась по принципу «представительства». Ведь она не могла вместить всех, даже наиболее крупных, нацистских преступников. Это сделало бы материал процесса трудно обозримым, а сроки его проведения — безгранично растянутыми. В таких условиях сомнительная честь представлять на этом историческом процессе преступные германские монополии была без колебаний отдана Густаву Круппу как наиболее колоритной фигуре среди капитанов большого бизнеса третьей империи.

Его роль в кровавых событиях 1933—1945 годов была изложена в обвинительном заключении, составленном от имени СССР, Великобритании, США и Франции, языком сухим, но точным.

Густав Крупп обвинялся в том, что, будучи с 1932 по 1945 год главой концерна «Фридрих Крупп», членом

главного экономического совета, президентом имперского объединения германской промышленности, возглавляя группу горнорудной и металлургической промышленности имперского министерства хозяйства, «использовал вышеуказанные посты, свое личное влияние и связь с фюрером таким образом, что способствовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их власти над Германией; он способствовал подготовке войны; он участвовал в военном и экономическом планировании и в подготовке нацистскими заговорщиками агрессивных войн и войн, нарушающих международные договоры, соглашения и заверения; он санкционировал, руководил и принимал участие в военных преступлениях и преступлениях против человечности, включая в особенности эксплуатацию и преступное использование людей на работе для ведения агрессивных войн».

Вот за эту совокупность тягчайших преступлений Густав Крупп и должен был держать ответ перед судом народов.

Однако быстро прогрессирующий склероз сосудов головного мозга, уже дважды вызывавший инсульты, по заключению медицинской экспертизы, лишил Густава возможности присутствовать на суде, и тем более — осуществлять свою защиту. Вот тогда и возник вопрос о включении в этот список Альфреда, который уже много лет играл решающую роль в руководстве концерном, а во время войны и юридически стал его владельцем. Это дало основание обвинителям четырех союзных держав, учредивших Международный военный трибунал, потребовать, чтобы в данном конкретном случае сын заменил отца на скамье подсудимых, заняв свое место рядом с Герингом, Риббентропом и другими.

Альфред Феликс Альвин Крупп фон Болен унд Гальбах являлся единственным владельцем и руководителем концерна «Фридрих Крупп» и всех его филиалов после декабря 1943 года. До этого Альфред — член правления концерна и руководитель военного отдела, того самого, который планировал всё производство вооружений на предприятиях этой фирмы. Молодой, энергичный (в 1945 году ему исполнилось 38 лет), Альфред, так же, как и другие германские монополисты, с которыми читатель уже знаком, занимал уйму постов, деловых, государственных и партийных. Фюрер военной экономики,

заместитель председателя «Имперского объединения угля и стали», член президиума «Имперского угольного объединения», член правления «Горнорудной ассоциации», член «Имперского совета по вооружениям», штандартенфюрер, он выделялся даже среди крупных монополистов своими щедрыми взносами на финансирование СС.

Вот почему имелись все основания, чтобы Альфред Крупп был предан суду по делу главных немецких военных преступников.

Однако защиту такое решение вопроса явно не устраивало, и она требовала, чтобы суд над Густавом был отложен до тех пор, пока он не будет в состоянии присутствовать на нем. А так как старый Крупп был безнадежно болен (защита знала это хорошо из медицинских заключений), то она надеялась, что таким образом вопрос об ответственности концерна будет вообще снят. И действительно, Густав Крупп так и не оправился. Он умер в возрасте 80 лет в 1950 году в Австрии, в своем имении Блютенбах близ Зальцбурга.

Мотивируя необходимость замены Густава Альфредом Круппом в качестве подсудимого, обвинители четырех держав подчеркивали ту мысль, что Нюрнбергский процесс не выполнит своей задачи, если на нем не будет раскрыта роль Круппов в нацистском заговоре.

«Более чем 130 лет эта семья, — говорил Джексон, — была символом самых зловещих сил, угрожавших миру в Европе, и находилась под их покровительством...

Альфред первым стал членом нацистской партии, вслед за ним в партию вступает Густав фон Болен. Влияние Круппа на осуществление нацистского плана развязывания агрессивной войны в Европе было очень велико... Круппы, таким образом, были одной из наиболее влиятельных и настойчивых сил, участвовавших в войне. Круппы были также основным фактором в деле подготовки войны». И Джексон справедливо заключал: «Крупповская компания получала большие прибыли, нарушая мир во всем мире, помогая осуществлению нацистских планов».

Никогда еще мир не слышал такого разоблачения агрессивной грабительской сущности монополистического капитала, исходящего из уст служителя буржуазной Фемиды. И надо подчеркнуть, что эти обвинения,

впервые в истории, базировались на гранитном фундаменте безупречных судебных доказательств, изъятых из самых секретных сейфов господ монополистов и нацистского правительства.

Пройдет некоторое время, и сам Джексон и американские государственные деятели не раз пожалуют об этих «эксцессах» и своих «увлечениях».

А тогда главный американский обвинитель выдвинул совершенно правильное положение, основанное на всей совокупности добытых союзным обвинением доказательств: «Крупные промышленники Германии виновны в преступлениях, изложенных в обвинительном заключении, столько же, сколько и ее политические деятели, дипломаты и солдаты».

И Джексон резюмировал:

«Соединенные Штаты позволяют себе заметить, что трудно нанести больший ущерб будущему миру во всем мире, чем тот, к которому приведет исключение всей семьи Круппа из этого процесса, в котором должна быть осуждена агрессивная война».

Интересы правосудия не будут соблюдены, если не принять во внимание интересы людей четырех поколений, чьи жизни были отняты оружием Круппа или же находились под его угрозой, а также интересов народов будущего, которые не могут чувствовать себя в безопасности, если Крупп и ему подобные не будут осуждены на таком процессе».

В своей речи главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко разоблачил роль Круппа в нацистском заговоре против мира, активное и широкое участие этого монополиста в военных преступлениях.

И тем не менее требование обвинителей не было удовлетворено. Имя Круппа оказалось исключенным из списка обвинительного заключения, а западные судьи в Нюрнберге уже тогда показали свое отношение к проблеме ответственности монополий за гитлеровскую агрессию решением судьбы Шахта, оправдав его, вопреки протесту советского судьи.

Однако в целом Международный военный трибунал объективно охарактеризовал роль «деловых людей» в преступлениях третьей империи, когда в приговоре указал: «Один Гитлер не мог вести агрессивной войны. Он нуждался в соотрудничестве со стороны государственных

деятелей, военных лидеров, дипломатов и дельцов. И когда они, зная о его целях, начали сотрудничать с ним, они сделали себя участниками того плана, который он создал. Их нельзя считать невиновными лишь потому, что Гитлер использовал их, если они знали, что делали».

И вот Альфред Крупп и его коллеги — перед американским трибуналом. Главный обвинитель на этом процессе Тэльфорд Тэйлор, являвшийся заместителем главного обвинителя от США на большом Нюрнбергском процессе, поставил своей целью продолжить здесь, в рамках правосудия, осуществляемого одной страной, энергичную борьбу, которую вели в Международном военном трибунале четыре обвинителя.

Прежде всего Тэйлор подчеркнул, что на этом процессе «мы имеем дело не с людьми, которые пришли к власти на гребне нацистской волны. Большинство подсудимых были членами национал-социалистской партии. Это важный фактор, но не он является решающим.

Нацизм был в конечном счете лишь временным политическим проявлением определенных идей и взглядов, которые возникли задолго до самого нацизма и не исчезнут так легко и быстро. Тут мы имеем дело с чем-то более давним, нежели нацизм, с чем-то, что слилось с нацистскими идеями и привело к созданию третьей империи, но имеет также и свою независимую и опасную жизнеспособность».

И действительно, этот тезис обвинения вытекал из всей истории династии Круппов, — истории, которая берет свое начало в 1844 году, когда Крупп впервые стал производить пушки. Богатство этого концерна тесно связано с войнами Пруссии против Дании и Австрии, а также с франко-прусской войной 1870 года. Именно тогда Круппа стали называть «пушечным королем».

Во время первой мировой войны фирма Круппа была главным арсеналом германского милитаризма. И не случайно в 1916 году генерал Людендорф пригласил в вагон своего поезда для обсуждения проблем ведения войны лишь двух ведущих руководителей германской промышленности — Густава Круппа и Карла Дуисберга из концерна «ИГ Фарбениндустри». В частности, беспощадная, варварская по своему характеру подводная война в 1914—1918 годах не могла бы вестись без Круппа,

являвшегося главным производителем подводных лодок.

Версальский договор установил для побежденной Германии ряд военных ограничений. Так, статья 170-я запрещала импорт оружия и боеприпасов в Германию, а также производство оружия в самой Германии и его экспорт в другие страны. Статья 171-я накладывала категорическое вето на изготовление в Германии танков, броневиков и «иных подобных конструкций, пригодных для военных целей». Статья 191-я лишала Германию права строить или приобретать какие бы то ни было подводные лодки даже для коммерческих целей.

Эти предписания Версальского договора должны были осложнить положение военного концерна Круппа. Должны были, но не осложнили, потому что Густав сумел столь же ловко, сколь и нагло, обойти эти предписания и ограничения, нарушив таким образом международное право.

Не помогла англичанам и французам в этом отношении и созданная ими контрольная комиссия, которая командировала на заводы Круппа своих представителей — группу полковника Леверетта. То ли Крупп, которого тайно поддерживало и подбадривало германское правительство, сумел обмануть почтенного Леверетта и его людей, то ли те сами не прочь были быть обманутыми, но факт остается фактом: военная машина концерна не только не была остановлена, но и непрерывно совершенствовалась.

В статье, написанной в 1941 году, сам Густав Крупп говорил о себе как о последователе определенных традиций:

«Если Германии суждено когда-либо возродиться и сбросить цепи Версаля, концерн Круппа должен быть в состоянии готовности. Машины были разрушены, инструменты уничтожены. Но люди остались: люди в конструкторских бюро и цехах, которые при плодотворном сотрудничестве сумели добиться высокого совершенства в производстве пушек. Их искусство следовало сохранить любой ценой, точно так же, как накопленный ими богатый опыт. Решения, которые мне надо было принять в то время, были, пожалуй, самыми трудными за всю мою жизнь. Я хотел и должен был сохранить концерн Круппа, несмотря на все препятствия, как военное предприятие, хотя бы для отдаленного будущего».

Будучи не в силах опровергнуть эти факты, защита рассуждала так: Версальский договор — это договор, заключенный между государствами, и как таковой он обязывал эти государства, а не отдельных лиц. Поэтому Крупп, как частное лицо, если он даже производил вооружение, не мог быть обвинен в нарушении международного права.

Но обвинители не преминули предъявить суду Меморандум германского имперского министерства обороны от 7 января 1927 года, в котором черным по белому было написано:

«Версальский мирный договор — это прежде всего договор, заключенный согласно международному праву... Версальский мирный договор стал, таким образом, германским законом и ввиду этого обязателен для всех подданных страны».

Больше того, 27 июля 1927 года рейхстаг принял и опубликовал закон, который, в соответствии с Версальским договором, запрещал производство вооружения, экспорт и импорт орудий войны.

Значит, Крупп был великолепно осведомлен о существующем запрещении. И если, как утверждала защита, основной своей задачей он всегда считал удовлетворение социальных нужд своих рабочих, то в сложившихся условиях германской жизни перед ним не могло возникнуть никакой другой цели, кроме перестройки своих заводов на мирное производство.

Но если бы Густав Крупп поступил таким образом, он не был бы Круппом.

Перед обвинителями на судебном процессе возникла важная задача: доказать, что с первых же дней после поражения Германии в войне 1914—1918 годов Крупп был озабочен лишь одной мыслью, — мыслью о реванше, о новой войне. Первая мировая война, несмотря на поражение Германии, принесла Круппу огромные прибыли. Кровь соотечественников превратилась в золото для Круппа.

1 марта 1942 года в журнале концерна Густав Крупп писал:

«В то время (в 1919 году) положение казалось почти безнадежным. Оно казалось бы еще более безнадежным, если бы я не был убежден, что «Версаль» еще не означает окончательного решения».

Крупп твердо верил, что придет время, когда Версальский договор будет отменен, и тогда, пишет он, «заводы Круппа должны быть наготове».

Каким же хотел видеть Крупп свой концерн? В 1942 году в расчете на победу можно было позволить себе забыть и Версаль, и закон германского рейхстага, и многое другое. И Густав пишет: «Я хотел и должен был сохранить концерн Круппа как военный концерн». Конечно, подчеркивает Крупп, тогда он «мог говорить об этом лишь в очень ограниченном, в очень интимном кругу».

Крупп не прочь похвастать и тем, как искусно он обманывал союзную контрольную комиссию.

Мы уже знаем, как «деловые люди» Германии, особенно Крупп, подталкивали Гитлера к власти. Обвинители предъявляют суду еще несколько документов, дополнительно опровергающих утверждения защиты о том, что главари большого бизнеса в третьей империи стояли вне политики.

23 марта 1933 года гитлеровское правительство, арестовав всю оппозицию в рейхстаге, добилось чрезвычайных полномочий. И в тот же день, когда весь мир кипел от возмущения перед лицом нового акта торжествующего насилия и деспотизма, Густав Крупп решил поднять свой голос в защиту нацистской партии и ее фюрера. Как глава «Имперского объединения германской промышленности» он созвал экстренное совещание этой организации, с тем чтобы призвать своих коллег из делового мира к расширению сотрудничества между монополиями и государством.

В письме от 24 марта 1933 года Крупп информировал фюрера о результатах этого совещания. Он писал: «Дорогой господин рейхсканцлер!.. 23 марта 1933 года состоялось заседание «Имперского объединения германской промышленности»... Обсуждалась политическая обстановка. Президиум единодушно высказал следующую точку зрения... необходимы координация и сотрудничество всех сил, готовых помочь государству. Германская промышленность... готова к активному сотрудничеству ...для осуществления нашей общей цели. «Имперское объединение германской промышленности» сделает всё, что в его силах, чтобы помочь правительству осуществить сложные задачи, вставшие перед ним».

Вот еще документ, подтверждающий, сколь оперативно действовали монополисты в решающие моменты. 6 апреля 1938 года тот же президиум «Имперского объединения германской промышленности», руководимый Круппом, принял решение о перестройке управления производством, дабы «привести новую организацию промышленности в соответствие с политическими целями правительства».

Обвинитель далее просит суд обратить внимание на другую часть уже цитированной статьи Круппа от 1 марта 1942 года:

«После прихода к власти Адольфа Гитлера я с удовлетворением смог доложить фюреру, что Крупп готов после короткого пускового периода начать перевооружение Германии. Мы не растеряли опыта... После 1933 года мы работали с невероятной энергией, а после начала войны темпы работы и объем продукции еще возросли».

Крупп прекрасно понимал, что развязанные Гитлером войны — это агрессивные, преступные войны. В 1942 году весь мир уже знал, какие чудовищные преступления совершает гитлеровский вермахт на захватываемых территориях. И вот в том же 1942 году Крупп пишет:

«Мы все гордимся тем вкладом, который мы внесли в блестящие успехи нашей армии».

Говоря о том, что «после 1933 года мы работали с невероятной энергией», Крупп мог бы вспомнить, что эту энергию он стал проявлять гораздо раньше.

Постеснялись господа из крупповского концерна. Но заботливые обвинители напомнили. И для этого даже не пришлось залезать в дебри архивов. Обвинители передают суду брошюру, подготовленную к изданию Круппом. Только теперь она помечена специальным номером обвинения: НИК-9041. С таким номером она и окажется в делах трибунала.

И этот документ составлялся в расчете на блистательную победу во второй мировой войне, на «тысячелетний рейх», на формулу «победителей не судят».

Брошюра эта рассказывает о том, как Крупп, в целях обхода наложенных на Германию ограничений, заключил с шведской фирмой «Бофорс» соглашение, по которому он передавал этой фирме всю необходимую

информацию и опыт крупновских заводов в деле производства стали для артиллерийских орудий. Было заключено специальное соглашение о передаче лицензий, на основании которого «Бофорс» получила право дублировать те типы артиллерийских конструкций, которые не классифицировались германским правительством как секретные. Крупп использовал это для того, чтобы не потерять опыт, накопленный его фирмой, а «Бофорс» обязалась предоставлять по требованию Круппа его служащим доступ на заводы в любое время, а также передавать ему необходимую техническую информацию. Крупп не раз посылал германских офицеров на заводы «Бофорс». Они инспектировали производство вооружений и присутствовали при важных огневых испытаниях орудий.

Но брошюра эта рассказывала не только о сделке с фирмой «Бофорс». Там есть весьма любопытный раздел, озаглавленный «Соглашение с имперским министерством обороны от 25 января 1922 года».

С откровенностью, рожденной сознанием безнаказанности, Крупп писал: «В то же время фирма вела пропаганду внутри страны, доказывая, что условия Версальского договора не обязательны. Те же настроения существовали и в германских правящих кругах. Они не могли примириться с тем, что на крупнейших военных заводах в Германии, пресектировавших в начале первой мировой войны конструкции почти всех типов орудий, растрачивается весь накопленный опыт и пропадают творческие силы...

Общие устремления и надежды правящих кругов и Круппа нашли выражение в соглашении, заключенном 25 января 1922 года. По политическим соображениям оно не было облечено в форму официального договора и носило характер джентльменского соглашения...

Это соглашение от 25 января 1922 года было первым значительным шагом, совместно предпринятым министерством обороны и Круппом, с тем чтобы обойти ограничения Версальского договора и тем самым нарушить его».

Уже в 1920 году Крупп, по договоренности с адмиралтейством, продает чертежи проекта германского подводного крейсера «У-142» и подводного миноносца «У-117» Японии. Там, в Японии, налаживается строи-

тельство подводных лодок под руководством крупновских конструкторов.

Аналогичные соглашения заключаются с Голландией и Финляндией.

И вот уже в Голландии, по примеру Японии, создаются для экспериментирования в строительстве подводных лодок специальные верфи «Везер» и «Вулкан».

В распоряжение суда предоставляется выдержка из документа фирмы Круппа: «Борьба флота против Версальского договора в 1919—1935 гг.». В документе читаем:

«После подписания Версальского договора и выполнения его условий какая бы то ни было практическая работа в области развития подводного оружия в Германии исключалась. И тем не менее, спустя всего лишь три с половиной месяца после того, как 16 марта 1935 года было объявлено о восстановлении суверенитета Германии, то есть 23 июня 1935 года, вступила в строй первая германская подводная лодка. Затем с интервалами в 8 дней начали вступать в строй новые подводные лодки. 1 октября 1935 года в строю уже находилось 12 подводных лодок с полностью обученными командами».

Итак, пришел 1935 год. Германия уже покинула Лигу Наций. Всё более откровенно выражает она свои агрессивные планы. Гитлеровское правительство без обиняков отказывается от военных ограничений и столь же открыто приступает к реализации огромной программы перевооружения.

Но откуда взять промышленную базу с налаженной технологией и обученным персоналом, чтобы сразу запустить машину изготовления вооружений на полный ход?

Годовой отчет фирмы Круппа за 1937—1938 годы дает на это ясный ответ:

«Версальский диктат почти полностью запрещал нам производить орудия и боеприпасы для армии, предписывал разрушение машин и оборудования, необходимого для производства вооружений... Несмотря на сомнения многих и вопреки советам некоторых экспертов, фирма решила сохранить свой ценный опыт, незаменимый для вооруженных сил страны. Мы решили сохранить заводы и персонал в готовности на случай, если вновь придется выполнять военные заказы.

...Когда нас вновь призвали производить вооружение в больших количествах, мы были немедленно готовы к этому... Сознание того, что мы выстояли и смогли быстро начать работать, наполняло нас гордостью».

На производство вооружения переключаются многие германские фирмы. Но они не имеют достаточного опыта. Этим опытом располагает Крупп.

Какой же капиталист так просто поделится производственными секретами с конкурентами?! А вот Крупп пошел на это.

Суду передается годовой отчет концерна за 1939—1940 годы, где сказано:

«Как только начала осуществляться программа вооружений, мы стали предоставлять в широких масштабах наш опыт в распоряжение других фирм как в области оборудования заводов, так и в области производственного процесса... Мы считали ... предоставление нашей фирмой другим фирмам технических данных, которые способствовали бы увеличению мощности военной промышленности ... оправданным, так как это служило интересам борьбы германского народа не на жизнь, а на смерть».

Яснее не скажешь!

Ближайшие советники фюрера

Годовой отчет Круппа за 1939—1940 годы содержал еще одно весьма любопытное признание. Раньше чем с ним ознакомиться, надо представить читателю Эриха Мюллера — члена правления и члена директориума концерна Круппа, начальника отделов этой фирмы по проектированию артиллерии и машиностроения, фюрера военной экономики, советника Гитлера по экономическим вопросам, советника военного министерства, руководителя комитета по вооружениям, члена нацистской партии.

На примере деятельности Эриха Мюллера можно еще раз убедиться, как трудно в империалистическом государстве распознать, где кончаются монополии, а где начинается правительство.

Так вот в годовом отчете фирмы Круппа было записано:

«...Министерство вооружений создало специальный комитет из представителей вермахта и представителей промышленности.

Начиная с марта отчетного года фюрер неоднократно вызывал к себе доктора Э. Мюллера, с тем чтобы обсудить с ним в деталях проблемы развития артиллерии. Фюрер хотел получить информацию по техническим вопросам непосредственно от Круппа, с тем чтобы затем, выслушав мнение военных, принимать решение. В том же месяце было создано министерство вооружений и боеприпасов во главе с доктором Тодтом... Доктор Тодт в связи с этим наладил сотрудничество с представителями крупных независимых предприятий».

Следовательно, и фюрер и его министр вооружений Тодт неоднократно консультировались с доктором Эрихом Мюллером еще до начала второй мировой войны. Прежде чем принять решение об очередной агрессии, Гитлер выслушивал Мюллера, а потом военных. Но для того чтобы Мюллер как эксперт мог давать заключение, он сам должен был знать, какие военные задачи ставил перед собой фюрер. Но если знал Эрих Мюллер, то знал и шеф концерна Густав Крупп.

«В сентябре 1939 года, — говорится в том же документе, — контроль над производством оружия был изъят из ведения комитета по вооружениям и передан в ведение специального комитета. Руководство им было поручено доктору Э. Мюллеру, к которому Тодт неоднократно обращался за специальной консультацией. В задачу этой организации входило увеличение продукции более чем трех тысяч заводов, производивших в то время вооружение».

Итак, в руках Эриха Мюллера руководство всеми тремя тысячами заводов, производившими вооружение в нацистской Германии тех дней. Для Мюллера не существует больше государственных секретов: любой план очередной агрессии должен быть ему известен во всех деталях, — ведь это ему поручено обеспечить вермахту материально-техническую базу для осуществления такого плана.

После сентября 1939 года были совершены акты агрессии против Норвегии и Польши, против Голландии, Бельгии и Югославии, против Греции и, наконец, против Советского Союза. И обо всем этом Эрих Мюллер знал

и экономически готовил к этому армию и страну. Знал об этом, следовательно, и его шеф Крупп, — знал и делал то же самое.

Таким образом, Крупп имел дополнительный источник информации в лице Эриха Мюллера, систематически и всесторонне осведомлявшего своего шефа об агрессивных планах нацистской клики.

Может возникнуть вопрос: чем вызвана граничащая с болтливостью откровенность, проявленная в годовом отчете фирмы Круппа за 1939—1940 годы?

Ответ следует искать в международной обстановке, сложившейся к началу 1941 года, когда документ составлялся.

Уже захвачены нацистами Польша, Голландия, Бельгия, Норвегия; разгромлена Франция. Густав Крупп и его наследник Альфред полагают, что пирог победы уже испечен и в дальнейшем речь пойдет только о дележе награбленного и того, что еще предстоит захватить. А в этих условиях отвечать надо будет только перед богом и собственной совестью. Бога господя Круппы никогда не боялись. Что же касается совести, то они, очевидно, полагали, что с этой легкомысленной дамой при желании всегда можно поладить. Вот почему перед лицом американского военного трибунала Альфред Крупп без всякого волнения поднимал вверх правую руку и, спокойно чеканя слова, повторял текст присяги: «Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю». Повторял и тут же преподносил высокому суду чистую ложь...

Инструкция Гитлера, направленная Герингу в 1938 году, предусматривала пятикратное увеличение в кратчайший срок воздушных сил и максимальное ускорение темпов перевооружения флота и армии, при особом внимании к наступательному оружию, и прежде всего к артиллерии и танкам.

Генерал Тэйлор осветил в своей речи ту роль, которую сыграла фирма Круппа (лично Альфред и уже известный читателю Мюллер) в выполнении этого указания фюрера:

«Фирма Круппа была ценной для выполнения всех этих планов и незаменимой для осуществления некоторых из них. Ведь в те годы Крупп обладал фактической

монополий в деле проектирования и производства тяжелой артиллерии и башен для танков... Главную роль фирма Круппа играла, однако, в перевооружении флота. Планы расширения заводов Круппа в целях выполнения обширной программы перевооружения флота обсуждались сначала в Берхтесгадене с Альфредом Круппом и Эрихом Мюллером в мае 1937 года. Крупп получил примерно 180 млн. германских марок беспроцентного займа для расширения своих предприятий... В 1938 году, после пяти лет непрерывного вооружения страны, Гитлер сам сказал Альфреду Круппу, что конца этой деятельности не видно».

Всё это дало обвинению основание утверждать:

«С момента захвата власти фашистами и вплоть до поражения Германии отношения между Гитлером и Круппом были исключительно тесными. Гитлер часто посещал Круппа и проверял, как выполняются различные проекты; он консультировался с представителями фирмы, в частности с подсудимыми Альфредом Круппом и Эрихом Мюллером, по проблемам, связанным с вооружением Германии.

...4 ноября 1938 года на совещании представителей металлургической промышленности, где присутствовали Альфред Крупп и Эвальд Лезер, Геринг поздравил их с большими достижениями».

Так обвинение наносило защитительной концепции Круппа и его коллег нокаутирующие удары.

●

Перед нами три фотографии.

Первая из них воспроизводит диковинный автомобиль полувековой давности. На заднем сиденье плечом к плечу восседают кайзер Вильгельм II в кажущейся теперь нелепой, старомодной прусской каске и еще не старый, слегка улыбающийся Густав Крупп с цилиндром в руках.

А вот вторая. Маленький Густав Крупп, уже седой, с непокрытой головой, стоит, слегка откинувшись назад, в уверенной позе человека, который хорошо знает свою силу и общественный вес. Его правая рука чуть вытянута вперед. На черном пиджаке слева большой железный крест. Напротив Круппа, в форме нацистского

штурмовика, в сапогах, начищенных до блеска, в фуражке, лихо сдвинутой набок, почти на правую бровь, стоит Гитлер. Он почтительно согнулся в полупоклоне и жмет небрежно полупротянутую руку владыки Рура. Вокруг мордастые эсэсовцы.

И, наконец, третья. На ней — двое. Справа Аденауэр, бывший канцлер ФРГ. Верхняя часть его лица серьезна, нижняя изображает подобие улыбки. Он пожимает руку стоящему слева Альфреду Круппу. Узкоплечий, высокий, в изящном черном костюме, в белой манишке, украшенной черной «бабочкой», Альфред — весь олицетворение корректности и сдержанности. Продолговатое, худое, бесстрастное лицо с непомерно крупным носом, плотно сжатыми тонкими губами чем-то напоминает лица католических патеров на старинных полотнах, и даже лысина сродни аккуратно выбритой тонзуре.

Мы убеждены, что должна бы быть и четвертая фотография: Альфред Крупп пожимает руку канцлеру ФРГ Кизингеру. Ведь вильгельмы, гитлеры, аденауэры, эрхарды, кизингеры приходят и уходят, круппы остаются, доколе существует мир империализма.

Адвокаты ищут выход

С первого дня войны в обозе наступающих германских войск следовали представители монополий. Начался по-вальный, хорошо подготовленный и организованный грабеж.

Существует французская поговорка: «На войне как на войне». Ее толкуют по-разному. В том числе и так: победитель, захвативший чужую территорию, может распоряжаться на ней, как он хочет, брать и вывозить всё, что ему заблагорассудится.

Именно так представляли свое положение и свои права на оккупированных территориях «деловые люди» из Рура. Мало кто из них задумывался над тем, что существует международное право, что оно связывает государства определенными правилами и ограничениями даже когда они ведут войну. И владельцы монополий и, тем более, их юристы знали, конечно, что существует Гагская конвенция 1907 года о законах и обычаях войны, что под этой конвенцией стоит подпись Германии.

Гагская конвенция устанавливает право воюющего государства только пользоваться на месте государственной собственностью — заводами, фабриками и их оборудованием, а отнюдь не подвергать эту собственность конфискации и вывозу на свою или другую территорию. Никто из рурских господ и нацистских чиновников и не думал считаться с тем, что Гагская конвенция категорически запрещает грабеж собственности, как движимой, так и недвижимой.

Обвинители на нюрнбергских процессах располагали многочисленными документальными доказательствами, что именно вожаки германских монополий были подлинными организаторами грабежей оккупированных территорий. Обвинение, разумеется, использовало это оружие в ходе нюрнбергских процессов.

Не дремали и защитники. Они отнюдь не чурались запрещенных приемов судебной борьбы.

Надо сказать, что линию для защиты руководителей германских монополий от обвинений в грабеже оккупированных территорий преложил еще на большом Нюрнбергском процессе адвокат Геринга Штамер.

Не имея возможности оспорить бесчисленные факты тотального грабежа стран, захваченных нацистскими разбойниками, Штамер решил найти для этого «теоретическое» обоснование. Прежде всего он решил подорвать Гаагскую конвенцию:

— Нельзя не учитывать, господа судьи, что речь идет о войне такой трудности, такого размаха, такой продолжительности и такой тотальности, о которых творцы гаагских правил ведения сухопутной войны определенно не только не имели, но и не могли даже иметь ни малейшего представления. Эта война была войной, во время которой борьба шла за существование или гибель народов. Это была война, во время которой переоценивались все ценности.

Штамер далее пытался развить доктрину «крайней военной необходимости»:

— В условиях, когда сильно возросло значение экономического фактора во второй мировой войне, Третья империя оказалась лицом к лицу с такой чрезвычайной опасностью, устранить которую можно было лишь приняв экстраординарные меры по экономической мобилизации ресурсов оккупированных территорий. Вот почему, господа судьи, там, где жизненные интересы государства поставлены под такую угрозу, нельзя, по моему, считать, что оно нарушает нормы права, если прибегает к методам, необходимым для предотвращения угрожающей опасности. В условиях бедственного положения ...во время войны разрешаются такие действия, которые ...сами по себе противоречат международному праву.

Бедственное положение! Не каждому приходилось в нем пребывать. Но, вероятно, каждый человек понимает,

что означают эти слова: землетрясение, наводнение, пожар, извержение вулкана. Это бедствия, и для устранения связанных с ними последствий принимаются чрезвычайные меры. Война, конечно, тоже создает бедственное положение. Но война — это не стихия. Войну готовят сознательно люди. В каждом отдельном случае они уверены, что хорошо подготовили её. Целью такой войны действительно является создание бедственного положения, но не для того государства, которое готовит и развязывает войну, а для того, которое становится объектом агрессии.

О каком же «бедственном положении» могли говорить гитлеровцы, сами развязавшие серию агрессивных войн и таким образом совершившие тяжчайшее международное преступление?

Спору нет, на определенном этапе войны, уже после того как нацисты создали действительно бедственное положение для многих народов, гитлеровское государство оказалось в свою очередь под серьезной угрозой, само себя поставив в то бедственное положение, о котором говорила защита.

Поэтому обвинители вполне резонно отвечали адвокатам: Германия сама развязала войну и сама же создала для себя бедственное положение, серьезную угрозу. Поэтому всякие попытки устранить такую угрозу новыми нарушениями международного права (например, грабеж оккупированных территорий) могут означать лишь нагромождение на одно преступление (агрессию) многих новых преступлений.

Кроме логических и правовых доводов, изложенных выше, адвокаты монополий были поставлены лицом к лицу с документальными доказательствами.

А документы недвусмысленно подтверждали, что германские оккупационные власти приступили к тотальному грабежу захваченных территорий отнюдь не в связи с «бедственным положением» или «опасной угрозой», неожиданно возникшей для третьей империи в ходе той или иной войны. Грабеж оккупированных территорий, как свидетельствовали германские секретные документы, фигурировавшие на нюрнбергских процессах, планировался, как и другие военные преступления, задолго до начала войны и был неотъемлемой составной частью военно-стратегического плана агрессии.

С Советским Союзом по «Плану Барбаросса» должно было быть покончено в течение одного-двух месяцев. По выражению гитлеровцев, наша страна должна была рухнуть, «как картонный домик», в первые же недели войны.

Обвинители еще на процессе главных нацистских военных преступников предъявили суду документ, представляющий собой неотъемлемую часть «Плана Барбаросса». Это «Штаб Ольденбург» — кодированное название руководящего органа для ограбления советских оккупированных территорий. И этот «штаб» был создан не после поражения гитлеровцев под Сталинградом, когда действительно началось то, что немецкая защита называла «бедственным положением». Ведь этот орган для ограбления был создан 29 апреля 1941 года, то есть почти за два месяца до нападения на СССР...

Так рушился довод о «бедственном положении», или, как говорила защита, о «крайней военной необходимости».

И вот уже защита выдвигает новый вариант: не только само германское государство, но и лично руководители германских концернов оказались в состоянии «крайней необходимости». Не надо забывать, видите ли, в каких условиях жили и действовали промышленники и коммерсанты в гитлеровской Германии. Вряд ли защита должна доказывать судьям, что в третьей империи царил страшный террор и любой гражданин страны, коль шла речь об исполнении гитлеровских предписаний, не имел, в сущности, выбора. Если предписания не исполнялись безоговорочно, то надо было примириться с потерей собственности и жизни. Конечно, под понятие «любой гражданин» защита подводила и русских магнатов.

На судебных процессах германских монополий каждый подсудимый имел одного или нескольких защитников. Кроме того, специальный адвокат преподнес суду важнейшие юридические аргументы, касающиеся всех подсудимых. На процессе «ИГ Фарбениндустри» это сделал профессор международного права Волл.

— Отдельная личность, — говорил он, — была... впущена в преступные сети... государства и стала осознавать жестокость своего государства только после того, как началась война. Таким образом, страх перед конфликтом с самим государством или перед угрозой быть уничтоженным вместе со своей семьей... всё в большей степени

становится скрытым мотивом ее поведения. Чем ближе сталкивается она с жестокостями этой системы, тем больше растет ее страх.

Эта же мысль в несколько иной форме была высказана в меморандуме защиты от имени всех подсудимых: «Позиция защиты такова, что особые обстоятельства, в которых жили все обвиняемые после прихода нацистов к власти, сами по себе составляют совершенно ясную и действительную опасность и... поэтому обвиняемые вправе выдвинуть ссылку на крайнюю необходимость».

Запомним эту ссылку защиты. Запомним и другую.

Защита убедилась: когда речь шла о военных преступлениях, прокуроры во всех случаях ссылались на то, что подсудимые нарушали Гаагскую конвенцию. Но вот ведь какая неожиданность для обвинителей: адвокаты утверждают, что все меры экономического характера, которые предпринимались германскими промышленниками на оккупированных территориях, не только соответствовали, но даже диктовались Гаагской конвенцией 1907 года. И в этой связи защита просит суд обратить внимание на статью 43-ю конвенции:

«С фактическим переходом власти из рук законного правительства к занявшему территорию неприятелю последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь...»

Совершенно очевидно, утверждала защита, что самый факт оккупации территории создает большие трудности для населения этой территории. И прежде всего в экономической области: оккупация приводит к разрыву давно сложившихся экономических связей оккупированной территории с остальной частью страны, оставшейся под властью своего правительства. Этот разрыв создает экономический вакуум: нарушается система снабжения, возникает безработица и т. д. И поэтому, в точном соответствии с требованиями Гаагской конвенции, германская оккупационная администрация (а вернее, германские «деловые люди») чувствовала необходимость внести свой вклад в обеспечение нормальной экономической жизни оккупированной территории! И если бы это не было сделано, если бы опытные «деловые люди» не включили захваченные территории в экономическую жизнь оккупирующей страны, то вся оккупированная

территория несомненно стала бы вялой и деградировала бы».

Трудно придумать более «убедительные» доводы...

Было бы еще, как говорится, полбеда, если бы удалось подкрепить их достоверными фактами. Но это как раз и оказалось не под силу защите.

Грабеж по-нацистски

...Декабрь 1936 года. Крупнейшие промышленники собрались на совещание у Геринга. Густав Крупп хорошо помнит, что рейхсмаршал вел тогда речь о подготовке войны, суля германским монополистам богатую добычу в случае победы. С каким энтузиазмом Крупп и иже с ним восприняли тогда эту речь! Но об этом помнит не только Крупп, — протоколы совещания в руках обвинителя!

А вот другой крупнейший магнат германской индустрии, тоже военный преступник, Фридрих Флик, помнит совещание, в котором участвовали он и руководители авиационной промышленности. Выступал там тот же Геринг. Любил поговорить покойный рейхсмаршал! И оптимизма у него хватало. Теперь Флик готов согласиться, что он был даже чрезмерным, этот оптимизм. Разве не Герман Геринг тогда говорил: «Возможность победы вполне реальна. Она зависит исключительно от нашей мощи, от того, как мы сумеем ее мобилизовать, и от той степени решимости, с которой каждый намерен внести свой вклад, зная, что каждый в отдельности сможет либо извлечь выгоду, либо понести ущерб в зависимости от ситуации».

Извлечь выгоду! Еще бы, ведь ради этого, ради войны, которая должна ее принести, «деловые люди» в 1933 году предпочли Гитлера всем другим кандидатам в рейхсканцлеры.

Никто из монополистов не удивился, когда 26 июня 1940 года экономическая группа металлургической промышленности по поручению Геринга направила крупнейшим промышленникам запрос с грифом «строго секретно», озаглавленный: «Пожелания в связи с мирным договором и реорганизацией экономических отношений в Европе».

Но в 1947—1948 годах, когда «запрос» фигурировал в качестве документа обвинения за № НИ-3526, он принес много огорчений и подсудимым и защите.

Документ гласил: «Официальные круги запросили нас о наших пожеланиях в связи с мирным договором и перестройкой экономических отношений в Европе. Сожращения должны быть высказаны по следующим странам: Норвегия, Дания, Швеция, Голландия, Бельгия, Люксембург, Франция, Англия, а также Балканы.

Мы считали бы желательным, чтобы, выражая свои пожелания, вы напомнили об ущербе, который был нанесен нашим фирмам в зарубежных странах в результате мирного договора 1919 года... Помимо этого мы просим дать ваши предложения... касающиеся наиболее успешной организации нового экономического порядка в Европе».

Итак, вместо «тиранического давления» со стороны гитлеровского правительства вежливый запрос; «деловых людей» почтительно просят высказать свои пожелания по поводу «наиболее успешной организации нового экономического порядка в Европе».

«Новый экономический порядок в Европе». Когда шли нюрнбергские процессы, то всем уже хорошо было известно, что он означал: тотальный грабеж захваченных территорий, массовая депортация мирных граждан в Германию на рабский труд и уничтожение их на фабриках и заводах германских концернов, гибель тысяч и тысяч людей от голода и болезней.

И оказывается, что этот «новый экономический порядок в Европе» тщательно, детально, заблаговременно разрабатывался крупными германскими монополиями.

Это был первый, но не последний удар, который документ наносил защитительной концепции подсудимых.

Здесь была заложена еще одна мина. К 26 июня 1940 года в недрах генерального штаба вермахта уже был составлен во всех деталях план высадки в Англии под кодированным названием «Морской лев», уже были разработаны агрессивные планы нападения на балканские страны, многократно обсуждались варианты удара по Швеции. «Деловым людям» известны были эти планы. Так гитлеровская клика раскрыла монополистам свои перспективные планы агрессии. И некоторые из этих планов были действительно реализованы, например на

Балканах спустя почти год. А господа Крупп, Флик, Краух, Штейнбриик, Шницлер и некоторые другие пытаются уверить судей, что ничего не знали о завоевательных планах своего фюрера!

Вот какие препятствия на путях защиты воздвигал документ обвинения за № НИ-3526. Подсудимым надо было решить — отрицать и дальше, упорно отрицать всякое участие в строительстве «нового экономического порядка в Европе», или склонить голову и сказать правду.

Но «деловые люди» твердо убеждены, что судебный зал — это отнюдь не самое подходящее место для признания своей вины. Настоящая правда, по их убеждению, еще никому не приносила пользы в этом грешном мире, тем более она вредна на скамье подсудимых.

Они не отрицают, что им пришлось взять на себя руководство промышленными предприятиями на оккупированных территориях, что им пришлось пользоваться принудительным трудом депортированных. Но, признавая это, они рассчитывают на то, что суд разберется — при каких обстоятельствах и, главное, по чьей инициативе это делалось.

Однако обвинители напоминают подсудимым: у гитлеровского правительства достаточно своих грехов, не зачем сваливать на него еще и грехи индустриальных магнатов. И на стол суда легла еще одна серия изобличающих документов.

Альфреду Круппу напомнили, что крупповская фирма захватила близ Вены большое металлообрабатывающее предприятие — Берндорфский завод. Обвинитель процитировал выдержку из книги «Альфред Крупп и его семья», изданной в Германии в 1943 году: «Аншлюсс Австрии в марте 1938 года имел для фирмы «Крупп» благотворное последствие — к основной фирме «Крупп—Эссен» смогла быть присоединена старая фирма — завод металлических изделий в Берндорфе».

Однако Альфред Крупп никак не желал понять, почему аншлюсс Австрии — событие политическое — имел благоприятные последствия для чисто экономической сделки, связанной с приобретением Берндорфского завода. Обвинитель разъяснил.

Предъявляется письмо, в котором Вильмовский — шурин Густава Круппа, сам крупный монополист и член правления этого концерна, — в феврале 1937 года, то есть

еще за год до захвата Австрии, докладывает Круппу, что он просил начальника имперской канцелярии Ламмерса устроить Густаву встречу с фюрером, и как можно скорее: оказывается, старый Крупп хочет приобрести кое-какие австрийские акции. Почему такая обычная, чисто коммерческая сделка требует встречи с фюрером?

В то время основным владельцем акций Берндорфского завода был австрийский банк «Кредитанштальт», и он упорно отказывался от предложения Круппа продать акции завода. Отказывался потому, что в то время, когда нацисты грубо нажимали на Австрию, ни этот банк, ни австрийское правительство не хотели, чтобы немцы стали собственниками Берндорфской компании. Вот Крупп и решил просить фюрера поднажать на австрийское правительство.

Но пока Австрия не была захвачена, желания Круппа так и оставались желаниями. А вот после аншлюсса всё пошло как по маслу. Не прошло и двух недель после захвата Австрии, как рейхскомиссар в Австрии Вильгельм Кепплер 1 апреля 1938 года написал Вильмовскому:

«Я успел поговорить с рейхсмаршалом Герингом, и он не возражает против того, чтобы Ваша фирма приобрела большую часть акций Берндорфской компании».

Есть тут еще одна пикантная подробность. Нацистское правительство решило использовать австрийскую индустрию для премирования наиболее преданных и нужных фашистскому режиму концернов. И тут Крупп, разумеется, был вне конкуренции: четыре германские монополии зарились на Берндорфский завод, к финишу пришел Густав Крупп.

Ну, а раз завод передается фирме Круппа в виде премии, то покупка является просто фикцией.

Один из представителей банка «Кредитанштальт» показал на следствии:

«В мае 1938 года я прервал переговоры и доложил моим руководителям, что считаю неоправданным уступить столь выгодное предприятие за бесценок. Тогда последовало, как мне сообщили, вмешательство Геринга... и я, несмотря на все сделанные мною представления, не смог воспрепятствовать тому, чтобы концерн «Фридрих Крупп АГ» в Эссене стал собственником этого ценного предприятия, приобретя его всего за 8 424 000 марок».

А чтобы показать, что значили эти 8,4 миллиона марок по сравнению с действительной стоимостью Берндорфского завода, обвинители предъявили отчетные данные фирмы Круппа, составленные вскоре после приобретения завода. Оказалось, что его стоимость по балансу выражалась суммой, в три с лишним раза превышавшей указанную выше покупную цену.

И совершенно справедливо судья Уилкинс писал по этому поводу в своем особом мнении:

«Таким образом, мы видим, что тотчас же после совершения агрессии германским вермахтом Гитлер и его правительство были полны желания выплатить фирме «Крупп» свой долг. Они вполне оценивали ту тайную деятельность, которую проводила до 1933 года фирма «Крупп»: именно она дала возможность тотчас же после прихода Гитлера к власти приступить в широких масштабах к производству танков, артиллерии и подводных лодок самых современных для того времени типов. Нацисты знали, что без тайного сотрудничества Круппа с германскими вооруженными и военно-морскими силами в деле производства вооружений был бы невозможен аншлюсс и последовавшие за ним агрессивные войны».

...Американский обвинитель Макс Мандельлауб вызывает к свидетельскому пульту пожилого человека лет шестидесяти. Высокий лоб, негустые седые волосы небрежно зачесаны наверх. Лицо ученого. Неторопливым спокойным взглядом окидывает он скамью подсудимых, и его глаза на несколько секунд задерживаются на Альфреде Круппе.

«Мандельлауб. Свидетель, вы Артур Рюман?

Свидетель. Да.

— Ваша профессия?

— Историк-искусствовед, доктор философии, в настоящее время — директор муниципального собрания картин в Мюнхене.

— Когда Вы видели подсудимого Альфреда Круппа фон Болен?

— 18 мая 1940 года.

— Видели ли вы его потом?

— Нет, до вчерашнего дня не видел.

— Каким образом вы запомнили точную дату последней встречи?

— Я могу подтвердить это записями в своём дневнике, который я веду с 1908 года.

— У вас сохранился дневник за последние пять лет?

— Да, почти за каждый день.

— И в день, который вы назвали, записано, что вы виделись с Альфредом Круппом?

— Да.

— Можете вы привести короткие выдержки из своего дневника?

— Я прибыл в Дюссельдорф 18 мая рано утром и навестил моего знакомого Любса...

— Что случилось после того, как господин фон Болен присоединился к вашему обществу?

— Мы пошли в соседнюю комнату, сели за маленький журнальный столик, кто-то из присутствовавших развернул карту, и мы слушали новости по радио.

— Какие новости вы слушали?

— О продвижении войск в Бельгии.

— Это были германские войска?

— Да, о продвижении германских войск в Бельгии...»

Теперь Альфред Крупп всё вспомнил! Сейчас этот подлый старик, очевидно, начнет повествовать, как они — это были всё представители делового мира — делили между собой промышленные предприятия Голландии и Бельгии.

«— Один из присутствующих, тыча пальцем в карту, сказал (не знаю, кто, они говорили громко и возбужденно): «Здесь господин Шмидт или Губер, или кто-нибудь иной. У него два завода, что ж, мы арестуем его...»

— Создалось ли у вас впечатление, что речь идет о лицах, связанных с промышленностью оккупированных стран?

— Без сомнения.

— А господа, за спиной которых вы стояли, обсуждали вопрос о распределении отдельных районов и предприятий?

— Да.

— Было ли совершенно ясно, что это были промышленники?

— Без сомнения.

— Они, те, что беседовали при вас, чувствовали себя свободно, их не смущало ваше присутствие?

— Такое у меня впечатление. Обо мне попросту забыли, и я был глубоко возмущен поведением этих четырех господ, которые вначале показались мне очень приятными молодыми людьми — я могу так говорить, поскольку я старше их по крайней мере на двадцать лет. Я был поражен, с какой безжалостностью эти люди, образованные люди, делят собственность и решают судьбу людей в чужой стране. Мне было так противно, что я пошел к хозяину и сказал... я помню точно свои слова: „Господин Любс, могу ли я уйти? Мне кажется, что я ни к чему здесь”».

Во всем мире известна фирма «Зингер», выпускающая швейные машины. Ее предприятия частично были расположены в Германии, но собственниками фирмы являлись американцы. Однако какое всё это имеет отношение к почтенному концерну «Фридрих Крупп»? Оказывается, прямое: с лета 1941 года Альфред Крупп стал проявлять большой интерес к американской собственности, расположенной на территории третьего рейха. Архив монополии пополнился двумя письмами.

Первое гласило:

«Господин А. фон Болен запросил меня, какие шаги мы предприняли, чтобы обеспечить опеку над предприятиями, интересующими нас, в том случае, если будет проведена конфискация американской собственности как акт возмездия по отношению к США... Господин А. фон Болен просит кратко сообщить ему об этом».

Второе письмо:

«Не подойдет ли также и фирма «Швейные машины Зингера»? Эта фирма — американская собственность. Вскоре будет рассмотрен вопрос о назначении опекунов в качестве возмездия американцам. Быть может, представитель фирмы «Крупп» станет опекуном?»

Да, это были весьма неприятные документы и свидетельские показания.

Во-первых, они вновь и вновь показывали бурлящую через край инициативу Альфреда Круппа и его людей в захвате чужой собственности под любым предлогом, который дает агрессивная война.

Во-вторых, здесь, как и в других случаях, отсутствует даже какой-либо намек на давление со стороны нацистского правительства.

В-третьих, какая поразительная политическая прони-

цательность: за шесть месяцев до объявления Германией войны Америке и до нападения японских империалистов на Пирл-Харбор Альфред Крупп уже планирует, что он должен предпринять «в том случае, если будет проведена конфискация американской собственности как акт возмездия по отношению к США».

Разве вся эта переписка не подтверждает, что Крупп и его коллеги знали о планах агрессии нацистской Германии и ее союзников, в данном случае — Японии?

И аналогичных доказательств на процессе Круппа было предъявлено немало.

Альфред Крупп мог утешаться разве тем, что у его давнишних конкурентов, а ныне коллег по скамье подсудимых — Флика, Шницлера, Рёхлинга и других, — дела идут не лучше. И там столь же успешно лопаются, как мыльный пузырь, версия насчет «принуждения» господ монополистов к грабежу.

Конец августа 1940 года. Только что закончился разгром Франции. Руководитель многих предприятий концерна «Флик», фюрер военной экономики, чиновник «Имперского объединения угля и стали» и подсудимый по делу этой монополии Одило Буркардт ведет переговоры с «генеральным уполномоченным по углю и стали в системе четырехлетнего плана» генералом фон Ханнекен.

Переговоры эти с немецкой тщательностью стенографируются и в конечном итоге оказываются в распоряжении Военного трибунала.

В Лотарингии существовали мощные металлургические заводы, владельцем которых являлась «Сосьете Лоррэн де Аспери де Ромбах». Сокращенно их именовали «Ромбах» и «Махерн».

У Фридриха Флика были веские экономические причины для захвата этих заводов.

О чем же беседовали Буркардт и фон Ханнекен?

«Буркардт. У нас возникла идея приобретения еще одного завода близ Ромбаха, возможно «Хомкур», который находится по соседству с заводом «Ромбах».

Ханнекен. Я никак не могу понять, что вы ищете в Лотарингии. Ведь очень ценные предприятия находятся у вас под рукой.

Буркардт. О каких ценных предприятиях вы говорите?

Ханнекен. Например, о заводах в Верхней Силезии...»

Буркардт ищет кусок пожирнее, поприбыльней, где можно меньше вложить и больше извлечь, а фон Ханнекен настойчиво предлагает ему польские заводы, где и оборудование похуже, и руда победнее. Торг продолжается.

Буркардт приходит к выводу, что несговорчивый генерал фон Ханнекен хочет обязательно повернуть его лицом не к Лотарингии, а к Верхней Силезии.

И здесь мы также сталкиваемся с жестокой конкуренцией между монополиями. Бизнес есть бизнес. И коль скоро в гитлеровской Германии грабеж оккупированных стран монополистами стал весьма доходной формой бизнеса, конкуренция и тут не замедлила сказаться.

Буркардт сообщает своим коллегам о возникших затруднениях, и в дело пускается тяжелая артиллерия. Сам Фридрих Флик убеждает фон Ханнекена и министра экономики Функа в своей «правоте». После этого он пишет 1 ноября 1940 года письмо Герингу, от которого зависело окончательное решение вопроса. И его предъявили трибуналу обвинители.

Из этого письма видно, что не понуждать, а сдерживать надо господ монополистов, которые, как свора шакалов, готовы разорвать на части чужое добро, отнимая друг от друга наиболее лакомые куски:

«Имперский министр экономики распорядился, чтобы вновь приобретенные на восточных и западных территориях предприятия (так деликатно Флик именуется грабительские акции нацистов. — Авт.) распределялись на основе равенства. Имперский министр экономики при этом признал моральное право на приоритет нашей группы ввиду прежних достижений в восточной части Верхней Силезии...»

Наконец, 20 февраля 1941 года, Флик получает долгожданное решение. Напрасно Герман Рёхлинг писал генералу Ханнекену:

«Если руководство заводами будет передано Флику, а не мне, я буду рассматривать это как личное оскорбление...»

Однако Флик получил не только право руководства заводами «Ромбах» и «Махерн»: вскоре ему удалось стать собственником этих предприятий.

Читатель уже знает, как Крупп «купил» за бесценок Берндорфский завод в Австрии и какими средствами ему удалось заставить «продавца» пойти на это.

А вот Флику не пришлось никого заставлять; он ведь «приобрел» заводы в Лотарингии не у их собственников, а у германской военной администрации, которая их конфисковала. Здесь были люди сговорчивые.

Обвинители кладут на стол суда «Выдержки из отчета комиссии, занимавшейся переоценкой стоимости заводов „Ромбах” и „Махерн”». Комиссия определила такой процент амортизации оборудования и зданий этих первоклассных заводов, что их «продали» Флику всего за 10 процентов действительной стоимости.

Или вот «ИГ Фарбен». Любопытно, например, посмотреть, как гитлеровское правительство «навязывало» концерну химические заводы в Польше.

Июль 1939 года... Германские войска вторгнутся в Польшу только 1 сентября, а фон Шницлер уже полон забот о судьбах польской химической промышленности. Он пишет Курту Крюгеру — юристу и одному из ведущих должностных лиц концерна «ИГ Фарбен»:

«Можно полагать, что четыре польские фабрики, занятые производством красителей, окажутся в германских руках в ближайшее время». Далее Шницлер дает исчерпывающую характеристику промышленного значения и производственной мощности этих предприятий. И какая поистине завидная оперативность проступает далее в этом письме: не просто идея зародилась — прибрать к рукам польскую химическую промышленность, — но и кадры для осуществления этой затеи уже подобраны, уже готовы к действию!

Не успели еще германские войска закончить военные действия в Польше, как 15 сентября 1939 года фон Шницлер и фон Крюгер направили в министерство экономики письмо:

«Мы предлагаем, чтобы имперское министерство экономики распорядилось о назначении концерна «ИГ Фарбен» доверенным рейха по управлению следующими заводами, расположенными на территории Польши...» Дальше перечисляются все польские химические заводы. «...Весь персонал, который потребуется для Польши, находится в готовности на наших заводах и отделениях».

Легко представить, что происходило на скамье подсудимых по делу «ИГ Фарбен» и за столом защиты, когда оглашались эти документы. Ведь рухнула тщательно подготовленная защитой позиция о «принуждении», которому подвергались в третьей империи господа монополисты.

Когда эта линия защиты провалилась на всех процессах монополий, то появилась на свет другая, так сказать, запасная и уже известная читателю версия: честные германские монополисты никогда не собирались стать собственниками чужих предприятий на захваченных территориях; они лишь согласились быть добросовестными опекунами этих фабрик и заводов.

Но у германских концернов было весьма своеобразное представление об опеке, об аренде.

Мы только что познакомили читателя с тем, как германский химический спрут «ИГ Фарбен» запускал свои щупальца в польскую химическую промышленность. «Фарбен» этого было мало.

Уже 10 ноября 1939 года нетерпеливые фон Шницлер и Крюгер атакуют имперское министерство экономики очередным посланием:

«Желательно, конечно, заключить долговременное соглашение: это позволило бы восстановить производство... Во время действия долгосрочного соглашения — мы имеем в виду срок в двадцать лет — рейх намерен передать заводы в руки германских частных собственников. Для этого необходимы новые капиталовложения. Нам казалось бы разумным, чтобы в этом случае при покупке заводов концерну «ИГ Фарбениндустри» был предоставлен приоритет».

Оглашается еще одно письмо. Из него видно, что понадобилось всего полтора года для превращения «опекунов» и «арендаторов» из «ИГ Фарбен» в собственников крупнейшего польского химического завода «Борута». Это письмо, подписанное Шницлером и Купером и адресованное имперскому министерству экономики, гласило:

«Мы с благодарностью сообщаем о получении решения главной конторы по опекунским делам для Востока, из которого явствует, что концерн «ИГ Фарбен» может не просто получить в аренду, а приобрести завод «Борута».

Следует сказать, что методы грабежа в западных странах были разнообразны. Кроме известных уже читателю приемов, таких, как «аренда», «опека», «покупка», был и еще один, который можно охарактеризовать как метод троянского коня. Его охотно применяли руководители «ИГ Фарбен».

Химические бизнесмены считали, что лучший способ действий в некоторых европейских странах — приобретение контрольного пакета акций. Коль скоро 51 процент этих ценных бумаг переключивал в сейфы «ИГ Фарбен» — можно было спать спокойно! Конечно, владельцы и управители монополистических объединений европейских стран прекрасно понимали, что отдать 51 процент акций — значит превратиться из хозяина в приказчика. И чтобы заставить деловых людей Франции уступить контрольный пакет акций, надо было найти убедительные аргументы. На процессе «ИГ Фарбен» защита пыталась доказать, что любые сделки концерна на оккупированных территориях Западной Европы заключались на взаимовыгодной основе и являлись результатом свободных переговоров, как это всегда бывает между деловыми людьми.

Обвинители доказали нечто обратное. И какой неприятный аспект приобрела тогда операция с благозвучным наименованием «Соглашение Франколор». Во Франции до войны существовали три крупные фирмы по производству красителей: «Кюльман», «Сен-Дени» и «Сен-Клэр дю Рон». Эти три фирмы были многолетними деловыми партнерами «ИГ Фарбен». На основе картельных соглашений, многократно возобновляемых, немецкие и французские капиталисты по-божески делили рынки сбыта и прибыли. Французским промышленникам во сне не снилось, что пробьет час, когда корректные немецкие коллеги из «ИГ Фарбен» возьмут их за горло и скажут жестко и недвусмысленно: либо вы уступаете нам управление вашими фирмами, либо мы сделаем вас банкротами.

И такой час пробил.

В 1940 году, тотчас после капитуляции Франции, представители «ИГ Фарбен» повели переговоры с оккупационными властями. Цель переговоров была простой и ясной: добиться, чтобы французским химическим фирмам было отказано в валюте и лицензиях для закупки

сырья и всего прочего, что необходимо для возобновления нормального производства в интересах местной экономики.

Разумеется, немецкая оккупационная администрация была внимательна к пожеланиям господ из «ИГ Фарбен», и очень скоро все эти «Кюльманы», «Сен-Дени» и «Сен-Клэр дю Роны» оказались на краю банкротства. Быстро сообразив, откуда дует этот вредный ветер, владельцы французских фирм сами предложили Шницлеру и его коллегам начать переговоры.

Во время этой встречи Георг Шницлер, между прочим, разъяснил своим французским коллегам, что довоенные картельные соглашения с «ИГ Фарбен», которые французские промышленники наивно хотели положить в основу переговоров, более не существуют, они аннулированы блестящими успехами германского оружия.

Шницлер, Тер-Мейер и Клюгнер, точь-в-точь как Гитлер и Риббентроп, клали на стол переговоров вместо аргументов правовых аргументы силы, угрозы и шантажа. А в качестве идеологической приправы высокопарно выдвигался тезис об «исторической миссии» концерна «ИГ Фарбен», призванного фюрерствовать в европейской химической промышленности.

Одновременно указывалось, что эта историческая миссия была несправедливо ущемлена Версальским договором, но вновь восстановлена Компьенским соглашением о перемирии 1940 года.

Короче, «Фарбен» потребовал контрольного пакета акций в предприятиях французской промышленности, занимавшихся производством красителей. Это требование было энергично поддержано послом Хемменом, который недвусмысленно дал понять французским монополистам, какая угроза возникнет для них в случае срыва «переговоров».

Торг продолжался несколько месяцев, и когда французские промышленники увидели, что коллаборационистское правительство Петэна не только не может им помочь, но и советует подчиниться, они капитулировали: «ИГ Фарбен» получил 51 процент акций всех перечисленных французских фирм, став обладателем контрольного пакета.

Так шаг за шагом разрушалась легенда защиты

о «свободных переговорах», и Шницлеру, Тер-Мейеру и Клюгнеру пришлось без всякого удовольствия услышать в приговоре трибунала следующие слова:

«Мы находим, что элементы принуждения и шантажа присутствуют в полной мере в сделке «Франколор», и считаем безоговорочно установленным нарушение Гаагской конвенции».

В конце июня 1940 года и нацистское правительство, и господа из Рура были настроены весьма оптимистично. В столице «ИГ Фарбен» — Франкфурте-на-Майне — строили европейские и глобальные планы тотального захвата химической промышленности. 24 июня 1940 года доктор Георг фон Шницлер, инициатива которого кажется неиссякаемой, шлет письмо своим коллегам по правлению и всем членам коммерческого комитета «ИГ Фарбен»:

«Господа! Мы получили специальный запрос от правительства с требованием представить в кратчайший срок программу, на которой должна быть основана система организации химической промышленности в Европе после заключения мирного договора».

И дальше Шницлер сообщает:

«Проблема рассматривается не только в отношении тех стран, которые в настоящее время находятся в состоянии войны с Германией, но также по отношению к тем странам, *которые являются союзниками Германии*, а также по отношению к нейтралам. Таким образом, предметом исследования будет не только обращение с Англией и Францией, *но и в равной степени с юго-восточными странами и с Италией*». (Курсив наш. — Авт.).

Какой разительный образец нацистского коварства и лицемерия: как только победа будет достигнута, можно начать грабить не только врагов, но и союзников — Италию, Венгрию, Болгарию, Румынию и Финляндию. Под скипетр «ИГ Фарбен» должна перейти вся химическая промышленность и побежденных стран, и нейтралов, и союзников.

Октябрь 1940 года... Западная Европа захвачена гитлеровцами. Остатки английской экспедиционной армии, потерявшие почти всю свою технику под Дюнкерком, вывезены в метрополию. Нацистам уже мерещатся захваченные и покоренные Британские острова, а с ними и вся империя.

И снова, 22 октября 1940 года, Шницлер пишет членам коммерческого комитета строго секретное письмо. Надо детализировать план ограбления химической промышленности Англии, тем более что гитлеровское правительство осталось очень довольно аналогичным планом «ИГ Фарбен» для Франции.

Из письма, правда, видно, что Шницлера одолевали некоторые сомнения насчет преждевременности раздела британского колониального наследства. Однако правительственный чиновник доктор Мюлерт, очевидно, быстро их рассеял, и Шницлер решил поставить «вопрос «Англия» в качестве первого пункта для нашего следующего совещания».

Хорошо известно, каким грабителем по натуре был Герман Геринг. Это он в августе 1942 года собрал совещание рейхскомиссаров оккупированных стран, на котором напутствовал всю эту шайку следующим образом:

«Боже мой! Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать всё возможное, этого я ожидаю от вас.

Вы должны быть как легавые собаки! Там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ, — всё должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда... Я намереваюсь грабить, и именно эффективно...»

Но даже «железного Германа» смутили масштабы грабительской деятельности монополий. Поэтому в июне 1940 года на совещании так называемого «Малого кружка», который состоял из представителей крупнейших германских монополий, министр экономики Функ от имени Геринга предостерегал рурских господ: «Следует избегать эксцессов, которые могли бы восстановить влияние противников частной собственности», поэтому «особенно важно не показывать открыто стремления к захватам».

„Если расизм сулит наживу, то да здравствует расизм!“

Одной из самых позорных и преступных страниц в истории третьего рейха была его расистская политика,

в конечном итоге принявшая форму геноцида, то есть полного уничтожения целых национальностей.

И понятно поэтому, что на судебных процессах монополий «деловые люди» всячески изощрялись, доказывая, что им претила расовая политика нацизма. Ведь всем известно, что капитал по своей природе космополитичен. Упрек в адрес монополий, что они якобы использовали в своих корыстных целях антисемитскую политику нацистского правительства, уже по одному этому, видите ли, несостоятелен.

А вот факты.

Еще в самом начале гитлеровского господства в Германии была проведена «ариизация», в ходе которой крупнейшие монополисты захватывали фирмы, принадлежавшие лицам еврейской национальности. Так, например, Крупп «ариизировал» фирму «Оренштейн и Коппель», Гамбургскую судоходную компанию, торговую фирму «Бернхард Блюменфельд». Не отставали и другие концерны.

Затем, когда были развязаны агрессивные войны, то же самое повторялось на оккупированных территориях. Мы уже видели, как это проделывал «ИГ Фарбен» в Польше в отношении химических заводов, владельцами которых были евреи.

Ответственный сотрудник «ИГ Фарбен» доктор Манке в письме от 16 января 1941 года директорам заводов этого концерна Швабу и Шенеру, излагает порядок эксплуатации польских химических заводов:

«Мы наметили следующий план для «Боруты»:

1. Во имя укрепления германизма мы считаем необходимым срочно создать близ Згирца, на разумном расстоянии от заводов фирмы «Борута», поселение для рабочих и служащих этого завода, примерно на сто домов. Будет использован опыт создания таких поселений в Великой Германии.

2. Для укрепления духа сотрудничества и этнической общности между германскими служащими заводов для них будут созданы, помимо квартир, общественные учреждения — библиотеки, залы для встреч, спортивные залы».

Итак, «во имя укрепления германизма» концерн организует гетто для польских рабочих и служащих и селтлмент для германских служащих этих заводов...

Роберт Ротшильд являлся собственником крупного завода сельскохозяйственных машин, расположенного во французском городе Лианкуре. Когда в июне 1940 года в город вошли германские войска, Ротшильд скрылся в общем потоке беженцев и поселился к югу от Лиона в департаменте Дофин, в той части Франции, которая не была оккупирована гитлеровцами. Будучи евреем, он не мог вернуться в Лианкур и поручил своему шурину, югославу Милошу Целапу, управление заводом. Целап управлял предприятием до 28 декабря 1940 года, когда он был смещен на основании «арийского» закона, изданного германским военным командованием во Франции. Новый управляющий заводом был назначен германскими властями.

В июне 1942 года фирма Круппа начала «переговоры» с целью захвата принадлежащего Ротшилду завода. Сперва Крупп добился передачи ему этого предприятия в «аренду», затем, как указано в приговоре, он «купил тридцать станков и почти всё заводское оборудование по смехотворно низкой цене... Фирме «Крупп» было позволено расширять цехи, менять оборудование и станки».

Но ненасытному Круппу всего этого было мало, он не желал довольствоваться ролью фактического владельца завода и требовал юридического оформления права собственности на это предприятие.

Да вот беда! Бежавший на юг Франции Ротшильд увез с собой все акции своего завода, все финансовые отчеты и конторские книги.

К этому времени немецкие власти назначили временным управляющим заводом креатуру Круппа, некоего Рихарда Сандре. Его Крупп и направил в департамент Дофин для переговоров с Ротшилдом.

И вот, по просьбе обвинителя Мандельлауба, трибунал оглашает показания Милоша Целапа, из которых становится совершенно очевидным весь ход событий:

«— Был ли Крупп заинтересован в покупке акций завода в Лианкуре?»

Целап. Прежде всего Крупп хотел завладеть заводом и купил оборудование. Затем он был заинтересован в том, чтобы заполучить акции, ибо это дало бы ему право распоряжаться собственностью в Лианкуре.

— Вы говорите, что они покупали оборудование?

— Да, они покупали станки и оборудование, но платили за них по цене, которая совершенно не отвечала подлинной стоимости.

— Получили ли они согласие Ротшильда?

— Нет, они и не пытались получить согласие Ротшильда...

— Признавал ли Ротшильд когда бы то ни было законность этой сделки?

— Нет, никогда.

— Господин Сандре отправился на свидание с Ротшильдом с целью получения финансовой информации, которая позволила бы ему установить стоимость акций. Так ли это?

— Да, ибо все книги и финансовая отчетность были в руках Ротшильда.

— Когда это примерно было?

— Сандре приехал примерно 5 или 6 февраля 1944 года.

— Когда Ротшильд отказался предоставить финансовую информацию, угрожал ли ему Сандре?

— Да, он угрожал ему несколько раз.

— Присутствовали ли вы при произнесении этих угроз?

— Да.

— Помните ли вы, что он говорил?

— Да, он сказал: «Если вы не дадите мне необходимую информацию, то можете себе представить, что вас ждет».

— И что же произошло?

— 21 февраля 1944 года Ротшильд был арестован. Он был депортирован сначала в Лион, затем в лагерь Ванси, а оттуда 7 марта 1944 года в Освенцим, откуда больше не вернулся.

— Было ли исчезновение Ротшильда в интересах фирмы Круппа, действовавшей в Лианкуре?

— Да, я полагаю, так как Ротшильд наотрез отказывался вести переговоры с Круппом».

Трибунал записал в приговоре по делу Круппа, что по пути в Освенцим... «Ротшильд сумел переправить из пересыльного лагеря во Франции записку своему шуруну Целапу, где писал, что доподлинно знает, что всё дело организовано Сандре и Дамуром (Дамур — юрист при комиссаре по еврейским делам в Лионе. — Авт.)».

- Так Альфред Крупп расправился с упрямым Ротшильдом, так он округлял свое состояние, опираясь на гитлеровские расовые «законы».

Активно участвуя в грабеже оккупированных стран, руководители монополий понимали, что наилучшие условия для такой деятельности будут созданы лишь тогда, когда в их руках окажутся важнейшие, ключевые посты в государственном аппарате, ведающем военной экономикой.

Крупп чувствовал себя увереннее, чем другие монополисты, поскольку ему удалось поставить во главе военно-экономического штаба вермахта своего человека — Томаса. Вообще Крупп считал, что монополии должны позаботиться о государственном аппарате, снабдив его квалифицированными людьми. И не надо скупиться: раз дал в распоряжение государства своих служащих, не возлагай на него бремя содержания этих людей; монополии не обеднеют, если сами будут платить им жалованье. Зато такие «государственные» служащие будут твердо помнить, кто их действительные хозяева.

А на суде Альфред Крупп недоумевал: непонятно, как это он, частное лицо, мог влиять на государственный аппарат и, тем более, раздавать посты в этом аппарате?!

Однако обвинители опирались только на факты.

...Георг Уфер был инженером рудной промышленности и работал у Круппа.

Вот выдержки из его показаний:

«В мае 1940 года я был нанят фирмой на работу в качестве помощника управляющего акционерного общества «Югохром», которое было создано в то время. Это общество на 50 процентов финансировалось Круппом и на 50 процентов — концерном «Герман Геринг». Я, будучи экспертом по рудному делу, должен был исследовать с геологической точки зрения качество залежей хромовой руды в Югославии, приобретение которых стало возможным, а затем — наладить разработку залежей».

Итак, за одиннадцать месяцев до вторжения в Югославию Крупп на паритетных началах с концерном «Герман Геринг» организует новое акционерное общество «Югохром» для эксплуатации залежей хромовой руды в Югославии, «приобретение которых стало возможным». Крупп — Геринг! Какое зловещее военно-коммерческое партнерство! И какое неопровержимое доказательство

того, что германское правительство заблаговременно информировало Круппа о подготовке агрессии против Югославии.

Да что там Крупп! Даже от его служащих не считали нужным скрывать планы агрессии. Послушайте показания Уфера:

«В конце февраля 1941 года, примерно за пять недель до вторжения германских войск в Югославию, я был приглашен в контору генерального консула Нейхаузена в Белграде. Генеральный консул сообщил мне, что я должен по срочному делу выехать в Берлин и сделать доклад экономическому и военному отделам верховного командования вермахта.

По приезде в Берлин я направился в отдел верховного командования вермахта, названный мне Нейхаузенном. Там меня уже ждал офицер высокого звания. Я не помню его имени, но он знал, кто я такой. Он потребовал от меня присяги в строгом сохранении тайны. Затем он сказал мне, что война с Грецией неизбежна и я должен быть готов к деятельности в качестве советника военной администрации Греции».

Какое удивительное смешение должностей и какое совпадение целей армии и делового мира!

Не поймешь, где кончается Крупп и где начинается вермахт с его штабом и разведывательным управлением.

Генеральный консул Нейхаузен взмахивает волшебной палочкой, и на глазах у изумленных зрителей исчезает Уфер, служащий Круппа, и возникает Уфер — доверенное лицо и шпион вермахта. Попутно «офицер высокого звания» информирует Уфера об очередном плане агрессии, на сей раз против Греции, и обещает ему ответственный официальный пост советника военной администрации в этой стране.

Однако Уфер крупповский тоже не исчез окончательно. Вот как он сам об этом рассказывает:

— Я возвратился в Белград и продолжал работать представителем Круппа. 1 апреля, за несколько дней до вступления в Югославию германских войск, я вместе с другими немцами был эвакуирован из Белграда. В апреле 1941 года, после оккупации страны, я вернулся в Белград в качестве советника военной администрации. Назначение было утверждено тем же высшим офицером, который в свое время рассказал мне о планах

вторжения в Грецию. Я сообщил фирме «Крупп», точнее — директору Янсену, о своем новом назначении.

Итак, Уфер приступает к работе в качестве советника военной администрации, но не в Греции, а в Югославии, и находится в подчинении у полковника Браумюллера, начальника военно-экономического штаба на Востоке. Однако он не оставляет и свою коммерческую деятельность: «Я оставался представителем фирмы «Крупп» по хромовым рудникам на территории Югославии. Свою деятельность для фирмы «Крупп» я продолжал с момента моего назначения советником военной администрации и вплоть до июня 1944 года. В течение всего этого времени я носил военную форму».

Уфер — это современное подобие двуликого Януса — носит военную форму и успешно служит двум богам.

А Крупп с помощью уферов выступает на оккупированной территории не только как представитель частной фирмы, но и как лицо, облеченное государственной властью, властью оккупанта. Как это удобно — конечно, для круппов, — и как это по-империалистически современно!

Но что же было дальше с рудниками? Их конфисковала германская военная администрация.

Круппу очень приглянулись эти хромовые рудники. Они принадлежали еврею Мозесу Аско. С евреями же счета совсем просты. И вот свидетель Георг Уфер сообщает суду, как Георг Уфер, представитель Круппа, «купил» у представителя германской военной администрации в Югославии Георга Уфера хромовые рудники:

«Как мне было известно, эти 1000 акций (Мозеса Аско. — Авт.) были конфискованы генеральным уполномоченным по вопросам экономики в Сербии как имущество, принадлежащее евреям, а фирма «Крупп» приобрела затем через меня эту конфискованную собственность Мозеса Аско».

Теперь посмотрим, что означает выражение «фирма „Крупп“ приобрела».

Оглашается письмо Хипа, служащего фирмы «Крупп», в финансовое управление концерна, которым тогда ведал подсудимый Янсен — член правления и директориума этой монополии.

«Мы не можем понять, — пишет Хип, — почему генеральный уполномоченный по вопросам экономики в

нынешних условиях настаивает на уплате нами 400 000 динаров, которые по существу относятся к тому периоду времени, когда фирма принадлежала еврейским собственникам. Нам казалось бы правильным, если бы финансовое управление приняло решение отменить эти платежи...»

В конечном счете концерн «Крупп» настоял на своем, и германский генеральный уполномоченный отменил распоряжение о выплате фирмой этих сумм.

Подобными же приемами широко пользовались и другие германские монополии.

Так, «ИГ Фарбен» имел своего «уфера» в лице Шваба. Этот свидетель рассказал, что, будучи чиновником «ИГ Фарбен», он в 1939 году сделался одновременно уполномоченным министерства экономики по управлению польскими химическими заводами.

Читатель помнит, как успешно Флик обошел Рёхлинга и захватил во Франции заводы «Ромбах» и «Махерн». Здесь уместно напомнить еще одно обстоятельство, которое помогло Флику одержать эту победу.

Один из членов правления концерна Флика — Штейнбринк, в прошлом офицер военно-морского флота, командир подводной лодки в годы первой мировой войны, в дни мира решил переквалифицироваться в коммерсанта и проделал это весьма успешно. Он пользовался немалым весом во влиятельных кругах нацистской Германии.

Флик добивался назначения Штейнбринка чрезвычайным уполномоченным рейха по углю и стали в северной части оккупированной Франции, то есть как раз там, где расположены столь соблазнительные для Флика заводы «Ромбах». И конечно же, бизнесмен Штейнбринк, уже в качестве официального лица, принимал участие в передаче Флику французских предприятий... Флик победил!

Герман Рёхлинг учел этот урок.

После войны он предстал перед французским трибуналом. На суде выяснилось, что подозрительный Герман в деле грабежа чужой собственности не верил даже своим служащим. Поэтому после поражения Франции он добился назначения самого себя на пост уполномоченного рейха по вопросам металлургической промышленности в нескольких французских департаментах. Обретя этот пост, Герман Рёхлинг успешно «купил» ряд французских металлургических предприятий в этих

департаментах. Это в известной мере смягчило горечь, которую он испытал после своей неудачной попытки перехватить у Флика заводы «Ромбах».

„Советский Союз следует считать распущенным“

В западных странах, как мы видели, господа из Рура и их гитлеровские прислужники считали нужным прикрывать свои грабительские акции хотя бы видимостью покупки, аренды, опеки или приобретения контрольных пакетов акций. Создавалась какая-то иллюзия законности. В Советском Союзе какая-либо маскировка была признана излишней. Правительство гитлеровской Германии поспешило сообщить, что в отношении советской государственной и общественной собственности вообще не может быть никаких ограничений, основанных на международном праве, с которым нацисты, впрочем, никогда всерьез не считались.

В день нападения на Советский Союз — 22 июня 1941 года — правительство рейха издало постановление об управлении оккупированными территориями, в котором, в частности, указывалось:

«Что касается положений Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны, то они не относятся к СССР, так как Союз ССР следует считать распущенным и германскому правительству... надлежит ликвидировать в оккупированных областях все правительственные и другие органы власти. Ввиду этого допустимы все меры, которые германские органы управления сочтут необходимыми...»

Незадолго до нападения на СССР имперский министр Розенберг издал следующее постановление:

«Вся движимая и недвижимая собственность СССР, а также собственность корпораций, ассоциаций и обществ, которые служат целям экономики, будет представлять собой на оккупированных восточных территориях законную собственность рейха...»

Это был еще один, и неотразимый, удар по доктрине «крайней необходимости», той «крайней необходимости», которая, видите ли, родилась раньше, чем разразилась сама агрессия.

Вот почему, характеризуя грабительскую политику гитлеровской Германии на оккупированных советских территориях, Международный военный трибунал отметил в своем приговоре:

«Оккупация территории Советского Союза характеризуется преднамеренным и систематическим ограблением. Перед нападением на Советский Союз был создан специальный экономический штаб «Ольденбург» — для обеспечения наиболее эффективной эксплуатации территории Советского Союза».

Естественно, что бизнесмены из фирмы Круппа решили принять самое деятельное участие в работе штаба «Ольденбург». В дело активно включился сам Альфред Крупп, чего он на суде не мог отрицать. Но, разумеется, он рассказывал об этом на допросе скупно и скромно:

«После оккупации Украины (примерно весной 1942 года) одно из берлинских правительственных учреждений — я не помню какое — рекомендовало (!) фирме «Крупп» заявить о своей готовности принять участие в деле пуска предприятий украинской металлургической промышленности».

Альфред Крупп, вообще обладавший весьма неплохой памятью, проявил здесь забывчивость отнюдь не случайно, — так спокойнее! А то, не ровен час, на суде появятся свидетели из числа бывших служащих этого «берлинского правительственного учреждения» и окажется, что не фирме «Крупп» рекомендовали, а она сама зубами вырывала кусок, да полакомее!

Альфред Крупп выехал на Украину, чтобы осмотреть и захватить наиболее выгодные концерну предприятия советской металлургии.

«После инспекционной поездки с господином Плейгером на некоторые заводы... в июне 1942 года я предложил моим сотрудникам взять опеку над следующими предприятиями: машиностроительным заводом в Краматорске, металлургическими заводами в Азове и металлургическими заводами в Мариуполе».

Обвинение предъявило суду секретный доклад подсудимого, уже известного нам Фридриха Янсена.

В этом документе говорится:

«После совещания с доктором Лезером и Янсенем в Берлине 19 августа (1941 года. — Авт.) два наших представителя — доктор Энгелкинг и г-н Мут — будут

немедленно посланы в Россию для переговоров с военными властями оккупированных территорий о передаче фирме «Крупп — Штальбау» строительных подрядов. Таким образом участие Круппа станет свершившимся фактом к моменту, когда между германскими фирмами будут распределяться отдельные предприятия... Мы в первую очередь заинтересованы в Днепропетровском заводе, который, согласно описанию наших сотрудников, подошел бы нам: большие заводские здания, расположенные близ судоходной реки, производственная мощность примерно 5000 тонн. В самом Днепропетровске имеются две крупные стройки: Восточный мост и Западный мост...»

Итак, Крупп торопился поставить другие германские монополии перед «свершившимся фактом» к моменту, когда будут «распределяться (какая изящная для грабителей терминология! — *Авт.*) отдельные предприятия».

А вот другой отчет фирмы «Крупп», посвященный этому же вопросу:

«Заводы, принадлежащие фирме «Крупп», по своей организации, производственной мощности, и прежде всего благодаря недавно проведенной модернизации, вполне могут взять на себя руководство Днепропетровским заводом.

Против этих аргументов трудно спорить, и даже господа из «Бергхютте Ост» (созданная гитлеровским правительством «Монопольная организация по управлению в интересах германской военной экономики русской угольной и металлургической промышленности, а также добычей железной руды». — *Авт.*) не смогли возразить против передачи завода Круппу».

И наконец желанный результат:

«Министерство по делам Востока (Остминистернум) утвердило фирме «Крупп — Штальбау» право опеки над Днепропетровским заводом 8 октября 1942 года».

Да, широкие планы были у Круппа на временно захваченных просторах Советского Союза!

Подсудимый Гудремонт — член правления и директорума концерна — рекомендовал, например, своим коллегам Лезеру и Круппу создать в Берлине специальный отдел — «Секретариат для России».

Сентябрь 1942 года... Совещаются члены правления концерна, впоследствии подсудимые Альфред Крупп,

Лезер, Фриш и Эберхардт. Тема: план производства вооружения на украинских заводах. Решение: Крупп создает новую корпорацию, которой рейх передает право управления и руководства украинскими заводами.

Крупп жаждет создать второй Рур на Украине!

22 марта 1943 года, уже после сокрушительного удара, полученного вермахтом под Сталинградом, один из служащих фирмы «Крупп» на Украине пишет члену правления и директориума концерна Эриху Мюллеру, что нет финансового риска в управлении Бердянским заводом, и советует постараться получить на это право.

На стол суда обвинение кладет еще один документ. Он показывает, как крупповские люди на Украине понимали слово «опека»; из этого же документа явствует, что, выполняя свои грабительские функции, монополисты отнюдь не нуждались в каком-либо давлении со стороны нацистских властей.

Вот доклад одного из служащих концерна:

«После долгих переговоров мне удалось наконец получить сегодня достаточное количество станков с других местных заводов. У меня возникли некоторые трудности во время переговоров с представителями властей, в чьем распоряжении находятся машиностроительные заводы. Они заявили, что я хочу растащить всё оборудование заводов... В течение этой недели я съезжу в Мариуполь и Таганрог вместе с представителем комиссариата, чтобы разыскать еще инструментальные станки, а также сталь и кокс».

Да, с полным основанием американский судья Уильям Уилкинс записал в своем мнении по делу Круппа:

«Я считаю, что фирма «Крупп» поддерживала правительство рейха и различные правительственные учреждения в осуществлении широкого и полного ограбления русских оккупированных территорий, добровольно участвовала в этом и была связана с планами, предусматривавшими проведение в жизнь этих преступлений».

Крупп был далеко не единственным, кто нагрел руки на ограблении оккупированных советских территорий. Здесь активно действовали и другие германские монополисты, в частности «ИГ Фарбен».

Этот концерн перед войной был в капиталистическом мире монополистом по производству синтетического каучука.

Но была в мире еще одна страна, где в предвоенные годы производство синтетического каучука шло полным ходом, — Советский Союз. Естественно, что, когда началась война против СССР, «ИГ Фарбен» сразу же сделал гитлеровскому правительству заявку на советские заводы синтетического каучука — владыки «Фарбен» давно уже с вожделением смотрели на эти предприятия. Впрочем, и другие заводы химической промышленности вызывали интерес германских химических баронов.

Еще до войны правление концерна составило подробный доклад о советских заводах синтетического каучука и передало сведения о их местоположении разведывательным органам вермахта. С первых же дней войны против Советского Союза «Фарбен» деятельно готовится к их захвату.

В сущности, ничего из намеченного грандиозного плана захвата советских химических заводов концерну «ИГ Фарбен» не удалось осуществить. Но обвинители, на основании собранных материалов, совершенно обоснованно предъявили руководству концерна обвинение в покушении на грабеж. Защита резко выступила против этого.

К пульту подходит адвокат Дришелл. С большим апломбом и деланным возмущением он заявляет:

— Основная ошибка обвинения — в утверждении, что переговоры между «ИГ Фарбен» и властями рейха по вопросу о захвате советских заводов представляют собой покушение на преступление. Это серьезная ошибка. Всё, что происходило между «ИГ Фарбен» и рейхом, не пошло дальше стадии предварительных переговоров, и поэтому в узкоюридическом смысле это не покушение... Абсолютно не относятся к делу субъективные намерения, если таковые имелись... ибо намерения не наказуемы, а, как заявило обвинение, никакой акции не было.

А теперь попробуем разобраться — кто же прав: обвинение или защита?

Любой криминалист скажет, что для решения подобного вопроса следует установить — ограничилось ли дело только высказыванием преступных намерений, или на базе этих намерений были совершены конкретные подготовительные действия, необходимые для осуществления преступного замысла. В первом случае, когда дальше высказываний преступных намерений дело не пошло,

мы имеем, как говорят юристы, так называемый «голый умысел», который в уголовном порядке не преследуется. Во втором случае, когда преступные намерения начинают реализоваться и сперва выливаются в необходимые подготовительные действия, налицо покушение на совершение того или иного преступления. Если при этом участник покушения по своей доброй воле отказывается, хотя бы в последнюю минуту, привести свой преступный замысел в исполнение, то обычно закон не карает за покушение, квалифицируя такое действие, как «добровольный отказ от совершения преступления».

Наконец, если участники покушения закончили все приготовления и уже готовы были реализовать свои преступные намерения, но в решающий момент это им не удалось в силу причин, от их воли не зависящих, то в этом случае национальные уголовные кодексы карают таких людей по всей строгости закона, так же, как за преступление, доведенное до конца.

С позиции справедливости такие разграничения и такие последствия этих разграничений обоснованы.

Предположим, что банда преступников наметила в качестве объекта ограбления какой-нибудь крупный банк. Были при этом строго распределены все функции. Два участника шайки — служащие этого банка. Одному из них поручают составить подробный план помещения, расположения сигнализации, наиболее удобные для грабителей места входа и выхода. Другому поручают снять слепки с замков сейфов и изготовить необходимые ключи, а также опробовать их годность. Приобретается оружие, которое раздается участникам банды для подавления сопротивления охраны.

Наконец, на двух автомобилях поздней ночью бандиты уже подъезжают к зданию банка. Но дорогу им перерезают броневые автомобили и вооруженные до зубов полицейские. Без сопротивления преступники сдаются. Будут ли участники шайки судимы? Безусловно; ведь они осуществили целую систему подготовительных действий, и если покушение на ограбление банка в конечной счете оказалось нереализованным, то они тут ни при чем.

Уголовный закон вступает в свои права, и преступники получают заслуженное возмездие.

С этих позиций давайте разберемся в действиях

концерна «ИГ Фарбен» на советской территории. Действительно ли, как утверждал адвокат Дришелл, «всё, что происходило между «ИГ Фарбен» и рейхом, не пошло дальше стадии предварительных переговоров и поэтому в узкоюридическом смысле это не покушение»? Посмотрим — права ли защита, выдвигая положение, что в действиях ее клиентов был лишь голый умысел, который еще не успел обрасти плотью конкретных подготовительных действий, направленных к его реализации?

В суде началась борьба между обвинением и защитой. Обвинение располагало множеством документов, изобличающих концерн, а защита ничего не могла им противопоставить, кроме надуманных юридических конструкций, противоречащих как фактической стороне дела, так и основным положениям теории и практики современного уголовного права.

Мы уже знаем, что еще до начала нападения на СССР «ИГ Фарбен» передал военным властям список заводов, в которых концерн был заинтересован.

...Оглашается письмо Отто Амброса, одного из главных воротил концерна, адресованное Карлу Крауху и датированное (это имеет значение) 28 июня 1941 года:

«Дорогой профессор! В дополнение к моему письму от 27 июня направляю Вам список лиц, подходящих для назначения в Россию. Им можно доверить руководство заводами по производству синтетического каучука... Мы даем этим людям специальную техническую подготовку и выбрали их ввиду того, что большинство из них, как, например, д-р Вольфрам, намеченный на руководство хлоропреновым заводом в Эривани, обладают весьма ценным опытом и знаниями... Доктор Эккель во время телефонного разговора особо подчеркнул важность использования русских заводов для получения дополнительной продукции... Мы пытаемся наладить производство полимеров, пригодных для технических целей. Поэтому мы намерены в первую очередь назначить на работу в Россию д-ра Эберта, одного из лучших экспертов в этой области... Для того чтобы мы могли дать окончательное заключение по поводу отдельных заводов и, в частности, для обеспечения синхронности в работе, нам казалось бы правильным послать, кроме технических экспертов, на отдельные заводы небольшую комиссию.

В связи с этим я предлагаю организовать в ближай-

шее время поездку в Россию, которая продлится несколько дней. Мог бы поехать я вместе с д-ром Вульфом и г-ном Биденкопфом... Прошу приготовить для нас троих специальное разрешение.

Верю, что эти подготовительные меры позволят очень быстро поставить русский каучук на службу нашему государству.

Хайль Гитлер!»

Значит, уже на шестой день войны Амброс и Краух деловито обсуждают, как максимально быстрее поставить русский синтетический каучук на службу гитлеровским захватническим планам. Причем это не абстрактные высказывания, не голый умысел, а конкретные подготовительные действия к грабежу: тут и распределение ролей — выдвижение кандидатур на посты директоров захваченных советских заводов, и конкретные планы производства отдельных видов продукции на этих предприятиях (полимеры), и, наконец, формирование комиссии во главе с самим Амбросом с целью экспертного осмотра отдельных советских заводов.

Словом, подготовка к грабежу гигантских размеров на, так сказать, строго научной основе!

К указанному письму Амброса был приложен список шести кандидатов на пост будущих директоров заводов синтетического каучука в Ярославле, Воронеже, Ефремове, Ереване, Казани и Сумгаите (близ Баку).

Каждый кандидат характеризовался подробными анкетными данными. Был также приложен список членов экспертной комиссии из трех человек.

Карл Краух работал четко. Через три дня после того как Амброс послал ему письмо, 30 июня 1941 года, в имперском министерстве экономики состоялось совещание. Тема: «Подбор персонала для административных и руководящих постов в советской химической промышленности».

Представитель имперского министерства экономики в своем выступлении заявил:

«Создание эффективной администрации и сохранение многочисленных химических заводов на русской территории, которые служили бы экономике Великой Германии, — одна из главных задач, встающих перед нами.

Это удастся осуществить лишь в том случае, если германская химическая промышленность высвободит как можно больше квалифицированного персонала.

В сложившихся условиях требования, предъявленные нам, очень велики и будут возрастать... Необходимы люди, подготовленные для руководства коммерческой и технической деятельностью (инженеры, химики), а также достаточное число старших мастеров и т. д. — примерно сто человек».

На этом совещании правление «ИГ Фарбен» присутствовало почти в полном составе.

В жаркие дни первой половины июля 1941 года Отто Амброс развернул лихорадочную деятельность по организации ограбления и захвата советской химической промышленности.

1 июля 1941 года Амброс рассылает циркулярное письмо «членам комиссии концерна «ИГ Фарбен» по производству буны (синтетического каучука. — Авт.) в России».

Обвинитель огласил выдержку из этого документа:

«Стремясь помочь вам в выполнении важных задач в России, мы хотим передать, на возможно более широкой основе, путем циркулярных писем, весь опыт и все знания, которые могут оказаться полезными. Сообщаем вам, что для облегчения вашей деятельности мы открыли текущий счет на № «Людвигсгафен 64149». Вы можете использовать его для покрытия расходов на ваше содержание, разъезды, экипировку. Таким образом, все эти расходы будут оплачиваться из сумм текущего счета, а вашей семье будет переводиться заработная плата. Я просил поставить в известность ваши семьи, что они могут обращаться к нам за справками и помощью в любое время в период вашего отсутствия. В ближайшие дни я надеюсь выяснить в Берлине, на какой день назначен ваш отъезд. До этого прошу постараться ознакомиться с русским языком. По возможности берите уроки русского языка...

Предполагается, что как только будет решен вопрос о вашем назначении в Россию, туда направится комиссия, состоящая из Вульфа, Биденкопфа и меня. На месте мы решим вопрос относительно использования русских заводов для производства определенных сортов буны...»

В секретном циркулярном письме «ИГ Фарбен» от 3 января 1942 года говорится: «...желательно, чтобы со временем заводы на восточных территориях управлялись не людьми, служащими в Германии, а руководителями заводов, которые станут независимыми и поселятся там навсегда».

Не знаешь, чему больше поражаться, читая этот документ: не знающему границ грабительскому размаху монополистов из «ИГ Фарбен» или их непоколебимой уверенности в прочности завоеваний «тысячелетнего рейха»! Амброс и его коллеги не хотят, чтобы заводы на просторах России управлялись каким-то подобием туристов. Им нужны немцы, которые готовы стать колонистами на советских землях «навсегда»...

Доходит очередь до молодого неутомимого члена правления концерна, тоже попавшего на скамью подсудимых, Макса Илгнера. 7 июля 1941 года концерн организует, по его предложению, специальный отдел «ИГерусско», ведающий всем, что связано с советской химической промышленностью. Ставится задача: «обеспечить продолжение деятельности химических предприятий в бывшем (!) Советском Союзе».

Обвинитель еще не истощил запас доводов. Предъявляется еще одно циркулярное письмо подсудимого Амброса от 14 июля 1941 года, в котором «членам комиссии по производству буны в России» сообщают, что «предполагается создать новую корпорацию, которая будет зарегистрирована в Берлине как «Русска-Бетрибс ГМБХ». Эта корпорация будет находиться в ведении концерна «ИГ Фарбен». Она будет руководить работой отдельных предприятий в России, предоставлять фонды для налаживания производства».

В тот же день, 14 июля 1941 года, правление концерна издало еще одно указание «членам комиссии по производству буны в России». В этом указании прямо говорится: «Успехи наших военных сил, по-видимому, настолько значительны, что вы должны оставаться в непосредственной близости от войск».

Значит, представители концерна уже находились вместе с войсками и только ожидали случая, чтобы захватить советские заводы! Да, вот вам «голый умысел»... Вороны кружатся над полем боя, ожидая, когда придет их час!

1942 год. Лето... Гитлеровцы снова наступают. И Амброс вновь развертывает бурную деятельность.

Расширяется список подлежащих захвату советских заводов. Здесь и ленинградский гигант «Красный треугольник», и химические предприятия в Иванове, Тамбове, Батуми, и даже... актюбинские и новосибирские заводы. Для эксплуатации всех этих предприятий подбирается руководящий персонал, составляются характеристики, заполняются анкеты... 3 июля 1942 года Амброс пишет секретное письмо имперскому министерству экономики по поводу синтетического каучука:

«Один важный вопрос, однако, не разрешен, а именно — до какой степени и при каких условиях мы сможем использовать в Великой Германии производственные методы и техническую информацию, собранную в России... В нашем проекте соглашения от 17 декабря 1941 года предусматривалось, что все производственные методы, применявшиеся в России, точно так же как все усовершенствования, будут переданы исключительно и безвозмездно нам для использования в Великой Германии... Учитывая услуги, оказанные концерном «ИГ Фарбен» рейху, нам кажется, что правительству не следовало бы оспаривать права концерна. Тем более что методы производства смогут быть использованы рейхом лишь при посредстве экспертов, которых «ИГ Фарбен» может предоставить в распоряжение правительства. Ввиду того, что наши эксперты получили вчера указание быть готовыми принять руководство советско-русскими заводами, которые, очевидно, скоро, благодаря наступлению германских войск, окажутся в наших руках, мы считаем необходимым срочно достигнуть окончательного соглашения. Это позволит компании «Синтезкаучук ГМБХ»...наладить производство в кратчайший срок...»

Оглашается письмо сотрудника концерна от 11 августа 1942 года, адресованное Амбросу:

«Д-р Эйлер позвонил 6 августа и сообщил, что он возвратился, ничего не сделав. Он не смог попасть на завод в Воронеже ввиду того, что «СК-2» всё еще не в германских руках. Как удалось обнаружить, завод сильно разрушен. Кроме того, согласно информации, полученной от перебежчика, завод был демонтирован и все установки, а также квалифицированные рабочие увезены на восток летом прошлого года».

Читатель сам теперь может решить, кто прав: защита, утверждавшая, что дело «не пошло дальше стадии предварительных переговоров...», а «намерения не наказуемы», или обвинение, которое доказало, что подсудимые далеко ушли от «голого умысла» и совершили многочисленные подготовительные действия к захвату и ограблению советских химических заводов, а потому подлежат ответственности за покушение на это преступление.

Мы уже указывали, что национальные уголовные законодательства приравнивают покушение к законченному преступлению, если последствия не наступили по причинам, не зависевшим от воли покушавшихся.

Поэтому нельзя не признать, что действия руководителей концерна «ИГ Фарбениндустри» представляли собой оконченное покушение. Если концерн принял решение о захвате советских заводов и добился согласия германского правительства на это, если он назначил своих директоров на эти заводы и направил их уже на места, но они не смогли реализовать намерения концерна ввиду того, что либо города, в которых располагались заводы, не были захвачены немецкими войсками, либо по прибытии на такие заводы устанавливалось, что их оборудование было эвакуировано, то здесь речь может идти только об оконченном покушении.

Как же поступил Военный трибунал, рассматривавший это дело? Американские судьи, к сожалению, пошли тут на поводу у немецкой защиты. В своем приговоре по делу «ИГ Фарбениндустри» Военный трибунал указал: «„Фарбен“ строил далеко идущие планы участия в этом ограблении, но его планы не достигли стадии завершения, и мы не можем сказать на основании данных, имеющихся у нас, что какой-либо отдельный обвиняемый был в достаточной степени связан с завершенными актами грабежа и насилия... Доказательства не оставляют никакого сомнения в желании «Фарбен» эксплуатировать Восток... Однако, как мы уже указали, доказательства не установили какого-либо законченного грабежа в России, в котором участвовали бы эти обвиняемые. Задуманный грабеж был предотвращен поражением немецкой армии в России».

Что верно, то верно, — разграбление советских химических заводов, действительно, было предотвращено поражением гитлеровской армии.

Но неверным, глубоко неверным был приговор американского трибунала, который, нарушая основы права и справедливости, всё же освободил руководителей «ИГ Фарбен» от ответственности за преступление, не только задуманное, но тщательно, всесторонне подготовленное.

Итак, мы завершили рассказ о том, как грабили германские монополии оккупированные территории в Европе.

Что после этого остается от доводов о «крайней военной необходимости», что остается от слезливых ссылок на то, что этот грабёж был следствием «бедственного положения», в котором-де оказалась нацистская Германия?

Что можно после приведенных фактов сказать о попытках защиты представить дело таким образом, будто круппы и флики, шницлеры и амбросы действовали в условиях нацистского террора, что «страх — скрытый мотив их поведения»? Страх действительно время от времени охватывал грабителей, но страх иного порядка: если Крупп своевременно не захватит тот или иной завод, то это сделает его конкурент Флик или Рёхлинг. Вот такого рода страх действительно подстегивал рурских хищников.

А «вакуум», а попытки доказать, что все действия германских монополий диктовались требованиями Гаагской конвенции, заботой об упорядочении экономической жизни на оккупированных территориях? Разве не свидетельствуют разграбленные города, сотни тысяч умерших от голода людей, что господа монополисты стремились «упорядочить экономическую жизнь»?

17 июля 1940 года Гитлер публично заявил:

«...перед нами встает задача — разрезать огромный пирог в соответствии с нашими нуждами и так, чтобы мы могли сначала овладеть им, затем распоряжаться им и, наконец, использовать его».

С жадностью набросились германские монополисты на этот пирог, готовые перегрызть глотку друг другу в этом небывалом по масштабам грабеже.

„Нужда не знает закона“

31 августа 1946 года. Нюрнберг. Главные нацистские военные преступники получили право произнести последнее слово... Уже выступили Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель...

Председательствующий предоставляет последнее слово бывшему генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы Фрицу Заукелю:

— Господа судьи, бесчеловечные действия, выявленные на этом процессе, поразили меня в самое сердце. Я с глубоким смирением склоняю свою голову перед жертвами всех наций...

Заукель отлично понимал, что в общей массе преступлений, совершенных гитлеровцами во время второй мировой войны, его доля весьма значительна. Он признал на процессе, что из пяти миллионов иностранцев, работавших во время войны в Германии, добровольно прибыли туда вряд ли 200 тысяч. Остальные были «завербованы» террористическими методами, автором которых был Заукель, и доставлены в третью империю под дулами автоматов.

Заукель признал, что преступления, совершенные нацистами на оккупированных территориях, будут «позором для нас, для наших детей, наших внуков».

Да, это были страшные преступления.

Заукель и его люди работали с помощью карательных органов третьей империи не покладая рук. Работали так, что это вызвало беспокойство даже у гитлеровского министра по делам оккупированных восточных

территорий Розенберга. Разумеется, меньше всего волновала Розенберга бесчеловечность методов «вербовки». Его беспокоило лишь то, что в результате таких акций усиливается партизанское движение. 21 декабря 1942 года он пишет Заукелю: «Методы, которые применяются для добывания рабочей силы... являются насильственными методами массового угона. Люди... чтобы избежать своей судьбы, уходят в леса и вступают в партизанские отряды».

В этом письме приводятся факты, показывающие, как «вербовались» рабочие: «В Боровичах была проведена новая вербовка рабочей силы... Из 25 рабочих никто не явился. Все убежали. Тогда явилась немецкая полиция и начала поджигать дома тех, кто убежал... угрожали сжечь всю деревню. Во время пожара полицейские хватали рабочих и арестовывали их... Там, где они не находили самих мобилизованных, они задерживали их родителей, пока не являлись дети. Те, кто не появлялся вовремя, должны были быть расстреляны... Они охотятся за людьми, как за собаками».

А вот как везли в Германию тех, кому не удалось скрыться от беспощадных агентов Заукеля, как свидетельствует один из угнанных на фашистскую каторгу: «В Курске нас впахнули в телятник по 50—60 человек в вагон. Выходить не разрешали». В дороге людей не кормили, не давали воды, на станциях в уборные не выпускали. И в результате «чем ближе к Германии, тем всё больше пустел наш эшелон... Почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голоду людей».

Если кто-либо из пригнанных в Германию осмеливался протестовать против этих варварских мер или против каторжных условий труда на фабриках и заводах, то на сей случай имелся приказ Геринга: «Должна существовать лишь следующая разновидность наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь...»

Всё это дало основание американскому обвинителю Додду на процессе главных немецких военных преступников заявить: «...нацисты применяли методы «набора» рабочей силы, которые берут свое начало в самых черных периодах работоторговли. Людей отправляли в Германию независимо от состояния здоровья и возраста».

Когда готовился Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками и союзные следователи были озабочены установлением фактов виновности Заукеля и Шпеера, бывшего гитлеровского министра вооружения, то в это время допрашивали и многих германских крупных промышленников, то есть тех людей, в интересах которых и осуществлялась чудовищная программа угона людей в рабство.

Прошло два года, и эти промышленники сами предстали перед судом. Они, разумеется, помнили, что Заукеля за организацию рабского труда приговорили к смертной казни, а Шпеера — к 20 годам тюремного заключения.

Для руководителей германских концернов не было также тайной, что международное право категорически запрещает депортирование гражданского населения на территорию оккупирующего государства с целью принудительного использования на различных работах.

Вот почему Устав Международного военного трибунала квалифицировал как международное преступление «увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории».

Исследовав нацистскую практику использования рабского труда, Международный военный трибунал в своем приговоре констатировал: «Политика немецких оккупационных властей находилась в явном противоречии с положениями Гаагской конвенции 1907 года».

«Нужда не знает закона» — под таким лозунгом германские монополии стали на путь использования рабского труда.

Попав на скамью подсудимых, руководители монополий и их защитники, разумеется, стали изыскивать аргументы для оправдания своих преступных действий.

Один из таких аргументов уже знаком читателю. Речь идет о так называемой «крайней необходимости», о «бедственном положении», при котором германские монополии были вынуждены прибегнуть к использованию рабского труда.

Оказывается, сами союзники во всем виноваты!.. Они выдвинули требование безоговорочной капитуляции, и оно обусловило необходимость прибегнуть к любым средствам, в том числе и к принудительному труду.

Да, союзники поставили своей целью добиться

безоговорочной капитуляции нацистской Германии. В этом случае всякие попытки продолжать войну, в том числе при помощи принудительного труда, являлись попытками продолжать само преступление, усугублять его.

Но даже ведя войну против преступного гитлеровского государства, союзники неуклонно соблюдали общепризнанные нормы международного права. Когда в начальный период войны Советский Союз оказался в тяжелом положении, то даже в этих условиях советские вооруженные силы строго придерживались общепризнанных законов и обычаев ведения войны.

Аргумент явно несостоятелен. Тогда выдвигается другой.

Оказывается, массовая депортация гражданского населения с оккупированных территорий и использование рабского труда оправдывались воздушной войной, которую вели союзники против Германии. Этот аргумент был выдвинут еще на Нюрнбергском процессе главных нацистских военных преступников.

На судебном процессе «ИГ Фарбен» один из подсудимых, член правления концерна Август Книрим, выдвинул, как ему казалось, стройную концепцию для оправдания принудительного труда:

— Известно, что рабочая сила является одной из наиболее важных частей военно-экономического потенциала. Но как раз воздушная война, которую вели союзники против Германии, и преследовала своей целью уничтожение этого потенциала, а следовательно, вела к большим потерям рабочей силы. Массированные бомбардировки обострили проблему трудовых ресурсов, которую Германия и пыталась смягчить, используя иностранных рабочих. Таким образом, здесь существует прямая связь между ничем не ограниченной воздушной войной союзников и компенсацией ее результатов при помощи привлечения рабочей силы из оккупированных стран.

Немецкие монополисты и их защита, строя подобным образом свои концепции, прибегли уже просто к шулерскому приему. Дело всё в том, что нацистское правительство запланировало использование рабского труда не после первых массированных бомбардировок промышленных центров Германии, а гораздо раньше. Еще только велась секретная подготовка к агрессии, а гитлеровское правительство уже наметило массовое

использование рабского труда населения будущих оккупированных территорий.

Май 1939 года... Гитлер проводит совещание со своими генералами и обращает их внимание на то, что «население негерманских территорий будет использоваться в качестве источника труда».

Июнь 1939 года... Имперский совет обороны уже прямо планирует использование во время будущей войны заключенных из концлагерей и мирных жителей других стран. Имея в виду Польшу, Гитлер прямо говорит: «Губернаторство должно стать центром поставки сезонных неквалифицированных рабочих».

Суду предъявляется любопытный документ из архивов ОКВ. Этот документ прямо предусматривает необходимость «перебрасывать (с востока. — Авт.) дешевые рабочие руки сотнями тысяч, используя их в течение нескольких лет в самой империи и, таким образом, препятствуя их естественному биологическому размножению».

Вон, оказывается, что! Тут хотели двух зайцев убить разом: поставить нацистскому государству даровую рабочую силу, а заодно воспрепятствовать росту населения в тех странах, которые окажут сопротивление нацистской армии. Вот вам и вынужденная мера, вызванная массированными бомбардировками. Обвинители предъявили подсудимым множество приказов, касающихся рабского труда, и ни в одном из них не говорилось о союзных бомбардировках, как о причине, вызывающей необходимость использования рабского труда. Не говорилось и не могло говориться.

...30 мая 1946 года. В Международном трибунале идет допрос Заукеля (обвинитель — Александров).

Александров. По вашим же данным, на 24 июля 1942 года количество рабочих, вывезенных с оккупированных территорий, составило 5 миллионов 124 тысячи человек. Не так ли?

Заукель. Если эта цифра записана, то это, очевидно, верно.

Что означало такое признание? Да просто то, что подавляющая часть обширной программы применения принудительного труда была осуществлена в тот период, когда не было массированных бомбардировок. Да и сам Заукель был назначен на свой пост главного работорговца 21 марта 1942 года, то есть тогда, когда

воздушная война еще не задела сколько-нибудь серьезно экономику Германии или жизнь ее населения. И именно тогда, а не в 1944 или 1945 году, Заукель направил имперскому министру восточных оккупированных территорий Розенбергу свою программу: «Нам придется немедленно ввести насильственную трудовую мобилизацию... Огромное количество новых иностранных рабов — мужчин и женщин — несомненная необходимость». И эту программу Заукель сам вызвался провести в жизнь «путем всевозможного давления и безжалостного использования всех имеющихся в нашем распоряжении средств».

Так рухнула попытка гитлеровцев поставить чудовищную программу рабского труда в связь с воздушными бомбардировками.

Но разоблачение лживого тезиса защиты на этом не закончилось.

Потери гражданского населения от воздушных бомбардировок были почти во всех странах — участницах второй мировой войны. Имелись они и в Германии. По официальным данным, они составляли 410 тысяч человек, из которых, вполне естественно, лишь некоторое количество было занято в промышленности. Но эти потери приходится главным образом на последний этап войны, когда сама Германия стала главным театром военных действий. Между тем, по признанию того же Заукеля, к ноябрю 1942 года, то есть еще до начала массированных бомбардировок Германии, туда уже было свезено из других стран 7 миллионов рабов.

В тот период, когда начала проводиться программа рабского труда (1940—1941 годы), массированные бомбардировки осуществлялись самой Германией. То было время, когда германские военно-воздушные силы господствовали в воздухе. Именно в тот период и была в основном осуществлена программа ввоза иностранных рабочих в Германию...

Запасы защитительных доводов у господ промышленников и их адвокатов казались неисчерпаемыми. Выдвигается свежий аргумент.

Позвольте, говорит защитник, почему мы должны ставить гражданина враждебной страны в лучшее положение, чем своего собственного? Ведь еще в 1916 году, в период первой мировой войны, в Германии был принят закон о вспомогательной невоенной службе. По этому

закону каждый мужчина в возрасте от 16 до 61 года, не призванный в армию, обязан был работать в народном хозяйстве. Трудовая повинность была введена для германского населения и в период второй мировой войны. Не только в Германии, но и в других странах были приняты законы о принудительной трудовой повинности для граждан этих стран.

И адвокат доктор Кранцбюллер на судебном процессе концерна Флика с пафосом заявил:

— Проблема принудительного труда — не изобретение Германии. Это — мировая проблема.

— Если мы откажемся от применения практики принудительного труда, — восклицал другой адвокат, — то население оккупированных территорий будет пользоваться привилегией по сравнению с гражданами страны, которая заняла эту территорию.

Защита словно бы не замечала всей нелепости своего нового довода.

Нацистское правительство, готовя агрессивную войну, конечно же, совершило много противозаконных действий в отношении немецкого народа, который именно поэтому имел собственный счет к гитлеровской клике. Но это уже дело самого немецкого народа. Поскольку эти меры не задевали интересов народов других стран, они не имели отношения к международному праву. Но принятие тех или иных актов *внутригосударственного* характера не могло, разумеется, оправдывать нарушение международного права, приносящее ущерб другим народам.

Еще довод, тоже знакомый нам. Ведь «деловые люди», пусть суд поверит им, в сущности, сами находились в таком же подневольном положении, что и рабочие, которых угоняли с родины и заставляли трудиться на германских заводах. Конечно, это сравнение носит чисто условный характер, но суть состоит в том, что и германские промышленники, и рабочие действовали в условиях, когда их воля была подавлена нацистскими властями. Нацистское правительство включило всю германскую промышленность в систему военной экономики, подчинило военно-экономическим планам государства. Германские промышленники обязаны были выполнять квоты производства, устанавливаемые министерством вооружения. Выполнение же этих квот в условиях

тотальной мобилизации немецких рабочих в армию требовало привлечения иностранной рабочей силы. Отказ от ее использования мог вызвать применение к монополистам самых строгих мер репрессий. Таким образом, руководители германских концернов действовали в условиях принуждения, под давлением государства.

Обвинители терпеливо слушали эти излияния «деловых людей» и их защитников. А затем предъявили суду протоколы совещания центрального бюро планирования — правительственного органа. Участники совещания — министр вооружений Шпеер, чрезвычайный уполномоченный по набору рабочей силы Заукель, фельдмаршал Мильх и другие правительственные чиновники. На этих совещаниях, как это видно из протоколов, именно Крупп требовал немедленно предоставить ему десятки тысяч иностранных рабочих.

Обвинитель предъявляет далее выдержку из ежегодного отчета военного отдела концерна Круппа за 1941—1942 годы:

«...Постоянные усилия г-на Мюллера (члена правления концерна. — *Авт.*), направленные к обеспечению заводов рабочей силой ...для выполнения расширенной производственной программы, привели к притоку иностранных рабочих».

Рабочих, порой весьма квалифицированных, можно обнаружить и среди миллионов военнопленных, находящихся в лагерях. Но ведь есть международное право, оно запрещает использование военнопленных на работах, имеющих военное значение, ибо это фактически означало бы понуждение участвовать в войне против своей родины. Но ведь — «нужда не знает законов». И «деловые люди», не дожидаясь, пока эта удачная мысль — об использовании труда военнопленных — придет в голову кому-либо из нацистских правителей, проявляют инициативу сами.

20 октября 1941 года Киршнер, заместитель Крауха, пишет письмо генералу Тсмасу, начальнику военно-экономического штаба ОКВ:

«Дорогой генерал, профессор Краух просил меня рассказать Вам о его идее использования русских военнопленных в военной промышленности. Я кратко суммировал мысли профессора Крауха в приложенном письме, которое я покорнейше передаю Вам в качестве

предложения генерального уполномоченного по специальным вопросам химической промышленности».

Так один из руководителей «ИГ Фарбениндустри» подсказал германскому командованию ту самую идею, от которой несколькими годами позднее на суде он открещивался. Однако перед тем, на следствии, Краух не отрицал этого факта, не отрицал и многого другого.

Вот что показал Краух на допросе у следователя 22 января 1947 года:

«В официальной должности генерального уполномоченного по специальным вопросам химической промышленности я был высшей властью при распределении рабочей силы для отдельных заводов химической промышленности. Среди рабочих, помимо немецких, были иностранные рабочие, военнопленные и заключенные концентрационных лагерей. Имперское министерство труда посылало мне на окончательное утверждение списки рабочих».

Следовательно, Краух, профессор, ученый и исследователь, в качестве генерального уполномоченного был «высшей властью» при распределении по химическим заводам иностранных рабочих, военнопленных и заключенных концлагерей. А в качестве одного из руководителей «ИГ Фарбен» он же являлся основным потребителем рабского труда этих людей. Вот и извольте установить, кто на кого оказывал давление: Краух, высший государственный чиновник, на Крауха, крупного монополиста, или наоборот.

Краух не отрицал на следствии того, что он проявил инициативу в использовании военнопленных в военной промышленности. Правда, Краух тут же давал понять, что он хотел таким путем облегчить ужасную участь военнопленных: «Я являюсь инициатором «Каринхальского плана», который ошибочно называют «планом Крауха»... Я предложил генералу Томасу, через посредство господина Киршнера, чтобы русские военнопленные были привезены в Германию и использованы в военной промышленности. Это было в 1941 году, когда сотни тысяч русских военнопленных находились в ужасных условиях на оккупированных территориях России и Польши».

Как помог Краух военнопленным, переводя их на свои заводы, читатель скоро увидит...

Рекомендация Крауха была сделана 20 октября 1941 года, а уже 31 октября 1941 года Кейтель издает директиву Гитлера об использовании русских военнопленных в военной промышленности. Какая быстрая реакция на советы «деловых людей»!

На том же допросе, 22 января 1947 года, Краух показал: «Я знал, что, начиная с 1942 года, рабочих вербовали в оккупированных странах принудительным образом... У меня было естественное чувство, что насильственное использование иностранных рабочих незаконно, но международные соглашения по этим вопросам не были мне известны в достаточной мере».

В самом деле, надо иметь высшее юридическое образование, чтобы понять: нельзя обращать свободных людей в рабов и затем уничтожать их непосильным трудом!.. Впрочем, коллегой Крауха по правлению концерна и по скамье подсудимых был юрист Книрим. С ним Краух всегда мог проконсультироваться по этому поводу... Краух признал на том же допросе, что его постоянные представители в Париже, Брюсселе, Гааге, Амстердаме, Милане, а также на территории Югославии и Греции занимались принудительным набором рабочей силы для Германии, снабжая охраной поезда с рабочими.

Обвинители предъявили суду текст доклада председателя правления концерна «ИГ Фарбен» подсудимого Шмица от 11 июля 1941 года: «Заводы должны приложить все усилия для того, чтобы получить необходимое количество рабочих; потребность в рабочей силе может быть в общем удовлетворена только использованием иностранных рабочих и военнопленных».

Еще один документ такого же характера. Краух 13 января 1944 года пишет в ОКВ: «Разрешите мне указать, что усилия моего управления в таком деле, как использование иностранного труда... влияют на ускорение процесса химического производства, чего нельзя недооценивать. Я считаю, что инициатива, проявленная нами в получении рабочей силы, не должна подавляться в будущем».

Даже карательные органы третьей империи не всегда могли удовлетворить ненасытные аппетиты рурских магнатов, требовавших поставок рабов.

Вот письмо Освальда Поля, начальника главного административно-хозяйственного управления СС, Фрицу Кранефуссу, секретарю гиммлеровского «кружка друзей», от 15 января 1944 года:

«Секретно.

Мой дорогой друг Кранефусс!

Я получил Ваше письмо от 7 числа этого месяца с новым списком требований генерального уполномоченного по специальным вопросам химической промышленности и хочу сообщить Вам, что в настоящее время нет возможности сформировать новые рабочие команды... Я пока не могу выполнить новых пожеланий.

Однако я оставляю у себя заявки и вернусь к этому вопросу, как только возникнет возможность выделить заключенных. Я прошу Вас поставить в известность профессора Крауха».

Освенцимские фабриканты

Среди бесчисленных концентрационных лагерей — этих неперенных спутников гитлеровского «нового порядка», которые зловещими коричневыми пятнами расползлись по карте Европы, самым страшным был Освенцимский лагерь.

Гитлеровцы истребили в Освенцимском лагере свыше четырех миллионов граждан Советского Союза, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран. В Освенциме немецкие профессора и врачи производили «медицинские» эксперименты над живыми людьми — мужчинами, женщинами, детьми.

Здесь были и газовые камеры, и крематории, и хирургические отделения, и лаборатории. Всё это служило одной лишь цели — уничтожению людей.

...Франкфурт-на-Майне, 1965 год. Здесь, с опозданием на 20 лет, идет суд над палачами Освенцима. На скамье подсудимых те, кто своими руками выполнял варварские распоряжения властей третьего рейха, кто сек до смерти узников лагеря, кто убивал их при «попытке к бегству». Те, кто заталкивал людей в газовые камеры, и те, кто

сжигал извлеченные оттуда трупы; те, кто вешал непокорных или бросал их живыми на растерзание специально натренированным собакам. Были на скамье подсудимых и представители более «мирных» лагерных профессий: те, кто отбирал у заключенных перед казнью драгоценности, кто вырывал у мертвецов золотые коронки, чтобы сдать их в государственный банк «великой Германии».

Франкфурт-на-Майне... Как раз здесь в годы нацизма располагалась главная резиденция химической империи — «Правление ИГ Фарбен».

И вот на процессе освенцимских палачей, в 1965 году, в притихшем зале вдруг прозвучали имена Карла Крауха, Отто Амброса, Генриха Бютефиша и Вальтера Дюррфельда. Что общего могут иметь эти крупные промышленники и коммерсанты из «ИГ Фарбен» с кровавыми преступниками, с отпетыми уголовниками, занимающими скамью подсудимых?

Оказывается, общего немало. Ведь в свое время Краух, Амброс, Бютефиш и Дюррфельд гордились тем, что им первым пришла в голову мысль: прежде чем убить человека, полезно заставить его «выработаться до смерти». И как это удачно получилось, что мысль об использовании рабочих рук заключенных концлагерей пришла раньше других именно руководителям «ИГ»: конкуренция ведь всегда страшна. Не то чтобы удалось ее избежать, но во всяком случае химический концерн сумел занять в этом новом деле господствующее положение.

Франкфурт-на-Майне, 1965 год. Идет суд. Время от времени упоминаются имена некоторых руководителей «ИГ». Кто они?

Отто Амброс — член правления концерна «ИГ Фарбен», руководитель производства буны и ядовитых газов, руководитель комитета по боевым химическим веществам в министерстве вооружений, руководитель заводов в Освенциме, Шкопау, Людвигсхафене и Опау, фюрер военной экономики. Его подчиненный Вальтер Дюррфельд — директор и руководитель строительства заводов в Освенциме, директор и строитель Моновицкого концентрационного лагеря, главный инженер заводов Лойна. Второй шеф Дюррфельда — Генрих Бютефиш — член правления концерна «ИГ Фарбен», руководитель

заводов Лойна, руководитель отдела производства синтетического бензина, метанола и продуктов электролиза хлора в Освенциме и Мосбирмбауме, фюрер военной экономики, член «кружка друзей» Гиммлера, оберштурмбанфюрер СС. Какие цветистые и многосложные титулы и звания у этих господ!

Так вот именно некоторым из них и пришла в голову оригинальная мысль использовать узников концлагерей в качестве небывало дешевой рабочей силы. В 1942 году на рекогносцировку направляется Отто Амброс. Среди других лагерей его особое внимание привлекает Освенцим. Это наиболее емкий, постоянно «освежаемый» и практически неисчерпаемый резервуар рабского труда.

Примерно в середине 1942 года Краух обсуждал с Амбросом вопрос о постройке нового завода буны. Амброс настойчиво рекомендовал построить завод в Освенциме, где есть возможность в неограниченных масштабах получать рабочую силу. Краух и другие члены правления «Фарбен» дали свое согласие.

Защита утверждает, что «деловые люди» строили предприятия на базе концлагерей якобы не по своей инициативе, а под давлением и из чувства страха перед гитлеровской диктатурой. А вот что показал Отто Амброс:

«В декабре 1940 года или в январе 1941 года я поехал в Верхнюю Силезию. Плановое управление указало мне на окрестности Освенцима. Район оказался подходящим для наших целей... Высокая плотность населения обеспечивала рабочую силу. Осмотрев район, я избрал в качестве подходящей площадки для строительства Освенцим. Возвратившись, я сделал доклад Карлу Крауху и Фрицу Тер-Мейеру. Шла речь и о наличии концентрационного лагеря Освенцим в этом районе...»

Амброс признает далее, что он активно действовал, стремясь увеличить количество заключенных на заводах концерна. С этой целью он лично вел переговоры с главным палачом Освенцима Гессом, осматривал территорию лагеря и даже заглянул в крематорий, но, увы, в тот день он почему-то бездействовал.

Но вот господа из концерна «Фарбен» обнаружили, что за «живыми душами» заключенных, чьи руки могут еще послужить рейху, охотятся также люди Круппа и Флика... Надо убедить высокопоставленных эсэсовцев, в чьем ведении находятся лагеря, что «ИГ» имеет

преимущество перед своими конкурентами. Как убедить? Давать эсэсовцам взятки. Это средство старо как мир, но действует безотказно. Правда, конкуренты применяют это средство не хуже Крауха и его друзей. И в кассы эсэсовских организаций потекли сотни тысяч и миллионы марок. Принимая от рурских господ «подарки», эсэсовцы старались угодить и Крауху, и Круппу, и Флику, и всем другим, — заключенных хватало.

Вот как об этом говорится в приговоре трибунала: «Для того чтобы получить поддержку СС в обеспечении рабочей силой из концентрационного лагеря, концерн «Фарбен» принимал меры для укрепления дружеских связей с СС. В 1941 году «Фарбен» внес на нужды СС через посредство «кружка Гиммлера» 100 тысяч марок и впоследствии делал такие взносы ежегодно. Подсудимый Бютефиш был членом этого кружка. В эту группу избранных входили крупнейшие германские промышленники. В частых встречах кружка участвовали многие из них, председательствовал Генрих Гиммлер. Этот кружок давал ежегодно по крайней мере миллион марок, которые использовались для преступных действий СС по охране концентрационных лагерей и управлению ими.

...Концерн «Фарбен» поддерживал связь с СС через подсудимого Бютефиша, а также через других членов правления концерна, занимавших высокие посты в СС. Тесной связи способствовала также и личная дружба Отто Амброса с Гиммлером.

Концерн «Фарбен», получив приоритет в деле приобретения для своих заводов рабочей силы из лагеря Освенцим, решил построить там завод буны».

В октябре 1942 года уже сам концерн «ИГ Фарбен» построил в Освенциме дополнительный концентрационный лагерь Моновиц. Он был спроектирован по общепринятому образцу: камеры пыток и все другие стандартные атрибуты концентрационных лагерей. Охрану несли одновременно и СС, и «рабочая полиция», вооруженная и оснащенная фирмой «Фарбен»...

Концерн создал специальные штрафные отряды, куда посылались рабочие, которым не хватало сил выполнить убийственные нормы, установленные администрацией «Фарбен». В результате избиений, голода, непосильного труда масса рабочих погибла.

Все эти злодеяния химических дельцов были установлены судом и зафиксированы в приговоре.

Так администрация и «рабочая полиция» концерна соревновались с СС в зверском обращении с узниками концлагерей.

Так эта монополия всеми силами старалась расширять и расширяла даровые источники рабского труда.

На допросе Амброс вынужден был признать, что и он, и Бютефиш, и Дюррфельд знали, какому обращению подвергались заключенные, работавшие на «ИГ Фарбен»:

«В феврале 1941 года в Берлине происходило совещание с участием обергруппенфюрера Вольфа. От концерна «ИГ» присутствовали Генрих Бютефиш и Вальтер Дюррфельд. Обсуждался вопрос об использовании на строительстве труда заключенных концентрационных лагерей. Вальтер Дюррфельд и инженер Фауст говорили мне, что заключенных расстреливали при попытке к бегству. Я знал, что заключенные не получают никакой оплаты за свой труд...»

27 марта 1941 года состоялось совещание представителей «Фарбен» с администрацией концентрационного лагеря Освенцим. Итоги встречи освещены в докладе Дюррфельда правлению концерна. Документ попал в руки обвинения. На этом совещании были согласованы вопросы о всесторонней «помощи», которую окажут узники лагеря строительству нового завода буны в Аушвице; были согласованы количество рабочей силы, выделяемой в целом и по отдельным специальностям, и даже вопрос о «наборе старших рабочих из пленных — профессиональных преступников...».

12 апреля 1941 года Амброс шлет своему коллеге по концерну, Тер-Мейеру, письмо, полное оптимизма и надежд на будущее. Сообщая, что отныне подобные совещания будут проводиться регулярно под его председательством, Амброс заканчивает это послание следующими словами: «Наша новая дружба с СС обещает принести плоды».

Предприятия «Фарбен» в Освенциме работали так успешно, что профессору Крауху не терпелось построить там на базе рабского труда еще один завод. Краух в этой связи обращается с письмом к Гиммлеру.

«Берлин, 27 июля 1943 года.

Совершенно секретно.

...Дорогой рейхсфюрер, мой помощник, доктор Эккел, доложил мне о беседе, которую он имел с Вами. Я был особенно доволен, услышав, что во время этой беседы Вы намекнули, что могли бы оказать помощь в организации нового синтетического предприятия... для обеспечения снабжения каучуком... с использованием необходимого числа заключенных Ваших лагерей... Я также написал министру Шпееру об этом и был бы благодарен, если бы Вы продолжили содействие и помощь в этом деле».

Что ждало людей, которых эсэсовцы передавали в руки господ промышленников? Страшный режим изнурения и голода, медленная мучительная смерть.

...Показания на судебном процессе «ИГ Фарбениндустри» дает Норберт Вольхейм. Он один из узников Освенцима, переданных на завод буны. Свидетель помнит тех, кто установил на заводе режим смерти. Он помнит представителя концерна Дюррфельда. Теперь он видит его здесь, в зале суда.

— Имя Дюррфельда, — говорит свидетель, — было хорошо известно заключенным концлагеря как имя руководителя завода. Мы видели его, когда он инспектировал завод «ИГ»... Я сам видел его, когда они вместе с оберштурмфюрером СС Шеттлем наблюдали с порога административного здания за тем, как мы шли на работу. У него была полная возможность увидеть, каково наше состояние... Он не мог не видеть, как на примитивных носилках несут с завода в лагерь людей, которые падали замертво прямо на работе, заболели или умирали. Таким образом, он был полностью осведомлен о положении в лагере и на заводе.

На судебных процессах приводилось немало фактов, доказывающих единство действий монополий и карательных органов третьей империи, особенно когда дело касалось расправы с иностранными рабочими и военнопленными.

Один из подсудимых — доктор Эрнст Бюргин, член правления «ИГ Фарбен», руководитель группы заводов

в Центральной Германии — получил письмо от своего подчиненного из Биттерфельда, датированное 14 июля 1944 года.

Вот это письмо, предъявленное обвинением:

«Дорогой доктор! Мы посылаем Вам часть почты, которая пришла за последнее время, и, пользуясь случаем, информируем Вас о следующем: в лагере восточных рабочих было повешено гестапо 6 русских за большевистскую деятельность.

Желаем Вам хорошо провести отпуск и шлем лучшие пожелания.

Хайль Гитлер!»

Концерн «ИГ Фарбен» был всемирно известным производителем всевозможных медикаментов. Но как проверить эффективность вновь выпускаемых препаратов? Вместо кроликов для этой цели используют иностранных рабочих, угнанных в Германию.

...Вот что показал свидетель Грегуар Африн:

— Я был отправлен в Освенцим 30 июня 1944 года, там же помещался и лагерь Моновиц. ...18 января 1945 года немцы эвакуировали Освенцим. 27 января пришли русские. Я оставался в Освенциме и работал переводчиком у русских... Некоторое время я работал с капитаном Куином. Однажды он поручил мне перевести пачку писем. Среди них пять связанных вместе писем, адресованных фарбеновской фирмой «Байер» начальнику лагеря. В первом говорилось:

«В связи с проведением опытов по использованию нового снотворного мы просили бы Вас предоставить в наше распоряжение некоторое количество женщин. Ждем вашего ответа. С уважением...»

Письмо второе:

«Мы получили Ваш ответ, однако цена — 200 марок за одну женщину — слишком высока. Мы можем уплатить не свыше 170 марок за каждую. Если это покажется Вам приемлемым, мы можем взять этих женщин. Нам нужно примерно 150 женщин».

Третье письмо:

«Подтверждаем получение Вашего письма, в котором содержится согласие на наше предложение. Подготовьте в наше распоряжение 150 женщин, отобрав наиболее здоровых. Мы примем их, как только Вы нам сообщите о готовности».

Четвертое письмо:

«Подтверждаем прибытие 150 женщин. Они признаны удовлетворительными, несмотря на истощение. Мы будем держать Вас в курсе дела о ходе опытов».

Пятое письмо:

«Эксперименты закончены. Все подопытные лица умерли. Мы вскоре попросим Вас прислать новую партию».

И свидетель заканчивает свои показания:

— Находясь в Моновице, мы слышали о том, что десятый блок в лагере Освенцим предназначен для экспериментов, но пять писем, приведенных выше, были для нас первым документальным свидетельством об экспериментах над людьми.

Таких свидетелей, как Африн, было много. Все они подтверждали, что фирма «ИГ» подвергала узников концлагерей экспериментам, приводившим людей к гибели.

Обвинитель называет имена тех, кто персонально виновен в этих гнусных преступлениях. Всё это члены правления и руководители отделов концерна: Вюрстер, Амброс, Лаутеншлегер, Бюргин, Гаевский.

Эти факты признал и трибунал, который и для современников, и для потомков записал в своем приговоре:

«Мы можем признать, что на основании свидетельских показаний установлено: ...лекарства, производившиеся концерном «Фарбен», которые должны были лечить заболевания, применялись по отношению к заключенным таким образом, что приводили, в результате медицинских экспериментов, к их смерти».

Такие вот дела вершили химические бизнесмены в годы существования гитлеровского государства. Дела, от которых бы с отвращением отвернулись самые отпетые уголовные преступники.

Трудно назвать другую область, в которой во время войны так остро конкурировали бы германские концерны, как в использовании рабского труда. Уж очень заманчивой представлялась возможность почти даром получать сотни тысяч рабочих.

Крупп с большой тревогой наблюдал за тем, как протягивает шупальца к концлагерям «ИГ Фарбен». Ведь

это был огромный резервуар даровой рабочей силы. Когда «ИГ Фарбен» решил построить большой завод на территории концентрационного лагеря Освенцим, то и Крупп решил, что можно соорудить на этой же территории и свой завод автоматического оружия и взрывателей.

Агенты Круппа развили энергичную деятельность и весьма скоро сообщили своему шефу, что достигнуто соглашение с СС: «Необходимые здания будут подготовлены СС и переданы нам. Мы должны обеспечить станки и установки, управление заводом будет в наших руках. Концентрационный лагерь Освенцим обеспечит рабочие руки».

Крупп всемерно торопит своих людей. Он явно опасается, как бы другой рурский хищник не опередил его в этой охоте на рабов. Он пишет:

«Если мы начнем производство не в срок и произойдет задержка, рабочие из концлагеря будут переданы другим германским фирмам. Это обстоятельство очень существенно, мы считали до сих пор, что Освенцим сможет обеспечить и нас неограниченным количеством рабочих...»

Труд заключенных из концентрационных лагерей использовался и на других заводах Круппа — «Гизенхейм», «Норддейче хютте», «Дешимаг» и «Везффлуг». Крупп пользовался трудом заключенных и в оккупированных странах, например во Франции, на заводах «Элмаг» в Мюльхгаузене.

Войдя во вкус, Крупп организовал по соглашению с СС собственные концентрационные лагеря в Эссене и других местах.

К началу 1944 года руководители концерна — Альфред Крупп, Гудремонт, Мюллер, Янсен, Инн и Эберхардт — настолько понаторели в эксплуатации рабского труда, что на специальном совещании бюро по распределению рабочей силы выступили с коллективным докладом на тему «Борьба с нежелающими работать». Его текст был использован обвинением. Между лаконичных строк этого документа проступает подлинное лицо рурских господ: «С иностранцами надо обращаться со всей строгостью и суровостью... Следует подвергать их наказанию за пределами лагеря. Дешеншуле будет превращен в штрафной лагерь... под контролем гестапо.

Там эти иностранцы должны использоваться группами по 50—60 человек».

Другой такой же лагерь фирма Круппа организовала близ Рейнгаузена. В нем содержались «восточные рабочие», политические заключенные из разных стран, а также люди самого различного социального положения, «завербованные» в Бельгии и Голландии. О том, как проводилась эта «вербовка», поведали на процессах многие свидетели. Вот выдержка из показаний бельгийского пастора Альфонса Чарльза Гизелина Кома.

«— Вы провели часть войны в Эссене?

— С 28 августа 1944 года по 4 мая 1945 года.

— Вы поехали туда добровольно?

— Конечно, нет.

— Как это произошло?

— 15 августа 1944 года, в день вознесения, в 5 часов утра я намеревался пойти в церковь, а в это время подъехал грузовик с германскими солдатами, которые окружили дом. Они стучали в дверь. Среди них был германский фельдфебель, сержант и двое других. Они отрезали все выходы. Когда я открыл дверь на их стук, они вошли и сказали: «Вы арестованы». Когда я спросил: «Почему?», мне сказали: «Таков приказ». Вместе со мной из деревни забрали еще десять человек.

— Куда вас направили из деревни?

— Нас поместили в тюрьму в Арлоне и ни разу не вызвали на допрос. 25 августа в четыре часа утра нас отправили на станцию, а оттуда в Эссен. В Эссене, как и в тюрьме, нас ни разу не допросили.

— Вам не было предъявлено никаких обвинений?

— Нет. Мы прибыли в Эссен на центральный вокзал, и нас заставили построиться в ряд. И тогда немецкий фельдфебель сказал нам, смеясь: «Теперь вы будете работать у Круппа, и бум-бум будет для вас — я имею в виду бомбардировки».

В допрос пастора включается Поле — адвокат подсудимого Бюлова, ведущего сотрудника концерна Круппа, по совместительству бывшего главным надсмотрщиком штрафного лагеря.

«Поле. Отец Кома, производились ли в вашей деревне аресты участников Сопrotивления?

Кома. Я не знаю этого...

Поле. Были ли вы сами участником Сопrotивления?

Коме. Адвокат, я хочу сказать вам, что сейчас я впервые слышу от немца такой вопрос — его не задавали мне ни в тюрьме, ни в лагере, ни господин Бюлов. Но раз вы спрашиваете меня — я отвечу. Как католический пастор я считал своим долгом оказывать сопротивление попыткам превратить мир в вотчину германской армии...».

Широко и привольно расположились концентрационные лагеря фирмы «Крупп» на территории третьей империи. Один из самых больших крупповских лагерей находился в Маркштадте при заводе Берта. На строительстве этого завода работали пять тысяч узников. Когда он был построен, то в его цехах трудились также заключенные. Лагерь Круппа не мог их всех вместить, и часть размещалась в других лагерях, включая Фюнфтейхен — филиал известного концлагеря Гросс-Розен. Всё это было организовано руководителями концерна Эрихом Мюллером и Лео Коршаном и санкционировано правлением фирмы «Крупп».

К какому бы террору ни прибегали рабовладельцы XX столетия, чтобы вытравить из сознания людей чувство человеческого достоинства, борьба против нацистов, отчаянная и кровавая, велась и в лагерях и на заводах непрерывно. В первых рядах тех, кто сопротивлялся попыткам превратить современного человека в бессловесного и безответного раба, были советские люди.

В октябре 1943 года Бюлов и представитель вермахта капитан Боргеймер заключили соглашение относительно наказания военнопленных, работающих на заводах Круппа. В соглашении указывалось, что за проступки, связанные с нарушением режима и порядка в лагерях и на заводах, военнопленные «будут преданы военному суду... за исключением русских, которые должны быть переданы государственной полиции. В этих случаях государственная полиция всегда выносит смертный приговор...»

В этой связи Бюлов писал в записке Леману: «Я просил бы в будущем придерживаться в таких случаях условий соглашения. Однако я предлагаю считать содержание этого документа секретным, в особенности ввиду упоминания о смертных приговорах».

Сам Альфред Крупп, в качестве одного из руководителей «Имперского объединения угля и стали», активно

участвовал в заседаниях «Центрального бюро планирования». Вместе со Шпеером, Заукелем и другими нацистскими главарями он решал все кардинальные вопросы организации рабского труда как в самой Германии, так и на оккупированных территориях.

Руководителей «Имперского объединения угля и стали» очень беспокоило то, что рабочие, согнанные в Германию со всех стран Европы, упорно не желают сносить издевательства и соблюдать каторжный режим труда. И вот 4 октября 1943 года всем директорам заводов направляется секретное письмо за подписью коллеги Круппа по этому объединению Рёхлинга. Рёхлинг пишет: «Недисциплинированное поведение рабочих не должно оставаться без внимания, и они должны быть немедленно подвергнуты наказанию; в случае необходимости, следует направлять в концлагерь. О серьезных нарушениях порядка иностранцами, в особенности о самовольных уходах с работы, заводы должны немедленно сообщать гестапо».

Что следовало за этим — хорошо известно: расстрел, повешение или уничтожение в газовой камере.

На судебных процессах германских монополий было заслушано немало свидетелей — бывших узников. Их показания подкреплены документами, исходящими от сотрудников концернов, которых трудно обвинить в стремлении сгустить краски.

Вот письмо Гроллиуса, мастера завода Круппа, мастеру Калетчу от 18 марта 1942 года. Сообщая о режиме голода в лагере, где расположен завод, Гроллиус заключает письмо следующими словами: «Пожалуйста, скажите самым решительным образом, что нельзя позволять людям умирать тут же на работе. Люди должны работать на нас, но при этом надо давать им хотя бы то, что позволит им продержаться. Я наблюдал в лагере заключенных, и мороз подирает по коже от их вида...»

Это письмо 20 марта 1942 года направляется чиновником концерна Динкелакером члену правления Инну. В сопроводительном документе Динкелакер пишет: «Я свободен от всякой ложной сентиментальности. Нельзя забывать, что имеешь дело с большевиками и им полагались бы побои вместо хлеба. Но речь идет о людях, которые присланы мне для работы, и я требую

с них работу. Каждое животное, которое должно работать, нуждается в пище...»

В лагерях германских монополий содержались и дети. Речь идет не о подростках, которым уже минуло 12—13 лет, — эти беспощадно эксплуатировались наравне со взрослыми. Обвинители говорили о тяжких преступлениях против маленьких детей. Концерн Круппа создал специальные детские лагеря, где малыши были отделены от родителей. Один из таких лагерей, Верде-Вест, находился в 60 километрах от Эссена. Огромное число детей умирало здесь от болезней и голода.

...К пульту подходит свидетель Эрнст Виру, служащий Круппа. Он был надсмотрщиком в этом лагере. Допрос ведет обвинитель Мандельлауб.

«Мандельлауб. Что вы увидели в бараках, где жили дети?

Виру. Дети были истощены. Там не было детей, чьи руки и ноги были бы толще моего большого пальца.

Мандельлауб. Каков был их возраст?

Виру. Маленькие, до двух лет.

Мандельлауб. Это были дети восточных рабочих?

Виру. Да, они родились в лагере.

Мандельлауб. Как они были расселены в лагере?

Виру. На тюремных нарах. Дети, полуголые и голодные, лежали на матрацах, покрытых клеенкой.

Мандельлауб. Были ли видны признаки недоедания?

Виру. Да, у многих из них были распухшие лица...

Мандельлауб. Говорили ли вам восточные работницы, сколько детей умирает ежедневно?

Виру. Да, пятьдесят-шестьдесят детей умирало ежедневно».

Вид узников крупповских лагерей — военнопленных, которых охрана концерна ежедневно гнала на заводы и обратно в места заключения, — был настолько страшен, а в пути их часто подвергали таким избиениям, что всё это вызывало возмущение рядовых немецких граждан. Слухи о злодеяниях в лагерях приобрели чрезмерно широкий характер. И однажды господин Штеммер, секретарь фон Бюлова, положил на письменный стол своего шефа следующий документ:

«Запись телефонного разговора с полковником Брейером, ОКВ.

Полковник Брейер из ОКВ хотел поговорить с г-ном фон Бюловым и, ввиду его отсутствия, просил меня передать следующее:

ОКВ получил недавно сведения через свои представительства, а также анонимные письма от германского населения, относительно плохого обращения с военнопленными на заводах фирмы «Крупп». Сообщают, что военнопленные подвергаются избиениям, что они не получают надлежащей еды и не имеют права на отдых после работы. Помимо этого сообщают, что военнопленные шесть недель не получали даже картошки.

Я сказал г-ну полковнику Брейеру, что ничего не могу ответить на это, но немедленно передам о его звонке г-ну Бюлову».

Вероятно, Бюлов был тогда искренне возмущен этой телефонограммой. Можно подумать, будто господин фельдмаршал Кейтель проявлял больше заботы «об этих иностранцах», когда подписывал приказ «Мрак и туман», согласно которому в глубокой тайне должны были направляться в Германию и там уничтожаться все заподозренные в сопротивлении германским войскам на оккупированных территориях! Как будто, подписав приказ «Кугель» («Пуля»), о расстреле без суда и следствия бежавших и пойманных советских военнопленных офицеров и сержантов, Кейтель преподавал Круппу образец гуманного отношения к людям.

Крупп сделал вывод из этого эпизода: солдаты вермахта, которым поручалась нередко охрана военнопленных, очевидно, не совсем подходят для этой роли. Даже среди разбойничьего гитлеровского воинства нашлись, очевидно, люди, которые сообщили полковнику Брейеру, какие порядки существуют на крупповских заводах и в концлагерях, которые их обслуживают.

И Крупп решил, что в своих лагерях он должен иметь собственную полицию. Нет, дело не в том, что он не доверяет СС, гестаповцам! Просто он считал полезным иметь такой инструмент в своих руках. Кроме того, эти эсэсовские каналы слишком много дерут за «обслуживание» лагерей.

И вот Крупп организует полицию концерна.

Как действовала эта полиция? Малейшее нарушение каторжного режима влекло за собой направление в

концлагеря на уничтожение. Но дадим слово документам, изъятым следователями в архивах фирм:

«Переписка заводской полиции фирмы «Крупп», касающаяся наказания иностранных рабочих

Фрид. Крупп АГ, Эссен, через
г-на Бюлова Заводская полиция. 3.
10 июня 1944 года.

Польский рабочий Владислаус Цичоски, мастерская 080442, род. 27 сентября 1916 года в Ленинграде, проживающий в Эссене, лагерь Хоммер Вег, арестован за враждебные политические действия. Необходимо направить в концлагерь.

Лоренц».

Надпись от руки: «Бухенвальдский концлагерь».

«Заводская полиция.
3 июня 1941 года.

Итальянский рабочий Антонио Молилари, мастерская 680187, род. 21 апреля 1913 года в Венеции, был арестован за отказ от работы. Необходимо направить в концлагерь.

Лоренц».

Надпись от руки: «За антиобщественное поведение — концлагерь».

Случалось, и нередко, что заводские полицейские расстреливали иностранных рабочих на месте за самые незначительные нарушения. Вот пример одной из таких расправ:

«Письмо военного судьи заводской полиции фирмы «Крупп» (существовал и такой. — Авт.) от 24 мая. Суд. № 526.

Вупперталь, 24 мая 1944.

Содержание: Смерть русского военнопленного № 326/39004 Шосова Сергея в результате выстрела».

Письмо излагает обычную для крупковских лагерей трагедию заключенного, который предпочел мгновенную

смерть от пули медленной смерти. Сергей Шосов пытался взять лишний ломоть хлеба. Охранник из крупповской полиции Вильгельм Яке предупредил, что будет стрелять, если заключенный не прекратит этой попытки. Угроза не возымела действия, и раздался выстрел, оборвавший жизнь военнопленного. Письмо судьи заканчивается так:

«Расследование показало, что Вильгельм Яке действовал в соответствии с правилами. Нет оснований возбуждать против него дело. Сообщаем для Вашего сведения».

Что же сделал ведущий сотрудник концерна Круппа фон Бюлов, получив такое донесение? Он предложил публично объявить благодарность полицейскому Яке!..

Крупповской полиции требовалось специальное оснащение. И неизвестный, скрывшийся за инициалами «Б. Л.», 21 сентября 1944 года пишет фон Бюлову:

«Нам срочно необходимы десять резиновых дубинок, кожаных плеток или подобных предметов для наших ударных команд. Насколько нам известно, у Вас на складе они имеются, и мы просим срочно передать 10 штук подателю сего».

На этом письме следующие надписи:

«Вильсхаузу.

Имеем ли мы подобного рода оружие?

Фон Бюлов».

«Г-ну Бюлову.

Я могу предоставить 10 кожаных плеток или стальных палок.

Вильсхаузу».

...Дошла очередь до стальных шкафов. Об этом изобретении крупповской полиции рассказывает свидетель Дам. Он служил в одном из крупповских лагерей в противовоздушной обороне.

«Р а г л а н д (помощник главного обвинителя). Свидетель, в какие годы вы работали у Круппа?

Д а м. С 20 декабря 1939 года по 12 февраля 1945 года.

Р а г л а н д. Видели вы стальной карцер, стальной шкаф?

Д а м. Да, у него были стены и верх, точнее потолок, а в передней стене были два отверстия для воздуха.

Р а г л а н д. Какой высоты был этот шкаф?

Д а м. Примерно полтора метра или метр и шестьдесят сантиметров.

Р а г л а н д. Свидетель, я прошу вас посмотреть эти фотокопии. Можете ли вы, посмотрев на них, сказать, что на них изображено?

Д а м. Они показывают шкаф и лагерь.

Р а г л а н д. Можете ли вы подтвердить, что это тот шкаф, который стоял в комнате охраны?

Д а м. Да.

Р а г л а н д. Опишите мне, как запирался этот шкаф.

Д а м. На наружной части двери есть два болта; завинтив их, можно было запереть шкаф».

Значит, шкафы были такой высоты, что человек среднего роста должен был стоять в них полусогнувшись. Затем свидетелю предлагается рассказать, видел ли он лично, как применялись эти шкафы. И он подробно, не волнуясь (ко всему привык этот человек в результате многолетней службы у Круппа), рассказывает трибуналу: «В ночь с 31 декабря на 1 января 1945 года я видел, как унтерфюрер Герлах запер в шкаф трех восточных рабочих, которые пытались отметить Новый год. Этих восточных рабочих он привел в комнату охраны, бил резиновой дубинкой, затем заставил влезть в стальной шкаф и запер их».

«Р а г л а н д. Был ли Герлах служащим фирмы «Крупп»?

Д а м. Да, он был рабочим фирмы «Крупп», а потом стал начальником в лагере.

Р а г л а н д. Поливали ли рабочих водой, пока они были в шкафу.

Д а м. Да.

Р а г л а н д. Как это было сделано?

Д а м. Герлах взял ведро воды и вылил его на верхнюю часть шкафа, и вода просочилась внутрь.

Р а г л а н д. Сколько времени рабочих продержали в шкафу?

Да м. Когда я уходил домой в 6 часов утра на следующий день, они еще были там».

Таковы были будничные дела заводской полиции фирмы Круппа. Так на деле осуществлялись слова Геббельса: «Мысль о том, чтобы убить их путем непосильного труда, лучшая мысль!»

Крупп приложил свою руку и к позорному преступлению — геноциду, который гитлеровские изверги цинично окрестили «окончательным решением еврейского вопроса».

В 1942 году член правления крупповского концерна Эрих Мюллер составил проект завода, производящего автоматы и взрыватели. Завод располагался на территории лагеря Освенцим. Альфред Крупп и Эвальд Лезер ассигновали на эти цели два миллиона марок, и вскоре завод вступил в строй.

По договоренности членов правления концерна Круппа с министерством Шпеера, на этот завод в Освенциме были переброшены 500 евреев, работавших близ Берлина. Вот как об этом сообщает Мюллеру чиновник концерна 16 марта 1943 года:

«Оберштурмфюрер Зоммер получил посланный мне доктором Виландом список евреев, которые находились на службе у фирмы Кроне-Прессверк в Граце (примерно 500 рабочих). Они перебрасываются в Освенцим для работы по производству оружия.

Примерно 14 дней назад все евреи были переброшены из Берлина, и, согласно заявлению представителей СС, большая часть из них уже находится в Освенцимском лагере. Оберштурмфюрер Зоммер вновь подчеркнул, что при создании завода на территории Освенцима мы можем полностью рассчитывать на поддержку СС; он просил немедленно сообщить, если потребуется вмешательство его ведомства».

Итак, руководители концерна Круппа требовали и получали рабочих-евреев на свой завод в Освенциме, хотя от своих служащих, работавших на территории лагеря, отлично знали, как реализуется там «окончательное решение еврейского вопроса».

Как понимались в Освенциме, как и в других лагерях, эти роковые слова, видно из допроса в Нюрнберге на процессе главных военных преступников начальника этого лагеря Рудольфа Гесса:

«Кауфман (адвокат Кальтенбруннера). Правильно ли, будто Эйхман заявил вам, что в общем в Освенциме уничтожено более двух миллионов евреев?

Гесс. Так точно.

Кауфман. Мужчин, женщин и детей?

Гесс. Да».

Понятно, что ждало евреев — рабов Круппа, после того как они «вырабатывались» на военных заводах.

Но руководители концерна не только требовали рабочих-евреев для своего завода в Освенциме, ясно сознавая, какая участь их ожидает; Крупп и его подручные активно содействовали уничтожению евреев и в Освенциме, и в других местах.

В 1944 году в Эссен, в лагерь Круппа, начали прибывать женщины-узницы. В числе их было 520 венгерских девушек еврейской национальности. Некоторым из них едва исполнилось 14 лет. Им побрили головы, одели в рубище, заставляли ходить босыми. Они выполняли самую тяжелую работу, жили в нечеловеческих условиях — без канализации, в нетопленных подвалах.

Когда армии союзников стали подходить к Эссену и труд евреек стал не нужен, руководители концерна Янсен и Гудремент и один из ведущих сотрудников Леман договорились с СС об уничтожении девушек. С этой целью девушек направили в концентрационный лагерь Берген-Бельзен. Только четыре из них сумели бежать и после окончания войны были допрошены американскими следователями.

Читателю уже известен Эрих Мюллер — один из основных руководителей фирмы «Крупп», крупнейший государственный чиновник третьего рейха, в ведении которого с начала второй мировой войны находилось свыше трех тысяч германских заводов, выпускавших военную продукцию. 17 сентября 1942 года главное управление боеприпасов просит Мюллера срочно сообщить, какие заводы могут быть укомплектованы евреями. «Иностранные рабочие-евреи — среди них много квалифицированных специалистов — имеются в достаточном количестве. В то же время просим сообщить, где можно создать концентрационные лагеря для размещения евреев. Просьба дать ответ не позже, чем через 16 часов, через те же каналы».

Эрих Мюллер ответа не задержал. Заявки на рабочих-евреев были даны в срок. Разумеется, Мюллер не забыл и здесь интересов фирмы, которую он представлял в гитлеровском государственном аппарате. А концентрационные лагеря для этих узников у концерна, как известно, были под рукой, рядом с заводами. И эти люди, разумеется, были обречены на гибель.

Кончилась вторая мировая война. Альфред Крупп давно на свободе, он снова на вершине монополистического Олимпа. Но как тень следуют за ним тяжкие обвинения, рассмотренные трибуналом в Нюрнберге, и среди них одно из самых позорных — участие в геноциде. Как освободиться от этой тени прошлого? И Альфред Крупп делает широкий жест. В 1960 году он переводит в Нью-Йорк сионистской организации «Международное еврейское агентство» определенную сумму, предназначенную для раздачи «тем евреям, которые докажут, что они в годы второй мировой войны в принудительном порядке трудились на предприятиях фирмы „Крупп“». При этом Альфред в своем письме «Международному еврейскому агентству» указывает, что эти деньги являются «вкладом в дело умиротворения отношений между германским и еврейским народами». Предпринимая такой шаг, Крупп хорошо понимал, что он рискует лишь небольшой суммой. Ведь он-то отлично знал судьбу узников-евреев, работавших на его заводах: когда эти люди теряли способность трудиться, их попросту сжигали. Спаситься могли только одиночки. На них много не израсходуешь! Да и все ли из уцелевших, как бы они ни нуждались, примут подачку из таких рук? Разыгрывая этот отвратительный лицемерный фарс, Крупп не забыл сделать оговорку: передача средств не может служить «юридическим прецедентом для предъявления по аналогичным основаниям каких-либо исков в судах к фирме „Крупп“».

Тот, кому знакомы преступления концерна Круппа и лично Альфреда в период третьей империи, не знает, чему здесь больше поражаться: цинизму того, кто дает, или цинизму тех, кто принимает эти пропитанные кровью деньги.

Невольно на ум приходят слова Демокрита: «Забвение своих прегрешений порождает бесстыдство».

Круг девятый, последний...

Особенно зловещими были созданные также концернами штрафные лагеря...

Свидетель Хендрик Шолтенс — студент, в январе 1944 года насильно отправленный из Голландии в Германию, — пытался бежать на родину с заводов Мессершмитта в Мангейме. Был пойман и водворен в штрафной лагерь. Вот его рассказ:

«...У нас отняли верхнюю одежду, галстуки, пояса и часы. Люди из охраны фирмы «Крупп» заявили, что это — предметы роскоши. Они также обрезали нам рукава выше локтя. На следующее утро, не вернув нам одежду, нас отправили в штрафной лагерь Нейерфельд Х. Это был лагерь Круппа. Начальник лагеря был одет в гражданскую одежду, он носил только нарукавник с надписью «Крупп». На фуражках охранников было также написано название фирмы «Крупп». Лагерь был окружен двойным рядом колючей проволоки. Затем кирпичная стена, тоже окруженная колючей проволокой. Когда нас привели в лагерь, то мы долго стояли голыми в ожидании тюремной одежды. Некоторые пытались спрятать деньги и фотографии близких. У меня были снимки отца и матери. Они обнаружили фотографии. Начальник лагеря разорвал их в клочки. Вилли, охранник из полиции Круппа, чьей фамилии я не знаю, сказал, что иметь при себе фотографии запрещено. И за то, что я нарушил этот запрет, или пытался его нарушить, он начал избивать меня. В результате этих побоев я был весь в синяках. Затем нас должны были обрить наголо. Я чуть задержался, и охранник решил, что я не хочу, чтобы меня обрили. Последовали новые побои. Резиновая плетка была наготове... били по спине до тех пор, пока я не упал.

Заклученных поместили в бункер, где вода была высотой в несколько сантиметров над полом. Кое-где земля образовала неровности, там были сухие островки. Кое-где, возвышаясь над водой, лежали несколько деревянных балок. Те, кто не сумел захватить этих сухих мест, спали стоя. За весь день не дали никакой еды. Пригнанные в лагерь уже не ели около полутора суток. Я видел, как люди искали — нет ли в соломенных матрацах мышей. Мне советовали поступить так же, ибо, как

это ни отвратительно, это всё же кусочек свежего мяса. Я нашел мышь в матраце, убил ее и положил в карман. А на работе на следующий день поджарил на огне.

После первой ночи нас созвали на проверку в 6 часов утра и заставили простоять до 8 часов. Я видел, что у некоторых заключенных были отморожены уши и пальцы.

Нам выдавали пол-литра теплой бурды с капустными листьями — это называлось супом — и 50 граммов хлеба. Раз в неделю давали 25 граммов маргарина, 25 граммов джема и 25 граммов колбасы. В таких условиях я пробыл 6 недель в этом лагере. Мне не дали никакой верхней одежды, не дали мыла. Не было воды для мытья. В лагере был врач, но никакой медицинской помощи нам не оказывали. Он заявлял, что все годны для работы. Люди ходили на работу, пока не падали. Затем их возвращали в лагерь. Когда набиралось достаточно больных, чтобы заполнить грузовик, их отправляли куда-то. Больше я их не видел».

В результате неустанной работы этой адской машины человекоистребления, запущенной на полный ход совместными усилиями монополий и карательных органов Третьей империи, многие тысячи людей падали в цехах за станками, на маршах, в бараках, на плацах при проверке, умирали на нарах во время сна.

Десятки тысяч других превращались в полных инвалидов, и их ожидал мучительный конец. Они попадали в последний, девятый круг Дантова ада.

Ноак Трейстер был арестован в Праге в 1939 году. Затем Бухенвальд, основной лагерь Освенцим и, наконец, его филиал — Моновиц, где, как мы уже знаем, хозяйничал концерн «ИГ Фарбен». Рассказ Трейстера, человека, чудом вырвавшегося из девятого круга, не нуждается в комментариях:

«Бывали случаи, когда в больничный барак привозили заключенных, избитых на заводе «ИГ Фарбен» до полусмерти. Селекция (этому ученому слову нацисты придали новый смысл: отбор потерявших трудоспособность узников для их уничтожения в газовых камерах. — *Авт.*) заключенных производилась иногда на утренней перекличке, в присутствии штатских служащих «ИГ Фарбен». Часто бывал на перекличках и сам Дюррфельд. Мастера завода «ИГ» знали об уничтожении заключенных

в газовых камерах. Когда квалифицированный рабочий доходил до истощения и об этом можно было судить по его внешнему виду, мастера заранее предупреджали, что скоро он исчезнет».

Житель Вены Густав Герцог, арестованный в 1938 году «в превентивном порядке», проделал тот же путь, что и Ноак Трейстер. В конце 1942 года Герцог тоже попал в Моновиц.

«Я много раз видел руководителя завода «ИГ» Вальтера Дюррфельда во внутреннем лагере в Моновице в сопровождении эсэсовцев из лагерного начальства... Вся ответственность за то, что огромное количество заключенных, лишившихся работоспособности, было уничтожено в газовых камерах, лежит на руководителе «ИГ Фарбениндустри». Я не раз слышал, как инженеры и руководители «ИГ» говорили заключенным, что люди, которые не могут и не хотят давать полную производительность труда, никому не нужны. За день отбирали и отправляли в газовые камеры от тысячи до двух тысяч заключенных. Мне это известно, так как канцелярия лагеря, в которой я тогда работал, тотчас же получила списки с указанием — исключить этих заключенных из состава лагеря. Это шло по графе «Особое обращение». Было и другое доказательство уничтожения заключенных: в тот же день в Моновиц привозили их одежду, очки, протезы и так далее. Таким методом «ИГ Фарбениндустри» избавлялся от нетрудоспособных и оставлял только тех, кто мог работать».

Арност Таубер, тоже чудом уцелевший узник Моновица, под присягой показал:

«Завод буны, принадлежавший «ИГ Фарбен», зарегистрировал 30 тысяч смертей в течение трех лет своего существования. Одновременно в заводском лагере содержалось 10 тысяч человек. Эту информацию я почерпнул от заключенных, которые работали в комнате руководства в Моновице и которые должны были быть правильно информированы об этих вещах».

Таубер рассказал далее о «медицинской помощи», которая предоставлялась заключенным администрацией «ИГ Фарбен» в этом лагере: «Не более чем пяти процентам рабочих было разрешено посещать лазарет. Если эта цифра оказывалась превышенной, то происходил отбор и отобранные увозились в Биркенау для

умерщвления газом. Доклад посылался руководству предприятия «ИГ Фарбен». Более того, убийства газом обсуждались с мастерами в совете цехов».

21 июня 1942 года английский солдат Эрих Дойль был захвачен нацистами в плен под Тобруком. Пройдя через ряд лагерей, он попал в Освенцим и стал работать в составе рабочей команды «ИГ Фарбен».

Вот его рассказ:

«Мастера «ИГ Фарбен» пришли в лагерь и распределили нас на работу. Я оказался на погрузке и таскал очень тяжелые стальные трубы. Состояние заключенных концлагеря было ужасающим. Я видел, как заключенных часто приносили товарищи на себе — люди умирали прямо на работе от усталости, голода, истощения. Как правило, заключенные весили меньше, чем груз, который они должны были переносить. Я видел, как люди, работая, падали в изнеможении... В 1938 году в Англии я познакомился с борцом среднего веса и видел его на ринге. В 1943 году я встретил его в Освенциме. Он работал в том же отряде, что и я. У него были перебиты обе руки, плечи были согнуты, как у старика, и на вид ему было 50 лет. Он исчез, не знаю, что с ним случилось. Таких исчезновений было немало».

Когда на процессах допрашивались такие свидетели, как Шолтенс, Дам, Трейстер, Герцог, Дойль, то на скамье подсудимых и за столом защиты устанавливалась такая тишина, что казалось, будто адвокаты забыли о состязательном характере судебного процесса: простые страшные слова правды были сильнее самого изощренного юридического крючкотворства...

Итак, начинался последний этап — администрация концернов передавала «выработавшихся» людей в руки эсэсовцев для уничтожения в газовых камерах.

И на этом наживались германские концерны. И здесь конкурировали. Для камер уничтожения требовался газ, и эсэсовцы получали его в достаточном количестве...

Перед нами большая папка бухгалтерских документов «ИГ Фарбен». Документы как документы — обычные товарные накладные. По ним со складов концерна отправлялась заказчикам готовая продукция. Стандартные реквизиты: грузоотправитель и заказчик, наименование, количество, вес и цена продукции, расписка отправившего и получившего груз, расписка

представителя железной дороги. Но в этой папке накладных среди заказчиков числятся только лагеря смерти: Освенцим и Дахау, Бухенвальд и Биркенау, Бельзен и Треблинка. И почему всюду одно наименование продукции — «циклон-Б»?

Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся еще раз на Нюрнбергский процесс главных военных преступников. Дает показания Рудольф Гесс, начальник лагеря Освенцим:

«...Я поехал в лагерь Треблинка, чтобы ознакомиться с тем, как там проводилось истребление. Начальник лагеря в Треблинке сказал мне, что он ликвидировал 80 тысяч человек в течение полугода. Он занимался главным образом истреблением евреев из варшавского гетто. Он применял газ моноксид, но считал, что этот метод не очень эффективен. Поэтому, когда я устроил в Освенциме помещения для уничтожения, я применял «циклон-Б» — кристаллизованную синильную кислоту, которую мы бросали в камеру смерти через небольшое отверстие. В зависимости от климатических условий, в этой камере люди умирали в течение 3—15 минут. О наступившей смерти мы узнавали по тому, что находившиеся в камере люди переставали кричать. После того как трупы были вынесены, наши особые команды занимались тем, что снимали с жертв кольца и извлекали золотые зубы.

Эй мен (американский обвинитель). Всё это правда и соответствует действительности, свидетель?

Гесс. Да».

«ИГ Фарбен» изготовлял «циклон-Б» в больших количествах. Этот «эффективный» газ регулярно, многие месяцы и годы отправлялся со складов концерна в лагерь уничтожения. Однако некоторые господа из «ИГ Фарбен», когда на процессе заходила речь о «циклоне-Б», пытались прикинуться простаками:

— Помилуй бог, мы действительно изготовляли и продавали этот «циклон-Б», но вовсе не для уничтожения людей! Там, в лагерях, было большое количество насекомых, а также мышей, крыс. Вот «циклон-Б» и потребовался для борьбы с ними.

Но двое подсудимых сказали правду о «циклоне-Б» — барон Георг фон Шницлер и член центрального правления концерна Христиан Шнейдер.

Из протокола допроса Шницлера:

«— Вы сказали вчера, что в последнем квартале 1944 года некий господин Мюллер-Кунради в разговоре с вами упомянул, что ядовитые газы и химикалии, производившиеся «ИГ Фарбен», применялись для убийства людей в концлагерях?»

— Так я понял.

— Разве вы, в свою очередь, не спрашивали своих служащих относительно применения этих газов?»

— Они говорили, что знали о том, что газы применялись для этой цели.

— Что вы сделали, когда узнали, что химикалии «ИГ» применялись для того, чтобы умерщвлять, убивать людей в концентрационных лагерях?»

— Я ужаснулся!

— Предприняли ли вы что-либо?»

— Я не стал говорить об этом, так как это было слишком страшно. У меня всегда создавалось впечатление, что эти газы производились не нами. Я спросил Мюллера-Кунради: «Знаете ли вы, Амброс и другие директора в Освенциме о том, что газы и химикалии применяются для убийства людей?»

— Что же сказал он?»

— «Да, это известно всем директорам «ИГ» в Освенциме».

Из протокола допроса Шнейдера:

«Трубы крематория, где сжигались трупы в концлагере Освенцим, были видны с завода «ИГ» в Освенциме. Мне говорили, что служащие завода и сам Вальтер Дюррфельд, а также другие инженеры, посещавшие Освенцим, ощущали запах жженого мяса при сожжении трупов. Они говорили, что это был ужасный запах. На допросе 27 марта 1947 года я рассказал господам Артуру Куперу и Бенвенуто Халле, что беседовал с Вальтером Дюррфельдом и Генрихом Бютефишем о газовых камерах, в которых люди умирали насильственной смертью. Я хотел бы, обдумав, изменить мое показание в том направлении, что я уверен, что уже в 1944, а возможно, в 1943 году слышал об уничтожении людей в газовых камерах, но что я теперь не помню, от кого я это услышал и с какими представителями «ИГ» я об этом беседовал».

Недавно печать сообщила, что военные преступники

Дюррфельд и Бютефиш награждены западногерманскими орденами...

Трупы заключенных, извлеченных из газовых камер, сжигались в усовершенствованных печах. На печах были таблички немецкой фирмы «Топф и сыновья». Какова судьба фирмы, что случилось с владельцами? Ее главу еще в конце пятидесятых годов можно было видеть на самых фешенебельных курортах Европы. Высокий, седой, корректный и подтянутый господин. А сама фирма «Топф и сыновья» и ныне снабжает своими печами все западногерманские крематории. Кто теперь в ФРГ станет вспоминать, что эта фирма и ее теперешние руководители были монопольными поставщиками печного оборудования для лагерей смерти?!

В 1941 году Топф писал Гиммлеру, рекламируя качество своей продукции: «В кремационных двойных муфельных печах Топф, работающих на коксе, в течение примерно 10 часов может быть произведена кремация 30—35 трупов. Упомянутое число трупов может сжигаться ежедневно, не вызывая перегрузки печи. Нет технических противопоказаний к тому, чтобы по условиям производства кремация производилась непрерывно днем и ночью».

А 12 февраля 1943 года почтенная фирма шлет письмо «Центральному строительству СС и полиции» в Освенциме: «Еще раз подтверждаем получение вашего заказа на пять штук двойных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособление для транспортировки пепла... Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 г.

И. А. Топф и сыновья».

Вот с какими документами должны были знакомить судьи в Нюрнберге!

Сколько сотен тысяч людей прошло в лагерях уничтожения через двойные муфельные печи фирмы «Топф и сыновья»? А ее владельцы здравствуют и процветают. Разве они сообщники преступлений гитлеровской клики? Так фальшиво вопрошают ученые апологеты монополий. Разумеется, нет! Это — «честные коммерсанты»,

которым всё равно, что изготовлять, ибо дело есть дело.

Любой бизнес неотделим от конкуренции. И Топф-старший мог бы многое рассказать о том, как ему старались перебежать дорогу другие фирмы, борясь за выгодные заказы — строительство крематориев для лагерей смерти.

Одним из таких конкурентов было немецкое акционерное общество «Заводы Дилье», которое отправило 25 июля 1943 года командованию СС в Белграде следующее письмо:

«Мы приняли к сведению намерения белградских частей СС построить кремационную установку, рассчитанную на крупный лагерь, мы учли также и то, что им поручено вместе с местными архитекторами проектировать и построить эту установку. Не имея опыта постройки печей, они намереваются приобрести чертежи для этих печей. Мы заявляем о своей готовности составить чертежи печей надлежащим образом. В каждой печи имеется отделение для пепла; так как не предполагается применение гробов, то ширина отделения составляет 600 мм, высота — 450 мм. Для транспортировки трупов от места их хранения к печам мы советуем применять легкие тележки на колесах, и мы предоставим Вам чертежи этих тележек...»

Другим конкурентом Топфа была фирма «Кори». Она построила крематории в Дахау и Люблине.

После этого фирма вновь предлагает эсэсовцам свои услуги:

«Наши усовершенствованные печи для сжигания, работающие на угольном топливе, оправдали себя на практике с наилучшей стороны. В связи с предполагаемым строительством мы предлагаем две печи для сжигания, но рекомендуем еще раз запросить, достаточно ли будет двух печей».

К письму приложены чертежи усовершенствованных печей.

Самое страшное в этом страшном деле — деловитость и техническая конкретность. Массовое человекоистребление приобрело свою тщательно разработанную технологию.

Что же решили судьи?

Итак, суду были представлены многочисленные доказательства того, как в наш цивилизованный век возродили рабство, как ни в чем не повинных людей убивали непосильным трудом в интересах кучки хищников.

Виновны ли подсудимые — владельцы монополий и их служащие — в этих преступлениях? Всякий непредубежденный человек, ознакомившись с материалами дела, не испытывал бы никаких сомнений, — да, виновны.

Тем не менее среди американских судей нашлись такие, которые пошли на поводу у адвокатов рурских господ.

В сущности, для определения виновности или невиновности монополистов судьям предстояло решить только один вопрос: правы ли подсудимые, ссылаясь на так называемую крайнюю необходимость, на давление государства, в условиях которого якобы действовали промышленники? Если отвергнуть эти ссылки, чего требовали все исследованные судом доказательства, то промышленники должны быть осуждены. Если принять ссылки, то это значило признать, что монополисты действовали не по своей, а по чужой воле, со всякими вытекающими отсюда юридическими последствиями.

В решении этого основного вопроса судьи на различных процессах встали на различные позиции. Такое расхождение могло возникнуть вследствие одного весьма существенного обстоятельства.

Читатель уже знает, что, прежде чем решать вопрос о виновности руководителей германских монополий в грабеже оккупированных территорий и использовании рабского труда, судьям необходимо было определить свое отношение к основному обвинению — соучастию монополистов в подготовке и развязывании гитлеровских агрессивных войн.

Представим себе, что, в точном соответствии с добытыми доказательствами, американские трибуналы осудили бы «деловых людей» за участие в заговоре, совместно с нацистской кликой, с целью подготовки и развязывания агрессивных войн. Что это означало бы? Раз монополисты признаны виновными в заговоре, то есть в совместных с гитлеровской кликой действиях по

планированию, подготовке и ведению агрессивных войн, то, разумеется, не остается места для ссылок на «крайнюю необходимость», на «государственное принуждение». В этом случае налицо *общий заговор*. Естественно, что каждый из его участников заранее и добровольно согласился выполнять те обязанности, которые для него вытекали из этого заговора.

Но, как читателю уже известно, американские судьи, игнорируя представленные доказательства и повинувшись политической обстановке холодной войны, оправдали подсудимых в том обвинении, которое являлось решающим: заговор и агрессия. Американские судьи, решая вопрос об ответственности монополий за агрессию, отлично сознавали, что это вопрос не столько юридический, сколько *социально-политический*. Не случайно еще в Международном военном трибунале решение его, при рассмотрении дела Шахта, встретило столь значительные трудности, что советские судьи разошлись в мнениях с западными.

Оправдав подсудимых по основному пункту обвинения — агрессии, американские судьи как бы сказали адвокату Зимерсу, предупреждавшему суд об антикапиталистическом острове процессов, что они разбираются в политике не хуже, чем он! Но такое оправдание означало, что другие обвинения, в частности в использовании рабского труда, рассматривались уже изолированно от главного обвинения в заговоре. Именно это определило возможность различного судейского подхода к оценке основного защитительного довода: «государственное принуждение».

И здесь сыграло свою роль не наличие или отсутствие доказательств виновности — их было более чем достаточно, — а субъективный подход тех или иных членов трибунала.

Американские судьи решили: удобнее считать, что речь идет об *обычном* уголовном преступлении. Потому здесь и можно позволить себе иметь различное мнение о виновности или невинности подсудимых. Это различное мнение сказалось на каждом из приговоров по делам руководителей трех крупнейших германских монополий.

Наименьшую объективность проявили судьи, рассматривавшие дела по обвинению Флика и его

партнеров. Здесь трибунал, вопреки представленным доказательствам, признал основательность ссылки на «крайнюю необходимость». В результате в приговоре записано:

«Иностранные рабочие размещались по предприятиям через правительственные учреждения по труду. Ни одно управление предприятием не могло эффективно протестовать против этих размещений. Производственные квоты распределялись в промышленности властями рейха. На тех, кто не мог обеспечить реализацию этих квот, налагались взыскания... По нашему мнению, представленные доказательства дают основание для применения доктрины крайней необходимости...»

По делу Флика судьи оправдали — по пункту обвинения в применении рабского труда — всех подсудимых.

Двойственную позицию занял американский военный трибунал, рассматривавший дело руководителей концерна «ИГ Фарбениндустри». Рассмотрев ряд доказательств, представленных защитой, Военный трибунал США указал в приговоре: «Перед лицом этих неоспоримых фактов трибунал не может заявить, что эти подсудимые говорят неправду, утверждая, что в отношении программы использования рабского труда у них не было другого выбора, кроме необходимости выполнения предписаний гитлеровского правительства».

В то же время судьи пришли к выводу, что в отдельных случаях доказательства устанавливают личную инициативу в использовании рабского труда. Поэтому лица, ее проявившие, не могут ссылаться на «государственное принуждение» и подлежат наказанию. В частности, во всем, что касалось событий в лагере Освенцим, подсудимые, которые принимали в этом участие, были признаны виновными. Судьи мотивировали это тем, что здесь была проявлена отдельными обвиняемыми поразительная настойчивость в использовании лагерных заключенных для рабского труда. Всё это происходило на заводе, построенном «ИГ Фарбен» на территории Освенцима по инициативе самого концерна. Имея всё это в виду, суд установил в приговоре:

«В 1942 году по инициативе «ИГ Фарбен» был построен по соседству со строительной площадкой трудовой лагерь под названием «Моновиц»... И здесь рабочие

находились под постоянным контролем и наблюдением со стороны СС, когда они работали на строительной площадке. Те, кто терял возможность работать или нарушал дисциплину, отсылались обратно в концлагерь Освенцим или, что было чаще, в Биркенау для уничтожения в газовых камерах... Регулярные избиения производились заводской полицией и надсмотрщиками... Проводился отбор кандидатов среди неспособных работать для отравления их газами. Страх перед такой перспективой, несомненно, заставлял многих рабочих, особенно евреев, работать до полного изнеможения. Рабочие, воздвигавшие завод в Освенциме и содержавшиеся в концлагере, жили и трудились под страхом уничтожения».

В результате были осуждены за использование рабского труда, как имевшие непосредственное отношение к Освенциму, Краух, Тер-Мейер, Амброс, Бютефиш и Дюррфельд.

Остальные подсудимые по этому обвинению были оправданы.

Надо сказать, что по этому вопросу даже внутри судейской коллегии, рассматривавшей дело «ИГ Фарбен», не удалось достичь единства. Один из судей, Пауль Герберт, в «особом мнении» выразил решительный протест. Герберт пространно и аргументированно доказывал виновность всех подсудимых в использовании рабского труда и требовал их осуждения.

Герберт отметил, что если бы даже был доказан факт правительственного принуждения, то и в этом случае можно было бы говорить лишь о наличии смягчающего обстоятельства, не исключającego, однако, уголовной ответственности. Такое мнение судьи Герберта находит полное подтверждение в Уставе Международного военного трибунала, где говорится, что действия по распоряжению правительства не освобождают обвиняемого от ответственности, но могут рассматриваться как повод для смягчения наказания.

Герберт в своем особом мнении писал, что факты, добытые судом, не свидетельствуют о том, что «кто-либо из подсудимых в действительности был против правительственной программы использования рабского труда... Наоборот, факты говорят о том, что «Фарбен» добровольно сотрудничал (с нацистским

правительством. — Авт.) и с радостью использовал каждый новый источник рабочей силы, как только он возникал. Нарушение основных прав человека не останавливало этих подсудимых». Желания концерна в области «использования рабского труда, — пишет далее Герберт, — полностью совпали с желаниями руководителей правительства... При этих обстоятельствах ссылка на доктрину необходимости, конечно, неприменима. Принятие большинством состава суда ссылки на крайнюю необходимость, по моему мнению, логически привело бы к выводу, что Гитлер один должен нести ответственность за военные преступления и преступления против человечности, совершенные во время нацистского режима».

Отвергая мнение большинства судей, что подсудимые пользовались принудительным трудом под влиянием страха невыполнения производственных норм, установленных правительством, Герберт резонно замечает: нельзя забывать, что эти нормы Краух-чиновник сам устанавливал для Крауха-монополиста.

Вполне обоснованно и с оттенком иронии Герберт в своем особом мнении писал о некоторых доводах приговора:

«Я убежден в том, что лица, облеченные такой властью и влиянием, как подсудимые, могли многими путями избежать широкого участия в использовании рабского труда на предприятиях «Фарбен»... Утверждать, что Гитлер «приветствовал бы возможность примерно наказать руководителей «Фарбен», по-моему, чистая спекуляция...»

И вот, обосновывая вину правления концерна в целом, Герберт резюмирует: «Таким образом, «Фарбен» непосредственно связан с бесчеловечными действиями, вытекающими из использования рабского труда».

А как был решен вопрос об ответственности Круппа и членов правления его концерна за использование рабского труда? Надо отдать должное судьям по этому процессу — они проявили последовательность. Раскрыв в приговоре ряд фактов проявления инициативы в использовании рабского труда, суд безоговорочно установил виновность руководителей концерна в этом преступлении и отверг, как неосновательную, их ссылку на «крайнюю необходимость».

Трибунал не оставил без ответа попытки подсудимых

расписать все ужасы, которые якобы ожидали их, если бы они отказались использовать рабский труд, их утверждение, что такой отказ означал бы даже утрату собственности.

«Дилемма, с точки зрения подсудимых, — указали в своем приговоре судьи, — заключалась в следующем: для того чтобы избежать потери должности или контроля над собственностью, я оправдываю использование многих тысяч депортированных, военнопленных и узников концлагерей, применяю принуждение к ним ежедневно, подвергая их смерти или опасности телесных повреждений, заставляю их работать в ужаснейших условиях, чтобы производить вооружение, которое будет использовано против их будущих освободителей и даже против их собственного народа. Но страх утраты собственности не может оправдать применения доктрины необходимости».

И, наконец, отвечая защите на ее чисто гипотетические доводы об угрозе жизни и свободе господ монополистов, если бы они не выполняли требований нацистов, трибунал в приговоре указывал: «Даже в случае, если опасение подсудимых было бы реальным, они оказались бы не в худшем положении, чем многие тысячи беспомощных жертв, которых они ежедневно ставили перед опасностью смерти и страшных мучений».

Таковы были материалы нюрнбергских процессов, таковы были позиции большинства американских судей. Оправдав рурских господ по обвинению в агрессии, американские трибуналы тем самым сделали попытку скрыть от народов подлинную историческую правду о роли руководителей германских монополий в подготовке и развертывании второй мировой войны. В то же время нюрнбергские приговоры освободили значительную часть монополистов-подсудимых от ответственности за ограбление оккупированных территорий и за использование рабского труда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕ НЮРНБЕРГА

Капитал при 50 процентах прибыли «положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

Цит. по: К. Маркс и
Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 23,
стр. 770.

Были ли здесь обманутые?

Один любопытный вопрос вообще был обойден молчанием в приговорах американских трибуналов.

Перед нами обвинительное заключение по делу «ИГ Фарбен». Листаем многочисленные страницы — плод длительного труда американских юристов. Там ряд обвинений, суть которых уже хорошо известна читателю. Но вот одно, которое кажется очень своеобразным. Более того, мы бы даже сказали — несправедливым. Это тот случай, когда каждый непредубежденный человек, компетентный в истории международных отношений и в материалах нюрнбергских процессов, должен сказать нечто такое, что будет звучать как защита германских монополий. Да, это тот редкий случай, когда следует поднять голос в пользу господ из Рура.

В чем же дело? А дело в том, что, как констатирует обвинительное заключение, в сфере подчинения «ИГ Фарбен» находилось множество различных компаний, расположенных за границами третьего рейха. Так вот, «ИГ» и все его филиальные организации заключили около двух тысяч картельных соглашений, в частности и особенно в США, Англии, Франции, а также в Норвегии, в Голландии, Бельгии и Польше. Ну, и что тут особенного — обычная коммерческая деятельность: монополии разных стран заключают картельные соглашения!

Авторы обвинительного заключения не уклоняются от ответа на этот естественный вопрос. Оказывается, что «Фарбен» использовал международные картели как

экономическое оружие в подготовке агрессивной войны при помощи ... сбора стратегической информации о состоянии иностранной экономики, а также путем ослабления других стран, их промышленного потенциала и сырья научных исследований».

С этой целью «с 1935 года фирма «ИГ Фарбен» все свои картельные договоры согласовывала с экономическим штабом вермахта».

И обвинительное заключение констатирует, что таким путем «„Фарбен” не только получала дефицитные материалы и важную научную информацию для германской военной машины ...но, больше того, в сущности лишала этого другие страны».

Далее рисуется трагическая картина той ситуации, которую создали коварные химические бизнесмены. Вот как она выглядит по Соединенным Штатам: «До войны деятельность «ИГ Фарбен» преследовала своей целью ослабить США как арсенал демократии. При помощи своих картельных соглашений «ИГ Фарбен» добилась замедления производства Соединенными Штатами определенных стратегических материалов, включая такие, как синтетический каучук, магний, синтетический азот, тетрацен.

Картельное соглашение между «ИГ Фарбен», «Алюминум компани оф Америка» и «Доу хемикл компани» в значительной мере ограничило производство магния в США и запретило его экспорт из США в Европу, за исключением Германии и в очень незначительном количестве Великобритании».

Химические дельцы третьего рейха, оказывается, водили за нос гордость Уолл-стрита — семейство Рокфеллеров — владельцев гигантской нефтяной монополии «Стандард-Ойл»: «Хотя фирма «Фарбен» дала несколько раз заверения «Стандард-Ойл», что она получит разрешение германского правительства снабжать «Стандард-Ойл» информацией о производстве искусственного каучука, однако «Фарбен» не имела намерения разглашать процесс этого производства».

Результаты таких коммерческих связей между Рокфеллерами и «Фарбен» были весьма плачевными для США: «В первый же день войны, 7 декабря 1941 года, США оказались перед большими трудностями в снабжении каучуком ввиду того, что японцы захватили Яву

и другие дальневосточные территории, которые до того являлись основным поставщиком «естественного каучука».

Немало повредили картельные связи «Фарбен» и Великобритании. Согласно обвинительному заключению, «Англия и вся остальная Европа стали целиком зависимы от Германии в своих возможностях приобрести магний. В результате Великобритания оказалась в отчаянном положении относительно магния в начале войны. Тем временем «Фарбен» усилил производство магния».

В сети, расставленные «Фарбен», попала и такая крупная рыба, как всемирно известная монополия Дюпона. «Когда британская торговая миссия пыталась приобрести тетрацен в США в начале 1941 года, сделка не была допущена при помощи картельного соглашения между одной из фирм, подчиненной Дюпону, и фирмой, подчиненной „Фарбен“».

Таким образом, прочитав только обвинительное заключение, можно прийти к выводу, что американские деловые круги, а вместе с ними и США были обмануты германскими монополистами. Однако представители «Стандард-Ойл компани» с такими выводами совершенно несогласны, и это несогласие в свое время выразили публично.

Дело в том, что в январе 1942 года министерство юстиции США возбудило судебное дело против монополии «Стандард-Ойл компани», предъявив ей обвинение в нарушении так называемого антитрестовского законодательства, выразившегося в тайном сговоре с «ИГ Фарбен». Постановлением суда это обвинение было признано правильным. Компания и ее руководители уплатили штраф, и им впредь было запрещено заключать подобные коммерческие и патентные соглашения.

Руководители монополии «Стандард-Ойл» не могли примириться с таким решением суда. И вот во всех американских газетах появилось объявление размером в целую полосу. В этом объявлении американские нефтяные магнаты утверждали, что США только выиграли, заключив картельные соглашения с «Фарбен», ибо в результате было получено значительно больше технической информации, чем та, которую немцы получили взамен.

И действительно, из текста соглашения вытекало, что основная часть исследовательской работы должна была проводиться в Германии. Естественно поэтому, что американская сторона получала из третьей империи больше технической информации, чем была в состоянии дать сама.

Тогда пришла очередь разгневаться германскому министерству хозяйства и генеральному штабу, мимо которых, разумеется, не прошли указанные выше рекламные публикации «Стандард-Ойл». Министерство потребовало от «ИГ Фарбен» подробных объяснений, дабы установить, права ли американская компания, утверждая, что она оказалась в выигрыше в результате картельного соглашения, заключенного с германским химическим концерном.

Специалисты «ИГ Фарбен» подготовили аргументированный доклад на основе документальных данных.

Копия этого доклада после войны попала в руки американских следователей, изучавших во Франкфурте-на-Майне архивы «Фарбен».

В документе утверждалось, что немецкий концерн получил от «Стандард-Ойл» ряд важных данных о новых американских открытиях, которые заполнили серьезные пробелы в немецких научных исследованиях. В то же время переданная «Фарбен» в США и казавшаяся довольно обильной информация на деле состояла из неполных и отрывочных данных. Поэтому для использования этой информации в промышленных целях требовались серьезные дополнительные исследования.

Как же в действительности обстояло дело? Кто кого обманул? И были ли здесь вообще обманутые?

Самоуверенность Шахта и оптимизм Джексона

...Ноябрь 1945 года. Внимание всего мира приковано к старинному южногерманскому городу Нюрнбергу. Здесь когда-то зародилось нацистское движение. И здесь же Международный военный трибунал судил его главарей.

Скамья подсудимых. На левом ее фланге — Геринг, Гесс, Риббентроп... Правый фланг скамьи замыкает

Ялмар Шахт, гитлеровский министр экономики и президент имперского банка.

Шахт демонстративно не разговаривает с Герингом, этим «убийцей и вором». Он с презрением отворачивается от Кальтенбруннера, «палача с юридическим дипломом». Он не хочет иметь ничего общего с Риббентропом, этим «выскочкой и карьеристом». И вообще, что он имеет общего со всей этой бандой? «Неслыханно, что меня заставляют сидеть с этими преступниками на одной скамье», — сказал Шахт тюремному врачу Джильберту.

...Ялмар Горацио Грили Шахт на процессе чувствовал себя довольно спокойно. Не потому, конечно, что считал себя невиновным. Его успокаивало другое. За девять месяцев процесса он восстановил в памяти многое... тесные связи с банками Моргана, Диллона... 1924 год, когда он принимал деятельное участие в составлении плана Дауэса, на котором немало сотен миллионов заработали его американские друзья... свои частые поездки в Соединенные Штаты, где он убеждал нью-йоркскую биржу и Вашингтонских чиновников, что только передача власти в руки Гитлера обеспечит «порядок в Европе» и «крестовый поход против СССР», что «нет более демократического правительства в мире, чем правительство Гитлера», что фашистский режим «является лучшей формой демократии», и добивался предоставления Германии новых американских займов. Он знал, и знал хорошо, что «деловые люди» Нью-Йорка не могут безразлично относиться к тому, кто сидит в немецком седле. Ведь огромные американские капиталы были вложены в германскую промышленность и не одному только богу известно, как Форд и «Дженерал моторс» через свои филиальные заводы в Германии помогли создать моторизованные части гитлеровской армии, а Морган — геринговскую авиацию. А неоднократные встречи военного времени в 1942—1943 годах в Базеле, где Шахт предлагал американским банкирам мир на Западе и продолжение войны на Востоке! Он хорошо помнит, с каким сочувствием отнеслись к его предложениям и как всё развивалось вполне удовлетворительно, «пока мы не сели на мель сталинградского несчастья». Тогда Шахт выдвигает новое предложение: германская промышленность становится совместной собственностью американских и немецких монополий, а Германии предоставляется право

продолжать войну против СССР, заключив мир на Западе. За океаном друзья одобряют план, а глава американской разведки в Европе Аллен Даллес делает попытку поставить Шахта у власти...

Но под ударами Красной Армии сначала зашаталась, потом надломилась, а затем и вовсе рухнула та сцена, на которой собирался выступить Шахт.

Шахт всё это помнит, но не совсем понимает — неужели американцы заинтересованы в том, чтобы он, Шахт, дал здесь, в Нюрнберге, «чистосердечные» показания? И вообще, с каких это пор разрешают людям в судебных мантиях копаться в «святая святых» — в делах банков и концернов? Неужели же американский обвинитель Джексон только затем и направлен в Нюрнберг, чтобы вывернуть наизнанку связи «ИГ Фарбениндустри» с американским концерном «Стандард-Ойл» и раскрыть перед чернью великую тайну, в которой рождается война? И Шахт решил публично напомнить американским судьям об одном векселе, полученном перед самой войной: «Поверенный в делах США мистер Керк... прежде чем он покинул свой пост в Берлине, прощаясь со мной заявил, что «после войны ко мне отнесутся, как к человеку, совершенно не запятнавшему себя».

И всем своим поведением на процессе поверенный в делах германо-американских монополий Ялмар Шахт выражал не только уверенность в том, что его не посмеют осудить, но и явное пренебрежение к попыткам, видимо, плохо осведомленных американских обвинителей поставить Шахта на одну доску с Герингом или Кальтенбруннером.

Однажды в зале суда состоялся весьма характерный диалог между главным американским обвинителем Джексонем и Шахтом. Шахт всячески пытался представить себя противником нацизма и сослался на свой уход с поста президента рейхсбанка. Но Джексон напомнил Шахту, что даже после этой отставки он продолжал получать от Гитлера 50 тысяч марок в год.

— А как же иначе, господин обвинитель? — нагло отозвался Шахт. — Я надеюсь, что получу после окончания процесса свою пенсию, в противном случае на что же я буду жить?

Последовала язвительная реплика американского прокурора:

— Я думаю, что расходы на ваше содержание после процесса будут невелики, доктор.

После этого «обмена любезностями» в стенограмме отмечено: «в зале смех». Стенографистка, конечно, не могла указать, почему и над чем смеялась публика. Одному из авторов памятна обстановка этого допроса. Публика в зале Нюрнбергского трибунала была весьма разношерстная. Видные юристы и весьма состоятельные американские туристы, представители прогрессивной печати и влиятельные журналисты Херста и Мак-Кормика. И не так-то легко было определить, над чем смеялись эти люди — над неуместной самоуверенностью Шахта или над оптимизмом обвинителя.

Во всяком случае очень скоро стало ясно, что уверенность Шахта в своей судьбе не была проявлением легкомыслия.

Вопреки требованию советской делегации, трибунал голосами западных судей оправдал Шахта. Это было вызвано желанием спасти не только его. Ведь оказание помощи нацистам в захвате власти, финансирование программы вооружений, позволившей осуществить агрессивные планы, все эти обвинения, предъявленные Шахту, в равной мере относились к руководителям германских монополий, тесно связанных с монополиями американскими. Вот почему осуждение Шахта являлось бы опасным прецедентом для немецких магнатов промышленности и банков и весьма неприятным фактом для их американских коллег.

*Это не „сложное проявление
идиотизма“*

Прозорливость западных судей, оправдавших Шахта, стала сразу очевидной американским следователям, как только они начали рыться в архивах «Фарбен» и других германских монополий. Да, там не было недостатка в весьма неприятных документах!

В распоряжении служителей Фемиды оказались пухлые папки с деловой перепиской, которую многие годы вели руководители германских и американских концернов, груды картельных и патентных соглашений, которые они заключали между собой. Эти горы документов

предназначались, разумеется, лишь для строго служебных целей, а отнюдь не для общестственности. Вот почему они имели неоценимое значение. Ведь в них, как в зеркале, отражалась правдивая история взаимоотношений германских и американских монополий, причем история, написанная рукою самих «деловых людей».

Беда заключалась в том, что история эта выглядела одинаково неприглядно как для Германии, так и для Соединенных Штатов. Обнаруженные документы упрямо свидетельствовали: здесь, в мире большого бизнеса, не было обманутого ни на американской, ни на германской стороне. Всё и всеми было хорошо продумано и целенаправленно! Но какова была эта цель?

Вот когда рассуждения Шахта, положенные в основу его уверенности в благоприятном для него исходе Нюрнбергского процесса, увы, получали широкое документальное подтверждение. И когда для американских следователей, занимавшихся делами германских концернов, пришло время дать этим доказательствам соответствующую оценку, они решили схитрить, отойти от истины.

Хитрость заключалась в том, что, разоблачая германские монополии, они сделали попытку, как мы видели, на примере обвинительного заключения по делу «ИГ Фарбен» представить американских монополистов жертвой коварных германских коммерсантов.

Между тем на деле это был хорошо оформленный союз империалистических монополий с двуединой целью. Во-первых, участники этого монополистического альянса всемерно укрепляли и вооружали третью империю, рассматривая ее как надежную силу для разгрома единственного тогда социалистического государства — Советского Союза.

Во-вторых, они считали войну и подготовку к ней средством получения максимальных прибылей. Отсюда общая заинтересованность германских и американских деловых людей в развязывании такой войны и в ее длительности. Ведь даже разрушения и жертвы, которые несет с собою война, для хозяев большого бизнеса дополнительный источник наживы.

Вот некоторые факты, которые показывают, что говорили и как действовали господа монополисты и их слуги в США в годы второй мировой войны.

Так, один из американско-английских апологетов империализма — генерал Фуллер — видит «пользу» войны как раз в том, что, опустошая целые страны и превращая их города в кучи щебня, «она автоматически создает спрос на рабочую силу после ее окончания». «Разрушительные войны, — откровенно замечает Фуллер, — лучшее средство для противодействия кризисам».

В войнах империалисты ищут выхода из потрясающих капиталистическую экономику кризисов. Война воспевается, как лучшее средство «сбалансировать» производство и потребление.

«Крупнейшая проблема нашего века, — писал американский экономист Кеннет Боулдинг, — состоит в настоящее время в том, чтобы поднять потребление до такого уровня, при котором можно было бы поддерживать полное производство и занятость. К несчастью, единственным приемлемым методом потребления в большом масштабе является война, и, очевидно, именно к этому методу нации прибегают, когда бремя изобилия становится слишком тяжелым. Мир в настоящее время находится в тисках им самим созданной чудовишной дилеммы: либо сокращать производство посредством кризисов и безработицы, либо расширять потребление посредством войны».

Еще более откровенно призывал к войне как средству предотвращения кризиса и увеличения прибылей Крепс, один из членов временного национального экономического комитета американского сената в 1940 году, заявивший в своем докладе «Техника и война»: «Война является действительно тем идеалом, к которому стремится наша механизированная система индустрии. Война предъявляет массовый спрос на абсолютно стандартизованные изделия. Персональные вкусы, суждения и личные нужды не оказывают никакого влияния на обмундирование солдата и его вооружение. Больше того, народ, ведущий войну, является идеальным потребителем. Он предъявляет массовый спрос на сталь, железо и разнообразнейшие машины и на полях сражений разбивает их вдребезги. Никакой проблемы избыточных мощностей, никакой проблемы реализации».

Таким образом, в войне империалисты видят универсальное средство от всех бед капиталистического общества.

Дюпон, «Стандард-Ойл», «Дженерал моторс», Форд, «Дженерал электрик» повысили свои прибыли за годы второй мировой войны в четыре-пять раз. Им ли было в золотой горячке думать, во что обходится человечеству каждая тысяча долларов прибыли! «Капиталист, — говорил М. Горький, — не может быть «гуманным», всё человеческое — кроме скотского в человеке — чуждо ему». Особенно разоблачал Горький алчность американской буржуазии. В «Ответе на анкету американского журнала» он писал: «Капиталисты всех стран одинаково противное и бесчеловечное племя, но — ваши хуже. Они, видимо, более глупо жадны к деньгам».

Чудовищны, но понятны с точки зрения интересов монополистов слова американского банкира Баруха: «Мир кажется прекрасным во время дикостей войны, но он становится почти ненавистным, когда война окончена».

Каждый день второй мировой войны обходился человечеству в десятки тысяч убитых и искалеченных людей и приносил американским монополиям в среднем по 60 миллионов долларов прибыли. Совершенно очевидно поэтому, что правящие круги США были заинтересованы в каждом дне войны. Вспоминаются слова В. И. Ленина о том, что для всего человечества «война — «ужасная» вещь», а для кучки магнатов крупного капитала «ужасно *прибыльная* вещь».

На одном из заседаний американского конгресса член палаты представителей Деласей заявил, что «неоспоримым фактом является то, что кучка корпораций и кучка богачей стали невероятно богаты за счет труда, потрясений и крови этой войны. Поэтому мы не можем удивляться, что им нравится война и что они хотят новой войны».

После вступления Советской Армии на территорию Германии американские монополисты с тревогой думали о том, как быстро после этого может закончиться война... Не помогала и тактика союзных войск на Западе, позволявшая гитлеровцам перебрасывать каждый раз новые части на Восточный фронт.

Война явно приближалась к концу, и дни фашистской Германии были сочтены. Кое-кто из тех в США, кто не был посвящен во все тайны политики монополий, стал поговаривать о планомерном свертывании военной

промышленности и о постепенном переходе к экономике мирного времени. Но не такого мнения были руководящие круги американских монополий.

В 1948 году в Нью-Йорке вышла книга под названием «Пушечные короли из Вашингтона», автор которой, Брюс Кэттон, разоблачает закулисную борьбу магнатов военной промышленности за продление сроков войны. Один видный чиновник военного министерства США в 1944 году указывал, что после капитуляции Германии «военная программа могла бы быть сокращена на 80 процентов и текущие нужды могут быть удовлетворены за счет имеющихся в арсеналах запасов...». Однако эта точка зрения не совпадала с планами американских монополий, которые всячески стремились затянуть войну и таким образом продолжать столь выгодные для них военные поставки. «В конце 1944 года, — пишет Кэттон, — после длительных усилий военное министерство с массой оговорок признало, что ориентировочно заказы можно было бы сократить на 40 процентов, и то лишь по истечении года после капитуляции Германии». Вскоре, однако, под нажимом монополий военное министерство объявило, что 40 процентов не «являются разумным базисом». Для того чтобы оправдать новое увеличение военных поставок, монополии через своих агентов в правительственном аппарате стали всячески раздувать трудности войны с Японией. После этого военное министерство заявило, что «можно говорить лишь о сокращении поставок военной продукции на 20 процентов в течение первого года после того, как Германия выйдет из войны».

Отражая интересы монополий, военное министерство вместе с тем заявило, что необходимо планировать производство военных материалов, которые могут потребоваться и для продолжения войны против Германии зимой 1945/46 г. По всей вероятности, если бы не стремительное наступление Советской Армии, американское командование затянуло бы войну в Германии и на 1946 год. Как известно, к этому призывал еще в первые дни войны в 1941 году тогдашний сенатор, а позже президент США Трумэн. Даже арденское отступление было использовано «пушечными королями» для заключения новых контрактов на военные поставки для армии. «Короче говоря, — пишет Кэттон, — военные заказы на лето

и конец 1945 года превысили по своим размерам заказы на любой другой период войны...»

Летом 1945 года американские монополии добились планирования огромных военных поставок на 1946 год для продления войны с Японией. Лишь «вероломная», по выражению некоторых кругов Уолл-стрита, капитуляция японцев временно приостановила выполнение этих планов.

В свете этих исторических фактов как смешны пропагандистские утверждения представителей крупных корпораций, что для них производство оружия отнюдь не является источником прибылей, а, наоборот, представляется самоотверженным вкладом в национальную оборону.

Издаваемые массовыми тиражами журналы неустанно поддерживают тот же миф: военный бизнес дает мало прибыли.

К чести американского народа следует отметить, что он мало верит в эти басни. Так, например, журнал «Лук» в 1955 году провел опрос, правильно ли, что «крупные компании обычно получают от оборонных заказов больше прибылей, чем от своего регулярного бизнеса?». И что же? 66 процентов опрошенных ответили: «Правильно», и только 21 процент заявил: «Неправильно».

Итак, мы видели, что союз германских и американских монополий был прочным и имел в качестве своего основания весьма реальные расчеты и цели.

Начало этому союзу было положено в 20-е и 30-е годы, когда американские монополии путем обильных золотых инъекций сперва поставили на ноги, а затем и вскормили германский фашизм.

Установлено, что американские и английские банки после заключения Версальского договора передали своим немецким коллегам такие суммы, которые в полтора раза превосходили размеры репараций, уплаченных Германией Антанте.

Этот излишек средств был в основном израсходован на строительство и реорганизацию германских заводов. Приводя эти факты в своих военных мемуарах, Черчилль писал: «История назовет все эти сделки безумными. Они помогли вскормить и проклятие милитаризма (в Германии. — Авт.) и экономический бурян... Все это — печальная повесть о сложном проявлении идио-

тизма, на что было затрачено много труда и человеческого достоинства».

Однако бывший премьер Великобритании несправедлив; в чем, в чем, а в идиотизме, простом или сложном, господ монополистов не упрекнешь; действительно, возрождение германского милитаризма стоило в годы второй мировой войны американскому и английскому народу немало жертв. Оно стоило сотни тысяч жизней. Зато американские и английские капиталисты стремились убить здесь двух зайцев — задушить руками гитлеровцев Советский Союз и нажать на этом огромное состояние. И право, не их вина, что результаты второй мировой войны обернулись для них не только барышами.

Один котлас — прибыль

Одним из основных организаторов международного союза военных монополий был в те годы видный нью-йоркский адвокат Джон Фостер Даллес, который вместе со своим братом Алленом являлся владельцем крупной адвокатской фирмы «Салливэн энд Кромвелл». Эта фирма обслуживала и вела дела крупнейших концернов и банков Соединенных Штатов.

После второй мировой войны на посту государственного секретаря США Джон Фостер Даллес стал идеологом и знаменосцем холодной войны и политики «с позиции силы». Его брат Аллен до 1945 года руководил управлением стратегической разведки Соединенных Штатов в Европе, а затем много лет возглавлял Центральное разведывательное управление США. Джон не скрывал своих симпатий к гитлеровцам и одним из первых начал оказывать им щедрую финансовую помощь. По известному заявлению, сделанному в октябре 1944 года сенатором К. Пеппером из Флориды, Даллес был одним из тех, кто помог Гитлеру прийти к власти, «ибо именно через фирму Даллеса и банковскую корпорацию Шредера Гитлер получал деньги, необходимые ему для начала своей карьеры международного бандита».

Известно также, что американская помощь нацистам непрерывно возрастала. Если в 1929 году Гитлер получил от своих заокеанских покровителей 10 миллионов долларов через Амстердамский банкирский дом

«Мендельсон и К^о», то в 1931 году через этот же банк, а также через Роттердамский банковский консорциум и при посредстве Римского коммерческого банка ему было вручено 15 миллионов долларов.

Пользуясь средствами германских и американских монополий, гитлеровцы одурманивали немецкий народ, отравляли его сознание ядом нацизма, проводя сотни и тысячи собраний, печатая листовки и брошюры в миллионных тиражах.

При этом американские монополисты и банкиры понимали, кому в лице гитлеровской клики они оказывают помощь, понимали и подлинную роль своих германских коллег в становлении третьей империи.

Ведь когда задача ведения войны потребовала ясного ответа на эти вопросы, так называемая сенатская комиссия Килгора дала этот ответ.

Сенатская комиссия Килгора, специально занимавшаяся в годы второй мировой войны вопросом о монополиях, опубликовала доклад с приложением списка сорока двух немецких промышленников, которые объявлялись соучастниками в развертывании агрессивных войн и совершении военных преступлений. Здесь фигурировали имена Круппа и Флика, Стиннеса и Клекнера, Маннесмана и Пфердменгеса, Сименса и Фёглера и многих, многих других.

Характеристику этих людей и их действий комиссия Килгора изложила языком сухим, но точным:

«1. Не соответствует действительности, будто немецкие промышленники приняли в этом участие (в военных преступлениях. — *Авт.*) лишь в последний момент и по принуждению. Они с самого начала были горячими сторонниками войны.

2. Поддержка немецких промышленников и финансистов дала нацистам возможность захватить власть.

3. Переключение экономики на военные рельсы стало возможным только благодаря безоговорочному сотрудничеству немецких промышленников.

Сенатор Килгор объявил, что все факты с очевидностью доказывают соучастие названных промышленников в преступлениях, совершенных нацистами во всем мире».

Разумеется, результаты работы комиссии Килгора, как и всё в политике, обусловлены обстоятельствами вре-

мени и места: антифашистские настроения, которые тогда господствовали в американском народе, были столь сильны, что вынудили господ сенаторов на такую откровенность и объективность, которые обычно им не свойственны. И надо признать, что эта аттестация руководителям германских монополий, вышедшая из такой цитадели капитализма, как американский сенат, навсегда останется в истории как убедительное доказательство злодеяний, учиненных магнатами промышленности и банков в третьей империи.

В то же время это яркий обвинительный материал в адрес тесного союза, заключенного между представителями американского и германского большого бизнеса.

Тогда эти факты не посмели отрицать и некоторые видные представители Уолл-стрита, как, например, известный банкир Бернард Барух.

Вот выдержка из его допроса в комиссии сенатора Килгора:

«Килгор. Господин Барух, станете ли вы, основываясь на ваших сведениях о развитии нацистского режима, разделять ту точку зрения, что такие люди, как Крупп и другие промышленные руководители, принимали активное участие в планировании нынешней агрессивной войны? До какой степени, по вашему мнению, ответственны они за зверства и другие преступления, совершенные нацистами?»

Барух. Да, они принимали участие.

Килгор. Значит, нет никаких сомнений...

Барух. Нет ни малейшего сомнения в том, что они готовили заговор или ковали оружие, что они повинны в убийствах... Сохранять заводы Круппа или какую-либо другую промышленность подобного рода — я полагаю, что об этом никто и думать не может, разве что сумасшедший».

Прошла едва четверть века, и сейчас в Вашингтоне и в Бонне немало таких «сумасшедших», не только сохраняющих, но и многократно развивающих «промышленность подобного рода».

Когда вспоминаешь материалы комиссии Килгора и другие приведенные выше факты, то нельзя не прийти к выводу, что и американских монополистов и банкиров с полным правом можно назвать соучастниками гитлеровского заговора против мира.

Когда началась вторая мировая война, международный союз монополистов не распался. Государства и народы воевали, монополисты не порывали своих связей.

Ведь оборону страны, ее вооружение крупная буржуазия считает «национальным» и «патриотическим» делом только на словах. На деле же, как указывал Ленин, «судостроительные и пушечные, динамитные и ружейные фабрики и заводы представляют из себя *международные предприятия*, в которых капиталисты разных стран дружно надувают и обдирают, как липку, «публику» разных стран, строя суда или пушки, одинаково для Англии против Италии, для Италии против Англии.

Хитрая капиталистическая механика! Цивилизация, порядок, культура, мир — и грабеж сотен миллионов рублей дельцами и аферистами капитала судостроительного, динамитного и пр.!»

В редкие минуты откровенности или крайнего раздражения этого не скрывают и господа монополисты.

Так, в 1942 году, после вступления США в войну, президент Рузвельт предложил увеличить налоги. Ламмот Дюпон цинично заявил: «Эта война не устраняет побудительного фактора прибыли. Война или мир — прибыли должны быть получены... На рынке пока господствует продавец! Им нужно то, что мы производим. Хорошо. Заставим их платить за это хорошую цену».

А когда им не платили эту «хорошую цену», они не только возмущались, но и действовали, причем весьма активно.

«Дуглас эйркрафт компани» — давнишний авиационный, а ныне и ракетный концерн. Так вот он в 1939 году, накануне войны, а затем и в 1941 и в 1942 годы, в самый ее разгар, вместе с другими авиационными компаниями, объявил «итальянскую забастовку». Вот что записано об этой акции в официальном отчете № 26 сенатской комиссии по расследованию деятельности монополий. «Во время кризиса, переживаемого обороной в 40-е годы, деловые круги заняли позицию, сильно напоминающую ту, которую они занимали двадцатью тремя годами ранее (в первую мировую войну. — Авт.). Деловые круги... не хотят работать из расчета максимальной прибыли в 7—8 процентов, установленной законом...»

В другом отчете за № 21 той же комиссии формули-

руется общий вывод о деятельности монополий в первые годы войны с фашизмом: «Когда страна подвергается нападению, они не способствуют достижению победы, а, напротив, усиливают угрозу поражения».

...1941 год. Гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Создается антигитлеровская коалиция. Немцы стремительно наступают на всех фронтах. В крайне тяжелых условиях, вынужденная в значительной своей части перебазироваться, советская промышленность с каждым днем наращивает темпы выпуска военной продукции. Но всё же пройдет еще немало месяцев, пока третья империя утратит значительное превосходство в экономическом потенциале, которым она обладала по сравнению с жертвами ее агрессии. А пока у немцев было больше авиации, больше танков, больше автомашин.

Не все знали тогда, кто приложил руку к созданию этой мощи.

Американские магнаты военной промышленности немало сделали, чтобы материально обеспечить гитлеровскую агрессию. Десятки заводов первостепенной важности, расположенных в Германии, принадлежали американскому капиталу и усиленно работали на вооружение Третьей империи.

В книге «Мир предательства» американский инженер Амбрастер, весьма осведомленный в этих вопросах, указывает, что более 230 крупнейших американских трестов оказывали в той или иной форме помощь гитлеровской Германии даже в ходе второй мировой войны.

Финансовые показатели этого союза германских и американских монополий были впечатляющими. Прямые американские капиталовложения в Германии достигли, по оценке «Уолл-стрит джорнэл», еще в 30-е годы не менее 500 миллионов долларов. Кроме того, в Соединенных Штатах находилось в обращении более чем на 1,3 миллиарда долларов немецких долговых обязательств, из которых бо́льшая часть была пущена в оборот банкирским домом «Диллон, Рид энд компани»; из них почти 850 миллионов падало на железодельную, сталелитейную и угольную промышленность.

К началу войны комиссия американского сената во главе с сенатором Килгором установила, что американские капиталисты владели контрольными пакетами

акций 289 немецких предприятий на сумму 420 миллионов долларов. Общая же сумма американских инвестиций была оценена больше чем в миллиард долларов.

Бизнес и измена

Таким образом, множество заводов, принадлежавших американским монополиям, работало на гитлеровскую военную машину. Делу третьего рейха служили также многие патенты и изобретения, сделанные в США. Всё это было результатом ряда соглашений, заключенных «деловыми людьми» заранее и на длительные сроки.

Приведем некоторые наиболее разительные примеры таких соглашений, в которых невозможно установить, где кончается бизнес и где начинается государственная измена.

1929 год. Веймарская республика внешне еще крепка, а Гитлер только делает первые неуверенные шаги по пути к захвату власти.

В этом году «ИГ Фарбен» и нефтяной трест Рокфеллеров «Стандард-Ойл» заключили договор — начало длительного и сердечного альянса. В результате немецкие бизнесмены получают доступ ко всем американским техническим изобретениям в области нефтяной промышленности, которыми владеет «Стандард-Ойл», и право пользования ими. В свою очередь Рокфеллеры получают аналогичные права в области новинок химической промышленности, находящейся под эгидой «ИГ Фарбен». В США создаются две компании для совместного владения патентами и рынками: нефтяная «Стандард-ИГ компани» и химическая — «Джеско-инкорпорейтед». Срок действия договора 18 лет. По этому поводу директор «Стандард-Ойл» — Фрэнк Говард писал: «...,ИГ" является нашим генеральным партнером по делам, которые будут вестись в период от 1929 до 1947 года».

Прошло десять лет. Гитлер давно у власти. Уже захвачены Австрия и Чехословакия, разгромлена Польша. Англия и Франция находятся в состоянии войны, правда, пока «странной войны», с третьей империей. И вот в октябре 1939 года один из руководителей «Стандард-Ойл», уже известный нам Фрэнк Говард, едет в Европу в деловой вояж. В секретном докладе тогдашнему президенту компании Форишу Говард живописует деликат-

ные особенности своей миссии. В Париже он встречался с видными французскими промышленными и военными деятелями, обсуждая вопросы поставки нефти французской армии. И вдруг призыв с другой стороны линии фронта. По этому поводу Говард писал в своем отчете: «Я был несколько озабочен (!), когда обнаружилось, что я должен... направиться в Голландию для переговоров с немцами, заинтересованными в тех же проблемах».

Благодаря «любезности» англичан Говарду удается попасть в тогда еще нейтральную Голландию, где он в течение трех дней вел переговоры с представителями «Фарбен». Результаты? Предоставим лучше всего слово самому Говарду: «...мы постарались по возможности разработать такое временное соглашение, которое действовало бы в условиях войны *независимо от того, вступят ли в нее США или нет*». (Курсив наш. — Авт.)

К чему же сводился этот тайный договор?

По этому соглашению «Стандард-Ойл» передал «ИГ Фарбениндустри» свои патенты на производство синтетического бензина и обязался не вырабатывать его в США. За это американская монополия получала от немецкой определенные отчисления с каждой тонны синтетического бензина, сделанного в Германии и сожженного на полях сражений в моторах танков, автомашин и самолетов вермахта. Не был обижен и концерн «ИГ Фарбениндустри»: он получал 20 процентов дохода «Стандард-Ойл» от сбыта натурального авиационного бензина, который шел на нужды союзных армий.

Кроме того, в течение всей второй мировой войны «Стандард-Ойл» снабжала Германию авиационным бензином, смазочными маслами и другими столь же необходимыми стратегическими материалами. Это делалось с помощью иностранных филиалов «ИГ Фарбен».

Вот один любопытный пример такого рода сделок: гитлеровское правительство просило «ИГ Фарбен» использовать свои дружественные отношения со «Стандард-Ойл», дабы закупить авиационный бензин и другие нефтепродукты на сумму 20 миллионов долларов. Когда война кончилась, представитель «ИГ Фарбен» сделал в этой связи откровенное признание: «То, что нам удалось выполнить это поручение, оказалось возможным только благодаря помощи „Стандард-Ойл“».

Прошло некоторое время, и американским бензином стали заправлять самолеты, бомбившие города антигитлеровской коалиции, а вскоре и американские войска в Северной Африке.

Таким образом, сущность соглашения 1939 года явно показывала, что обе компании были заинтересованы в максимальном затягивании войны, ибо каждый день второй мировой войны приводил в движение сотни тысяч моторов и требовал огромного количества бензина, реализация которого сулила обоим партнерам неслыханный ранее доход.

Вместе с тем руками Рокфеллеров — владельцев «Стандард-Ойл» — было передано третьей империи американское изобретение — синтетический бензин. Это позволило Гитлеру затянуть войну, восполнив недостаток в важнейшем стратегическом сырье — нефти.

Нельзя не признать, что такие соглашения и сделки между монополиями приносили больший ущерб национальной безопасности воюющих стран и большие страдания трудящимся, чем любая, самая интенсивная диверсионная деятельность врага.

Однако соглашение 1939 года, заключенное в Голландии между «Стандард-Ойл» в лице Говарда и «ИГ Фарбен» в лице Рингера, не ограничилось кругом сделок, изложенных выше. Там был подписан еще один крайне любопытный документ, получивший название «Гаагского меморандума».

Согласно этому «меморандуму» фирма «ИГ Фарбен» продала «Стандард-Ойл» свои акции и многочисленные патенты на различные технические изобретения. Это была фиктивная сделка. К ней был приложен весьма секретный документ, который недвусмысленно подтверждал эту фиктивность: он устанавливал, что фирма «Фарбен» сохраняла за собой право аннулировать эту «продажу» и получить свою собственность обратно, как только обстоятельства позволят это сделать.

Когда американские следователи после войны проникли в архивы «Фарбен», они нашли там оригинал «Гаагского меморандума», на полях которого рукою самого Книрима было написано: «Это послевоенный камуфляж».

Для чего нужна была эта, столь странная на первый взгляд, фиктивная коммерческая сделка?

Дело в том, что руководители «Фарбен» вели очень крупную игру, кровавую, азартную и опасную. И ставки в этой игре были предельно высоки. Ведь, как известно читателю, химические бизнесмены заранее хорошо знали гитлеровские завоевательные планы и энергично готовили германскую экономику для их реализации. Они понимали, что успех сулит им невиданные перспективы наживы и могущества. Но, как крупные бизнесмены, они были достаточно опытными и в политике для того, чтобы понимать, что в основе гитлеровской программы агрессии лежат авантюристические расчеты и для Германии не исключена возможность катастрофы. Как известно, большой бизнес отнюдь не чурается авантюры, но при этом, помня основное коммерческое правило, всегда старается в меру возможности надежно застраховаться.

Вот целям такой страховки на случай поражения Германии и должны были служить «Гаагский меморандум» и приложенное к нему секретное дополнение: они призваны были уберечь в случае поражения Третьего рейха акции и патенты «Фарбен» от конфискации их державами-победительницами, среди которых были и Соединенные Штаты. А «Стандард-Ойл» дружески предоставляла своим немецким партнерам такую возможность.

Подлинное существо этой фиктивной сделки было установлено еще в 1942 году американским окружным судом. «Стандард-Ойл» имела смелость обжаловать это решение сперва в кассационном, а затем и в Верховном суде США, но безуспешно!

Как указано в решении суда, «участники сделки предполагали, что по окончании войны, когда минует всякая опасность контроля со стороны правительства США, эта собственность будет официально возвращена «ИГ Фарбен» и между участниками будут восстановлены довоенные отношения».

Исходя из этого, суд аннулировал «Гаагский меморандум» как фиктивную сделку и передал патенты и акции «Фарбен» в ведение управления по охране секвестрированной иностранной собственности.

Уже известный читателю Мартин в этой связи приходит к совершенно правильному выводу: «Судебные органы по сути дела считали, что компания «Стандард-Ойл» пыталась пустить в ход фальшивку для того, чтобы

оградить интересы «ИГ Фарбен». В то время как президент Рузвельт указывал, что трест «ИГ Фарбен» использовался нацистами, и требовал «уничтожения этого оружия экономической войны», компания «Стандард-Ойл» в самый разгар войны против нацистского государства апеллировала к федеральным судам, чтобы с их помощью сорвать мероприятия Соединенных Штатов».

Как же реагировал суд на эти факты прямого предательства интересов США со стороны руководства «Стандард-Ойл», на его упрямое нежелание подчиниться справедливому решению суда первой инстанции? Здесь гора родила мышь. Даже автор «Гаагского меморандума» — Фрэнк Говард — не был привлечен к ответственности. В 1945 году, осыпанный почестями, он ушел в отставку с поста вице-президента «Стандард-Ойл»:

„Нет, сэр, не согласен“

Ободренные этой фактической безнаказанностью, Рокфеллеры продолжали вести дела в соответствии с условиями того альянса, который был ими заключен с «Фарбен».

В июне 1943 года, в разгар войны, на ежегодном собрании акционеров «Стандард-Ойл» один из мелких держателей акций задал председателю наивный вопрос: согласен ли он дать заверение, что американский нефтяной концерн после войны не возобновит свой союз с «Фарбен»? В воцарившейся тишине председатель хладнокровно ответил: «Нет, сэр, не согласен».

Тогда еще американской общественности не было известно всё то, что изложено выше и что стало достоянием гласности после войны, когда союзные следователи проникли в тайники архивов германских монополий: союз Рокфеллеров и «Фарбен» не прерывал своей предательской деятельности ни на один час в течение всей второй мировой войны.

Скандалный ответ председателя собрания акционеров «Стандард-Ойл» докатился и до сената.

Выступая 4 июля 1943 года перед сенатской комиссией по военным делам, Гомер Боун, председатель сенатской комиссии по патентам, заявил: «Некоторые

акционеры компании «Стандард-Ойл компани оф Нью-Джерси» просили директоров компании прекратить всякие взаимоотношения с «ИГ Фарбен» в послевоенный период. Однако они получили отказ. Один из директоров заявил, что такая просьба является «оскорблением». На лицо все факты, указывающие на то, что по окончании нынешнего неприятного военного эпизода эти фирмы снова будут работать рука об руку и возобновят свои прекрасные, гармоничные отношения».

Но Рокфеллеров всё это мало волновало. Они слишком хорошо знали государство, в котором родились, выросли и делали свой бизнес.

И, чтобы закончить вопрос с нефтью, еще один яркий пример. Американские монополии во время войны продолжали вкладывать огромные капиталы в нефтяную промышленность Румынии, а так как последняя была союзницей Германии, это не могло не усиливать мощи германского фашизма.

В 1943 году сотрудничавшая с гитлеровцами американская нефтяная компания в Румынии «Ромына-Американа» получила 726 миллионов лей прибыли, другая американская компания — «Астра-Ромына» — «заработала» 846 миллионов лей. Американские фирмы получали огромные прибыли на поставках нефтепродуктов Германии.

Находясь уже в Нюрнберге, Кейтель признал, какую огромную пользу принесло гитлеровской Германии сотрудничество американских и германских монополий в Румынии:

«...Всё это время источник жизненной силы наших вооруженных сил приходил из нефтяных залежей в Румынии... без румынской нефти мы не продержались бы ни одной недели».

Кейтель сообщил, что для ведения войны Германии нужно было иметь ежемесячно от 300 тысяч до 350 тысяч тонн нефти, а германская промышленность давала примерно 100 тысяч тонн. Можно представить себе, какое огромное значение имело то обстоятельство, что ежемесячно Германия доставляла из Румынии около 150 тысяч тонн нефти. «Если бы мы потеряли румынскую нефть, мы пропали бы», — заявил Кейтель.

Отсюда нетрудно заключить, какую помощь оказывали американские нефтяные короли фашистской

Германии, вкладывая капиталы в румынскую промышленность, работавшую на гитлеровцев.

Общеизвестны разбойничьи действия фашистских подводных лодок во время второй мировой войны. Они подвергали массовому потоплению торговые и пассажирские суда союзных и нейтральных стран. Среди этих судов было значительное количество американских и английских. Варварскому потоплению подвергались и санитарные суда, перевозившие раненых и больных. Мир был потрясен торпедированием пассажирского парохода «Атения», на котором находились сотни людей. Командующий гитлеровским подводным флотом Дениц отдал приказ не только топить торговые и пассажирские суда, не только не оказывать помощи тонущим людям, но, более того, запрещал оказание такой помощи. «Не должно оказываться никаких попыток к спасению членов экипажа потопленных кораблей, — писал в своем приказе Дениц, — спасение противоречит элементарнейшим требованиям ведения войны...» Гитлеровский подводный флот получил приказ Деница о преднамеренном убийстве членов экипажей потерпевших крушение судов. Дениц требовал, чтобы подводные лодки нападали на спасательные суда и торпедировали их. На Нюрнбергском процессе было установлено, что гитлеровцы хладнокровно расстреливали с подводных лодок плававших в воде и пытавшихся спастись людей.

Человечество содрогалось от этих ужасов. Факты потопления американских пассажирских и торговых судов, умерщвления команд и пассажиров вызывали бурные протесты и возмущение американского общественного мнения. Но мало кто в Америке знал, что именно американские монополии помогли гитлеровцам построить свой подводный флот, что даже в ходе второй мировой войны, когда германская военная промышленность испытывала нехватку материалов для строительства подводных лодок, американские монополии неизменно приходили на помощь, поставляя Германии всё необходимое, в том числе самое дефицитное.

Когда союзные войска заняли германскую военноморскую базу Бремерхафен, на стапелях судостроительной верфи были обнаружены недостроенные подводные лодки, оборудованные весьма важными и ценными приборами с маркой «Сделано в США». Американские воен-

ные представители пытались сослаться на то, что это «довоенное производство». Однако более внимательный осмотр показал, что приборы были «сделаны в США» в 1943 году — на четвертом году войны...

Морган финансировал производство немецких самолетов «фокке-вульф», которые широко использовались во второй мировой войне для варварских налетов на мирные города. Американские солдаты, как и солдаты других объединенных наций на разных фронтах, неоднократно подвергались налетам и гибли от этих самолетов, на изготовлении которых наживался их соотечественник и монополист — Морган.

Когда в январе 1945 года немецкие танковые дивизии в Арденнах начали свое последнее крупное наступление на Западе, могли ли думать стойко оборонявшиеся простые американские солдаты, что их боевые друзья и они сами гибнут от танков, созданных американской фирмой. Они ведь не знали, что заводы «Оппель», являвшиеся основной базой моторизации вермахта, фактически принадлежали крупнейшему автомобильному американскому концерну «Дженерал моторс». «Оппель» кроме танков производил также важнейшие детали и узлы для германских военных самолетов — «мессершмиттов», «юнкерсов» и «фокке-вульфов».

Американские магнаты продолжали руководить фирмой «Оппель» даже после того, как Гитлер объявил США войну. Это руководство осуществлялось через датского представителя «Дженерал моторс» в Копенгагене, некоего Альбина Мадсена, который вошел, с благосклонного согласия нацистских властей, в наблюдательный совет фирмы «Оппель» и заботился о том, чтобы немецкий филиал американского концерна работал на полную мощность для гитлеровской военной машины.

Такая деятельность «Дженерал моторс» еще до начала второй мировой войны, когда преступный характер гитлеровского государства уже ясно определился, вызвала недоумение даже у некоторых акционеров этой монополии.

В этой связи интересно письмо-ответ президента «Дженерал моторс» Альфреда Слоана одному из таких акционеров, датированное 6 апреля 1939 года:

«„Дженерал моторс“ является международной организацией. Она действует почти во всех странах мира...

Много лет назад — еще до прихода Гитлера к власти — «Дженерал моторс» вложила значительные средства в фирму «Оппель». Это вложение оказалось весьма прибыльным, и, отвлекаясь от политики, я полагаю, что в будущем, с точки зрения возможностей развития и получения прибылей, оно окажется равным, если не большим по значению, чем многие другие инвестиции нашей корпорации. Фирма контролирует около 50 процентов данной отрасли промышленности Германии. На предприятиях заняты немецкие рабочие и потребляются немецкие материалы...

В результате длительной эволюции, упорной работы и, на мой взгляд, умелого управления мы приближаемся к контролю над 50 процентами одной из наиболее важных отраслей промышленности Германии. В этих условиях, я полагаю, *мы должны вести себя как немецкая организация, привлекающая немецкий капитал...*». (Курсив наш. — Авт.).

Так они себя и вели, даже когда США объявили Германии войну.

На Нюрнбергском процессе было установлено, что «ИГ Фарбениндустри» имел не менее двух тысяч картельных соглашений с американскими и другими монополиями капиталистического мира. По некоторым из этих соглашений американские монополии обязывались продавать вооружение только гитлеровским фирмам, а не фирмам государств, с которыми фашистская Германия находилась в состоянии войны. Это, разумеется, приводило к сокращению американских военных поставок в союзные страны. Такое соглашение существовало, например, между филиалом «ИГ Фарбениндустри» — «Рейниш Вестфалише Шпренгштоф АГ» — и дочерним предприятием Дюпона «Ремингтон Арм компани». В силу этого соглашения «Ремингтон Арм компани» отказалась во время войны продавать странам, находящимся в войне с Германией, тетрацен (взрывчатое вещество, применяемое в запальниках).

Но одним из самых ярких проявлений «братства бизнеса» были так называемые соглашения об ограничении производства различных видов сырья или готовой продукции, которые заключали между собой американские и германские монополии. Цель — поддержание цен на желательном для них уровне, получение максималь-

ных прибылей. Эти соглашения продолжали неуклонно действовать и в период второй мировой войны. Их тайны были частично вскрыты в США сенатскими комиссиями еще в военное время, а частично выявлены после войны отделом декартелизации американской военной администрации в Германии.

На заседании сенатской комиссии в 1944 году Фрэнсис Биддл, тогда министр юстиции, а впоследствии член Международного военного трибунала от США, заявил: «„ИГ Фарбениндустри“ является главным концерном, который был использован германским правительством с целью ограничения производства в Соединенных Штатах. Он является преемником германского химического треста, пытавшегося не допустить развития независимой американской промышленности в период, предшествовавший первой мировой войне».

Приведя ряд фактов в подтверждение своих выводов, Биддл сказал в заключение:

«Я надеюсь, что годы не изгладят этого из нашей памяти... не потому, что я желаю предания суду отдельных американских компаний, но потому, что нельзя вновь допустить повторения наших ошибок. Надо разрушить систему, которая давала Германии возможность заключать эти картельные соглашения».

Биддл привел аналогичные примеры и по другим американским и германским концернам и призывал к активным действиям. «Я предлагаю сломить силу германских монополистических фирм. Цель такой программы будет заключаться не в разрушении германской экономической жизни в целом, а в том, чтобы придать германской промышленности такую форму, которая больше не представляла бы угрозы цивилизованному миру. Я не недооцениваю трудностей, с которыми связано осуществление этой программы...»

Да, действительно, трудностей на этом пути было немало. Ведь, чтобы осуществить такую программу, надо было не ограничиваться мерами в отношении германской промышленности, но и заняться ее старшим партнером, промышленностью американской, придав ей также «такую форму, которая больше не представляла бы угрозы цивилизованному миру». Но сие, как говорится, было явно не по плечу политикам типа Биддла.

Вот некоторые примеры таких соглашений, выявленных сенатской комиссией, о которых говорил Биддл.

Война шла к своему zenиту, а «толкачи» американского правительства приходили в отчаяние в связи с явно недостаточными поставками плексигласа, необходимого для носовой части фюзеляжа бомбардировщиков, изготовлявшихся концерном Дюпона. Только после войны удалось установить причины «неповоротливости» администрации Дюпона: концерн был связан соглашением с германской монополией «ИГ Фарбен» и «Ром унд Хаас» о производстве строго ограниченного количества плексигласа.

Английское министерство авиации так и не добилось от британской фирмы «Зенит» продажи патентов, позволявших расширить производство карбюраторов для авиационных моторов, а это, в свою очередь, не позволяло быстро увеличить выпуск военных самолетов. Причина — соглашение «Зенита» с германской фирмой «Сименс и Гальске». Какое дело директорам фирмы «Зенит», что английские летчики, ведущие в 1940 году «битву за Англию», всё время сталкивались в воздухе с превосходящими силами немецкой авиации и дрались с предельным напряжением сил. Их интересовало другое, о чем они откровенно писали через год после Дюнкерка третьему партнеру по этому соглашению — американской монополии «Бендикс корпорейшн»: «Мы не хотим осложнять свои послевоенные деловые взаимоотношения, нарушая теперь условия договора (с германской монополией. — Авт.) под предлогом требований военного времени».

Американские разведывательные органы были довольны, установив, что линзы для точных оптических приборов выпускались в Германии лишь на одном заводе «Шотт-верке» в Йене. А вот работников министерства юстиции США, занимавшихся в период второй мировой войны делами монополий, такое сообщение никак не обрадовало: они-то ведь знали, что и в США такие линзы может производить тоже только один завод, и это — результат соответствующего американо-германского картельного соглашения об ограничении производства.

Магний — важный стратегический материал, используемый в самолетостроении. Так вот, по соглашению

между германскими и американскими владельцами магниевой промышленности производство магния в США было ограничено перед войной пятью тысячами тонн в год. Между тем одна Германия в 1939 году потребила 13 тысяч 500 тонн магния, а в следующее пятилетие ежегодно немецкое потребление магния составляло 33 тысячи тонн.

Это картельное соглашение нанесло обороноспособности США больший вред, чем если бы их магниевые заводы стали жертвой успешных немецких воздушных бомбардировок или диверсионных действий. Ведь в этом случае остались хотя бы заводские чертежи, технологическая документация и, наконец, квалифицированная рабочая сила. Картельное соглашение лишало США даже этого.

Тысячи моряков американского торгового флота с громадным риском для жизни выходили в море и, выполняя свой гражданский долг, доставляли военные грузы на поля сражений и в союзные страны. Они были уверены, что американские органы безопасности охраняют тайну отплытия, характер грузов и маршрут пути кораблей. Но они не учитывали деятельности страховых корпораций. Оказывается, крупнейшие страховые общества США делили риск гибели судов с другими страховыми компаниями, и особенно с так называемой «Цюрихской группой в Швейцарии», которая, в свою очередь, имела договор на перестрахование с Мюнхенским объединением в Германии. Между тем, как известно, всё документальное оформление страховки заканчивается до выхода судна из порта отправления. Поэтому, когда из Америки направлялся в Европу пароход, германская разведка по данным страховых документов уже располагала всеми материалами об этом рейсе, в частности о дате отплытия и месте назначения. Многие тысячи моряков заплатили своей жизнью, а сотни судов и сотни тонн ценнейших грузов ушли на дно морское, чтобы гарантировать страховым компаниям «нормальную прибыль», а попутно и затянуть войну.

Гитлеровское правительство компенсировало страховым компаниям Германии убытки, связанные с их шпионской деятельностью.

Летом 1945 года отдел декартелизации американской военной администрации в Германии в архивах немецкой

разведки и Мюнхенского общества взаимного страхования обнаружил документальные данные, что по той же цепочке перестрахования немцы в период войны получали фотографии, чертежи и подробные описания ряда новых промышленных предприятий в США, в том числе и военных. Все эти данные были получены из отчетов страховых инспекторов, прилагавшихся к полисам как документация, необходимая при перестраховании. Эта документация проходила сложный путь Америка—Швейцария—Мюнхен. Так американцы с помощью своих страховых компаний передавали немецкой разведке ценнейшую информацию «на серебряном подносе».

Нельзя не отметить, что все эти разоблачения были сделаны органами американского правительства (отдел экономической войны, управление по вопросам антитрестовского законодательства, отдел декартелизации), где работали отдельные прогрессивно настроенные люди, способствовавшие этим разоблачениям. Только американская разведка оказалась в стороне. Это на первый взгляд тем более удивительно, что весь период войны американскую секретную службу в Европе возглавлял будущий шеф американской разведки, «король шпионажа», как его любят именовать в США, Аллен Даллес, державший свою резиденцию в Швейцарии, где производились все эти «страховые операции». Но это удивительно лишь для тех, кто думает, что Аллен Даллес только шеф разведки. Для тех же, кто знает его «многогранную деятельность», провал американской секретной службы в деле разоблачения преступных связей американских и германских монополий в период второй мировой войны вполне закономерен. Ведь Аллен Даллес в годы войны возглавлял не только европейский отдел американской разведки, но и вместе со своим братом Джоном являлся владельцем юридической фирмы «Салливэн энд Кромвелл», а до 1944 года — директором банка Шредера в Нью-Йорке.

Между тем финансовое и юридическое оформление многих из указанных выше соглашений между американскими и германскими монополиями было делом рук юридической фирмы «Салливэн энд Кромвелл» и ее владельцев братьев Даллес, а финансовые расчеты по этим соглашениям нередко осуществлялись через банк Шредера, где директорствовал неутомимый Аллен. Что же

удивительного, что Даллес-разведчик не испытывал никакого желания разоблачать Даллеса-бизнесмена.

Тесное переплетение интересов германских и американских монополий и их общая ненависть к социализму получили своеобразное отражение и в деятельности американской бомбардировочной авиации в годы второй мировой войны. В этом, очевидно, секрет того, что массированные удары американской авиации не коснулись заводов «ИГ Фарбен», как, впрочем, и многих других заводов.

Так, например, в разрушенном авиацией до основания городе Кёльне уцелели три завода: два из них — «Фарбен», а третий — Форда. Зато американцы в последние дни войны энергично бомбили заводы «Шкода» и фабрики «Батя» в Чехословакии, в то время как эти объекты уже не имели для вооружения вермахта никакого значения. Так же бесцельно, с военной точки зрения, был уничтожен американской авиацией в конце войны город Дрезден.

Впрочем, во всех этих случаях цель была; ведь ко всем этим объектам стремительно приближались советские войска. Разве это недостаточно веская причина?

Да, бомбардировочная «география» имела свои тайны, и раскрыть их можно было, только проникнув в наиболее секретные отделения сейфов крупных монополий.

У вершины цинизма

Но вершины цинизма и преступности деятельность «братьев-бизнесменов» в период второй мировой войны достигла в Банке международных расчетов в Базеле, где она проходила совершенно открыто. Ведь господа банкиры хорошо знали, по какому закону живут и действуют.

Так, в газете «Нью-Йорк таймс» 19 мая 1943 года была опубликована статья, где говорилось:

«В свете подготовки союзников к вторжению в Европу положение Банка международных расчетов в Базеле (Швейцария) выглядит еще более нелепым, чем когда-либо с начала войны в сентябре 1939 года. В тиши швейцарского города американские, немецкие, французские и итальянские банкиры, не говоря уже о шведских,

швейцарских и голландских представителях, всё ещё работают бок о бок, занимаясь общими делами...»

Чем же занимались почтенные банкиры в этом почтенном банке?

Эмиль Пуль совмещал две высокие должности: в третьей империи он был вице-президентом рейхсбанка, в Банке международных расчетов — представителем гитлеровской Германии.

В Освенциме, в Бухенвальде и других лагерях смерти эсэсовцы перед уничтожением отбирали у своих жертв все ценности, а золотые зубы и мосты вырывали у еще живых людей или снимали с трупов. В подвалах рейхсбанка, как это подтвердил сам Пуль в Международном военном трибунале в Нюрнберге, хранились мешки таких золотых зубов и вещей. Это золото превращалось в слитки и отправлялось Пулем в Банк международных расчетов, президентом которого был Томас Мак-Китрик — вице-президент крупнейшего американского банка «Чейз нэйшнл бэнк».

Там, в Базеле, в правлении Банка международных расчетов банкиры США, Англии, Франции и других стран, подвергшихся гитлеровской агрессии, сидели дружно за одним столом с военным преступником Эмилем Пулем и в трогательном единстве в течение всей войны делили нажитые на ней барыши. Золото из лагерей уничтожения шло в «общий котел», а правители фашистского рейха регулярно получали причитающиеся им дивиденды. Вот сообщение об одном таком дележе.

Агентство Юнайтед Пресс сообщило 22 мая 1944 года из Базеля:

«На своем ежегодном собрании, проходившем под председательством члена правления швейцарца Эрнста Вебера, Банк международных расчетов сегодня постановил выплатить дивиденды в размере 4 процентов... Вебер заранее согласовал принятое сегодня решение с директорами национальных банков, входящих в объединение, — США, Англии, Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Швеции, Италии и Японии.

Завершив дела прошлого года, американские, французские, германские, итальянские и голландские руководители банка вступили в новый год, в течение которого они будут ежедневно встречаться...

Главным управляющим Банка международных расчетов является американский представитель Томас Мак-Китрик».

Мак-Китрик заявил корреспонденту агентства Юнайтед Пресс: «Мы поддерживаем аппарат в рабочем состоянии... потому что после перемирия ранее враждовавшим державам понадобится действенный инструмент вроде Банка международных расчетов».

Даже некоторые американские правительственные чиновники дали резкую оценку такого рода деятельности.

23 ноября 1943 года специальный советник министерства финансов США Гарри Уайт заявил корреспондентам в Вашингтоне: «Он (Банк международных расчетов. — *Авт.*) контролируется немцами. Германия действует очень хитро и надеется использовать банк для восстановления своей финансовой мощи. Пока наши американские парни сражаются с немцами, американец — президент банка ведет дела с немцами».

Но мак-китрики и ему подобные слушали такие заявления и продолжали свои дела. В этой связи уже известный читателю Мартин вспоминает:

«Когда наши войска вступили в Германию, мы допросили вице-президента рейхсбанка Эмиля Пуля. Он сообщил, что во время своего последнего посещения Швейцарии в апреле 1945 года, за несколько дней до окончательного крушения Германии, он уговорил своих друзей воздержаться от опубликования финансового отчета Банка международных расчетов, потому что он хотел скрыть размеры операций нацистов с золотом.

Нам доподлинно известно лишь то, что перед концом войны из Германии были вывезены активы на сумму свыше 400 миллионов долларов, и они так до сих пор и не обнаружены. Теперь этими деньгами пользуются где-нибудь бывшие нацисты и их друзья. Они имеют возможность беспрепятственно финансировать свою пропаганду и деятельность, направленную к «возрождению» Германии. Как известно, в Испании, Португалии и Аргентине существуют большие колонии бывших нацистов, которые живут, не зная никаких финансовых затруднений».

Ясность в это дело мог бы, разумеется, внести Мак-Китрик. Мог бы, но не пожелал. Напрасно его допрашивали Мартин и его подчиненные. Убежденный в своей

безнаказанности, Мак-Китрик при попытке выяснить некоторые аспекты деятельности Банка международных расчетов предпочел молчание.

«На многие вопросы, — вспоминает Мартин, — касающиеся деятельности Банка международных расчетов во время войны, мы так и не получили ответа. Мак-Китрик скрывал, каким способом нацистам удалось переправить в Банк международных расчетов на сотни миллионов долларов золота, награбленного в оккупированных странах Европы. Куда это золото потом делось, неизвестно до сих пор».

Совершенно естественно, что когда после войны Эмиль Пуль был арестован американскими властями, то на выручку ему пришли высокие покровители. В результате верховный комиссар США в Германии Макклой, сам крупный делец, в декабре 1949 года освободил из тюрьмы тяжкого военного преступника Эмиля Пуля.

Так «волчье братство бизнеса» и национальная измена стали синонимами в сознании прогрессивных людей всего мира.

Когда же пришел час разгрома третьего рейха, когда надо было выполнять решения Потсдамской конференции об уничтожении экономической мощи монополий в Германии, то... Впрочем, лучше предоставить слово одному прогрессивному американцу, бывшему начальнику отдела американской военной администрации в Германии, Джорджу Уилеру, который в книге «Американская политика в Германии» вспоминает:

«Персонал экономического отдела, во главе которого находился полковник Грейм К. Говард, состоял из представителей предпринимателей, принесших сюда свои предубеждения против трудящихся и стремившихся «делать свои дела, как и прежде». Личная позиция Говарда была столь недвусмысленно антидемократической и пронацистской, что некоторые прогрессивные работники штаба занялись расследованием его прошлого. Мы установили, что он был представителем «Дженерал моторс» на предприятиях Оппеля в Германии. Принадлежавшие ему лично акции фирмы «Оппель» составляли целое состояние. Нет ничего удивительного, если подготовленные его аппаратом разделы руководящих указаний о политике в Германии оказались столь благоприятны для немецких монополистов, что президент Рузвельт распоря-

дился полностью переработать их и велел расследовать, кто был ответствен за их составление».

Полковник Говард совершил и другую оплошность: выпустил в 1940 году книгу «Америка и новый мировой порядок». Этим «новым порядком» был фашизм, которому принадлежали симпатии автора.

Полковника Говарда из Германии пришлось отозвать и его, как пишет Уилер, «заменяли другим человеком с теми же интересами и той же программой, но значительно более опытным, ловким и выдержанным — генералом Уильямом Х. Дрейпером. Мы знали, что с уходом полковника Говарда, представителя «Дженерал моторс», и приходом генерала Дрейпера, заместителя председателя наблюдательного совета инвестиционного банка «Диллон, Рид энд компани», мы ничего не выигрывали».

Так в 1945—1946 годы руками представителей американских монополий, временно облачившихся в военную форму, закладывался прочный фундамент возрождения германских военных концернов, а следовательно, и того здания реваншизма и неонацизма, которое ныне воздвигнуто в ФРГ.

Может ли всё это повториться?

После второй мировой войны кровавые и преступные дела третьей империи оказались установленными и обнаженными до конца. И перед каждым мыслящим человеком встал вопрос — как и почему это могло произойти? Чем объяснить этот страшный рецидив средневекового варварства в центре Европы, в сороковых годах XX столетия, — столетия небывалого расцвета науки, культуры и техники? Может ли этот кошмар повториться или он развеялся вместе с дымом пепелищ над обломками гитлеровского государства? Человеческая совесть требовала ответа на эти вопросы. Изучение проблемы приводит, однако, к выводу, что преждевременный оптимизм был бы здесь и вреден и опасен.

Историческая правда, и правда весьма горькая для человечества, заключается как раз в том, что военные преступления и военные преступники третьей империи не родились на пустом месте. Фашисты не были первооткрывателями в этой кровавой области. Они опирались на мрачный опыт своих коллег из других капиталистических и империалистических держав. Однако, освоив и использовав этот опыт до дна, нацисты внесли в него столько дьявольской изобретательности, что придали своим военным преступлениям совершенно новое качество, сделали их беспрецедентно опасными для современной цивилизации.

Есть в этом вопросе и еще одна грань, на сей раз обращенная уже не в прошлое, а в современность и в будущее. Многочисленные факты послевоенных лет пока-

зывают, что гитлеровские военные преступники имели не только предшественников, но обладают достойными наследниками и в ФРГ и в других империалистических государствах, в первую очередь в США.

Может быть, американский обвинитель в Нюрнберге генерал Тэльфорд Тэйлор сам до конца не понимал, как он глубоко проникает в суть проблемы, когда говорил: «В данном случае мы находимся в схватке с чем-то огромным, ужасным и постоянным; с чем-то таким, что начало существовать не в 1933 году (дата захвата власти нацистами в Германии. — Авт.) и даже не в 1921 году (дата создания нацистской партии. — Авт.); с чем-то более старым, чем любой присутствующий здесь человек; с чем-то несравненно более важным, чем любой из подсудимых, сидящих на этой скамье; с чем-то таким, что еще не умерло и не может быть уничтожено выстрелом из винтовки или в петле палача».

Это «что-то огромное, ужасное и постоянное» — современный империализм и его наиболее яркое выражение — империализм американский, порождающий самые тяжкие преступления против мира и против человечности, и всегда стремящийся обеспечить себя безропотными исполнителями этих злодеяний.

И движущей силой современного американского империализма, как и империализма времен третьей империи, являются крупнейшие военно-промышленные монополии и обслуживающие их банковские корпорации. Но прежде чем перейти к изложению фактов, следует сделать одно предупреждение. Пути исторического развития сложились в ходе второй мировой войны так, что они привели народы-победители в святая святых германской империалистической политики и экономики. Это позволило, как читатели уже знают, произвести на Нюрнбергском процессе главных военных преступников патолого-анатомическое вскрытие всей политики германского империализма, а на процессах германских монополий — аналогичный анализ совокупности движущих пружин его экономики и ее связи с политикой.

К сожалению, пока еще история не оказала свободлюбивым народам такой же любезности в отношении святая святых американской империалистической политики и экономики. Отсюда, естественно, возникает ряд трудностей. Вот почему, анализируя все эти вопросы

применительно к США, мы вынуждены довольствоваться теми крупными истинами, которые время от времени всплывают на поверхность. Мы имеем здесь в виду отдельные правительственные статистические данные и умышленно неполные отчетные материалы самих монополий, которые отнюдь не стремятся попасть в поле зрения общественного мнения, и доклады специальных комиссий американского конгресса, которые время от времени вынуждены заниматься большим бизнесом, когда его чересчур скандальные результаты случайно становятся достоянием гласности.

Путеводной нитью могут служить также и те редкие случаи, когда государственные деятели США или магнаты промышленности и банков в силу самых разных причин вдруг становятся откровенными и начинают говорить вслух то, о чем они обычно только думают или говорят лишь в узком кругу посвященных. Однако собранные воедино все эти данные создают достаточно убедительную и колоритную картину. И всё же, рассматривая ее, нельзя забывать, что американский империализм подобен айсбергу: взорам общественности открыта только его незначительная надводная часть, основное скрыто в глубинах океана тайн, государственных и коммерческих.

Вот почему совершенно прав известный американский прогрессивный экономист Виктор Перло, когда в своей книге «Милитаризм и промышленность» он пишет, что «делал выводы о позиции и истинном характере деятельности деловых групп на основании той небольшой части деятельности большого бизнеса, которая доводится до сведения общественности».

Что же определяет агрессивность курса современных монополистических групп США?

Почему американский империализм превратился, как указано в Заявлении представителей коммунистических и рабочих партий, в «самого крупного международного эксплуататора», став «главным оплотом мировой реакции и международным жандармом, врагом народов всего мира»? Перло, немало потрудившийся над изучением современной американской экономики и ее связи с политикой, высказывает в этом аспекте весьма интересные суждения.

Большой бизнес в значительной своей части связан

с военными заказами, которые, во-первых, обеспечивают норму прибыли гораздо более высокую, чем средняя, и, во-вторых, создают гарантию от обычного делового риска, такого, например, как конъюнктурные колебания спроса, цен, емкости рынка и т. д. Вот почему крупные монополии извлекают выгоды из милитаризованной экономики и, следовательно, в ней заинтересованы.

Чтобы доказать это утверждение, Перло изучил и сопоставил среднюю норму прибылей за пять лет по крупнейшим монополиям — поставщикам военного ведомства — со средней нормой прибыли за тот же период 500 крупнейших корпораций, выпускавших мирную продукцию. Результат был весьма впечатляющим: средняя норма прибыли военных концернов была примерно на 50 процентов выше остальной промышленности.

Но это только одна сторона вопроса. Другая заключается в том, что заграничные инвестиции дают ныне крупным американским монополиям прибыль, значительно превышающую ту, которую получают непосредственно военно-промышленные предприятия. В то же время средняя норма прибыли от американских капиталовложений за границей несравненно более высокая, чем прибыль от обычной промышленной деятельности в Соединенных Штатах. В. Перло приводит такие данные.

Специальное исследование 25 крупнейших корпораций показало, что свыше 40 процентов общей суммы полученных ими прибылей — результат военных заказов и капиталовложений за границей. Причем структура этой части прибыли такова: 29 процентов — результат заграничного бизнеса и только около 12 процентов — военного.

Анализируя эти данные и тенденции развития американской экономики, ученые приходят к выводу, что примерно с середины 60-х годов военный бизнес и заграничные капиталовложения дают крупному американскому монополистическому капиталу значительно больше 50 процентов всех его прибылей. Однако для того, чтобы заграничные инвестиции давали Уолл-стриту такой эффект, необходимо создать в странах, где этот капитал размещен, соответствующие реакционные политические режимы. Эти режимы должны обеспечить безудержную эксплуатацию Соединенными Штатами природных богатств и рабочей силы этих стран.

Вот где экономическое основание политической приверженности США к марионеточным реакционным режимам на всех континентах, вот чем вызвана ожесточенная и зверская борьба американского империализма против национально-освободительного движения.

Международный эксплуататор создал и поддерживает свою неокOLONиальную империю. И для этого ему надо играть столь непривлекательную роль жандарма мировой реакции.

Но эта роль требует соответствующих аксессуаров, и в первую очередь — вооруженных до зубов армий, морского флота и авиации. В то же время наличие крупных современных вооруженных сил, разбросанных на разных континентах, может опираться только на милитаризованную экономику. Таков порочный круг, в котором вращается американская политика, таков ее экономический фундамент.

Вот почему наиболее агрессивны такие монополии, которые либо тесно связаны с заграничными инвестициями (как, например, Рокфеллеры и Морганы), либо составляют костяк современной военной промышленности — самолетостроительной, ракетной, ядерной, электронной.

Исследуя комплекс условий, в которых находятся и творят свой бизнес крупные монополии, Перло прогнозирует: «Эти тенденции говорят о том, что крупнейшие собственники основных финансовых и промышленных корпораций будут, по-видимому, еще более активно и единодушно поощрять милитаризм и атмосферу напряженности».

Это стремление осуществляется на практике — государственный аппарат США, как известно, находится на службе монополий. Однако в послевоенные годы здесь наметилась новая тенденция, уже не раз освещавшаяся в советской литературе: по мере обострения общего кризиса капитализма всё ярче проявляется невиданная прежде в истории США степень использования государственного аппарата монополиями. Это выражается в том, что их непосредственные представители проникают во все звенья аппарата, занимают там ключевые посты. Миллиардеры в министерских креслах, в роли специальных помощников президента по различным вопросам, члены и председатели особо важных комитетов

и комиссий — такова повседневная политическая действительность в Вашингтоне. Наша печать приводила немало примеров этого явления, и нет нужды останавливаться на нем подробно. Скажем только, что, как известно читателю, та же тенденция ярко выявилась в третьей империи в период подготовки и ведения второй мировой войны. Очевидно, непосредственное вращение господ монополистов в правительственный аппарат характерно для наиболее воинствующих и агрессивных форм современного империализма в те периоды, когда он собирается положить или кладет меч на весы истории. В такие критические времена деловые люди предпочитают сменить своих агентов и берут сами в свои руки штурвал государственного управления.

Приведем только один характерный пример такого рода. В период президентства Эйзенхауэра хорошо известный Нельсон Рокфеллер получил назначение на пост специального помощника президента по вопросам внешней политики, в частности так называемой «стратегической войны». Дабы подчеркнуть особую роль Рокфеллера на этом посту, в приказ президента о его назначении был включен весьма необычный параграф: «Вам надлежит посещать заседания кабинета, совета национальной безопасности, совета по внешнеэкономической политике и совета по координации операций». Так взмахом президентского пера Рокфеллер получил назначение во все основные стратегические и оперативные органы управления государством. Он вошел, в частности, в «узкий кабинет» — совет национальной безопасности, куда лишены доступа многие министры — члены правительства.

Какая параллель со всеми этими краухами, крупными, шницлерами, с этими генеральными уполномоченными третьего рейха, распоряжения которых не имел права отменить ни один министр! И таких назначений, как назначение Нельсона Рокфеллера в Вашингтоне, в послевоенные годы немало.

Вот почему трудно не согласиться с Перло, когда он говорит: «В современную эпоху, когда высший персонал правительственного аппарата в возрастающей степени подбирается непосредственно среди ведущих крупных финансовых групп, можно в большей мере, чем когда-либо, отождествить лиц, держащих в своих руках власть в стране, с этими группами».

Такой сердечный союз правительства и военных промышленников, а также промышленников, заинтересованных в заграничных инвестициях, создает реальную ситуацию гегемонии этих групп монополистов не только в экономической, но и в политической жизни США и оттесняет на второй план более умеренные группы «деловых людей».

Собственно, из этого не делают в Америке особого секрета. И однажды председатель правления «Дженерал моторс» Слоун заявил: «Наша страна — это преимущественно общество бизнеса; как идут дела в мире бизнеса, так и у всех нас. Наше правительство отчасти является генеральным штабом нашего общества, а потому и бизнеса».

Прощальное послание Эйзенхауэра

История знает немало примеров, когда государственные деятели, покинув свой пост, не связанные больше официальным положением, начинают вдруг говорить полуправду, а порой и правду.

Нечто подобное случилось с Дуайтом Эйзенхауэром. Покидая Белый дом, он в своем прощальном послании стране заявил: «Это единение между колоссальным военным аппаратом и крупной военной промышленностью — нечто новое в истории Америки. Его всеобъемлющее влияние — экономическое, политическое и даже духовное — ощущается в каждом городе, в органах управления каждого штата, в каждом учреждении федерального правительства. Мы должны в наших государственных делах остерегаться захвата этим военно-промышленным комплексом ничем не оправданного влияния, независимо от того, является ли оно преднамеренным или непреднамеренным. Потенциальные возможности пагубного усиления этой неправомерной власти существуют и будут существовать». (Курсив наш. — Авт.)

Это типичный образец полуправды, вышедшей из уст государственного деятеля, уже фактически сбросившего с себя бремя власти и ответственности. Полуправды, потому что правда в этом вопросе такова: Америка уже целиком и не первый год находится во власти «военно-

промышленного комплекса», а отнюдь не перед потенциальной возможностью очутиться под таким скипетром.

Чем объяснить эту полуправду в устах Эйзенхауэра — государственного деятеля, как известно, весьма и весьма консервативного? Возможно, это психологическая разрядка — следствие того давления «военно-промышленного комплекса», которое Эйзенхауэр столь реально и повседневно ощущал на протяжении восьми лет своего президентства. Естественно, что такое давление у него, как и у каждого человека, лишенного возможности самостоятельно принимать решения, должно было вызвать и вызвало чувство раздражения.

Вместе с тем Эйзенхауэр мог позволить себе роскошь такой полуправды, поскольку хорошо знал, что условия американской политической жизни навсегда исключают возможность его возвращения к высшей власти.

Впрочем, независимо от мотивов, это — ценное и авторитетное признание человека, хорошо знающего проблему, которую он обсуждает.

Заглядывая в будущее

Последние годы гангстеры крупного бизнеса проявляют склонность к долгосрочным прогнозам в области... военных расходов. Очевидно, по странной прихоти случая, эти долгосрочные прогнозы полностью, или почти полностью, совпадали с действительностью.

Так, в 1958 году этой проблемой занялись братья Рокфеллеры. Появился первый из серии аналогичных докладов, подготовленный «общей группой» под председательством Нельсона Рокфеллера. Составление доклада, озаглавленного «Международная безопасность — военный аспект», было поручено небезызвестному руководителю исследовательского отдела этой монополии Генри Киссингеру.

В докладе отмечались различные недостатки в системе расходов на военные нужды США и рекомендовалось резкое увеличение ассигнований на эти цели. Резюме доклада не оставляло места для сомнений относительно позиции авторов: «Указанные выше недостатки наших стратегических позиций могут быть устранены *только* путем *значительного* увеличения расходов на оборону.

Это увеличение составит миллиарды долларов, причем в ближайшие несколько лет расходы должны ежегодно значительно возрастать... Согласно подсчетам ...требуется *...последовательное увеличение расходов примерно на три миллиарда долларов ежегодно*. В эту цифру не включено необходимое увеличение ассигнований по программам взаимной помощи и на гражданскую оборону». (Курсив наш. — Авт.)

В другом, более позднем докладе Рокфеллеров приводился ряд оценочных данных роста расходов на национальную оборону в течение десятилетия 1957—1967 годов. Прозорливые братья предсказали, что ассигнования на эти цели возрастут с 46 миллиардов в 1957 году до 70 миллиардов долларов в 1967 году. И как в воду глядели: действительно, военные расходы достигли в 1967 году 70 миллиардов долларов. Всё «предвидели» мудрые Рокфеллеры, предсказывая такой рост задолго до того, как США развернули прямые военные действия во Вьетнаме! Может быть, они уже тогда знали, что такие действия развернутся? Ведь в свое время круппы, краухи, шницлеры были подробно осведомлены об агрессивных планах своего правительства. Может быть, в аналогичном положении находятся и владыки Уолл-стрита? Что ж, это весьма похоже на истину.

Представитель делового Олимпа и династии Морганов — вице-председатель «Морган гаранти траст» Томас Ламонт в конце 1959 года также требовал дать старт бешеной гонке вооружений, а следовательно, и соответствующему росту военных расходов, «пока» социалистические страны не примут «обязательства установить свободу», то есть реставрировать капитализм.

Другой человек Моргана — Кэррол Шэнкс, в то время президент «Прудэншл иншуренс компани», предсказал увеличение расходов на военные цели ежегодно не менее чем на два миллиарда долларов. Таким образом, он оказался здесь несколько скромнее братьев Рокфеллеров.

Не менее воинственно настроены электронные компании, тесно привязанные к новейшему военному бизнесу. В самом конце 50-х годов, когда наметилось некоторое смягчение международной напряженности, это вызвало не только приведенные выше требования представителей таких монополий, как Рокфеллеры и Морган, но и

воинственные призывы электронных королей. Журнал «Дженерал оф коммерс» в 1958 году отразил позицию этих кругов в статье, самый заголовок которой освобождает от необходимости ее комментировать: «Электронные фирмы ожидают крупных военных заказов».

В 1959 году секретарь ассоциации предпринимателей электронной промышленности Дэвид Хэлл заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс», что, по его расчетам, «в ближайшие десять лет эта отрасль промышленности продаст правительству электронной продукции больше чем на сто миллиардов долларов».

Как всё это зловеще напоминает усилия краухов, круппов, шницлеров по созданию экономического фундамента для военной агрессии третьей империи, их определяющую роль в этом деле и влияние на правительственные круги в развязывании агрессии и создании напряженности. Только финансовые масштабы в США бесконечно шире, доходы монополий от этого кровавого бизнеса несравненно выше, а технические средства для оснащения американских вооруженных сил ныне в основном базируются на оружии массового уничтожения такой силы, которая Гитлеру виделась только в самых радужных снах.

Деньги вложены в дело, следовательно...

Капиталисты, как известно, не любят омертвлять свои капиталы. Деньги вложены в дело, и дело должно давать эффект. Это — элементарный коммерческий принцип.

Спрашивается, почему ракетно-ядерное оружие, которое стоит так дорого, должно быть исключением из этого правила? Почему с его помощью не попытаться получить «эффект», желательный для американских монополистов?

1961 год. Нельсон Рокфеллер дает интервью представителям печати. Он «подчеркнул, что спасение свободного мира зависит непосредственно от его ядерной мощи... Он считает, что атомная бомба была дискредитирована и дискредитируется по моральным соображениям, хотя, как он утверждает, убить десять человеческих

существ столь же аморально, как убить сто или сто тысяч... Он недоволен тем, что правительство не разъяснило народу, что бомба не чудовище, к которому следует относиться с отвращением и ужасом, а скорее единственная надежда свободного мира на спасение от коммунистического господства, которое в противном случае могло бы стать неизбежным».

Такое прославление оружия массового уничтожения, такая попытка оправдать геноцид снова дает почву для аналогий: как всё это удивительно напоминает философию нацизма. И исходит эта философия из уст крупнейшего американского монополиста — Нельсона Рокфеллера, губернатора штата Нью-Йорк, человека, неоднократно претендовавшего на президентское кресло.

Но вот беда: для современного ракетно-ядерного оружия на земном шаре нет больше недоступных мест. Можно, конечно, нанести первый предательский удар, но как уцелеть самому, как сохранить свой бизнес, когда противник нанесет ответный удар возмездия?

Весною 1966 года страницы западной печати украсила фотография массивных бронированных ворот, стерегущих вход в подземелье. Это вход в противоатомный «неуязвимый штаб» империи Рокфеллеров, расположенный в двухстах километрах от Нью-Йорка, глубоко под землей.

В этом убежище тонны документов и километры микрофильмов. Там вся документация «Стандард-Ойл», начиная с 1882 года, — какая прозорливость! Там, кроме того, всё необходимое для долгой подземной жизни. Рокфеллеры всерьез и методично готовятся к атомной войне. Они всерьез надеются не только уцелеть в этой войне, но и, сохранив необходимую документацию, доказать свои права на многочисленные владения концерна на разных континентах.

Эту линию Рокфеллеров разделяют и другие представители уолл-стритовского Олимпа. Банкиры проводят совещания с целью выявить пути и средства возобновления частной банковской деятельности и сохранения документации на владение собственностью, как только закончится термоядерная война.

Журнал «Бизнесуик» в 1962 году опубликовал специальный доклад на тему, которую, очевидно, этот орган печати считает весьма актуальной, — «Ядерная атака и

сохранение промышленности». Там деловито обсуждается всё, что касается этой проблемы.

Так американские монополисты, развязывая локальные войны против национально-освободительного движения в разных странах, в то же время методично готовятся к мировой ракетно-ядерной войне. И, как мы видели, даже пропагандируют ее как одно из радикальных средств разрешения коренных международных проблем нашего века.

Пропаганда милитаризованной экономики

Люди большого бизнеса методично, годами обрабатывают общественное мнение Соединенных Штатов, дабы убедить народ, что гонка вооружений необходимое, более того — полезное дело.

Председатель правления банка Моргана Генри Клей Александер утверждает: «В теперешней международной обстановке нам следует быть хорошо и должным образом вооруженными. Это стоит дорого, причиняет неудобства и вызывает инфляцию... но это совершенно необходимо, когда кругом разбойники... мы должны... сохранять нашу военную мощь в состоянии непревзойденной силы и оплачивать расходы немедленно».

На заседании одной из сенатских комиссий выступил глава «Интернэйшнл бизнес мэшинс» Томас Дж. Уотсон, требуя максимальной гонки вооружений: «Мы ведем решающее соревнование с Советским Союзом. Поэтому мы должны пойти на любые жертвы, необходимые для достижения победы. Если мы не потребуем от страны напряжения, необходимого для одержания победы, то, очевидно, мы, в лучшем случае, будем жить в мире, в котором господствуют Советы, а в худшем случае — в советской провинции».

Фрэнк Прейс — президент «Дженерал дайнэмикс», крупнейшей компании, производящей вооружение, и бывший министр в правительстве Трумэна — уверяет своих сограждан, что нет на свете большего благодеяния для всех, чем военный бизнес, имеющий «непреодолимое значение для нашей жизни. Я имею в виду влияние военных расходов на гражданскую жизнь и их

функцию в качестве стимула экономического роста в нашем обществе... приобщения народа Соединенных Штатов к культурным благам, что имеет далеко не кратковременное и не военное значение... способствуя сохранению и развитию людских ресурсов».

Словом, послушайте, а главное, поверьте Прейсу, и вы убедитесь, что дорога в рай вымощена тяжелыми камнями военных расходов.

Так, под затасканным жупелом советской агрессии, американские монополисты упорно создают милитаристское государство, точно так, как их коллеги из Рура делали это в 30-х годах в третьей империи.

Нью-йоркская биржа хорошо знает, чем живет, на чем зарабатывает и к чему стремится мир большого бизнеса, который она столько десятилетий преданно обслуживает. Что же удивительного, что эта биржа известна во всем мире резким повышением курса ценных бумаг, как только раздражается какой-то острый международный кризис, и столь же быстрым снижением, как только на горизонте начинает маячить перспектива ослабления международной напряженности.

Кривая прибылей устремилась вверх

Какова же результативность усилий торговцев смертью, как растут расходы на вооружение?

В 1934 году военный бюджет США не достигал и 1 миллиарда долларов, а военные бюджеты всех мировых держав, вместе взятые, в то время составляли 4,5 миллиарда долларов, то есть примерно столько же, сколько составлял военный бюджет только ФРГ в 1962 году.

При этом с начала XIX века и до конца второй мировой войны, то есть почти за 150 лет, США затратили на военные цели 180 миллиардов долларов, а за восемь лет (1953—1960 гг.), в условиях мирного времени, почти в два раза бóльшую сумму — около 336 миллиардов долларов. Судя по военному бюджету 1968 года (около 80 миллиардов долларов, включая такие в основном военные программы, как космические исследования и т. п.), за следующие пять лет военные расходы поглотят не менее 400 миллиардов долларов.

Вот впечатляющая динамика роста подготовки к новой мировой войне, которую ныне, закусив удила, ведут американские монополии.

Беспрецедентный в мировой истории по своим масштабам размах военного бизнеса дает, естественно, и соответствующие доходы.

Так, за тринадцать лет, с 1946 по 1959 год, чистая прибыль (за вычетом налогов), по отчетным данным тринадцати ведущих военных монополий, *увеличилась больше чем в пять раз*, достигнув в 1959 году почти 40 миллиардов долларов.

Чистый ежегодный доход такой монополии, как «Дженерал моторс», ныне перевалил за полтора миллиарда долларов, — рекорд не только для Америки, но и для всего «свободного мира».

Но это только надводная часть айсберга прибылей, показанная в отчетах монополий. Ее скрытая, подводная часть несравненно больше. И кое-когда и кое-где она всплывает наружу в результате специальных расследований, проводимых тогда, когда нельзя скрыть то или иное скандальное разоблачение.

Вот примеры. «Дженерал электрик» поставила по одному из контрактов военному ведомству радарные системы на сумму 19,5 миллиона долларов. Правительственная проверка показала переплату в сумме 3,4 миллиона долларов, что дало этой компании дополнительную скрытую прибыль в 19,5 процента. Уличенные в вульгарном жульничестве, бизнесмены вернули эту сумму, сделав, правда, оговорку, что компания «согласна не со всеми деталями данных генерального управления по проверке отчетов».

Монополистам, производящим самолеты и ракетные снаряды, правительство США построило за государственный счет немало заводов и передало их этим концернам для эксплуатации. Естественно, что в результате уменьшились размеры собственных капиталовложений в это дело. В результате, по данным проверки управления по пересмотру контрактов, норма действительной прибыли по отношению к собственному капиталу этих компаний достигла астрономической цифры в 71,3 процента.

По данным той же проверки, монополии (электротехнические, электронные и химические), работающие на

собственных заводах, получали на военном бизнесе «только» 42,6 процента прибыли по отношению к собственному капиталу.

Читатель помнит, как, готовясь к войне, рурские магнаты помогали Гитлеру создавать запасы стратегических материалов и сырья.

Теперь и в Америке эстафета перешла в руки большого бизнеса. Причем эти «патриоты» готовы продать своему правительству гораздо больше материалов и сырья, чем этого требуют интересы даже такого милитаристского государства, как Соединенные Штаты. Попутно безбожно завышаются цены и под видом стратегических запасов сбывается такая продукция, которая к стратегии никакого отношения не имеет.

На одной из своих пресс-конференций президент Кеннеди заявил, что на создание стратегических запасов было израсходовано 7,7 миллиарда долларов, что на 3,4 миллиарда долларов больше установленных нормативов. При этом по некоторым видам материалов и сырья запасы превышают лимиты в семь раз.

На 304 миллиона долларов было выявлено материалов, не имевших никакого стратегического значения. А цены? Они были несравненно выше рыночных!

Председатель подкомиссии, расследовавшей этот вопрос, сенатор Саймингтон заявил, что некоторые поставщики стратегических материалов, в частности олова, получили прибыль в размере от 700 до 1000 процентов стоимости поставленного материала.

Мистер Касс и мистер Каммингс

Государственный служащий Генри Касс-младший известен только узкому кругу лиц. Его годовой оклад 25 тысяч долларов, его кабинет расположен на четвертом этаже в здании Пентагона. Сэмюэль Каммингс жалованья не получает и в нем не нуждается: он основатель, владелец и президент корпорации «Интернэйшнл армAMENT» и крупнейший в мире частный торговец оружием. В этом качестве он нередко деловой партнер служащего Пентагона — Генри Касса-младшего.

Характеризуя партнерство такого рода, газета «Нью-Йорк таймс» в июле 1967 года писала: «После второй

мировой войны «брак» правительства с военной промышленностью, породивший на свет так называемый военно-промышленный комплекс (не согласится ли читатель, что в данном случае солидная буржуазная газета в столь важном вопросе делает весьма ценное признание? — *Авт.*), коренным образом изменил характер международной торговли оружием».

Что же это за изменения?

Газета отвечает на это четко: «Частный торговец оружием — жалкий карлик в сравнении с правительственным торговцем. Господин Каммингс, как он сам рассказывает, ежегодно продает оружия на сумму несколько меньше ста миллионов долларов. Это, бесспорно, весьма большая сумма, но по сравнению со сделками, заключенными правительством (США. — *Авт.*), она кажется нищенской».

Международная торговля оружием означает для США только экспорт, в основном правительственный, этого оружия в различные страны. Цель его — прежде всего политическая: вооружить послушные Соединенным Штатам реакционные режимы, дабы укрепить штыком их шаткое положение в собственных странах, а также передать оружие союзникам по военно-агрессивным блокам, таким, как НАТО, СЕАТО, СЕНТО и т. п. Хорошо вооруженные военно-агрессивные блоки типа НАТО и марионеточные режимы, кроме того, лучше способны поддерживать в различных пунктах земного шара международную напряженность, в которой заинтересованы военно-промышленные монополии США.

С позиций экономических международная торговля оружием — важная отрасль военного бизнеса. Вот цифры и данные, которые в этой связи приводит «Нью-Йорк таймс». Начиная с середины 1949 года до июня 1966 года США продали оружия на 16,1 миллиарда долларов и безвозмездно предоставили оружия и военного снаряжения своим союзникам и марионеткам на 30,2 миллиарда долларов. Разумеется, «безвозмездно» — означает за счет государственного бюджета Соединенных Штатов. Что же касается американских монополий, то они за эти громадные военные поставки получали всё, что им причиталось, и можно не сомневаться, что и здесь прибыли были огромными. Таким образом, США экспортировали за этот период оружия и военного снаряжения на сумму

46,3 миллиарда долларов. К этому, по мнению «Нью-Йорк таймс» надо добавить частные поставки оружия за рубеж дельцами типа Каммингса на сумму примерно 4 миллиарда долларов.

И газета приходит к выводу, что размеры этой торговли и безвозмездной передачи оружия *«превышают все субсидии и займы по регулярной программе экономической помощи, предоставленной с середины 1948 года, в том числе и по плану Маршалла».* (Курсив наш. — Авт.)

Вот подлинная структура «американской помощи» зарубежным странам после второй мировой войны. И источник этих сведений в таком аспекте безупречен: ведь в этом случае газету «Нью-Йорк таймс» не заподозришь в преувеличении.

Ну, а что же конкретно передали США союзникам по военно-агрессивным блокам и марионеточным режимам в отдельных странах за 1949—1966 годы?

Это, прежде всего, 19 тысяч 827 танков, что значительно превышает весь танковый парк современных сухопутных сил США.

16 тысяч 630 самолетов, в том числе 8 тысяч 300 реактивных; 3 авианосца, 38 эсминцев, 24 подводные лодки, 258 сторожевых военных кораблей; 27 тысяч 845 артиллерийских орудий различного калибра, громадное количество ракет — 45 тысяч 360; и, наконец, миллионы единиц стрелкового вооружения — вот показатели этого экспорта американских торговцев смертью.

И темпы его всё время нарастают: только с середины 1961 года до середины 1966 года господин Касс и его помощники экспортировали из США оружия на 11,1 миллиарда долларов. Какие же экономические цели здесь кроются? Предоставим слово «Нью-Йорк таймс»: «Если говорить о господине Каммингсе, то ответ очень прост: прибыль... эта торговля дала ему не один миллион в последние четырнадцать лет... „Становишься настоящим циником, занимаясь этим делом“, — говорит он».

Что можно сказать об остальных господах из военно-промышленных монополий? Надо ли отвечать на этот вопрос! Ответ и так ясен.

Баловни судьбы

Так тощает американская казна, растет государственный долг, всё ниже под непосильным бременем сгибается рядовой налогоплательщик и посмеиваясь кладут в свои бездонные карманы огромные куши прибылей господ монополисты.

Кто же они, эти баловни судьбы и империалистического мира? Их мало, очень мало! По данным о так называемой деловой активности, в списке крупнейших корпораций США числятся пятьсот наиболее влиятельных и могущественных компаний страны.

Однако двери рая военных заказов открыты лишь для 10 процентов этих промышленных гигантов: только 50 концернов вздувают горны в американской кузнице войны. Но даже в этой элите есть свои избранные: по данным 1962 года, 15 корпораций из указанных 50 держали в своих руках почти половину всех военных заказов. Тончайшая прослойка владельцев этих 15 монополий собирает бóльшую часть урожая прибылей от военного бизнеса.

Этот урожай тщательно взращивается не только усилиями монополистов, но и трогательной заботой правительства Соединенных Штатов.

Много лет в Вашингтоне был порядок, согласно которому военные контракты правительства ставились на открытые торги. В них могли принять участие все компании. Контракт доставался той фирме, которая предлагала лучшие условия, в том числе и более низкие цены.

В последнее время этот порядок был фактически изменен и крупнейшие монополии превращены в «неконкурентных подрядчиков». Таким подрядчикам военные заказы сдаются без торгов, то есть предприниматели могут в этих случаях за счет налогоплательщиков навязать правительству любые условия, в частности неоправданно высокие цены. Достаточно сказать, что в руки монополий, пользующихся такой льготой, попадает от 33 до 50 процентов всей суммы военных заказов.

Чтобы узаконить и этот новый источник прибылей крупнейших концернов, министр обороны Роберт Макнамара издал летом 1963 года специальную директиву. Согласно этой директиве прибыль по неконкурентным

подрядам была поднята с трех до двадцати процентов, то есть почти в семь раз.

Интересна мотивировка указанной директивы: «Нельзя оправдать переговоры, направленные исключительно на сокращение расходов путем уменьшения прибылей, без учета функций прибыли... Цель переговоров должна заключаться в том, чтобы *использовать мотив прибыли как стимул для наилучшего выполнения подряда*». (Курсив наш. — Авт.) Яснее не скажешь!

И когда суммируешь все эти факты, ставишь их в один ряд, то нельзя не согласиться с драматическим выводом, к которому пришел В. Перло: «...не внешние силы, а группы, наживающиеся на вооружениях и войнах, несут ответственность за ту напряженную и чреватую опасностью обстановку, перед которой оказалось сейчас всё человечество.

Пусть ни один читатель не отмахивается от этого обвинения, как от какой-то избитой мелодраматической фразы... в конце концов на карту поставлена и его жизнь».

„Теория домино“ в действии

Американские монополии как эксплуататор международного масштаба. ведут широкую и всестороннюю подготовку к новой мировой войне и в то же время нагнетают напряженность, совершая то тут, то там локальные акты агрессии. Эти военные акции преследуют цель подавить национально-освободительное движение в той или иной стране, напугать другие народы, желающие стать на самостоятельный путь, и в то же время обеспечить империалистические привилегии Соединенных Штатов на том или другом континенте.

Мы не можем дать историю всех послевоенных американских актов агрессии. Мы остановимся поэтому лишь на двух наиболее крупных, один из которых произошел в Корее, а второй продолжается и поныне во Вьетнаме.

Развязав войну в Корее, американские агрессоры поставили перед собою несколько задач. Во-первых, они стремились лишить Корею национальной независимости, не допустить там создания единого миролюбивого демо-

кратического государства, а для этого хотели установить по всей Корее покорный США режим полицейско-фашистской диктатуры.

Во-вторых, такое «освоение» этой страны позволило бы Соединенным Штатам создать на азиатском континенте военно-стратегический плацдарм, пригодный для нападения на Китай и Советский Союз. Об этом довольно откровенно сказал в те годы командующий 8-й американской армией в Корее генерал Ван-Флит, заявив, что США нужна «военная победа» в Корее, так как «Корея — это ключ к Азии».

В-третьих, авантюра в Корее являлась весьма выгодным бизнесом для американских монополистов, всех этих рокфеллеров, дюпонов, морганов и многих других торговцев смертью. Тем более, что все эти события развертывались на фоне надвигающегося глубокого экономического кризиса, угроза которого с 1948 года становилась для США всё более реальной. Между тем вместо кризиса появлялась надежная основа для длительного бума. И действительно, только за первый год войны в Корее монополисты и банкиры США нажили 23 миллиарда долларов. В последующие годы эти прибыли еще возросли.

Вот почему господа монополисты были кровно заинтересованы в максимальном затягивании войны в Корее и боялись переговоров о перемирии. Это ярко и точно выразил американский либеральный журналист Стоун, который в те годы писал: «Они боятся мира. Они чувствуют себя неуверенно, когда прекращаются убийства. Они уподобились жалкому убийце — маньяку, который может успокоить дрожь своего сердца, лишь когда он проливает кровь и творит бесчинства... Все свои планы они строят на предположении, что переговоры о перемирии сорвутся».

То, о чем люди типа Стоуна говорили гневным и жгучим языком метафор, органы печати деловых кругов описывали словами обыденными, прозаичными и тем не менее столь же обнаженно вскрывающими некоторые подлинные пружины корейской авантюры. Так, орган американских монополий журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» в начале войны в Корее цинично заявлял: «Прямо по заказу создана ситуация, чтобы поддержать деловую активность на высоком уровне».

Корейские события похоронили призрак кризиса, который преследовал американских бизнесменов со дня окончания второй мировой войны. В перспективе длительный бум».

То же самое в несколько иной форме сквозило и в других высказываниях. Так, финансовый комментатор Р. Бабсон писал: «Если бы не было корейского дела, которое дало бизнес и занятость, наше дутое процветание теперь бы взорвалось».

Эта паническая боязнь мира сквозит и в следующих строках журнала «Бизнесуик» тех лет: «Если прекратить огонь в Корее, политическое давление может вынудить нас сократить военные расходы. Это в ближайшем будущем вызовет новые трудности для нашей экономики». Неудивительно поэтому, что генеральный штаб американских монополий — национальная ассоциация промышленников с энтузиазмом приветствовала агрессию в Корее, предвкушая огромные новые прибыли.

Наконец, в-четвертых, война в Корее была для США своего рода опытным полигоном. Об этом откровенно заявил тогдашний военный министр Пэйс, указав, что эта война помогает Соединенным Штатам совершенствовать свои военные методы, испытывать и улучшать свое оружие и снаряжение. Что ж, метод не новый, его практиковали в свое время гитлеровцы, проведя серию молниеносных агрессивных походов на Западе раньше, чем ринуться на Советский Союз. Однако метод этот, как известно, не принес лавров хозяевам третьей империи, зато весьма короткой исторической дорогой привел их к подножию нюрнбергского эшафота.

Цели современной американской агрессии во Вьетнаме во многом схожи с теми целями, которые США ставили себе в корейской авантюре. И это вполне естественно. Ведь в основе всех этих действий, хотя между ними десятилетний перерыв, всё та же навязчивая идея мирового господства, соединенная со свойственным монополиям непреодолимым стремлением к максимальным прибылям.

Так же, как и в Корее, США пытаются лишить Вьетнам национальной независимости, не допустить создания там единого демократического государства. Это вытекает из ясного понимания, что марионеточный сайгон-

ский режим бесславно исчезнет в день такого объединения, ибо он держится только американскими штыками. Между тем Южный Вьетнам, как и Южная Корея, для США важный военно-стратегический плацдарм для агрессии.

Но не только это движет США во вьетнамской авантюре. Вашингтонские политики хорошо знают, где и какие марионеточные режимы созданы и держатся только их силой на этом континенте. Они боятся, что крах сайгонского режима может вызвать цепную реакцию в стане американских сателлитов в Азии, а это в корне подорвет там позицию Соединенных Штатов.

Этот страх явно проступает в интервью, которое дал бывший сенатор и бывший посол США в Сайгоне Генри Кэбот Лодж в ноябре 1966 года журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

В этом интервью Лодж сказал: «Если мы покинем Вьетнам — оттуда нас не могут изгнать, — то это немедленно вызовет катастрофические последствия в соседних странах, например в Таиланде, на Филиппинах, Малайзии и на Формозе».

Что ж, это ценное признание марионеточного характера режимов в перечисленных странах и его непрочности, причем признание, исходящее от человека, в этих вопросах достаточно осведомленного.

Но Лодж смотрит дальше и шире, и, очевидно, это беспокоит и других вашингтонских политиков: по его мнению, торжество национально-освободительного движения во Вьетнаме после ряда лет жестокой войны, на весы которой Соединенные Штаты бросили всё, что могли, кроме атомного оружия, поставило бы во всем мире под вопрос способность США играть на всех континентах роль жандарма мировой реакции, то есть ту роль, которая является выражением американского империалистического стремления к мировому господству.

А это, в свою очередь, поставило бы под удар самое существование НАТО, поскольку в этом агрессивном блоке и так накопилось немало элементов распада и беспокойства. В частности, это могло бы отрезвить в некоторой степени боннских политиков, реваншистские цели которых всегда связываются с американской военной поддержкой.

И в том же интервью Лодж говорит: «Отказ Соединенных Штатов от своих обязательств имел бы также катастрофические последствия за пределами Азии. По существу, он потряс бы атлантическое сообщество и поставил бы под вопрос все международные обязательства, которые мы взяли на себя».

Это интервью Лоджа было охарактеризовано в газете «Монд» следующим образом: «Еще никогда «теория домино» не была сформулирована в таких апокалиптических выражениях», и «Монд» продолжает: «..., теория домино"... предполагает, что лучше убрать одну кость домино, чем допустить ее падение, которое вызовет последующее падение всех рядом стоящих костей».

Однако все американские попытки во Вьетнаме «убрать одну кость домино», или, говоря проще, добиться победы, кончались ничем, так как против интервентов встал вооруженный народ. И это вынуждена признать такая буржуазная газета, как «Монд», в той же статье: «Теоретики партизанской войны, а также американские специалисты по борьбе с партизанской войной знают, что восстание не могло бы продолжаться так долго без поддержки широких слоев населения».

Этот факт признавал и представитель США в ООН Артур Голдберг, но в несколько иной форме. Он указывал, что проведение в Южном Вьетнаме демократических выборов привело бы к тому, что юг оказался бы вне «сферы американского влияния в Азии» и США не сохранили бы в этой стране «ни постоянные военные базы, ни постоянное американское присутствие какого бы то ни было рода».

Но если широкие империалистические цели США во Вьетнаме, как и в Корее, оказались неосуществленными, то этого нельзя сказать о прибылях представителей большого бизнеса. Говоря коротко, огромные народные жертвы — результат этих двух войн — обернулись для монополистов невиданными ранее прибылями.

Тактика „выжженной земли“

Необходимо отметить и другое: это войны, в ходе которых американские империалисты совершили самые разнообразные военные преступления. Цель таких пре-

ступлений — массовое уничтожение корейского и вьетнамского народов.

И одним из таких военных преступлений является авиационная бомбежка мирных городов и деревень, атаки самолетов против крестьян, работающих на полях, против людей,двигающихся по дорогам, бомбовые удары по ирригационным сооружениям.

Легко понять честных людей различных стран, когда они сравнивают поведение американской военщины с действиями нацистов во второй мировой войне. Разве Хайфон и Ханой, мирные вьетнамские города и села нельзя поставить рядом с Ковентри, Роттердамом, Лидице? А разве раньше аналогичные акты не совершались в Корее?

Почитайте реакционные американские журналы и газеты, близкие к правящим кругам, и вы не найдете ни одного упрека американской военщине. Командование армии США считает, что только оно судья своим поступкам и нет никаких ограничений для выбора средств ведения войны. Пентагонские генералы полагают, что по-прежнему, как в эпоху варварства, продолжает действовать закон «Война всех против всех». Глубокое и опасное заблуждение! Согласно нормам современного международного права применение во время войны насилия в отношении мирного населения считается тягчайшим преступлением.

Еще в 1868 году «Петербургская декларация» провозгласила, что «единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля». США являются участником четвертой Гаагской конвенции 1907 года, и статья 22-я этой конвенции устанавливает, что «воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю», а статья 25-я той же конвенции провозглашает, что «воспрещается атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищенные города, селения, жилища и строения».

В 1923 году ряд государств с участием США разработал в Гааге проект конвенции о правилах воздушной войны. «Воздушная бомбардировка, — говорится в этих правилах, — с целью терроризирования гражданского

населения ... запрещается». Гаагские правила запрещают бомбардировку даже военных объектов, если они расположены таким образом, что их нельзя бомбить, «без того чтобы одновременно не подвергнуть беспорядочной бомбардировке гражданское население».

Прошло десять лет, и в Женеве США подписались под резолюцией Генеральной комиссии Конференции по разоружению, провозгласившей то же правило.

Весь мир был возмущен разбойничьими налетами в 1937 году германской и японской авиации на мирные города Испании и Китая. Бомбардировка японской авиацией Нанкина причинила ущерб и интересам США. И американские власти не преминули тогда дать квалификацию этим бомбардировкам. Госдепартамент США в ноте от 22 сентября 1937 года на имя японского правительства писал: «Правительство придерживается того мнения, что всякая бомбардировка обширной зоны, в которой пребывает значительное население, занятое своей мирной деятельностью, недопустима и противоречит принципам права и человечности».

Прошел год, и правительство США, осудив бомбардировку Германией и Японией мирных городов, выразило «энергичное порицание со стороны нашего народа этих методов и этих действий, нарушающих самые элементарные принципы тех норм человеческого поведения, которые составляют существенную часть современной цивилизации».

Чем, как не общепризнанными нормами международного права, мотивировал президент США Франклин Рузвельт в сентябре 1939 года свой призыв к правительствам Великобритании, Франции, Италии, Германии и Польши публично подтвердить свое решение не предпринимать бомбардировок с воздуха гражданского населения и мирных городов?

В начале войны нацистское правительство Германии заявило, что «германские военно-воздушные силы получили приказ ограничивать свои операции военными объектами». Даже эти матерые преступники не решались тогда выразить открыто свое пренебрежение к нормам международного права. Ныне американское военное командование не пытается даже маскировать свой воздушный разбой. Как не вспомнить слова Ленина: «Перед нами совершенно нагой империализм; который не

считает даже нужным облачить себя во что-нибудь, думая, что он и так великолепен».

Гитлер на словах провозгласил готовность нацистской Германии придерживаться в войне норм международного права. Хорошо известно, во что вылились эти слова, — вторая мировая война была превращена гитлеровцами в государственно организованный бандитизм. Именно поэтому народы потребовали суда над нацистской кликой. И в Лондоне в июле 1945 года был разработан Устав Международного трибунала. Правительство США подписало этот Устав, который провозгласил тягчайшим международным преступлением «бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью».

Весь мир следил, как на Нюрнбергском процессе разматывался клубок тягчайших преступлений. Говоря о них, главный английский обвинитель Шоукросс подчеркнул: «Таким образом, главным военным преступлением как по размаху, так и по масштабу, в котором мы обвиняем этих людей, является нарушение наиболее твердо установленных и наименее противоречивых правил ведения войны, а именно правил о том, что мирное население не должно являться объектом военных действий».

Опыт Нюрнбергского процесса выявил необходимость дальнейшего совершенствования международного права. В 1949 году в Женеве была принята с участием США специальная конвенция «О защите гражданского населения во время войны», запрещающая любые виды насилия в отношении мирного населения.

Итак, вопрос предельно ясен: международное право многократно установило запрещение бомбардировок мирных городов и гражданского населения. Но агрессивно настроенные милитаристские круги США неизменно и грубо нарушали общепризнанные правила ведения войны. И здесь мы имеем все основания говорить о сложившихся традициях.

Сущность этих традиций еще в XIX веке выразил американский генерал Шеридан. Будучи наблюдателем США во время франко-прусской войны и удивляясь «недостаточной решительности» пруссаков, Шеридан в беседе с Бисмарком поучительно заметил: «Вы знаете, как ударить по неприятелю, но вы еще не научились его

уничтожать. До тех пор, пока небо Франции не закроется от дыма горящих деревень, вы не покончите с французами».

Прошло семьдесят лет, и гитлеровские пруссаки продемонстрировали, что они неплохо усвоили советы Шеридана.

Тогда американские учителя решили дать новый урок своим немецким ученикам. И вскоре после капитуляции третьей империи показали образец такого тотального уничтожения с воздуха мирных городов, который удивил и восхитил в то время еще живого Геринга...

Первый послевоенный президент США Гарри Трумэн был, кажется, искренне убежден, что атомный взрыв в Аламогордо открывает Соединенным Штатам не только путь к монопольному обладанию ядерным оружием, но и знаменует начало новой эры американского господства на нашей планете.

В 1945 году, туманно намекая на некий рок, Трумэн говорил: «Хотим мы этого или не хотим, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром».

Действовал г-н президент, разумеется, соответственно. И вот в Потсдаме, за спиной советских представителей, в день подписания декларации о наказании нацистских военных преступников — 2 августа 1945 года — президент США Трумэн украсил своей подписью еще один документ — совершенно секретный приказ № 13 об атомной атаке на Хиросиму. Это лицемерие, проявленное правительством самой мощной капиталистической страны, не должно быть забыто. Мы говорим о лицемерии, ибо президент США одной и той же рукой, в один и тот же день подписал и документ о наказании немецких военных преступников, и приказ о совершении нового тягчайшего военного преступления: 6 и 9 августа 1945 года Хиросима и Нагасаки были почти сметены с лица земли двумя атомными бомбами.

Взрывы атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки были отнюдь не завершающим актом второй мировой войны, а первым актом холодной войны против Советского Союза на базе атомного шантажа. В его основе лежала всё та же постоянная империалистическая

цель — силой повелевать послевоенным миром. Ныне объективные историки на Западе не отрицают этого факта. Всё это в последние годы признаётся и в американской литературе. В 1965 году вышла книга Б. Кокрэна «Военная система». В ней рассказывается, что генерал Гровс, возглавлявший по военной линии создание первых атомных бомб, в 1954 году заявил: «В канун испытания атомной бомбы первая мысль президента Трумэна была о русских, а не о японцах. «Если взрыв удастся, — заметил президент, — я получу хорошую дубинку для этих парней». А государственный секретарь Д. Бирнс, как указывает Кокрэн, сказал одному ученому, что бомба необходима, чтобы «сделать Россию послушной».

Так на поверку истории оказавшийся совершенно бесплодным политический шантаж стоил жизни и страданий сотням тысяч мирных людей. Так американский империализм достойно завершил во время второй мировой войны список чудовищных преступлений гитлеровцев.

Решение об уничтожении двух японских городов американское правительство приняло без колебаний. Ведь тогда правящую вашингтонскую элиту еще не сковывал страх ответного ядерного удара: в 1945 году США были монополистами этого оружия.

Однако это решение вызвало серьезные опасения даже у таких апологетов американского империализма, как известный военный обозреватель Хэнсон Болдуин. В своей книге, озаглавленной «Наши грубейшие ошибки в войне», он писал: «...фактом применения атомной бомбы Соединенные Штаты присоединились к списку тех, кто применил новое и страшное орудие истребления людей ... американцев теперь заклеямили как зверей, как людей, ставших в ряд с немцами, впервые применившими газ, с японцами, применившими биологические средства, с гуннами и монголами, сделавшими разрушение тонким искусством... Те, кто пережил Хиросиму и Нагасаки, никогда не забудут это... Мы посеяли бурю ненависти, которую в определенный день пожнем».

В течение двадцати трех послевоенных лет правящие круги США сделали немало новых шагов, чтобы расширить этот посев ненависти на разных континентах. И уже не раз американский народ расплачивался за эти годы

кровью, собирая урожай, возвращенный руками его империалистических правителей.

Вот почему разбойничья практика американской авиации в Корее и Вьетнаме не случайный эпизод, а результат сложившейся и хорошо продуманной традиции.

Так сперва Корея, потом Вьетнам стали для американских милитаристов своеобразными лабораториями, где они испытывали наиболее бесчеловечные средства и методы ведения войны, применяли авиацию для уничтожения мирного населения, для лишения его средств существования.

Но ведь именно это запрещено Международной конвенцией о геноциде 1948 года: «...предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее». США подписали и эту конвенцию, но своими действиями в Корее и Вьетнаме как раз и стали на путь преступного геноцида.

«Нам придется развить технику обезлюживания» — это говорил Гитлер. Но разве американские бомбардировки во Вьетнаме, преследовавшие цель вызвать разруху и голод в стране, не являлись одним из вариантов этой нацистской максимы?

Цивилизация дала в руки человеку самые страшные орудия разрушения. Но цивилизация может потерпеть страшную катастрофу, если народы всего мира, если международное право окажутся бессильными предотвратить преступное злоупотребление этими орудиями.

В начале 50-х годов США вели тотальное воздушное наступление под преступным девизом «выбомбить Корею из войны».

Программу американских агрессоров в области воздушных бомбардировок сформулировала в те дни вашингтонская газета «Таймс геральд»: «Мы пошлем самолеты, которые будут летать на высоте 40 тысяч футов, мы снабдим их бомбами — атомными, зажигательными, бактериологическими, а также нитротолуолом, чтобы убить младенцев в колыбелях, стариков за молитвой и тружеников за работой».

Таким языком не часто осмеливался говорить даже Геббельс! А американские империалисты не только говорили, но и действовали. Методично уничтожались

города. В Вонсане не было никаких военных объектов, и тем не менее...

Корреспондент английской газеты «Дейли уоркер» А. Уинингтон, очевидец американских «подвигов», сообщал из Кореи:

«Я обследовал город Вонсан и могу подтвердить, что американские бомбардировки преследуют цель уничтожить как можно больше людей. В Вонсане проживает около 140 тысяч человек. Здесь имеются небольшой порт и несколько предприятий, но большую часть города занимают жилые кварталы. 6, 7 и 13 июля американская авиация совершила массированные налеты на город. Самая ожесточенная бомбардировка была совершена 13 июля, в результате которой погибло много мирных жителей. В этот день американские бомбардировщики «Б-29», воспользовавшись пасмурной погодой, хладнокровно в течение 3 часов разрушали этот большой город. Вслед за бомбардировщиками «Б-29» появились самолеты, которые начали обстреливать город из пушек и пулеметов. Американцы в этот день сбросили на город около 500 тонн бомб. Они умышленно избрали для сбрасывания бомб район рабочих кварталов».

Указав, что на Вонсан было сброшено на 60 тонн бомб больше, чем в свое время на Ковентри, Уинингтон продолжает: «Такой бомбардировки не испытывал ни один английский город. Я видел Ковентри. Я находился в Лондоне в течение всего «блицкрига», и я видел Вонсан. Я увидел гораздо худшее, чем то, что делали немецкие фашисты».

Террористическим бомбардировкам неоднократно подвергалась столица Кореической Народно-Демократической Республики.

По поводу одного из таких налетов на Пхеньян в обращении министерства иностранных дел КНДР говорилось: «Эти мерзавцы сбросили на город несколько сот тонн фугасных и зажигательных бомб, в результате чего во всех районах города возникли пожары. Для того чтобы помешать тушению пожаров, американские варвары сбросили на все районы города бомбы замедленного действия, которые взрывались весь день. Уже второй день город в огне. Только за один день сгорело 1812 жилых домов. Американцы хорошо знают, что в Пхеньяне нет никаких военных объектов. Если американцы считают

военными объектами заводы и фабрики, мосты и трансформаторные станции, общественные учреждения, больницы, школы и другие крупные здания, то они уже давно разрушены американскими наземными войсками и авиацией. В Пхеньяне нет частей Корейской народной армии и военных учреждений. В уцелевших от разрушений небольших домах жило мирное население — лишившиеся крова женщины, дети и старики».

Однако методичное тотальное разрушение мирного города продолжалось, и 14 августа 1951 года на почти полностью уничтоженный Пхеньян был совершен новый налет. Вот как его описывает очевидец — корреспондент «Правды»: «На город волна за волной налетают всё новые и новые эскадрильи и группы американских штурмовиков и истребителей. Люди покидают улицы, бегут к подвалам и землянкам, укрытиям, но и там не находят спасения. Дожди, не перестававшие идти с конца июля и до 12 августа, затопили все подземные укрытия. Жители бросаются в воду, прижимаются к стенам коробок зданий, а кто просто падает в свежие воронки от бомб, сброшенных час-два тому назад... Десятки штурмовиков и истребителей с голубым знаком ООН на крыльях заливают город сплошным потоком пулеметного огня, фугасных, зажигательных и осколочных бомб. Жертвы увеличиваются. Вновь и вновь раздаются крики раненых людей, кровь заливают землю.

Вслед за штурмовиками и истребителями над Пхеньяном появляются «летающие крепости» «Б-29». Сначала восемь, потом двенадцать, затем еще двадцать шесть. Снова взрывы, пожары, стон и плач людей. Жертвы продолжают увеличиваться, кровь льется всё больше и больше».

Вместе с городами гибли неповторимые памятники культуры и искусства, научные и образовательные центры.

Обнажая цели таких тотальных бомбардировок, пленный американский летчик Д. Фокс показал: «Мы бомбим разрушенные города, чтобы выкурить и истребить людей. Наше командование не раз подчеркивало, что летчикам, воюющим в Корее, важнее убить десять человек, нежели разрушить десять многоэтажных зданий. Ведь в Корее сопротивляются даже дети!»

Слова Фокса подтверждаются тактикой, которую при-

меняла американская авиация в Корее. Специальная комиссия Международной демократической федерации женщин, включавшая представителей семнадцати стран Европы, Америки, Азии и Африки, посетила Корею в мае 1951 года. Комиссия в числе прочего была свидетелем неоднократных налетов американской авиации. Члены комиссии видели, как во время этих налетов сперва сбрасывали главным образом зажигательные бомбы. А когда жители бросались тушить пожары, сразу появлялась вторая волна самолетов, уничтожавших мирных людей с бреющего полета пулеметным огнем.

Истребительный характер войны, характерный для гитлеровцев, американцы широко применяли в Корее. Неудивительно поэтому, что их приказы по войскам, кощунственно действовавшим тогда под флагом ООН, порой по стилю и отдельным выражениям как две капли воды напоминали документацию, вышедшую в свое время из-под пера Геринга и Кейтеля. Вот одно из воззваний командующего 8-й американской армией: «Солдат войск Организации Объединенных Наций! Находясь в Корее, в этих диких горах и лесах, ты защищаешь великую честь всех наций, преграждаешь путь коммунизму из Азии и за океан... Война идет жестокая, и ты должен во имя спасения своей жизни убивать как можно больше азиатов... Рука твоя не должна дрогнуть, если перед тобой даже мальчик, девочка или старик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели и выполнишь долг солдата ООН...»

И такое «воспитание» американского воинства давало плоды. В 1951 году в Корее побывали четыре буржуазных французских журналиста. В том же году в Париже вышла в свет их книга «Возвращение из Кореи».

Один из них — Доди — сопровождал американского подполковника Уильямса, когда тот на пикирующем бомбардировщике совершал очередной налет на беззащитный корейский город. Доди пишет, что, поливая свинцом на улицах мирных жителей, Уильямс заливался смехом и кричал ему: «Чудесный спектакль!» Когда вернулись на базу, Уильямс похлопал французского журналиста по плечу и спросил: «Ну как это вам понравилось?»

Тактика «выжженной земли» — этот преступный плод гитлеровской военной мысли — получил во время американской агрессии в Корее свое дальнейшее развитие.

Для его осуществления американское командование отдало приказ сбрасывать напалмовые бомбы и бомбы замедленного действия на все тыловые населенные пункты в Корее.

В августе 1952 года американский главнокомандующий генерал Кларк заявил о намерении подвергнуть уничтожению с воздуха 78 корейских городов и настойчиво к этому стремился. Только за 20 дней июля 1952 года и только на города Пхеньян, Вонсан, Хамхын и Чхончжинь американцы сбросили свыше 18 тысяч различных бомб, в том числе много напалмовых.

За тот же период на села одной провинции Тяган было сброшено 6 тысяч бомб, в том числе свыше тысячи напалмовых. Результат: 200 деревень стерто с лица земли, а многие разрушены почти полностью.

Американская авиация в Корее преследовала цель лишить население продовольствия, одежды, обречь его на голод и холод. Вот почему уничтожались такие «военные объекты», как мельницы в Саривоне, Гончживе, Вонсане, Нампхо, химический комбинат в Хыннаме, производивший удобрения для всей страны. Разрушительной бомбардировке подверглась электростанция на реке Ялуцзян — источник освещения корейских городов и сел, источник энергии для орошения рисовых полей.

Методично разрушалась промышленность, производившая товары для населения, в частности крупнейшие заводы обуви в Хыннаме и Пхеньяне, трикотажные фабрики в Сунане, Вонсане, Пхеньяне.

Американская авиация обстреливала из пулеметов крестьян, работающих на полях, дабы не дать им убрать урожай, бомбовыми ударами разрушала ирригационные сооружения, поджигала посевы. С этой целью был даже создан специальный отряд штурмовой авиации, цинично названный «хозяйственный патруль».

Вся эта совокупность действий американской авиации, направленная либо на прямое уничтожение мирного населения, либо на лишение его источников питания, одежды, тепла и света, бесспорно позволяет утверждать, что здесь было налицо тягчайшее военное преступление, вмененное в свое время в вину руководителям третьей империи. Это преступление международное право именует геноцидом — умышленным истреблением целых народов или рас.

К этому выводу пришла специальная комиссия, созданная советом Международной ассоциации юристов-демократов, которая в марте 1952 года на месте, в Корее обследовала преступные действия американской авиации. В ее составе были виднейшие юристы ряда стран: председатель комиссии — Генрих Брандвейнер, профессор международного права университета в Граце, вице-председатель — Луиджи Кавальери, адвокат верховного суда в Риме, Джек Гастер — адвокат в Лондоне, Марк Жакье — адвокат апелляционного суда в Париже и ряд других.

Комиссия не колебалась: ее вывод сводился к тому, что массовое уничтожение корейского народа было целью всех действий американской авиации в тыловых районах. Признав это тягчайшим нарушением международного права, комиссия в заключительной части своего доклада указала: «Мы считаем необходимым заявить, что всё виденное нами во время проведения расследования в Корее привело нас в ужас. Мы знаем, что есть много людей, которым так же, как некоторым из нас до поездки, будет трудно поверить ужасным фактам, приведенным в этом докладе. Мы поэтому торжественно клянемся своей честью как юристов и как простых людей в правдивости установленных фактов. Мы приехали из разных стран, мы — люди различных религиозных верований, различных политических взглядов и говорим на различных языках. Мы стремились выполнить свою задачу добросовестно и с полным сознанием своей ответственности как юристов... Мы полагаем, что те, кто прочтет его (доклад. — Авт.), разделят наши ужас и отвращение к преступлениям и преступникам».

Попав в Корею в тупик, весьма напоминающий тот, который для США ныне создан в Вьетнаме, американские империалисты задумывали дела и похуже. В своих мемуарах Эйзенхауэр пишет, что, придя к власти, он взвешивал возможности применения в Корее ядерного оружия. Правда, бывший президент с серьезным видом пытается убедить своих читателей, что это было лишь средство... для быстрого достижения мира.

В этом отношении Эйзенхауэр не оригинален, ведь и Трумэн пытался уверить мир, что атомное уничтожение Хиросимы и Нагасаки служило якобы той же благородной цели.

Ну, а почему же всё-таки рука Эйзенхауэра во время войны в Корее не поднялась подписать приказ, аналогичный тому, который его предшественник подписал для Японии?

Для ответа предоставим слово самому Эйзенхауэру. В своих мемуарах он прямо признаёт, что применение атомного оружия на полях Кореи было чревато «возможностью вступления в войну Советского Союза». А ведь в то время атомная монополия США была уже ликвидирована совместными усилиями советских ученых, инженеров и рабочих.

Вот оказывается почему, и только почему, трагедия Хиросимы и Нагасаки не повторилась в Корее.

„Наши прибыли зависят от продолжения войны“

Итак, американская авиация совершила в Корее тяжкие преступления. Мы уже видели, какие империалистические устремления монополистов США привели к этой войне. Мы уже знаем, что и по чисто коммерческим соображениям Уолл-стрит и его печать восторженно встретили войну в Корее, как мощный допинг для американской экономики.

Какие же плоды американским монополистам, и в частности авиационным королям, принесла эта кровавая авантюра?

Война в Корее началась осенью 1950 года, а 1951 год принес американским деловым людям 60 миллиардов долларов прибыли — почти в полтора раза больше, чем в 1950 году. И среди разбогатевших в первых рядах хорошо знакомые концерны — Дюпона, «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Дженерал моторс», «Дженерал электрик».

Тогдашний экономический диктатор Вильсон обрадовал деловую братию сообщением, что второй год войны в Корее ознаменовался увеличением военного производства на 300 процентов и что расходы на эти цели достигли 2 миллиардов долларов в месяц, или в четыре раза больше, чем до агрессии в Корее.

Тогда уже шли переговоры о перемирии в Корее, и биржу, как всегда в таких случаях, лихорадило. Вильсон

решил успокоить деловых людей, заявив, что, даже в случае, если перемирие в Корее будет заключено, темпы вооружения США не будут снижены.

Война пожирала большое количество никеля, и в числе рекордсменов профита оказалась и «Интернэйшнл никель компани», которая за 9 месяцев получила около 46 миллионов долларов чистой прибыли, что на 80 процентов превышало всю прибыль за 1949 год, — год, предшествовавший корейской авантюре. Было отчего радоваться руководителям этой корпорации — Джону Фостеру Даллесу и Лоуренсу Рокфеллеру!

Но подлинными именинниками оказались авиационные короли. И это естественно: ведь разбойничьи воздушные набеги, как мы видели, занимали очень значительное место в военных операциях в Корее. Терпя неудачи на полях военных сражений, где американский солдат стоял лицом к лицу с солдатом корейской народной армии, Вашингтон вымещал свою злобу на мирных городах и селах. И для самолетостроительного концерна «Кёртис-Райт» первые месяцы войны, первые развалины городов и сел, первые жертвы среди мирного населения обернулись золотым дождем: уже в 1950 году его чистая прибыль возросла более чем в 2,6 раза по сравнению с довоенным 1949 годом.

Как обычно, отлично работали на войну нефтяники Рокфеллера — увеличение прибылей на 50 процентов. Химик Дюпон, ставший к этому времени атомщиком, получил в 1950 году огромную прибыль — 307,6 миллиона долларов. Были довольны, подсчитывая барыши, и многие другие монополисты.

И это неудивительно: ведь военные заказы распределял и цены на эту продукцию устанавливал свой человек — председатель компании «Дженерал электрик», этаким военнопromышленный двойник хорошо известного читателю Крауха, экономический диктатор тех лет Вильсон. Официально его должность называлась — руководитель управления мобилизации для обороны. Время было военное, и естественно, что камуфляж требовал замены слов «для агрессии» словами «для обороны».

Вильсон хотя и был человек верующий, но одна заповедь Христова ему никак не давалась: любить ближнего (даже с Уолл-стрита) больше, чем самого себя. Вот почему в первый же год войны в Корее прибыли концерна,

во главе которого стоял почтенный мистер Вильсон, возросли почти на 40 процентов.

Вильсон был не одинок: на всех ключевых постах в Вашингтоне находились представители монополий. Только два примера. В июле 1951 года газета «Нью-Йорк пост» сообщала, что подкомиссия палаты представителей по изучению деятельности монополий собрала многочисленные документы, «свидетельствующие о том, что важнейшие решения относительно гигантской программы мобилизации принимаются... не правительственными чиновниками... а дельцами...».

В результате «заключаются соглашения относительно цен и по другим вопросам... правительственных заказов, являющиеся прямым нарушением законов».

Газета сообщала также, что в распоряжении указанной подкомиссии оказались материалы, подтверждающие все эти факты. Это были копии секретных стенографических отчетов «совещательных комитетов промышленников», связанных с «национальным советом вооружений» и другими органами экономической мобилизации.

Аверелл Гарриман — личность хорошо известная — занимал в те годы посты «специального помощника» президента Трумэна, руководителя управления взаимного обеспечения безопасности и председателя «комитета министров» стран НАТО. В то же время он олицетворял в Вашингтоне финансовую мощь и политическое влияние железнодорожных монополий Морганов, с которыми он тесно связан многие годы. В этой связи естественно, что машиностроительные заводы, обслуживавшие нужды железнодорожного транспорта, своевременно перестроились на военное производство и прибыли этих корпораций только за первый год войны в Корею возросли на 70 процентов.

Полным ходом делал военный бизнес и Морган.

Нельзя не признать, что здесь налицо впечатляющее сходство с тем положением и с той зловещей ролью, которую сыграли германские монополии третьей империи, когда готовилось тягчайшее военное преступление — заговор против мира.

Но такие войны, как корейская, а ныне вьетнамская, всячески затягиваются монополистами не только в силу прямого роста военных расходов, а следовательно, и доходов деловых людей. Тут есть еще один аспект: ведь

такие локальные войны усиливают международную напряженность, которая в свою очередь дает мощный толчок к глобальной гонке вооружений. И здесь новый золотой клад для бизнесменов.

Так уже в первый год корейской войны прямые военные расходы США — следствие не только самой войны, но и роста международной напряженности — были в 12 раз выше довоенного 1938/39 года.

Ну а когда спрос на оружие велик, растут и цены на него. Тем более что, как уже известно, на ключевых постах в правительстве те же монополисты, что и в кабинетах директоров различных компаний. Сами продают, сами покупают, и цены неудержимо ползут вверх. Уже в период корейской войны станковый пулемет оценивался в 720 долларов против 249 долларов в конце второй мировой войны; легкий танк соответственно вздорожал с 39,6 тысячи долларов до 126 тысяч долларов. Что же касается стрелкового оружия, минометов, артиллерийских орудий и грузовых автомобилей, то увеличение цен на них за тот же период составило 200—250 процентов.

Таковы приемы наживы империалистов, о которых Ленин еще в 1918 году сказал: «На каждом долларе — ком грязи от „доходных” военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови...»

Вот почему так пугала американских «деловых людей» перспектива мира в Корее. Этот страх ясно сквозил в заявлении председателя национальной ассоциации промышленников США Путнэма: «Прекращение военных действий и отвод американских войск из Кореи оказали бы пагубное влияние на промышленную деятельность... Наши прибыли зависят от продолжения войны».

В небе Вьетнама

Свыше трех лет американская авиация методично пиратствовала во Вьетнаме, нанося удары по всей территории ДРВ.

Безжалостно уничтожены города Тханьхоа, Фатдьем, Намдинь, Ниньбинь. Город Фатдьем, населенный по преимуществу католиками, превращен в мертвую пустыню. Близ Куангнгайя, в Центральном Вьетнаме,

многочисленные деревни были стерты с лица земли авиацией и артиллерией, погибла масса сельских жителей. На плато близ Плейку в результате бомбардировок разрушены многие деревни, объявленные «эвакуированными».

По авторитетному свидетельству Чанг Конг Тьонга, генерального секретаря ассоциации юристов Вьетнама, стерт с лица земли ряд населенных пунктов. Такая участь постигла в декабре 1965 года Танзанг в провинции Биньдино, в январе 1966 года — Виньфуонг в провинции Куангнам и Данго в провинции Футян.

Начиная с апреля 1966 года американская авиация ежедневно бомбардировала крупные промышленные города и густонаселенные районы ДРВ. Эти бомбардировки, и особенно налеты на Ханой и Хайфон, имели своей целью терроризировать мирных жителей этих городов и сломить волю вьетнамского народа. Как заявила влиятельная канадская газета «Монреаль стар», «США совершили непростительное преступление, заключающееся в... массовом убийстве гражданского населения». Конгрессмен из Висконсина К. Заблоцкий, сообщает французская газета «Монд», сказал, что на одного солдата Вьетконга, убитого в войне, приходится два убитых мирных жителя. К июню 1966 года самолеты США разбомбили десятки школ, больниц, детских садов, 30 буддийских пагод, свыше 70 католических церквей.

Трудолюбивый народ Вьетнама веками возводил на берегах своих бурных рек дамбы и плотины. С лета 1965 года авиация США начала планомерную бомбардировку ирригационных сооружений. Разрушены плотина и электростанция Бантхай на р. Быстрая в провинции Тханьхоа, плотина Бонхоюен на р. Лам, предохраняющая от затопления территории четырех уездов, и др. По данным министерства ирригации и энергетики ДРВ, с февраля по май 1966 года зарегистрировано свыше 100 налетов на ирригационные сооружения. Все эти операции ставили своей целью подавить волю населения Вьетнама к сопротивлению, вызвать голод и поставить под угрозу жизнь миллионов людей. Уместно в этой связи отметить, что даже профессор международного права Ч. Хайд, на которого американские политические деятели нередко ссылаются, оправдывая произвол в международных делах, приходит к бесспорному выводу:

«...Никогда нельзя допустить, чтобы опустошение представляло собой преднамеренную попытку навсегда или на продолжительный период погубить жизненные ресурсы страны».

15 декабря 1965 года реактивные истребители — бомбардировщики 7-го американского флота — совершили массированный налет на крупнейшую в ДРВ теплоэлектростанцию в Уонгби. Были, как обычно, жертвы среди мирного населения, были убиты и ранены дети. Самолеты стартовали с крупнейшего авианосца «Энтерпрайз», курсировавшего у побережья Вьетнама. При этом присутствовали: американский посол Кэббот Лодж, глава сайгонского режима Нгуен Као Ки, кстати, недавно заявивший, что его любимым героем является Адольф Гитлер, и, наконец, американский вице-адмирал Генри Миллер.

Все трое украсили своими «автографами» авиабомбы, предназначенные для разрушения мирного объекта и уничтожения ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей.

В самом конце 1965 года японское издательство «Майнити» выпустило в свет книгу известного японского фотожурналиста Сигэру Тамура о жизни и борьбе Демократической Республики Вьетнам. Горькая правда смотрит со страниц этой книги. Кварталы разрушенных жилых домов, уцелевшая люлька на горах камней — всё, что осталось от детских яслей. Сожженные больницы и школы. Советскому журналисту Тамура сказал: «Больше всего жалко ребятишек. Американские самолеты не щадят детской жизни».

В январе 1966 года телеграфные агентства сообщили всему миру, что 8 января американские вертолеты потопили вьетнамское пассажирское судно «Тхуан-фонг». Погибло 200 пассажиров — в большинстве женщины и дети. С расчетливой жестокостью американские летчики расстреливали оставшихся в живых пассажиров, которые попытались доплыть до берега реки. Людей, собравшихся на берегу, чтобы оказать тонущим помощь, расстреливали из пулеметов.

Когда мы прочитали это сообщение, то вспомнили гитлеровского гросс-адмирала Карла Деница, главного военного преступника, осужденного в Нюрнберге, а ныне процветающего в ФРГ на почетном посту председателя

союза моряков, кумира неонацистов из НДП. Это его приказы и директивы, неуклонно выполнявшиеся немецким подводным флотом, гласили: «Не подбирайте спасшихся и не берите их с собой. Не заботьтесь о спасательных лодках торговых судов. Условия погоды и расстояние от земли не играют никакой роли... Мы должны быть жестокими в этой войне... Когда иностранные моряки (торговых судов. — Авт.) не могут быть взяты в плен... подводные лодки должны подняться на поверхность и расстрелять спасательные лодки».

Теперь жезл этой пиратской эстафеты перешел у берегов Вьетнама в руки американского военно-морского флота и его военно-воздушных сил.

Вот почему в заявлении XXIII съезда КПСС «По поводу агрессии США во Вьетнаме» вся эта совокупность военных преступлений американского империализма получила суровую оценку: «Попирая элементарные нормы международного права, американская военщина использует самые жестокие, бесчеловечные средства».

Как ненасытный Молох, ястребы из Пентагона требуют всё новых и новых жертв, расширяя масштабы воздушных бомбежек.

Адмирал Шарп летом 1967 года потребовал подвергнуть бомбардировке 25-мильную зону ДРВ, проходящую вдоль китайской границы, на которую ранее налеты были запрещены, дабы уменьшить риск вторжений на территорию Китая. Со второй половины 1967 года начались воздушные налеты и военные действия американских войск в демилитаризованной зоне, что является еще одним грубейшим нарушением Женевских соглашений 1954 года.

И вот в конце 1967 года появились официальные американские цифровые данные о масштабах этой разбойничьей войны в воздухе, которую США ведут во Вьетнаме с января 1965 года.

Американское военное командование в Сайгоне сообщило, что с января 1965 года по 15 ноября 1967 года самолеты военно-воздушных сил и военно-морского флота США обрушили на Вьетнам 1 миллион 630 тысяч тонн бомб, из них 53 процента — на Северный Вьетнам. На Европу за время второй мировой войны было сброшено 1 миллион 500 тысяч тонн бомб.

За колонками цифр море человеческих страданий,

руины городов и сел, и несломленная воля вьетнамского народа к борьбе за свободу и объединение родины.

Вот как описывает суровую действительность в ДРВ корреспондент «Правды». Декабрь 1967 года: «Кто много ездил по Вьетнаму, тот зримо представляет себе эти сотни тысяч тонн взрывчатки. Лунный пейзаж дорог в Куангбине и Виньлине. Километры воронок. Настоящие кратеры. Серая пыль сравненных с землей строений. Израненные, как люди, стальные мосты, и люди крепче металла. Стертые с лица земли города, которые обязательно возродятся из пепла: Донгхой, Ниньбинь, Фули, Бакэнанг, Иенбай, Сонла. Развалины Ханоя и Хайфона. Разрушенные школы, госпитали, заводы, плотины, церкви, пагоды...

...город Винь... 601 раз бомбили его воздушные пираты, 8576 бомб различных типов — фугасные, весом 3 тысячи фунтов, и шариковые, 500 ракет и управляемых снарядов, бесчисленное количество пулеметных очередей. 90 процентов жилых домов города разрушено.

Хайфон — второй по величине город в ДРВ. 550 бомбежек. Только за первые девять месяцев 1967 года на него было сброшено 6745 фугасок, включая 3000-фунтовые, и 418 контейнеров с шариковыми бомбами, 4145 управляемых снарядов, 140 ракет.

Америка продемонстрировала свою мощь, сбросив 1 миллион 630 тысяч тонн бомб на Вьетнам. Америка продемонстрировала свое бессилие, сбросив 1 миллион 630 тысяч тонн бомб на Вьетнам».

Действительно, бессилие: сбросить на маленькую страну больше бомб, чем было сброшено на всю Европу почти за шесть лет второй мировой войны, и не добиться ни одной из поставленных целей.

Рано или поздно сознание неизбежности полного прекращения агрессивной войны во Вьетнаме дойдет до правящих кругов США. Но сколько крови вьетнамского и американского народов еще прольется до тех пор?

А теперь, когда мы напомнили читателю масштабы и формы воздушной войны во Вьетнаме, можно оценить лицемерие бывшего министра обороны США Роберта Макнамары, когда он 25 августа 1967 года формулировал перед сенатской комиссией по делам вооруженных сил цели, которые якобы воздушные американские атаки преследуют во Вьетнаме.

Министр заявил: «...наша главная цель состоит в том, чтобы уменьшить масштабы (или увеличить стоимость) дальнейшего проникновения людей и материалов из Северного Вьетнама в Южный.

...Эти воздушные операции повысят моральный дух южновьетнамского народа...

Бомбардировки Северного Вьетнама всегда считались дополнением к эффективной кампании борьбы с повстанческим движением в Южном Вьетнаме, а не заменой ее.

Разумеется, лицемерие министра не может заслонить подлинных масштабов жестокой воздушной войны, которую США вели и ведут во Вьетнаме, под его руководством и под его ответственность. Этому заявлению Макнамары суждено только занять свое место среди пухлых папок с историческими материалами — бесчисленными лживыми и лицемерными заявлениями, которые делали другие государственные деятели разных стран и в разные времена.

Но вот ирония истории: в конце 1967 года Роберту Макнамаре пришлось уйти в отставку. Причина? Оказывается, для Пентагона, а следовательно и для президента Джонсона, он слишком «умерен»!

Но пусть бывший министр обороны не грустит: история восстановит справедливость, и с ее страниц он сойдет таким, каким был в действительности, — доверенным монополией, империалистом, для которого международное право не больше, чем клочок бумаги. История ведь знает немало таких случаев «реабилитации» государственных деятелей.

Еще в годы второй мировой войны с легкой руки германских асов пошло в ход подлое словечко «ковентризовать».

Гитлеровцы, практикуя террористические налеты на мирные города типа Ковентри, рассчитывали сломить волю народов к сопротивлению. Они потерпели крах.

В последние годы вашингтонские политики, решив, очевидно, подтвердить афоризм Бернарда Шоу, что «урок истории заключается в том, что мы не извлекаем из истории никаких уроков», думали использовать террористическую воздушную войну во Вьетнаме как средство политического давления. И вот как описывалось в «Вашингтон пост» недавнее вечернее времяпрепровождение президента:

«Всего через несколько часов после окончания большинства бомбардировочных налетов на цели в Северном Вьетнаме президент Джонсон уже изучает огромные, увеличенные фотоснимки причиненного налетами ущерба. Эти снимки срочно доставляются в Белый дом президенту для личного ознакомления.

Подобные занятия президента объясняют то внимание, которое он уделяет бомбардировкам, и его еще более жестокое отношение к Вьетнаму. Его настроение сегодня больше отвечает настроениям генералов-ястребов в Пентагоне, чем позиции его осторожного министра обороны Роберта Макнамары».

Не от хорошей жизни занялся Джонсон трудным делом расшифровки аэрофотоснимков. Это результат той эфемерной надежды, которая еще недавно теплилась в нем: подавить воздушным террором моральный дух героического вьетнамского народа и поставить его на колени перед ультиматумом американских монополий.

Вот что писала по этому поводу «Вашингтон пост» в той же статье: «...Соединенные Штаты намереваются постепенно ставить северовьетнамцев во всё более трудное положение, с тем чтобы Хо Ши Мин в конце концов вынужден был воскликнуть: «Прекратите!» .

Тщетные мечты. И это недвусмысленно признал еще 25 августа 1967 года бывший министр обороны Макнамара в своем выступлении в сенате, когда заявил: «...что касается того, чтобы сломить их волю, то ни в одном из многочисленных сообщений разведки я не видел доказательств, которые заставили бы меня считать, что менее выборочная (выбирать-то уже нечего, — всё давно бомбилось. — Авт.) кампания бомбардировок изменила бы решимость руководителей Северного Вьетнама и лишила бы их поддержки северовьетнамского народа...».

Вот, оказывается, в чем «умеренность» Макнамары: три года он истреблял с воздуха мирных жителей, обращал в развалины города и села, но, увидев бесплодность своих усилий, оказался перед необходимостью приподнять завесу, скрывающую правду.

Однако президент Джонсон еще длительное время придерживался другой точки зрения и на одной из пресс-конференций осенью 1967 года заявил: «Комитет начальников штабов — это прекрасные люди по характеру и самые квалифицированные солдаты и моряки,

какие только у нас есть. Их мнение запрашивается, и к нему относятся с уважением... В качестве советников президента они, конечно, всегда к его услугам... Я считаю, что это очень хорошая команда. На мой взгляд, она работает очень эффективно».

Да, эта воздушная война, с точки зрения воинствующего империализма, может быть была и эффективна, но отнюдь, как свидетельствуют факты, не эффективна.

Однако «прекрасные люди» из Комитета начальников штабов не желали трезво взглянуть на сложившуюся ситуацию. Так, начальник штаба ВВС Мак-Конел еще недавно грозил новой эскалацией в воздухе: «...при бомбардировках Северного Вьетнама щадят некоторые важные цели», дабы «противник помнил, что на него можно будет оказать дополнительный нажим...», «...мы несомненно способны усилить мощь наших воздушных ударов до любого уровня, который может потребоваться для достижения наших национальных целей», дабы заставить «Ханой созреть» для проведения переговоров.

И многое, что казалось здравомыслящим американцам невыносимым и на чем военные настаивали, например, нанесение ударов по объектам в густонаселенных районах Ханоя и в других крупных городах, стало в первые месяцы 1968 года буднями американских агрессоров во Вьетнаме.

Но террористическая воздушная война не помогла. Военное положение американских агрессоров во Вьетнаме неуклонно ухудшалось, и 1 ноября 1968 года этот суровый факт должен был наконец признать президент Джонсон, отдав приказ о полном прекращении воздушных бомбардировок и артиллерийского обстрела с моря и суши территории ДРВ.

Неудачная символика

Читатели официального органа штаба сухопутных войск США — журнала «Арми информейшн дайджест» — в конце 1965 года были несколько шокированы: всю обложку очередного номера журнала занимал глобус, на фоне которого стоял во весь рост, широко расставив ноги, в полном боевом снаряжении, с автоматом наизготовку, американский солдат. Справа и слева от него, чуть сзади высились два мешка, набитых долларами.

Постоянные благонамеренные читатели, еще не раскрыв журнал, недоуменно рассматривали обложку. Что это? Уж не хотят ли издатели сказать, что американский солдат на всем земном шаре стоит на страже интересов большого бизнеса, а не демократии? Но как только читатели начинали знакомиться с содержанием журнала, опасения рассеивались. Обложка была просто образцом неудачной символики. Речь шла лишь о призыве, обращенном к военнослужащим США на заморских базах, экономно расходовать доллары, дабы не подрывать платежный баланс США. И всё же у читателей были все основания истолковать эту символику по-своему. Ведь американская армия действительно верный страж и проводник интересов магнатов промышленности и банков. Она вооружается — мир деловых людей получает солидный допинг, она кому-то угрожает — нажива растет, она воюет — дела идут еще веселее.

Вместе с тем великие достижения науки и техники последних лет внесли свои структурные изменения и в распределение прибылей в мире большого военного бизнеса. Теперь здесь лидируют новые боги финансово-промышленного Олимпа — корпорации авиационные и ракетные, электронные, атомные и химические. Чем жарче разгорались бои в небе Вьетнама, чем больше жертв и разрушений на его многострадальной земле, тем выше были барыши этих корпораций, рожденных научно-технической революцией второй половины XX века.

Все знают, что Лос-Анджелес — кинематографическая столица Соединенных Штатов. Меньшему количеству людей известно, что Лос-Анджелес еще и центр самолетостроения.

Имя концерна «Локхид эйркрафт» облетело мир в 1960 году, когда над территорией Советского Союза был сбит шпионский самолет «У-2»: на его фюзеляже красовался фирменный знак этой корпорации. Его владельцы — Гроссы — прочно обосновались в Лос-Анджелесе с 1932 года, когда за 40 тысяч долларов приобрели еще в эмбриональном состоянии компанию «Локхид эйркрафт».

За последние четверть века горячих и холодных войн аэрокосмическая промышленность обогнала все остальные отрасли экономики Соединенных Штатов: ведь она была призвана стать краеугольным камнем фундамента,

на котором строятся агрессивные планы американского империализма. И, давно находясь в авангарде этого делового марафона, «Локхид эйркрафт» теперь вырвался на первое место. Он производит ракеты «поларис» и спутники-шпионы «самос» и «мидас», сверхзвуковые реактивные истребители «старфайтер» и транспортные самолеты «геркулес».

Когда шла война в Корее, «Локхид эйркрафт» лишь замыкал восьмерку основных военных поставщиков США. В 1965 году в разгар американской агрессии во Вьетнаме «Локхид» уже вырвался на первое место, получив военных заказов на 1,7 миллиарда рублей. Несколько отстал его ближайший конкурент, тоже авиационный концерн, «Дженерал дайнэмикс». Он получил военных заказов на 1,2 миллиарда долларов, выпустив специальные боевые самолеты для войн типа вьетнамской. На третьем месте авиакомпания «Макдонел эйркрафт» (сумма военных заказов — 856 миллионов долларов).

Ныне 48 заводов «Локхид эйркрафт», на которых занято 82 тысячи человек и которые расположены в 16 штатах, полностью работают на войну. Чем жарче разгорался пожар войны во Вьетнаме, чем больше сбивали там американских самолетов, тем лучше и шире шел бизнес у «Локхида» и его аэрокосмических братьев.

Как и полагается солидной монополии, «Локхид» широко и постоянно представлен в Вашингтоне. И это вполне естественно: ведь владельцы этого концерна — семейство Гроссов — активно финансировали не одну избирательную кампанию. В результате в свое время один из директоров «Локхида», Чарлз Томас, получил портфель морского министра. Друг и земляк Гроссов — Маккоун возглавил сперва «комиссию по атомной энергии, а позже ЦРУ. Его сменил на этом посту тоже локхидовский человек — Уильям Рейнберн: в свое время в этом концерне он наладил производство ракет «поларис».

Ныне в конгрессе США интересы «Локхида» представляет сенатор Рассел — председатель сенатской комиссии по делам вооружений. Весьма близок к «Локхиду» Роберт Макнамара, ушедший в отставку с поста министра обороны в конце 1967 года.

Электронавигационные приборы и электронная аппаратура для самолетов и ракет, подводные лодки, «оборудованные для атомной атаки», десантные суда на воздушной подушке и суда для снабжения подводных лодок — носителей ракет «поларис» — таков сложный, разнообразный и ультравоенный ассортимент фирмы «Литтон индастрис компани», штаб которой расположен в Калифорнии. Этот ассортимент фигурирует и широко рекламируется в годовых отчетах указанного концерна. Эти отчеты, как указывается в сопроводительных письмах, «освещают любые вопросы, касающиеся работы «Литтон индастрис компани» и его философии ведения дела».

Производственные процессы концерна действительно сложны, зато его коммерческая философия элементарна и стара: нет лучшего потребителя, чем ожесточенные поля сражения, и нет потребителя, дающего более высокий доход. Но эта старая философия военных дельцов, примененная на современных полях сражений и помноженная на новейшие достижения науки и техники, дает беспрецедентные по размерам урожаи прибылей. Так, по отчетным данным самой «Литтон индастрис компани», динамика ее деловой активности за десять лет (1956—1965 гг.) такова: чистая прибыль в 1956 году — всего 1 миллион долларов, а в 1965 году, в разгар вьетнамской войны, уже 39,8 миллиона долларов. Соответственно растет и оборотный капитал: с 2,7 миллиона долларов в 1956 году до 235,8 миллиона долларов в 1965 году, то есть почти в сто раз.

Вот каким благодетельным золотым дождем обернулись для владельцев «Литтон индастрис компани» страдания и кровь вьетнамского народа.

«Дуглас эйркрафт» тоже входит в авиационную промышленную элиту США и тоже снимает на войне соответствующий урожай, поставляя самолеты и ракеты. Специально для Вьетнама «Дуглас» поставляет истребители «скайхоук» и «скайрейдеры». В его портфеле заказы на ракеты стоимостью во многие сотни миллионов долларов. Жажда наживы в этом концерне так сильна, что она несколько лет назад привлекла внимание специальной сенатской комиссии. Оказалось, что чистая прибыль «Дугласа» доходила до 20 процентов. А если учесть, что этот концерн, как и другие авиационно-

ракетные компании, работает на заводах, построенных за счет государства, то прибыль, рассчитанная по отношению к собственному относительно небольшому капиталу компании, практически вложенному в дело, достигает астрономических показателей.

Характерен в этой связи разговор, который имел один советский корреспондент в 1965 году с главой фирмы «Дуглас эйркрафт».

Корреспондент спросил главу концерна, как показали себя военные самолеты этой фирмы в боях во Вьетнаме «с чисто технической точки зрения».

Дуглас. Прекрасно. Это отличные машины. Я доволен ими.

Корреспондент. А с политической?

Дуглас. Я не могу комментировать это. Я не политический деятель, и я не имею ничего общего с войной во Вьетнаме.

Корреспондент. Но позвольте, г-н Дуглас, кое-что общее вы имеете. Ваши самолеты участвуют в войне, — самолеты, которые вы выпустили и продали. Значит, всё-таки вы причастны к войне.

Дуглас. Я не интересуюсь войной во Вьетнаме. Это не мое дело. Мое дело — это мой бизнес.

Ну а то, что этот бизнес шагает по колено в крови по нашей планете, это дугласов не интересует и не касается. Пусть этим занимаются моралисты и философы.

На это нацисты не решились...

26 августа 1946 года Международный военный трибунал в Нюрнберге допрашивал в качестве свидетеля бывшего начальника научного отдела германской военно-медицинской академии генерал-майора медицинской службы вермахта Шрайбера. Он подробно рассказал, как гитлеровцы готовились к бактериологической войне, как создавали эмульсии ядохимикатов для уничтожения посевов и растений путем разбрызгивания с самолетов. Были в Нюрнберге и другие доказательства подготовки нацистами химической войны. Гитлеровские главари готовили, но так и не решились применить во второй мировой войне бактериологическое и химическое оружие. А вот американские империалисты решились! Впрочем,

тяготение к этому виду оружия они испытывают давно. Во второй половине XIX века некий генерал Амхерст, чье имя, кстати сказать, носит и сейчас один из колледжей США, предложил использовать в борьбе против индейцев бактерии черной оспы. С этой целью он собственноручно писал полковнику Букетту, начальнику форта Питт: «Вы хорошо сделаете, если попробуете заразить индейцев и используете любые другие средства, чтобы уничтожить эту проклятую расу!» Ответ полковника был по-военному лаконичен. Он рапортовал, что постарается «вызвать эпидемию черной оспы» среди индейцев.

Неудивительно, что, имея такие традиции, США оказались единственной державой, которая, подписав в числе других Женевский протокол 1925 года о запрещении химического и бактериологического оружия, впоследствии не ратифицировала его.

Ныне во Вьетнаме американские агрессоры применяют химическое оружие, не считаясь с нормами международного права. Ведь это оружие дает тому, кто его применяет, такие соблазнительные выгоды!

Химическое оружие для господ империалистов соблазнительно не только простотой и дешевизной своего изготовления, но и прежде всего тем, что оно является эффективным средством массового уничтожения людей.

Май 1952 года... В Чикаго проходит ежегодное совещание химической ассоциации. Представитель американской армии, начальник химического корпуса генерал-майор Бэллен описывает собравшимся прелести того рода оружия, которое он представляет: «Химическое оружие — это оружие, используемое против личного состава (то есть против людей. — Авт.), и, в отличие от зажигательной бомбы, оно вообще не приносит ущерба материальным ценностям. Это дешевое и эффективное оружие, и оно не причинит непоправимого ущерба имуществу. Оно может осуществить то, чего не может сделать разрушительное оружие... Если подземные укрепления и бомбоубежища не будут защищены с помощью сложной системы подачи воздуха, они также будут уязвимы для химического оружия».

Вот она, мораль представителей мира свободного предпринимательства: убить как можно больше людей

не только на поле боя, но и в мирных городах, застигнуть и истребить этих людей даже в бомбоубежищах, где, как известно, ищут спасения женщины, старики и дети. И в то же время сохранить в целости и неприкосновенности материальные ценности в тех местностях, которыми агрессор старается завладеть.

Эта же точка зрения явно выступает в книге американского ученого К. Маклафри «Война в трех измерениях». Вот что он пишет: «...в одном отношении химическая и бактериологическая война представляет преимущество даже по сравнению с атомной войной. Разрушения, производимые химическими и бактериологическими средствами, затрагивают только (!) человеческую жизнь. Эти средства не причиняют разрушения материальным ценностям, которые неизбежны, когда идет речь о применении атомной бомбы... Поэтому, поскольку химические и бактериологические средства ведения войны лучше позволяют избирать необходимый объект, чем атомные бомбы, их использование связано с меньшими неудобствами».

Таковы поистине соблазнительные для агрессора перспективы применения химического и бактериологического оружия. Как же тут удержаться в рамках элементарной морали, как не нарушить основы международного права?

А международное право высказывается по этому поводу недвусмысленно и, увы, совсем не в пользу американских действий во Вьетнаме.

Ведь еще римские юристы провозгласили формулу: «Война ведется оружием, а не ядом».

Сто лет назад, в 1863 году, это понимали и составители «Полевой инструкции» американской армии. Эта инструкция устанавливала: «...безусловно отвергается... употребление каким бы то ни было образом яда с целью отравить колодцы, или продовольствие, или оружие».

Впрочем, как мы видели, генералу Амхерсту это не помешало в борьбе с индейцами закладывать основы бактериологической войны, опираясь тогда, разумеется, на те возможности, которые в этой области имелись.

Но не на одних положениях римских юристов осно-

ываается недопустимость химического и бактериологического оружия. В 1925 году большинством государств мира был подписан и ратифицирован Женевский протокол. В протоколе подчеркивалось, что применение на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов «справедливо было осуждено общественным мнением цивилизованного мира».

США подписали Женевский протокол, но не ратифицировали его. Может быть, это означает, что тем самым они свободны от обязательств, вытекающих из этого документа? Отнюдь нет. Женевский протокол опирается на всё предшествующее развитие международного права и таким образом является общепризнанной нормой современного международного права, в одинаковой мере обязательной для всех держав, в том числе и для Соединенных Штатов.

И было время, когда руководящие американские государственные деятели не ставили это под сомнение. Вспомним, что, когда немецко-фашистские войска попытались во время второй мировой войны применить химическое оружие, то под Обращением к Германии, в котором содержалось предупреждение о преступности таких действий, наряду с Советским Союзом и Великобританией поставили свою подпись и США.

Лето 1943 года... Разведывательные данные показывают, что державы оси, попав в трудное военное положение, снова хотят прибегнуть к отравляющим веществам. И вот тогда, 9 июня 1943 года, не кто иной, как президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт, заявляет: «Я испытываю отвращение при мысли, что какая-либо страна, даже наши нынешние враги, могла бы или была бы намерена применить против человечества такое ужасное и бесчеловечное оружие».

И президент США делает очень важное добавление: «Применение такого рода оружия общим мнением всего цивилизованного человечества признано незаконным... Я заявляю категорически, что мы ни при каких обстоятельствах не прибегнем к такого рода оружию, если наши враги первыми не применяют его».

Надо ли после этого всего доказывать, что и для американских правящих кругов было совершенно ясно, что применение химического оружия является тяжким военным преступлением?

И всё же это позорное оружие пускается в ход американскими агрессорами — и ранее в Корее, и ныне во Вьетнаме.

Вот почему горькие и гневные слова, сказанные Марком Твенем несколько десятилетий назад, звучат так, как будто бы они написаны сегодня: «Мы предложили нашим юношам взять в руки опозоренное оружие и пойти на разбой под тем флагом, которого в прежнее время бандиты боялись, а не считали своим собственным. Мы запятнали честь Америки и опозорили ее перед всем миром».

«Опозоренным оружием» в руках американских юношей ныне является химическое оружие.

Применение этого оружия стало столь широким, что его уже невозможно отрицать, и 22 сентября 1965 года министр обороны Роберт Макнамара вынужден был признать факты применения американскими войсками отравляющих газов во Вьетнаме. Газами, наряду с обычным оружием, стали снабжаться все подразделения американских экспедиционных войск.

С начала 1965 года против мирных жителей Южного Вьетнама начали применяться ядовитые газы С (хлорацетофенон) и ДМ (адамсит). В декабре 1965 года в провинции Бенче от отравляющих химических веществ пострадали тысячи людей. По сообщению «Нью-Йорк таймс», еще в 1962 году были расширены операции по применению ядовитых химических средств с целью лишить вьетнамских партизан «укрытий и продовольствия». В дальнейшем эти операции продолжались.

Химическое оружие применяется в широких масштабах и для уничтожения сельскохозяйственных культур. По сообщению Вьетнамского информационного агентства, американские самолеты 17 и 19 июля 1966 года рассыпали ядовитые химические вещества над островом Лонгфу и несколькими селениями в районе Мифуок (провинция Токчанг), в результате чего пострадало множество людей и были уничтожены фруктовые деревья и посевы сельскохозяйственных культур.

Комиссия по расследованию американских военных преступлений во Вьетнаме приводит следующие данные о масштабах американской химической войны в Южном Вьетнаме:

Год	Число пострадавших провинций	Пострадавшая площадь (в га)	Число отравленных лиц
1961	6	560	182
1962	12	11 030	1 120
1963	16	320 000	9 000
1964	19	500 230	11 000
1965	26	700 000	46 247

Таковы обобщенные данные о применении химических средств американскими войсками во Вьетнаме. А вот конкретные факты, стоящие за этими общими и холодными статистическими данными.

Только с 7 по 14 декабря 1965 года, как сообщали из Ханоя, американские самолеты подвергли «обработке» ядохимикатами десятки тысяч гектаров земли в освобожденных районах. В этой связи в декабре 1965 года представитель министерства обороны США официально заявил, что эти преступные действия «имеют целью уничтожить урожай в освобожденных районах», а газета «Нью-Йорк таймс» пояснила, что это — «часть большой программы» удушения голодом национально-освободительной войны в Южном Вьетнаме.

Так под американским военным флагом ныне успешно возрождена на новейшей технической основе пресловутая гитлеровская тактика «выжженной земли».

В ноябре 1967 года газета «Вашингтон пост» представила слово двум крупнейшим биологам Соединенных Штатов для ответа на вопрос, к чему могут привести такие методы действия на полях Вьетнама. Что же сказали эти ученые? Они заявили, что «США ведут во Вьетнаме химическую войну, которая является не только тактическим просчетом, но и может отравить растительный и животный мир Вьетнама на многие годы». (Курсив наш. — Авт.)

В ноябре 1967 года был выпущен также специальный номер журнала «Саентист энд ситизен» для того, чтобы дать крупным ученым возможность высказаться по этим вопросам. Один из основателей журнала, доктор Барри Коммонер, сказал, что причиной выпуска такого специального номера является письмо, которое направили

президенту Джонсону двенадцать известных американских физиологов, указав, что «широкое применение химических гербицидов» может привести к «катастрофическому нарушению» растительной и животной среды во Вьетнаме.

В этом номере журнала «Саентист энд ситизен» доктор Галстон пишет, что в 1967 году планы американского командования «предусматривают химическое опрыскивание 1,5 миллиона акров» на территории Вьетнама, и пишет в связи с этим: «...в настоящее время эти операции приняли настолько широкий размах, что военные хотели бы получить в четыре раза больше гербицидов, чем могут произвести американские химические компании, в числе которых одной из крупнейших является „Доу кемикл“».

Американские агрессоры продолжают не только расширять применение этого отвратительного оружия, но и совершенствовать его различные виды.

23 марта 1965 года американское агентство Ассошиэтед Пресс сообщило, что уже ряд лет в США в строгой секретности и с большим размахом ведется работа по созданию химического и бактериологического оружия. Созданы «нервные» газы, смертельно поражающие людей. Накоплены большие запасы бесцветных, без запаха и вкуса ядов, способных убить или быстро парализовать организм человека. Созданы медицинские препараты, оказывающие сильное психологическое воздействие на человеческий организм, вызывающие временную слепоту, глухоту, бессознательное состояние и потерю воли.

В этой связи известный американский журналист Рестон в статье, опубликованной 24 марта 1965 года в газете «Нью-Йорк таймс», едко высмеял офицеров Пентагона, уверяющих, что во Вьетнаме применяются вполне безобидные газы и даже называющих такие ОВ «выводящими из строя веществами, применяемыми в благожелательных целях».

Рестон совершенно правильно резюмирует свое мнение по этому вопросу: «Конечно, такие доводы выдвигались в поддержку применения отравляющих веществ в первой мировой войне. Они не были слишком «благожелательными» и часто выводили человека из строя на всю жизнь; кроме того, это вызывало такое содрогание во

всем мире, что даже в столь ожесточенном конфликте, каким была вторая мировая война, они не применялись».

«Опять азиаты выбраны в качестве подопытного материала для новой серии научных экспериментов, — пишет с гневным сарказмом священник Спенсер Кеннард-младший из города Кендалл-Парк (штат Нью-Джерси). — Два десятка лет тому назад мы выбрали японцев для изучения сравнительных достоинств двух типов атомных бомб. Нашей следующей партией азиатских морских свинок были корейцы, на которых мы испытали напалм и нашли его удивительно эффективным воспламеняющим средством. Теперь настала очередь вьетнамцев послужить делу науки».

Агентство Юнайтед Пресс Интернэйшнл весной 1965 года сообщило, что в Южный Вьетнам доставлены очень опасные отравляющие вещества: органо-фосфорные смеси, такие, как табун, асрин, соман, которые оказывают страшное действие на нервную систему человека. Есть жуткая символика в том, что американские империалисты назвали один из своих новых газов «табун»: ведь именно под таким названием преступный германский химический концерн «ИГ Фарбен» выпускал газ, которым уничтожались узники в Майданеке, Освенциме и других лагерях.

Но, помимо символики, здесь действуют и весьма реальные факторы: на войну во Вьетнаме в настоящее время полным ходом работает ряд западногерманских химических концернов, являющихся наследниками печально знаменитого «ИГ Фарбен». Мы имеем здесь в виду «Фарбенфабрикен Байер АГ» (Лeverкузен), «Хехст АГ» (Франкфурт-на-Майне), БАСФ (Людвигсхафен).

И снова для камуфляжа, как в дни второй мировой войны, поставки идут не прямо, чтобы не возбуждать внимания общественности, а через дочерние американские фирмы по секретным сделкам, предпринятым с одобрения боннских властей. Продаются не только непосредственно газы, продаются этими фирмами и патенты на производство отравляющих веществ, — продаются, хотя известно, что они пойдут против Вьетнама.

Такие факты, в числе других органов печати, сообщает и английский журнал «Истерн уорлд». В этом

журнале подробно показывается участие наследников «ИГ Фарбен» в совместном с американскими компаниями производстве отравляющих веществ, в частности уже хорошо известного читателю «циклона-Б», который применялся для уничтожения заключенных в гитлеровских лагерях смерти.

Но вот американский журнал «Сатердей ивнинг пост» считает, что Пентагон действует во Вьетнаме еще недостаточно решительно, и услужливо предоставляет свои страницы (30 января 1965 г.) доктору Клиффорду Рассуэллеру, бывшему президенту «Американского химического общества», бывшему вице-президенту корпорации «Джонс—Менвилл» и бывшему советнику Пентагона.

Рассуэллер предлагает США использовать химическую и бактериологическую войну для достижения своих агрессивных целей, уморив голодом южновьетнамский народ.

«Предположим, — пишет он, что мы могли бы уничтожить всю растительность и не допустить нового урожая в районах, которые представляют собой твердое ядро вьетнамской силы. Базы и операции Вьетконга были бы обнажены. Вьетконг не мог бы больше существовать; так как не получал бы местных продуктов...

Предположим, что мы обеспечим себя химическими и биологическими веществами, которые сокращают урожай и вызывают расслабляющие, но не смертельные заболевания. Предположим, что мы начали бы использовать эти вещества против Северного Вьетнама. Цена, которую заплатил бы Северный Вьетнам за вмешательство в дела Южного Вьетнама, стала бы невыносимой».

И такие людоедские советы имеют свободное хождение на страницах «свободной» американской печати.

Так было в третьей империи, так сегодня это повторяется в США.

Это ясно видят лучшие представители науки в самой Америке.

Гневное письмо прислал в редакцию «Нью-Йорк таймс» Том Стониер, автор книги «Ядерная катастрофа»: «Как ученый и отец пяти детей я осуждаю извращение науки и техники, позволяющее военным использовать сравнительно незащитный народ (имеется в виду Южный Вьетнам. — Авт.) в качестве лаборатории для

усовершенствования противоповстанческих видов оружия. В принципе этот акт немногим отличается от экспериментов нацистских докторов над беспомощными жертвами в концентрационных лагерях».

Барварские средства, которые Пентагон применяет в своих безуспешных попытках сломить свободолюбивый вьетнамский народ, весьма разнообразны.

Английская газета «Сан» напечатала на первой странице под большим заголовком «Истинный кошмар во Вьетнаме» статью своего корреспондента в Сайгоне Антони Картью. Картью пишет, что во Вьетнаме происходят вещи более страшные, чем применение отравляющих веществ, вызвавшее такой ужас в Англии. Госпитали и больницы по всему южновьетнамскому побережью переполнены людьми, пострадавшими во время налетов американской реактивной авиации.

«Какое же оружие — главный виновник этих ран? Оказывается, это напалм и белый фосфор».

Картью пишет: «Я видел, как здесь применяли напалм. Я в вертолете летал над полем боя и видел, как этот страшный огонь пожирал всё. Напалм сжигает даже рис на залитых водой рисовых полях. Я видел также жертву напалма, правда, только один раз. Я человек не слаонервный, но сомневаюсь, чтобы я смог заставить себя посмотреть на вторую жертву этого оружия. Этот человек испытал на себе всю жестокость жидкого огня напалмовых бомб. Всё его тело было облито этой жидкостью. У него слезла вся кожа — от головы до пят. Но он остался жив. И это, может быть, самое страшное в действии этого белого фосфора: хотя тело буквально объято пламенем, жертва продолжает жить... Судя по всему, американцы теперь начинают проводить в центральных горных районах Южного Вьетнама нечто вроде политики „сожженной земли“».

И Картью делает вывод: «Разумеется, в этой страшной мясорубке гибнут и партизаны. Но разве это способ дать Южному Вьетнаму мир и безопасность, или, может быть, это просто способ использовать последние достижения науки, чтобы за несколько недель создать выжженную пустыню, где не осталось бы ни одного человека?»

Однако в Пентагоне прислушиваются только к голосу таких людей, как американский доктор наук

Клиффорд Рассуэллер, и игнорируют мнение таких людей, как английский журналист Картью.

И так же, как на всех других видах оружия, растут прибыли химических концернов, готовящих напалм и отравляющие вещества. Особенно большой куш достается здесь американской химической корпорации «Доу кемикл», выпускающей в массовом количестве и напалм, и средства химического нападения.

Когда сторонники мира в Америке пикетировали со всех сторон заводы «Доу кемикл», занимающиеся производством такого оружия, и требовали немедленного прекращения этого производства, представитель концерна хладнокровно заявил, что это невозможно, так как компания выполняет свой «патриотический долг» в отношении Соединенных Штатов.

Однако многолетняя война могущественных Соединенных Штатов против небольшого, но свободолюбивого вьетнамского народа, опирающегося на поддержку и помощь СССР и других социалистических стран, не принесла военных лавров американским империалистам, которые терпят там одно поражение за другим.

Не помогли США ни сотни тысяч вооруженных до зубов американских солдат, ни мощный 7-й морской флот, ни армады новейших боевых самолетов, ни, наконец, преступное пренебрежение нормами международного права при ведении этой войны.

Оказавшись в чрезвычайно тяжелом положении в Южном Вьетнаме и потерпев серьезные неудачи в войне против Северного Вьетнама, столкнувшись с большими политическими, социальными и финансовыми трудностями из-за этой агрессивной войны, США оказались вынужденными пойти на официальную встречу с представителями ДРВ. В немалой степени этому способствовало всемирное движение общественности, решительно выступившей против американской агрессии во Вьетнаме.

Начавшиеся в Париже весной 1968 года беседы между представителями правительства Демократической Республики Вьетнам и правительства США имели своей целью обсудить с американской стороной вопрос о безоговорочном прекращении бомбардировок и всех других военных актов против ДРВ с тем, чтобы затем перейти к другим вопросам, интересующим обе стороны.

Однако американская сторона пять месяцев отказывалась сделать этот первый шаг, без которого никакие переговоры вообще были невозможны.

Но, как указывалось выше, 1 ноября 1968 года президент Джонсон наконец объявил о прекращении воздушных бомбардировок и обстрелов с суши и моря всей территории Демократической Республики Вьетнам.

В этой связи в заявлении Советского правительства от 3 ноября 1968 года указывалось, что оно «рассматривает договоренность в Париже как важный успех на пути к мирному урегулированию во Вьетнаме. Это — прежде всего результат длительной самоотверженной борьбы братской Демократической Республики Вьетнам, всего вьетнамского народа... при активной поддержке и помощи социалистических государств, миролюбивых и прогрессивных сил всего мира. Восторжествовали мужество и стойкость вьетнамского народа, сплотившегося вокруг Партии трудящихся Вьетнама, и интернациональная солидарность с его справедливой героической борьбой».

В заявлении Советского правительства подчеркивается, что нет иного пути к выходу из агрессивной войны, кроме прекращения всех военных действий против суверенного социалистического государства — Демократической Республики Вьетнам.

Первый шаг, сделанный Соединенными Штатами в ходе парижских переговоров, отражает линию тех американских кругов, которые проявляют политический реализм в подходе к вьетнамскому вопросу. От того, удастся ли закрепить эту линию в политике США, будут во многом зависеть не только результаты предстоящих парижских переговоров, но и перспективы ослабления международной напряженности в целом.

В заявлении Советского правительства указывается, что прогресс в этих переговорах зависит также «от того, проявит ли правительство США реалистический и серьезный подход к позиции Демократической Республики Вьетнам и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, отражающей чаяния вьетнамского народа и соответствующей Женевским соглашениям 1954 г.».

Важный элемент глобальной стратегии

Первые дни июня 1967 года ознаменовались агрессивней Израиля против ОАР, Сирии и Иордании. Внешняя сторона этих событий развернулась на исторической сцене открыто. Но подлинные пружины конфликта находились за кулисами. Проникнув туда, можно было обнаружить некоторые уже хорошо знакомые нам лица...

Вот почему, памятуя слова Бисмарка, что «никогда так много не лгут, как на охоте и перед войной», мы приглашаем читателя пройти через сцену за кулисы. Сделав это, мы неожиданно очутились бы на углу двух нью-йоркских улиц — Пэйн и Вильям-стрит, где взметнулось вверх семидесятиэтажное здание из стали и стекла. Там обосновалась штаб-квартира крупнейшей нефтяной империи современного капиталистического мира — «Чейз Манхэттен бэнк», принадлежащей уже хорошо нам знакомым братьям Рокфеллерам.

Девять лет назад в результате сложного синтеза нефти и банков родился на свет «Чейз Манхэттен бэнк». В честь этого знаменательного для человечества события атомные часы, расположенные в холле банка, отсчитывают не только дни, часы и минуты, но и годы, отсчет которых ведется с момента рождения нового рокфеллеровского дитя, показывая особый, уолл-стритский ход времени. Пройдя еще немного, мы очутились бы у огромной колоннады нью-йоркской фондовой биржи.

Казалось бы, что мы находимся весьма и весьма далеко от Ближнего Востока с его горячими событиями. Но это только казалось...

Как образно писал в июньские дни еженедельник «Ньюсуик», это была передовая теневой войны на экономическом фронте. Причем война в тени была не менее жестокой, чем сражения в далекой Синайской пустыне, с той только разницей, что в этой войне на узких улочках Уолл-стрита столкнулись не самолеты и танки, а экономические интересы долларов и акций. Всё здесь было как на настоящем фронте в дни ближневосточного конфликта: напряжённая, нервная, наполненная слухами обстановка; лихорадило фондовую биржу, где то стремительно падал, то взлетал курс акций... Но, чтобы понять всё это, необходимо ознакомиться с тем, что пред-

ставляет собой в современном мире район Ближнего Востока с позиций военно-стратегических, экономических, а следовательно и политических.

В ноябре 1966 года состоялась сессия Совета НАТО. В одной из резолюций, принятых на этой сессии, было предложено укрепить «фланги Атлантического пакта, в частности на Юго-Востоке, как в военном, так и в экономическом отношениях».

Тому, кто хоть несколько поднаторел в вопросах внешней политики империалистических государств, было ясно, что такое решение представляет собой еще одну попытку превратить Ближний Восток в базу агрессии против социалистических стран и, разумеется, в первую очередь против Советского Союза.

Ближний Восток уже не одно десятилетие манит к себе господ империалистов. Еще до первой мировой войны германские милитаристы пытались с помощью оси Берлин—Багдад установить в этом районе повседневный контроль. В период первой мировой войны союзники предприняли ряд военных акций в Дарданеллах и на Галлиполийском полуострове, дабы сорвать эти планы и самим прибрать к рукам весь Ближний Восток.

В период «странной войны» французское правительство, учитывая стратегическое значение этого района, собрало в Сирии под командованием генерала Вейгана 150-тысячную армию. Цель — вести наступательные операции против советского Кавказа и завладеть нефтяными промыслами Баку.

Огромные усилия приложил гитлеровский генерал Роммель, желая открыть для третьей империи обширные районы Ближнего Востока и одновременно обойти с тыла расположенные на Кавказе советские армии.

Однако ныне Ближний Восток имеет для американского империализма гораздо большее стратегическое и экономическое значение, чем он имел для империалистических стран в годы первой и второй мировых войн.

Вот что пишет по этому поводу французский историк и специалист по военным вопросам Бер в своей книге «Центр, где решается судьба Востока и Запада»: «В век атомного оружия, реактивных бомбардировщиков дальнего действия и ракет Ближний Восток, который всегда считался плацдармом для нападения, с одной стороны, на Южную Россию, а с другой стороны — на Южную

Европу, стал сегодня базой для нанесения атомных ударов по тем же объектам, а также по другим, гораздо более отдаленным».

В этой связи он приходит к следующему выводу: «Американский штаб не только не забыл уроков второй мировой войны, но очень хорошо понял и значение Ближнего Востока как трамплина для наступления против Советского Союза и других стран, как необходимого элемента укрепления юго-восточного фланга НАТО, и он сделал на основании этого вывод о том, что этому району принадлежит решающая роль в осуществлении его глобальной стратегии, в его политике сдерживания и запугивания».

И, резюмируя, он указывает: «Соединенные Штаты Америки пытаются осуществить то, что не удалось осуществить немцам и генералу Роммелю, а именно: превратить Ближний Восток в базу для наступления против Советского Союза, и, конечно, не только в базу для своих танковых дивизий и своих самолетов прикрытия, но и для своей атомной мощи».

Вот что представляет собой глобальная стратегия США и вот какую роль призван сыграть в этой стратегии район Ближнего Востока. Ведь это район ближайшего подступа к Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Это мост между социалистическим миром и Африкой.

В свете этих обстоятельств понятно, почему Соединенные Штаты протянули вдоль побережья Средиземного моря свои военные базы от Испании до Турции и почему 6-й американский флот уже давно не покидает района Средиземного моря.

Если взглянуть на карту, то на Ближнем Востоке Пентагон как бы пытается воздвигнуть военный барьер между социалистическим миром и государствами «третьего мира», которых становится всё больше и больше на африканском континенте.

Вот почему был совершенно прав Центральный Комитет Коммунистической партии Израиля, когда на своем XVI пленуме, состоявшемся летом 1967 года, давая оценку событиям на Ближнем Востоке, указал, что «главная цель войны состояла в том, чтобы свергнуть антиимпериалистические правительства в Египте и Сирии, разорвать связи арабских стран с Советским Сою-

зом и другими социалистическими странами и защитить концессии иностранных нефтяных монополий и стратегические базы западных колониальных держав в нашем районе».

При этом ЦК Компартии Израиля справедливо подчеркнул, что политика израильского правительства «принесла национальные интересы Израиля в жертву интересам англо-американских нефтяных компаний в нашем районе».

То, что события на Ближнем Востоке, происшедшие летом 1967 года, были важным элементом американской глобальной политики, отметил и главный редактор английского коммунистического журнала «Лейбор мансли» Палм Датт, когда писал: «...в действительности империалистическое контрнаступление, нашедшее выражение в войне на Ближнем Востоке, должно рассматриваться в более широком международном плане общего контрнаступления империализма, проявившегося в событиях в Гане и других африканских странах, в Индонезии и совсем недавно в милитаристском царстве ужаса в Греции».

Но во всех этих объяснениях, кроме чисто стратегических соображений, как это, вероятно, заметил читатель, несколько раз проскальзывает слово «нефть». Да, нефть, бесспорно, тоже сыграла немалую роль в трагических событиях, развернувшихся летом 1967 года на Ближнем Востоке...

В конце прошлого десятилетия американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Стратеги и тактики министерства обороны Соединенных Штатов и Североатлантического пакта прекрасно сознают, что, несмотря на появление атомной энергии и водородного оружия, кровью жизни остается нефть».

Нефть действительно можно назвать «кровью» современной экономики. По имеющимся статистическим данным, ежегодное потребление нефти в мире удваивается в среднем за каждое десятилетие. Уже в 1966 году потребление нефти во всем мире несколько превысило 1 миллиард 600 миллионов тонн. Как источник энергии нефть всё больше вытесняет уголь.

Вот почему события на Ближнем Востоке можно понять всесторонне только на основе синтетического анализа и военно-стратегического и экономического значения этого района.

„Семь сестер“

Бесспорно, что район Арабского Востока ныне является центром наиболее острых экономических противоречий между крупнейшими империалистическими государствами и странами, освободившимися или освобождающимися от колониального господства. И это понятно: ведь здесь расположены нефтяные районы «третьего мира». Вот что является объектом ожесточенной борьбы между империалистическими государствами, желающими сохранить господство в экономике Арабского Востока и арабскими странами, которые ведут напряженную борьбу за то, чтобы осуществлять свои суверенные права в области разведки, добычи и экспорта нефти.

Чтобы понять всю остроту этой борьбы и всё значение ее исхода для обеих сторон, надо знать, что представляет собой объект этой борьбы и каковы масштабы этого объекта. Мы уже говорили, что экономической основой этой борьбы является нефть, но надо конкретизировать, что скрывается под этим понятием.

Для этого достаточно указать, что разведанные запасы этого важного стратегического сырья в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки оцениваются в 30 миллиардов тонн; это свыше 60 процентов всех разведанных запасов нефти в капиталистическом мире. В 1966 году здесь было добыто примерно 470 миллионов тонн нефти, или 35 процентов всей добычи этого топлива в капиталистических странах. Наиболее крупными нефтедобывающими странами являются Саудовская Аравия, Кувейт, Ливия, Ирак и Алжир.

Что случилось бы, если бы монополии оказались перед перспективой хотя бы временно потерять ближневосточную нефть? Это было бы огромной брешью, восполнить которую оказалось бы очень сложно, так как для этого в капиталистических странах нет наличных производственных мощностей. Таким образом, чтобы закрыть эту пустоту, потребовались бы огромные дополнительные капиталовложения. Ведь не следует забывать, что, по имеющимся данным, до ближневосточного конфликта только Западная Европа ежедневно получала около 1 миллиона тонн нефти из арабских стран, что покрывало 65 процентов ее суточного потребления.

Вот свидетельство по этому вопросу одного из наибо-

лее осведомленных американских еженедельников, выпускаемого специально для нефтепромышленников, «Петролеум интеллидженс уикли». Этот еженедельник, подсчитав все резервные нефтедобывающие мощности за пределами арабского мира, пришел к выводу, что они могут дать дополнительно лишь 115—120 миллионов тонн нефти в год.

Между тем это вчетверо меньше фактической добычи нефти в арабских странах. Вот почему западным монополиям не так просто заменить арабскую нефть, даже если им, по словам этого еженедельника, придется «выгрести нефть из резервных источников во всем мире...».

Вот теперь, когда мы знаем, каков экономический объект спора на Ближнем Востоке, посмотрим, кому же принадлежат в настоящее время нефтяные богатства в этом районе. Их собственником является так называемый Международный нефтяной картель, который иначе именуется «семью сестрами» по числу крупнейших нефтяных монополий, которые его образуют. Это прежде всего три подконтрольных семейству Рокфеллеров монополии: «Стандард-Ойл, Нью-Джерси», «Стандард-Ойл, Калифорния», «Сокони мобил»; затем «Галф ойл корпорейшн», контролируемая Меллонами, потом крупнейшие английские монополии «Бритиш петролеум» («БП») и «Ирак петролеум компани лемитет» («ИПК») и, наконец, англо-голландская монополия «Ройял датч Шелл».

При этом следует сказать, что в последние годы американские монополии по количеству добываемой нефти начинают обгонять монополии английские и англо-голландские, которые являются тут «старожилами».

Читатель уже знаком с американскими нефтяными магнатами, особенно с Рокфеллерами, а вот с английскими магнатами нефти его следует хотя бы вкратце ознакомить.

«Бритиш петролеум» («БП») — крупнейшая нефтяная компания в капиталистическом мире. Она стоит на третьем месте по производству сырой нефти, на четвертом — по общей мощности своих нефтеперерабатывающих предприятий и на пятом — по сбыту нефти. Ее заграничные капиталовложения на 31 декабря 1965 года оценивались в огромную сумму — 848,8 миллиона фунтов

стерлингов. Ежегодно она продает на мировых рынках свыше 100 миллионов тонн сырой нефти.

«ИПК» в 1925 году получила от правительства Ирака концессию на разведку и добычу нефти сроком на 75 лет. При этом следует подчеркнуть, что почти 25 процентов акций этого английского концерна тоже принадлежат вездесущим Рокфеллерам.

Огромный объем добычи нефти на Ближнем Востоке определяет столь же масштабные капиталовложения американских монополий в это дело.

По данным хорошо осведомленного журнала «Бизнесуик», сумма прямых американских капиталовложений в этом раздираемом борьбой районе составляет 2 миллиарда долларов, причем почти вся она вложена в нефтяную промышленность.

Но для нефтяных монополий Ближний Восток не только важнейший источник стратегического сырья, не только место, где вложены их огромные капиталы, он и неисчерпаемый кладезь прибылей.

Почему же столь велики прибыли, какова их природа?

Когда мы говорим об источниках этих прибылей, надо прежде всего учитывать неглубокое залегание арабской нефти, фонтанирующий характер ее добычи, нищенское жалованье, которое выплачивают монополии местным рабочим и служащим.

Вся совокупность этих обстоятельств привела к тому, что ближневосточная нефть — самая дешевая в капиталистическом мире. По новейшим данным английского журнала «Петролеум пресс сервис», стоимость добычи одной тонны нефти здесь в 1962—1964 годах не превышала 70 центов, тогда как в Соединенных Штатах Америки она приближалась к 11 долларам.

В этой связи становится очевидным, почему «большая пятерка» американских монополий — участниц международного нефтяного картеля в 1965 году добыла у себя в метрополии только 130 миллионов тонн нефти, а за пределами своей страны почти 390 миллионов тонн, в том числе в районе Ближнего Востока больше 200 миллионов тонн. В 1966 году она увеличила здесь добычу уже до 240 миллионов тонн.

Но международный нефтяной картель не только отстранил арабские государства от добычи нефти на своей

территории, он также совершенно отстранил их от экспорта и переработки этого важнейшего сырья. Вместе с тем монополии установили крайне несправедливую оплату сырой нефти, идущей на экспорт: арабские страны получают за каждую тонну такой нефти меньше половины ее экспортной цены. В результате на долю ближневосточных стран падает только 5—7 долларов за тонну нефти, а монополии, переработав ее, продают тонну нефтепродуктов по цене от 12 до 100 и более долларов за тонну (отдельные виды масел, продукты нефтехимии), оставляя все эти доходы, разумеется, у себя.

В итоге американские нефтяные компании ежегодно переводят из-за рубежа в Соединенные Штаты примерно столько же чистой прибыли, сколько поступает ее от всех американских корпораций, имеющих иностранные инвестиции во всех других отраслях промышленности.

Иначе говоря, доходы от всех американских инвестиций за рубежом дают не больше, чем доходы только от нефтекапиталовложений в основные страны Ближнего Востока.

Вскрывая корни такой оперативной и эффективной деятельности американских нефтяных монополий, ливанский еженедельник «Аль-Хуррия» писал: «Они грабят наши природные богатства... Они унаследовали условия концессионных соглашений, оставшиеся еще со времен прямого колониализма, так как они считают, что арабская нация не может заставить Запад отказаться от векового закона господства и эксплуатации».

В результате, как указал представитель Ирака, в Совете экономического единства арабских стран, баррель нефти «на Среднем Востоке» обходится лишь в 2,6 американских цента, в Венесуэле он стоит около 50 центов, а в США еще больше. Английский журнал «Петролеум таймс» свидетельствует, что нефтяные магнаты зарабатывают 1607 долларов в год на одном рабочем в США и 14 285 долларов в год на одном рабочем в Кувейте.

А каковы же абсолютные размеры этих огромных прибылей?

По подсчетам специальной египетской службы, произведенным в июне 1964 года, ежегодная прибыль только американских нефтяных компаний достигала фантастической суммы в 2,7 миллиарда долларов, а чистая прибыль одного лишь концерна «БП» в 1965 году

составляла больше 2,5 миллиарда долларов, из которых средневосточные страны получили только 22 процента.

Эти данные привели английскую газету «Гардиан» к следующему выводу: «Все эти цифры столь грандиозны, что воспринимаются не как сведения о коммерческих операциях одной фирмы, а скорее напоминают сводки о финансовом состоянии целого государства».

Уже в 1966 году после ряда уступок, которые нефтяные монополии вынуждены были сделать арабским государствам, чистая прибыль «семи сестер», хотя и несколько уменьшилась, всё же составляла не менее 2 миллиардов долларов.

И вот на этой столь плодородной для нефтяных монополий земле уже ряд лет идет борьба арабских стран против засилия и экономического диктата нефтяных магнатов.

Ведь и для арабских государств нефть — дело перво-степенной важности. Приведем хотя бы два примера ее экономической значимости. От 20 до 90 процентов валютных доходов арабских государств составляют ныне поступления от экспорта нефти. Ирак, например, получает от «ИПК» 132 миллиона динаров ежегодно, что составляет 75 процентов всех доходов иракского бюджета. Вот что такое нефть для арабских стран. А чем бы она могла стать, если бы эти государства освободились от той зависимости, в которой они и сейчас находятся по отношению к нефтяным концернам!

Вот почему в последние годы ряд арабских государств предпринял некоторые меры, чтобы хотя бы ограничить аппетиты нефтяных магнатов и увеличить свою долю участия в эксплуатации нефтяных богатств своих стран. Создана Организация стран (арабские государства, Иран, Индонезия, Венесуэла) — экспортеров нефти (ОСЭН). Увеличена доля прибылей, получаемых нефтедобывающими странами от нефтяных монополий. ОСЭН также ставит своей задачей установление контроля над уровнем добычи и экспорта нефти, вводит квоты добычи нефти для каждой страны, которые являются обязательными для западных нефтяных монополий.

До 1950 года арабские страны, предоставляя концессии нефтяным монополиям, получали от них лишь 20 процентов прибыли от экспорта нефти. За последние 17 лет в результате ожесточенной борьбы, которая при-

нимала в различных странах разные формы, доля прибылей, падающих на нефтедобывающие страны, была увеличена до 50 процентов. Наконец, с 1966 года Международный нефтяной картель вынужден был повысить и эту ставку, и ныне нефтедобывающие страны получают до 58 процентов чистой прибыли. В 1966 году настала очередь вступить в борьбу и для тех арабских государств, через территорию которых проходят нефтепроводы для транспортировки нефти, добываемой в других странах.

Так случилось с Сирией, по территории которой проходит нефтепровод, транспортирующий нефть, добываемую в Ираке. На этой почве возник острый конфликт между новым сирийским правительством, пришедшим к власти в 1966 году, и уже известным нам «ИПК». Он продолжался с ноября 1966 года по март 1967 года. Монополисты тоже не дремали. Они предприняли ряд попыток свергнуть левое сирийское правительство, организовать реакционные перевороты, посорить Сирию и Ирак.

В этой обстановке сирийское правительство действовало решительно и, закрыв на некоторое время нефтепровод, заставило монополии пойти на уступки. Вскоре очередная конференция арабских стран потребовала нового увеличения своей доли в прибылях, которые нефтяные монополии извлекают на их территориях. Всего этого было достаточно для того, чтобы монополии и представляющие их империалистические правительства оценили новое сирийское правительство как весьма для них опасное и нежелательное.

Так шаг за шагом затягивался тугой узел ближневосточного конфликта. Тем более, что действия Сирии вызвали своего рода цепную реакцию: «ИПК» пришлось вскоре пойти на уступку Ливану, через территорию которого также проходит нефтепровод, — уступку, аналогичную той, которую этот концерн сделал Сирии.

Вскоре Сирия выдвинула те же требования, которые она предъявила «ИПК», и перед другой компанией, также пользующейся нефтепроводом, проходящим по ее территории. Так в системе эксплуатации арабских стран нефтяными монополиями появились весьма значительные и весьма чувствительные для эксплуататоров бреши. Одержанные успехи дали в свою очередь новый толчок

усилению борьбы арабских народов за право распоряжаться своими богатствами. Всё говорило о том, что лето 1967 года может стать переломным в этой борьбе.

Язык цифр весьма убедительно рассказывал о достижениях арабских стран в их единоборстве с монополиями: за 6 лет (с 1960 по 1965 г. включительно) доходы арабских стран от экспорта нефти увеличились почти в два раза — с 1 миллиарда 160 миллионов долларов до 2 миллиардов 252 миллионов долларов. Таким образом, свыше 1 миллиарда долларов чистой прибыли в год перешло из карманов господ монополистов в государственный бюджет арабских стран.

Понятна поэтому ярость руководителей нефтяных монополий в отношении прогрессивных режимов в арабских странах.

Монополисты стали подумывать о реванше, пока не поздно, — ведь в перспективе им уже виделся кошмар национализации, которая окончательно похоронила бы все их надежды.

Эти настроения четко выразил председатель нефтяного концерна «Ройял датч Шелл» Стивенс, выступая перед акционерами в Лондоне в разгар ближневосточного кризиса: «Мы убедились на опыте, что правительства развивающихся стран слишком часто выходят за рамки своей основной роли... Уменьшилась былая надежность наших капиталовложений. Постоянно возрастает тяжесть налогов. Всё еще велика антипатия к частным предприятиям, особенно к большим корпорациям. Мы встревожены такими обстоятельствами...»

В начале 1967 года всё говорило о том, что нефтяные магнаты торопят развязку.

Нейтралитет по-американски

Теперь, когда мы знаем, чьи интересы были поставлены под угрозу на Ближнем Востоке, нам станет ясна и позиция Соединенных Штатов Америки в том конфликте, который разразился там в жаркие июньские дни 1967 года.

По ряду соображений, о которых речь пойдет ниже, официальные лица США, когда готовился и начался

конфликт на Ближнем Востоке, говорили о строгом нейтралитете Соединенных Штатов в этом конфликте. Однако обычно хорошо осведомленные американские органы печати придерживались совершенно иного мнения.

В июне 1967 года «Нью-Йорк таймс» указывала: «Характеристика государственным департаментом позиции правительства (США) как нейтральной «в мыслях, словах и делах» остается смешной, учитывая американские обязательства и американские интересы в этом районе». А «Уолл-стрит джорнэл», выдавая затаенные желания своих монополистических хозяев, писал: «Несмотря на поспешно провозглашенный «нейтралитет» в войне на Ближнем Востоке, политика США явно связана с надеждой на то, что вооруженные силы Израиля легко разобьют арабские легионы».

6 июня 1967 года эта же газета мечтательно рассуждала, что было бы хорошо, если бы ОАР утратила свою роль в арабском мире и между государствами этого района «вспыхнула вражда», а Иордания, Саудовская Аравия и Кувейт «восстановили бы связи с США».

Что касается еженедельника «Ньюсуик», то он в разгар ближневосточного кризиса решил уточнить экономическую подоплеку развертывавшихся событий: «В данной войне основная ставка делалась на нефть».

Перед началом конфликта некоторые органы английской и американской печати прямо подстрекали Израиль к решительным действиям. С их страниц звучал голос руководителей нефтяных монополий. Так, лондонский «Обсервер» указывал: «Здесь (в Израиле. — Авт.) нет войск на улицах — они все на боевых позициях. Всеми мыслями и сердцами страна уже участвует в войне. Если прогневостояние продолжится, то вполне вероятно, что первый удар будет нанесен Израилем. Это было бы в целом популярным шагом. И, несомненно, это принесло бы военный успех».

А по другую сторону Атлантического океана жезл той же эстафеты принял Сайрус Сульцбергер, который в «Интернэйшнл геральд трибюн» писал: «Средний Восток обеспечивает для Европы 55 процентов нефти. Четыре пятых всех известных мировых запасов находятся под контролем арабов... Даже если Соединенные Штаты

отступят от выраженного ими политического курса, вряд ли то же самое сделает Израиль. Так что рано или поздно война — большая или малая — кажется почти неизбежной».

Как только военные успехи израильских войск стали очевидными, представители монополий прекратили маскировку и заговорили языком ультиматумов. В те дни председатель «Петролеум индастри ресерч фаундейшн» заявил: «У арабов нет большого выбора: им придется так или иначе иметь дело с английскими и американскими компаниями».

В те же дни стали откровенными и некоторые государственные деятели «нейтральных» Соединенных Штатов. Сенатор-республиканец Мортон многозначительно сказал: «У нас пока нет точного перечня требований, выдвигаемых Израилем... Однако американское правительство предполагает, что эти требования будут гораздо более жесткими, чем в 1956 году». Поднял свой голос и влиятельный член палаты представителей Роберт Сайкс, указавший, что Израиль может «ликвидировать все будущие проблемы... путем присоединения к своей территории Синайского полуострова и западного берега реки Иордана... Западные державы будут это приветствовать».

Однако по справедливости надо признать, что наиболее полное раскрытие того, как понимать американский нейтралитет, дал член палаты представителей США Брайан Дорн, заявивший: «Наши обязательства и наши гарантии насчет поддержки Израиля являются такими же реальными и твердыми, как и обязательства и гарантии поддерживать Южный Вьетнам».

В то время как в Вашингтоне высшие правительственные лица вразрез со всеми фактами уверяли всех в нейтралитете США, премьер-министр Израиля Эшкол решил в апреле 1967 года поставить все точки над «и»: «Соединенные Штаты предоставляют нам теперь больше оружия, чем когда бы то ни было за последние годы, и наш военный потенциал вырос как в количественном, так и в качественном отношении... Мы получили заверения, когда обратились к Соединенным Штатам (относительно их позиции на Ближнем Востоке. — Авт.)... Нам сказали: «Мы здесь. Здесь и наш 6-й флот» (базирующийся, как известно, в Средиземном море. — Авт.).

И что характерно: никто из правительственных лиц в нейтральных Соединенных Штатах не опроверг этого заявления.

Еще одно обстоятельство необходимо учитывать, когда мы хотим понять ту легкость, с какой Соединенные Штаты благословили Израиль на агрессию: ведь дело в том, что на территориях арабских стран, подвергшихся нападению (Сирия, ОАР, Иордания), не было никаких крупных объектов, принадлежащих американским нефтяным монополиям, которые могли бы пострадать в ходе развертывавшихся военных действий.

И когда началась агрессия Израиля, нейтральные Соединенные Штаты и Англия сделали всё, чтобы затянуть принятие решения в Совете Безопасности о прекращении огня. Цель была здесь совершенно ясной: дать возможность войскам Израиля продвинуться как можно дальше. Затем Соединенные Штаты и Англия с помощью послушных им стран блокировали на Генеральной Ассамблее ООН все попытки принять категорическое решение о немедленном отводе войск агрессора на линию перемирия, существовавшую на момент начала конфликта.

В январе 1968 года премьер-министр Израиля Эшкол прибыл в Соединенные Штаты, где имел несколько встреч с президентом Джонсоном. Результаты этих переговоров вылились в коммюнике, из которого явствовало, что Соединенные Штаты вновь обязались поставлять Израилю оружие, но не было сказано ни одного слова об освобождении Израилем оккупированных территорий.

Нью-йоркская биржа, этот чувствительный барометр не только экономической, но и политической погоды, в самый разгар ближневосточного кризиса явно показывала цену американского нейтралитета.

Когда начались военные действия, стоимость акций нефтяных компаний росла изо дня в день по мере продвижения израильских войск, а в конце лета 1967 года цены на эти акции начали понемногу падать. Они стали падать тогда, когда стало ясно, что основная цель израильской агрессии не достигнута, так как прогрессивные режимы в ОАР, Сирии и Алжире устояли и укрепляются.

Но может быть поставлен один законный вопрос: ведь нефть добывается в таких странах, как Саудовская Аравия, Кувейт, Ирак, и ее нет или почти нет в Сирии, Иордании и ОАР, а ведь именно эти страны подверглись нападению со стороны Израиля. Правда, по их территориям проходят нефтепроводы. Но дело, разумеется, не в них.

Дело в том, что, как мы видели, Международный нефтяной картель должен был в последние годы пойти на ряд уступок только в силу того, что ему противостоял единый фронт арабских государств. А вот инициаторами и создателями этого единого фронта, его так сказать душой нефтяные магнаты не без основания считали прогрессивные режимы ОАР и Сирии.

С другой стороны, властители нефти были обеспокоены тем примером, который Сирия и ОАР давали Арабскому Востоку. Ведь эти две страны избрали путь социалистических преобразований и наглядно показали, что можно, энергично двигаясь вперед по пути прогресса, не находиться в зависимости от «благодетелей» из нефтяных концернов.

Нефтяные магнаты не без основания опасались заразительности такого примера для других арабских стран. Они боялись этого. Их преследовал кошмар национализации всех владений Международного нефтяного картеля на Арабском Востоке. Страны, дающие такой пример, надо было разгромить и поставить на колени.

Наконец, нельзя не учитывать, что Израиль граничил только с Иорданией, Сирией и ОАР, и только этим странам имел реальную возможность нанести чувствительный военный удар.

Итак, если бы Израилю удалось свергнуть прогрессивные режимы в ОАР, Сирии, а в более дальней перспективе — в Алжире, то можно было бы надеяться, что постепенно арабские страны станут смирными и будут безропотно и дальше мириться с господством «семи сестер».

Таковы были соображения экономические, но были не менее важные и политические.

В случае победы Израиля Ближний Восток, вместо того чтобы служить мостом между социалистическим лагерем и странами «третьего мира» на африканском

континенте, должен был превратиться в прочный барьер между ними, — барьер, который, с одной стороны, подпирал бы Израиль, а с другой — сформированные после его победы и послушные США новые реакционные режимы в арабских государствах.

Так соображения экономические и военно-стратегические определили подлинную политическую линию Соединенных Штатов Америки в ближневосточном кризисе.

Увязнув огромными военными силами в трясине вьетнамской войны, США, естественно, были весьма заинтересованы в том, чтобы поставленные ими на Ближнем Востоке политические, военно-стратегические и экономические цели были достигнуты без их непосредственного военного участия, более того, если возможно — при сохранении видимости американского нейтралитета. Ведь престиж США был и так слишком подорван вьетнамской войной, чтобы позволить себе роскошь резко ухудшить взаимоотношения с большинством стран африканского континента.

Но американские политики и нефтяные магнаты, очевидно, забыли восточную поговорку: «Правда как жир, она всегда всплывает на поверхность»...

Израиль оказался весьма подходящим орудием для выполнения американских планов, так как экспансионистские цели его правителей совпадали с этими планами, а реакционная внешнеполитическая линия израильского сионистского руководства была неизменной на всем протяжении существования этого государства.

Еще в 20-е годы нашего столетия один из ведущих лидеров сионизма Макс Нордау, обращаясь к западным державам, заявлял: «Мы знаем, чего вы ожидаете от нас, хотите, чтобы мы охраняли Суэцкий канал. Мы должны охранять ваш путь в Индию через Ближний Восток. Мы готовы выполнять эту трудную задачу. Однако необходимо, чтобы вы разрешили нам стать силой для того, чтобы мы могли выполнять свой долг».

В 1946 году, когда решался вопрос о создании государства Израиль, Бен-Гурион дал заверения, что если западные державы согласятся «на создание еврейского государства на части территории Палестины, то мы готовы гарантировать, что оно будет базой против России».

Таким образом, у истоков рождения этого государства его будущие руководители дали обещание придать Израилю антисоциалистическую направленность.

Вместе с тем Соединенные Штаты и Англия полагались на Израиль в выполнении своих планов еще и потому, что он был тесно связан с США финансовой помощью, которая ему оказывалась, и поставками новейшего оружия.

Когда в 1951 году Бен-Гурион прибыл в Соединенные Штаты, там было заключено соглашение о займе и военное соглашение, которое держалось в секрете до 1961 года. Сущность этих дипломатических документов ясно и недвусмысленно охарактеризовал депутат-социалист Мордехай Бентов: «Израиль продает Соединенным Штатам свою независимость».

Только с 1948 по 1959 год помощь американского правительства Израилю в расчете на душу населения достигла 240 долларов. Всего за этот период США предоставили Израилю займы на сумму 425 миллионов долларов.

Вот почему магнаты Уолл-стрита и правительство США рассчитывали на верность и послушание Израиля при выполнении на Ближнем Востоке поставленной задачи. Вот почему печать Соединенных Штатов характеризует это государство как «лучшего хранителя присутствия Запада» на Ближнем Востоке.

Так для империалистических держав Израиль стал трамплином в борьбе с антиимпериалистическим движением арабских народов. Ведь в этом движении власти монополий справедливо усматривали реальную и близкую угрозу своим баснословным прибылям от эксплуатации нефти на Арабском Востоке, а милитаристы — угрозу основам своей глобальной стратегии.

И по принципу «рука руку моет» США на протяжении всего ближневосточного конфликта делают всё, что они могут, и в ООН и вне ее, чтобы дать Израилю возможность воспользоваться плодами своей агрессии.

Однако это, разумеется, не только выполнение обязательств, данных Израилю, а, в первую очередь, надежда на то, что, очутившись в трудном политическом и экономическом положении, прогрессивные режимы в арабских странах рухнут даже в условиях перемирия. С этой же целью США активизируют реакционные силы

в этих странах. Ведь центральная задача, поставленная при развязывании ближневосточного кризиса, еще не достигнута империалистами.

И вот как эту политику с завидной откровенностью формулирует бывший английский премьер и один из лидеров консервативной партии Алек Дуглас Хьюм: «Израиль, имея козырные карты, в состоянии диктовать условия мира. Урегулирование границ в ряде случаев потребует уступки территории Израилю. Это метод, позволяющий стоять на страже и не допускать посягательств».

Пример израильской агрессии вызвал прилив восторга у недобитых сторонников блицкрига в ФРГ и их рурских хозяев. Кто сказал, что война как средство политики исчерпала себя? Кто утверждает, что превентивная война особенно опасна? Кто мог заявить, что блицкриг ныне только юмористический термин, а не реальная военная доктрина? — вопрошают они.

Газета западногерманских реваншистов «Рейнише пост» с восторгом заявила, что действия Израиля — это подлинный метод блицкрига. А другой орган западногерманской прессы, захлебываясь от восторга, писал: «Позиция Израиля свела к нулю столь мощный сегодня страх перед превентивными действиями».

Таковы были события на Ближнем Востоке. Такова была их подлинная подоплека. И здесь на авансцене парадировали милитаристы, а за кулисами планировали, развязывали и поддерживали их агрессивные действия всё те же постоянные враги мира, свободы и безопасности народов — монополисты, на сей раз нефтяные.

*„Хоть с дьяволом, лишь бы
перейти мост“*

В течение всего послевоенного периода Советский Союз и другие социалистические страны последовательно добивались того, чтобы Германия стала миролюбивым государством, не несущим угрозы другим народам.

Однако это было не по душе реакционным кругам западных держав, которые взяли курс на отказ от принципов Потсдамской декларации. Цель такого отказа не вызывала сомнений: возродить германский милитаризм и использовать его как ударную силу против стран социализма. Но так как не вся территория Германии после войны оказалась под властью западных держав, то они совершили раскол страны, обособили западную ее часть, которая находится под их оккупационным контролем, и создали там сепаратное боннское государство, власть в котором с самого начала оказалась в руках западногерманских монополий. Поэтому нет ничего удивительного, что ФРГ очень быстро превратилась в заповедник реваншизма и милитаризма.

Совсем иначе действовали прогрессивные, миролюбивые силы на востоке Германии. Поставленные перед фактом раскола, эти силы взяли в свои руки переустройство экономической и политической жизни этой части Германии, создав демократическое государство — Германскую Демократическую Республику. Здесь на практике были осуществлены миролюбивые демократические принципы Потсдамского соглашения. Здесь твердо проводится политика мира и международного сотрудничества.

Но вернемся к Западной Германии. Чем объяснить ее особую агрессивность, способность к любым авантюрам в безнадежной попытке повернуть вспять колесо истории? Дело в том, что имеется прямая преемственность между сегодняшней политикой ФРГ и вчерашними империалистическими вожделениями третьего рейха. И в этом нет ничего удивительного: ведь у власти в Западной Германии по-прежнему стоят монополии и, больше того, они представлены в основном теми же группами, что и в нацистский период.

Чтобы это стало возможным, необходимы были некоторые действия американской военной администрации в Германии в первые послевоенные годы, — и такие действия были совершены. К началу 1952 года в тюрьмах ФРГ уже не осталось ни одного из осужденных американскими трибуналами промышленных магнатов, хотя многие из этих людей были осуждены, как известно читателям, к 8—12 годам тюремного заключения. Что же произошло, как это случилось? Ответ прост: они были амнистированы или досрочно освобождены сердобольной администрацией США в Западной Германии, им было возвращено конфискованное имущество. Эти люди снова вернулись в сонм избранных империалистического мира. Это они, которые в свое время привели Гитлера к власти, а затем шли с ним плечом к плечу от агрессии к агрессии, и другие им подобные из монополистической элиты ныне всё в большей степени определяют политику ФРГ.

Нельзя не упомянуть также, что американская военная администрация в первые послевоенные годы всячески, экономически и политически, поощряла деятельность всех западногерманских монополий, хотя руководству многих из них по праву принадлежало почетное место на скамье подсудимых в качестве военных преступников.

Результаты таких действий не замедлили сказаться. Еще в 1957 году видный западногерманский экономист социал-демократ Курт Прицколейт в своем объемистом труде «Кому принадлежит Германия» (в Бонне и социал-демократы ставят знак равенства между ФРГ и всей Германией) писал: «...в руках немногих сконцентрировалось больше экономической власти, чем прежде. Фарс декартелизации почти уже забыт. Власть концернов сейчас больше, чем когда-либо. Германия

принадлежит магнатам экономики, старым богатым семьям и небольшому числу нуворишей; она принадлежит им и целой иерархии представителей их интересов. Она принадлежит им в такой степени, что это должно привлечь внимание и, больше того, вызвать тревогу всех тех, кто обладает чувством ответственности».

«Но самый богатый по-прежнему Крупп»; «Химический концерн („ИГ Фарбен”. — Авт.) возвращается к власти»; «Флик латает свой концерн» — одни лишь названия глав из книги Прицколейта достаточно красноречивы. При этом следует учесть, что Прицколейт отнюдь не радикал, это типичнейший представитель западногерманской социал-демократии. Его «умеренность» может быть подтверждена хотя бы таким фактом: господин Прицколейт считает приговор, вынесенный Альфреду Круппу, «весьма несправедливым». И даже такие люди вынуждены признать неограниченную власть монополий в Западной Германии.

Давно забыты (впрочем, никогда правительствами западных держав не принимавшиеся всерьез) слова Потсдамской декларации «об уничтожении чрезмерной концентрации экономической силы».

«Крист унд вельт» — еженедельник проправительственного толка, его не заподозришь в необъективности при освещении западногерманской действительности. Так вот, 4 сентября 1964 года эта газета писала о «тотальной власти ста человек» и, разъясняя это более подробно, указывала: «В общей сложности это — люди, которые, будучи председателями и членами наблюдательных советов, держат в своих руках основы западногерманской экономики, как коллектив они ответственны только перед самими собой». (Курсив наш. — Авт.)

Кто же эти сто? Это владельцы четырнадцати крупнейших монополий. И среди них на первом месте наш старый знакомый — группа предприятий «ИГ Фарбен», включающая такие богатейшие компании, как «Фарбен-фабрикен Байер АГ, Леверкузен» (1350 млн. марок), «Бадише анлиин унд содафабрик АГ» (1148 млн. марок), «Фарбверке Хехст АГ» (1054 млн. марок), «Рейнише штальверке, Эссен» (470 млн. марок) и др. Всего в группу входят 212 различных обществ. Эти данные, приведенные немецким экономическим институтом в 1966 году, показывают, что только четыре крупнейших

компании, входящие в этот гигантский химический концерн, обладают капиталом в 4 миллиарда марок. В числе руководителей этой промышленной группы мы находим и старых знакомых: Менне, Тер-Мейер, Амброс, Вюрстер и другие. Только ныне капитал группы «ИГ Фарбен» в пять раз выше того, что имел этот концерн в 1940 году, когда фирма достигла зенита.

После химических бизнесменов второе место занимает Фридрих Флик, собственность которого в 1967 году оценивалась в сумму примерно 3 миллиарда марок. Да, это тот самый Флик, с деятельностью которого читатель уже хорошо знаком, — тот самый Флик, которого судил и осудил американский военный трибунал и о котором американская газета «Пост меридиэм» 17 декабря 1946 года писала: «Американские чиновники охарактеризовали Флика как вероятную наибольшую закулисную силу гитлеровской военной машины, еще бóльшую, чем Густав Крупп фон Болен унд Гальбах».

Дальше по размерам капитала идут концерны Круппа, Тиссена, Сименса, Маннесмана, Клекнера, Оппеля и других.

Мы видим, таким образом, что за 10 лет, прошедших со времени издания книги Курта Прицколейта, не обошлось без изменений в структуре монополистической элиты ФРГ. Ныне фирма Круппа с первого места перекочевала на третье. Эта крупнейшая фирма в последние годы испытала на себе всю жесткость и непреложность законов конкуренции.

Но разве это что-нибудь могло изменить в природе западногерманского государства? Просто в той же колоде карт некоторые фигуры поменялись местами. Так с помощью американских монополий в ФРГ их западногерманские коллеги снова в седле.

Цель неомюнхенской политики США — снова использовать западногерманский экономический и военный потенциал как противовес социалистическим государствам в Европе и как ударный молот мировой реакции на случай войны.

Это не ново для американской дипломатии, это своего рода историческая традиция. В своих военных мемуарах де Голль возмущался правящими кругами США, которые в период второй мировой войны сотрудничали с предателем французского народа Лавалем. Де Голль

вспоминал свои бесплодные протесты, отвергнутые американской стороной, цинично заявлявшей, что в политике Соединенные Штаты будут придерживаться формулы: «Хоть с дьяволом, лишь бы перейти мост».

„Демократическое и социальное государство“ без грима

«Федеративная Республика Германии — демократическое и социальное федеративное государство. Вся государственная власть исходит от народа». Так обстоит дело, если верить статье 20-й Основного закона ФРГ.

Эта, в общем трафаретная для буржуазных конституций, фраза в таком государстве, как ФРГ, звучит особенно издевательски.

Мы уже видели, каково экономическое могущество рурских господ в настоящее время. Остается проследить, как оно претворяется в могущество политическое.

Для этого надо обратиться к тем приводным ремням, с помощью которых монополии пускают в ход правительственный и парламентский механизмы.

Свои связи с парламентом, государственным аппаратом и политическими партиями западногерманские монополии осуществляют с помощью так называемых «союзов предпринимателей». Их следует отличать от «союзов работодателей». Если первые достаточно откровенно созданы для связи между монополиями и государством, то вторые юридически рассматриваются как партнеры западногерманских профсоюзов. Их цель — «защищать» интересы предпринимателей от чрезмерных «требований» профсоюзов.

Среди различных предпринимательских организаций важнейшими являются Федеральный союз немецкой промышленности (ФСНП) и Федеральное объединение немецких союзов работодателей (ФОНСР), Немецкое промышленное и торговое собрание и Федеральный союз частного банковского дела.

Давая обзор своей деятельности за 10 лет, руководство Федерального союза немецкой промышленности с полным основанием утверждало: «...ФСНП фактически в полной мере представляет западногерманскую промышленность».

Читателю уже известно, что в Третьей империи аналогичный союз монополистов назывался «Имперским союзом немецкой промышленности» и его возглавляли сперва Дуисберг из «ИГ Фарбен», а затем Густав Крупп. Когда осенью 1949 года союз был возрожден под маркой ФСНП, то его возглавил президиум, в состав которого вошли крупнейшие монополистические магнаты ФРГ, такие, как Александр Менне (группа «ИГ. Фарбен»), Герман Ройш (концерн Ханиэля) и многие другие.

Для того чтобы несколько затемнить сущность этого объединения могущественных монополистов ФРГ, председателем ФСНП был избран не особенно богатый фабрикант Фриц Берг, который, однако, являлся доверенным лицом монополий.

На протяжении всего существования западногерманского государства между правительством и ФСНП существует постоянный и тесный рабочий контакт. Как отмечается в одном из отчетов президиума этого союза: «Федеральный министр экономики и федеральный министр финансов в ряде случаев участвовали в заседаниях президиума и правления. Другие члены всех кабинетов д-ра Аденауэра выступали в комитетах, занимающихся подведомственными им вопросами».

В этой связи, когда праздновалось десятилетие ФСНП (20 октября 1959 года), тогдашний канцлер Аденауэр, выступая на торжественном заседании, недвусмысленно заявил: «...современная демократия не может выполнять свои задачи без содействия крупных хозяйственных союзов... Политическое руководство Федеративной республики прекрасно сознает, что оно не может обойтись без советов со стороны деловых кругов, если хочет реализовать свои политические цели».

Не менее решительно по этому вопросу тогда же высказался Эрхард: «Без деятельности Федерального союза (немецкой промышленности. — *Авт.*) невозможно себе представить экономическое и политическое развитие последних 10 лет».

Очень могущественной и разветвленной организацией монополистов является также ФОНСР. В нее входят свыше 800 «союзов работодателей» и 48 центральных союзов. С 1964 года во главе ФОНСР стоит бывший министр ФРГ по атомным вопросам Зигфрид Бальке — представитель группы «ИГ Фарбен». В президиуме и

правлении ФОНСР представлены крупнейшие монополистические группы.

Даже буржуазная печать вынуждена свидетельствовать, насколько бесцеремонно вторгаются в самые различные области внутренней и внешней политики ФРГ могущественные предпринимательские союзы. Так, в 1965 году газета «Вестфалише рундшау» писала: «Идет ли речь о консервировании североморских крабов или о примесях немецкого табака, о пенсиях жертвам войны, о границе по Одеру—Нейссе, о военных заказах, обсуждается ли вопрос о винном законе или об открытии торговых миссий в Восточной Европе — союзы всегда тут как тут и всегда бросают в бой свои парламентские ударные отряды».

Союзы монополистов действуют настолько бесцеремонно, что поставляют в бундестаг полностью разработанные законопроекты и различные дополнения к ним. По этому поводу в 1964 году газета «Франкфуртер рундшау» писала, что проекты важнейших законов готовятся и всесторонне обсуждаются «в кабинетах бюрократов из предпринимательских союзов и в залах заседаний множества рабочих групп, комитетов экспертов и комиссий этих союзов... прежде чем депутаты вообще узнают о существовании таких проектов».

В этом нет ничего удивительного. Ведь согласно официальному документу («Общий порядок делопроизводства федеральных министерств») всем министерствам предписывается привлекать предпринимательские союзы к разработке проектов законов и распоряжений.

Но боннским законодателям такая практика кажется вполне естественной. И когда в 1960 году депутату бундестага от ХДС Аугусту Дрезбаху задали вопрос о роли предпринимательских союзов в законодательном процессе, он с редкой откровенностью ответил, что эти союзы «являются наиболее квалифицированными экспертами. Законодатели должны пользоваться их экспертизой».

Сразу же после своего основания ФСНП снова начал подготовку к военному бизнесу. Уже в 1951 году он посылает свою делегацию в Вашингтон «для переговоров с военными властями о принятии Западной Германии в НАТО». Так господа из Вура снова по уши окунаются в авантюристическую внешнюю политику, на сей раз стран НАТО.

Неудивительно поэтому, что военными вопросами в ФСНП занимается около десятка комитетов и занимается настолько рьяно, что, например, курс на атомно-ракетное вооружение бундесвера обсуждался в ноябре 1956 года в первую очередь на совещании Федерального союза немецкой промышленности, в котором участвовали тогдашний министр экономики Эрхард и министр обороны Штраус.

И только потом этот вопрос был передан на обсуждение парламента.

Тесные и постоянные связи с министерством обороны и с министерством по атомным вопросам ФСНП установил давно. По предложению ФСНП при министерстве обороны созданы три военно-технических совета из представителей министерства и союза. Что же касается министерства, занимающегося атомными вопросами, то здесь «создана государственная атомная комиссия». В этой комиссии 25 членов; 9 из них — представители крупнейших концернов, одновременно являющиеся членами комитета по атомным вопросам при ФСНП.

И государственную атомную комиссию и аналогичный комитет ФСНП возглавляет одно и то же лицо — один из руководящих деятелей «ИГ Фарбен» и одновременно вице-председатель ФСНП Менне.

Федеральный союз немецких промышленников развил настолько бурную деятельность по руководству государством в его внутренней и внешней политике, что ныне в Кёльне насчитывается свыше ста комитетов и подкомитетов ФСНП, деятельность которых пронизывает буквально все поры общественной жизни ФРГ.

— Какова же цель этого нового «брака по расчету»?

На этот вопрос ясно ответил в свое время Эрхард, когда он был еще министром хозяйства, в своем письме канцлеру Аденауэру:

«С точки зрения «Федерального союза промышленности» (ФСНП. — Авт.), опаснее всего для ФРГ предложение Востока о запрещении использования атомного оружия, о прекращении его испытаний и создании безатомной зоны... В своей деятельности, направленной против переговоров между Востоком и Западом, федеральное правительство может рассчитывать на сплоченную поддержку представителей промышленности».

Так в новые меха вливается старое вино: оказывает наибольшую опасность для государственных интересов ФРГ, по мнению нынешних господ из Рура, представляет всякое предложение об исключении из жизни народов атомно-ракетного оружия как военного средства решения спорных вопросов. Ведь эти авантюристы, в безумной надежде «переиграть» итоги второй мировой войны, не хотят отказаться от этого важнейшего в их колоде козыря.

Когда Эрхард стал на капитанский мостик в Бонне, он повел государственный корабль ФРГ по соответствующему курсу, вехи которого были заранее расставлены руководителями западногерманских монополий.

Читатель помнит, какая картина раскрылась на нюрнбергских процессах, он помнит, как западногерманские монополии превратили нацистскую партию в свою содержанку. История повторяется и здесь, только ныне названия политических партий иные. Западногерманские монополии через специальные каналы оказывают влияние на все буржуазные партии, но особенно тесной нитью они связаны с Христианско-демократическим союзом (ХДС) и тесно контактирующим с ним Христианско-социальным союзом (ХСС).

Вот почему Коммунистическая партия Германии справедливо дала единую оценку ХДС и ХСС, как «ведущей партии германского монополистического капитала».

В 1956 году Густав Хейнеман, бывший министр внутренних дел боннского правительства, откровенно писал, что в кассе ХДС лежит больше полученных от промышленности миллионов, чем когда-нибудь мечтала собрать какая-либо из германских партий.

Даже буржуазные авторы признают, что расходы ХДС покрываются членскими взносами лишь на 10 процентов, а остальные 90 процентов расходов финансируются за счет монополий и боннского государства.

Собственно, эти факты не отрицает и хорошо информированная газета западногерманских промышленных кругов «Дейче цейтунг унд виртшафтсцейтунг». В 1957 году эта газета писала, что для покрытия расходов в связи с проходившими тогда выборами в бундестаг монополии вручили различным политическим партиям такие суммы: ХДС — 30 миллионов марок, народной

партии — около 6 миллионов, свободной демократической партии — 3 миллиона, Общегерманскому блоку — 1,3 миллиона марок. Печать Германской Демократической Республики приводила большие суммы, указывая, что на выборы 1957 года монополии отпустили на избирательную кампанию только ХДС свыше 100 миллионов марок. Примерно в тех же пределах ХДС была финансирована на выборах 1961 года.

Западногерманский журнал «Ди нейе гезельшафт» в 1960 году писал: «Промышленность... финансирует эти партии не для того, чтобы они стали, а потому, что они уже являются выразительницами определенной политической концепции».

Судя по размерам финансирования, «концепции» руководства ХДС особенно близки монополистическим магнатам ФРГ.

Дабы обеспечить надежность и эффективность выполнения своих требований, монополии в ФРГ посылают своих представителей в правительство и парламент Западной Германии.

Это не скрывается в так называемых «предпринимательских письмах», которые издают в ФРГ монополистические союзы. В этих письмах открыто говорится, что союзы «осуществляют через своих представителей... влияние на партии, а также на парламент, правительство и администрацию, имеют обыкновение обосновываться в органах законодательной и исполнительной власти, например путем включения собственных кандидатов в избирательные списки...».

Однако в этом вопросе есть некоторое отличие от той практики, которая сложилась в США и с которой читатель уже знаком: там в послевоенные годы министерские, парламентские кресла занимает немало руководителей крупнейших монополий. Западногерманские монополисты пока предпочитают оставаться в тени. Вот почему в составе боннского кабинета и парламента нет почти никого из хозяев ведущих монополистических групп. Уже известный нам Курт Прицколейт в этой связи указывает, что руководящие органы монополий ФРГ предпочитают оставаться «в тени анонимности, из которой они посылают на фронт политического управления лишь немногих и не всегда наиболее значительных своих представителей».

Это же отмечает профессор-экономист Шойнер, указывая, что предпринимательские союзы «не стремятся сами участвовать в правительстве. Они довольствуются тем, что обеспечивают соблюдение своих интересов».

Однако бесспорно, что эти представители, пусть слегка закамouflированные, есть и в правительстве ФРГ и в бундестаге. Достаточно в этой связи упомянуть основателя западногерманского государства, человека, в течение четырнадцати лет (1949—1963 гг.) исполнявшего обязанности канцлера, — Конрада Аденауэра, этого представителя кёльнской группы монополий.

Еще в годы третьей империи Аденауэр был тесно связан с банкирскими домами Оппенгейма и Штейна, с концерном Гуго Стиннеса. Он входил в наблюдательный совет «Дейче банк» — основного банка империалистической Германии, он также был членом наблюдательных советов многих крупнейших монополий и имел тесные личные связи с их руководителями. Покойный канцлер был также связан с концернами Моргана и Рокфеллера в Соединенных Штатах, а через свою жену он еще в молодости породнился с будущим председателем нью-йоркского «Чейз Манхэттен бэнк» Макклоем.

Неудивительно, что Макклой, будучи после войны верховным комиссаром США в Германии, приложил и свою руку к тому, чтобы Аденауэр стал федеральным канцлером.

Преемником Аденауэра, как известно, был Людвиг Эрхард, совладелец крупной фирмы радиоаппаратуры «Грундиг», давно тесно связанной с монополистическими кругами, и в частности с группой «ИГ Фарбен». Ведь еще во времена нацизма Эрхард был руководителем институтов конъюнктурного и по изучению промышленности, которые целиком контролировались монополиями.

Вот почему, когда Эрхард занял кресло канцлера, председатель Немецкого промышленного и торгового собрания Эрнст Шнейдер дал ему такую лестную характеристику: «Человек, который пользуется нашим особым доверием», а председатель Федерального союза частного банковского дела фон Фалькенхаузен дал Эрхарду также весьма краткую, но столь же выразительную характеристику: «Банки чувствуют себя его верными союзниками».

Ныне в ФРГ канцлером является Кизингер; он быв-

ший член национал-социалистской партии, и поэтому можно не сомневаться в его желании и умении сотрудничать с монополиями. Ведь это являлось одной из основных «традиций» гитлеровской партии.

Герхард Шредер последовательно занимал посты министра внутренних, затем иностранных дел и, наконец, обороны. Он тесно связан с металлургическими концернами ФРГ, являясь членом наблюдательных советов концерна Тиссена и председателем наблюдательного совета «Хюттенверк Хаген Хаспе».

Менялись министры финансов — Франс Этцель, Гейнц Штарке, Рольф Дальгрюн, не менялось только одно — тесная связь всех этих людей с руководством западногерманских монополий. До Шредера министром обороны являлись Штраус, тесно связанный с группой «ИГ Фарбен» и концерном Клекнера, и Кай-Уве фон Хассель — председатель административного совета земельного банка Шлезвиг-Гольштейна и председатель наблюдательных советов ряда компаний.

Этот список можно было бы значительно расширить, но мы ограничимся еще только одним примером: министром по атомным вопросам был Зигфрид Бальке, один из руководящих администраторов «ИГ Фарбен». Ныне Бальке — президент ФОНСР.

Немало ставленников монополий и в западногерманском парламенте — бундестаге, где они задают тон так же, как и в правительстве ФРГ.

Так, например, в бундестаге второго созыва (1953—1957 гг.), по словам газеты деловых кругов «Дейче цейтунг унд виртшафтсцейтунг», «каждый союз (монополий. — Авт.) имеет своего депутата». В этом бундестаге особенно много ставленников монополий находилось в фракциях ХДС и ХСС—65 процентов всех депутатов непосредственно представляли интересы предпринимателей.

Аналогичным оказался состав четвертого бундестага (1961—1965 гг.) — группа непосредственных представителей экономических интересов крупного капитала состояла из 161 депутата. По подсчетам немецкой демократической печати, в числе членов четвертого бундестага находились 21 миллионер и 5 рабочих. Так выглядело «волеизъявление народа» на «свободных выборах».

В нынешнем, пятом составе бундестага представительство монополий еще увеличилось. По этому поводу

газета «Ди фрейхейт» в сентябре 1965 года писала: «Индустрия и деловые круги могли похвастаться своим чрезвычайно сильным влиянием... но, видимо, они не удовлетволялись этим влиянием. Уже при выдвижении кандидатов... заслуженные парламентарии оттеснялись и их место занимали люди, мало известные в партиях, но известные своими связями, особенно с крупной индустрией».

Ликовала газета деловых кругов «Индустрикурир», которая вышла после выборов 1965 года с заголовком: «В новом бундестаге возросло число представителей хозяйства».

Будем справедливы: в пятом бундестаге увеличилось и количество депутатов рабочих... их стало семь человек.

Таково «демократическое и социальное государство» в действии.

„Участвовать в ядерной философии, политике, стратегии“

Захватив важнейшие позиции в государственном аппарате и в парламенте, монополистические круги всячески форсируют агрессивную политику. Прежде всего это сказывается на стремлении создать, расширить и максимально вооружить для захватнических целей бундесвер.

Эта особенность современного германского империалистического государства получила соответствующую оценку в заявлении Советского правительства правительству ФРГ от 8 декабря 1967 года: «Невозможно отрицать, что главной заботой правительства ФРГ по-прежнему остается программа широких военных приготовлений».

Правящие круги ФРГ всё более определенно делают ставку на создание собственной кузницы современного вооружения. Советское правительство располагает данными, что в нарушение положений Потсдамского соглашения в ФРГ развернуто производство новейших танков, подводных лодок, реактивных самолетов и другой военной техники. Политические и военные деятели ФРГ

тянутся к большему и прежде всего ищут пути приобщения к ядерному оружию».

И уже с конца 50-х годов это тяготение приобретает все более и более реальные формы.

Так, в 1957 году западногерманская газета «Нейе Рейнцейтунг» откровенно излагала планы боннских реваншистов: «В военном отношении, к сожалению, ФРГ недостаточно сильна, чтобы навязать свою волю Восточной Европе. Поэтому нужно вооружаться, вооружаться и еще раз вооружаться. Нужно иметь ракеты и атомное оружие, чтобы в один прекрасный день военной силой добиться того, чего до сих пор не удалось достигнуть средствами политики».

В таких требованиях нет ничего оригинального: ведь западногерманские стратеги — это всё бывшие нацистские военачальники. Так же, как в свое время Геббельс, они рассчитывают на «секретное оружие», как на тот последний козырь, который может быть брошен на поля сражений в их авантюристической игре.

Это в иносказательной форме выразил финансируемый министерством обороны ФРГ журнал «Веркунде», который обратился в июле 1960 года к прошлому только для того, чтобы выразить свои сокровенные мысли насчет будущего. «Веркунде» писал, что ход мировой войны был бы совсем иным, «если бы в свое время имелась возможность атомизировать Москву».

Выполняя заказ своих монополистических хозяев, Аденауэр в середине 50-х годов пытался прикрыть атомные требования Бонна софизмами, — например, рассуждением, что атомное оружие «в основе своей всего лишь дальнейшее развитие артиллерии».

Уже весной 1956 года правительство ФРГ представило парламенту меморандум, в котором содержалось требование оснастить бундесвер атомным оружием. Кратчайшим путем для получения такого оружия, по мнению западногерманских империалистов, является НАТО. В Бонне считают, что правящие круги США должны поделиться своим ядерным потенциалом с западногерманскими реваншистами. Если этого не удастся сделать через НАТО, то основой для этого должно послужить двухстороннее соглашение США — ФРГ.

Однако, не полагаясь только на США, германские монополии уже давно начали предпринимать меры для

того, чтобы иметь возможность производить собственное атомное и ракетное оружие. Вот почему в дополнение к старым связям между американскими и западногерманскими монополиями появились новые, вызванные к жизни развитием электроники, атомной промышленности и т. д.

Основной упор межкартельных американо-германских соглашений — производство в ФРГ оружия, в том числе и ракетного. В 1959 году газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Западная Германия... уже окончательно вступила на путь создания мощной промышленности по производству оружия».

И действительно, 60 процентов всех военных заказов министерства обороны ФРГ в 1959 году выполняли западногерманские предприятия.

Американские истребители многоцелевого назначения «Ф-104» строятся по американской лицензии фирмой «Хейнкель — Мессершмитт». По лицензии компании «Локхид эйркрафт корпорейшн оф Калифорния», выпускавшей шпионские самолеты «Локхид У-2», в ФРГ строятся самолеты «старфайтер». Фирма «Везер АГ», контролируемая концерном Круппа, продала почти половину своих акций американской авиационной компании «Юнайтед эйркрафт корпорейшн». «Радио корпорейшн оф Америка» создает военные приборы с использованием электронной техники совместно с западногерманскими компаниями «Телефункен» и «Сименс и Гальске». Число этих примеров можно многократно умножить.

Но руководители монополий этим не довольствуются. Они считают, что ныне настало время развернуть производство вооружений в значительно больших масштабах. Кроме стремления к сверхприбылям, которые приносит производство оружия, особенно оружия массового уничтожения, известную роль здесь играет и другой фактор. В последние годы западногерманской промышленности становится всё труднее забивать рынки других капиталистических стран своими товарами. Естественно, что западногерманское правительство, выполняющее волю немецких монополий и стремящееся обеспечить концернам максимальную прибыль, является ярым врагом любых предложений, ведущих к подлинному разоружению.

Подтверждение этого факта дает нам газета «Дивельт» от 17 апреля 1958 года, в которой приводится письмо президента Федерального союза германской промышленности Берга министру обороны Штраусу: «Германская промышленность должна стремиться к тому, чтобы использовать для вооружения все возможные виды производства в ФРГ». И тот же Берг цинично заявляет: «Вооружение — лучший резерв конъюнктуры».

Еще бы! Ведь по подсчетам, произведенным в Западной Германии, атомно-ракетное вооружение бундесвера должно обойтись в гигантскую сумму — 110 миллиардов марок. Сюда не входит стоимость обычного вооружения бундесвера. Оснащение бундесвера одним лишь оружием массового уничтожения потребует больших расходов, чем всё вооружение вермахта при Гитлере. Есть на чем поживиться!

Неудивительно, что преемники «ИГ Фарбен» активно включились в атомную промышленность ФРГ.

Следует отметить, что Западная Германия является единственным государством в лагере капитализма, где атомная промышленность целиком находится в руках концернов, и как раз тех, кто стяжал себе в период фашизма столь преступную славу.

На атомном бизнесе в Западной Германии решили нагреть руки и американские монополисты. Еще во время второй мировой войны Гитлер поручил концерну Дегусса (из группы «ИГ Фарбен») исследования в области атомного горючего. Именно эта компания участвовала в работах над созданием «секретного оружия» для гитлеровской армии. Ныне в Западной Германии концерн Дегусса занят производством чистого урана для атомных заводов, которые строятся в районе Карлсруэ. Он имеет картельное соглашение с корпорацией «Американ металл», поставляющей правительству США урановую руду, литий и другие материалы, необходимые для производства атомных и водородных бомб. По-прежнему тесно связанная с преемниками «ИГ Фарбен» американская компания «Стандард-Ойл» (группа Рокфеллера) имеет своего представителя в государственной атомной комиссии ФРГ. Так объединяют свои усилия в производстве оружия массового уничтожения американские и германские монополии, чей союз в прошлом уже стоил миру миллионов человеческих жизней.

А разве не зловещим является тот факт, что «ИГ Фарбен» — ныне один из инициаторов создания западногерманского общества по финансированию атомных изысканий?»

Так американо-германские «братья-бизнесмены» снова готовят мировую войну, на этот раз с применением ядерно-ракетного оружия.

Концерн Круппа уже давно забыл клятву, данную его шефом по выходе из тюрьмы, — не производить больше оружия.

В середине 1960 года Европу облетело сообщение о том, что Крупп собирается превратить страну басков во второй Рур. Фирма Круппа затеяла это дело в компании с концерном Дегусса — тем самым, который хвастает открытием самого дешевого способа обогащения урана. «Крупп» собирается производить в Испании баллистические ракеты и ядерное оружие. Мессершмитт, который вооружал истребителями гитлеровскую авиацию, имеет свои предприятия в Севилье. Словом, фабриканты оружия из ФРГ чувствуют себя за Пиренеями, как дома.

Уже в самом начале 60-х годов в подготовку к производству ракетно-ядерного оружия внутри ФРГ открыто включились концерны Круппа, Сименса, АЕГ, ДЕМАГ, заводы Флика и ряд других. Около тридцати западногерманских концернов входит в объединение по подготовке к изготовлению атомного оружия. Это объединение носит безобидное название: «Физическое научно-исследовательское общество».

Работы по конструированию ракет ведут «Немецкое рабочее общество по ракетной технике», акционерное общество «Хейнкель» и другие фирмы.

С тех пор прошло несколько лет, и ныне ракетно-атомный бизнес запускается на полный ход. Из этого даже не делают особого секрета.

В рейнской столице напротив нового Дома прессы вздымается первый небоскреб. Его хозяин Штольтенберг — самый молодой из членов боннского кабинета, министр по делам науки и техники. Он сделал карьеру в концерне Круппа в качестве одного из его директоров.

В первой половине 1967 года Штольтенберг добился одобрения так называемой «космической программы»,

предусматривающей резкое увеличение ассигнований для развития ракетной промышленности в ФРГ на период до 1971 года.

Под эти новые нарушения Потсдамских соглашений представители правительства ФРГ, монополий и послушная им печать пытаются подвести «правовые» обоснования.

Так, 23 сентября 1966 года западногерманский еженедельник «Ди цейт» заявил: «Федеративная Республика в 1954 году категорически отказалась производить атомное оружие на территории Федеративной Республики. Она тогда не отказалась от возможности производить это оружие за границей или покупать его или брать напрокат (?!) у других государств».

В ноябре 1966 года был опубликован так называемый «ракетный меморандум», в котором ведущие монополии ФРГ открыто провозгласили курс на развитие ракетной техники как необходимого средства доставки ядерного оружия.

В феврале 1967 года по этому вопросу выступил канцлер Кизингер, заявив, что с «юридической точки зрения» ФРГ до сих пор «отказывалась производить атомное оружие только на нашей собственной территории». Вот почему Кизингер возражал против договора о нераспространении ядерного оружия, который сделал бы невозможным «производство атомного оружия на территории других стран, или с этими другими странами, или с этой другой страной».

Таким несколько неожиданным партнером для ФРГ по производству атомного и ракетного оружия оказалась Южно-Африканская Республика. Но это неожиданный партнер только на первый взгляд. Дело в том, что ЮАР имеет всё, чего не хватает Западной Германии: уран, литий, торий и даже ученых-атомщиков. Южная Африка, однако, не имеет пока того, чем располагает ФРГ, — денег и необходимых в таком случае сталелитейных и электротехнических предприятий. Через ЮАР Западная Германия имеет доступ примерно к 20 процентам всего урана, добываемого в капиталистических странах.

И вот 3 февраля 1967 года южноафриканская «Файнэншл газет» сообщила, что ЮАР поставила Западной Германии тысячу тонн высококачественного урана, часть

которого предполагалось использовать в 35 реакторах и исследовательских центрах, а остальное подлежало передаче в резерв для стратегических целей.

А что представляют по своей производственной мощности крупнейшие из указанных 35 реакторов? Ответ на этот вопрос содержится в книге Леонарда Битона, сотрудника отлично осведомленного Британского института стратегических исследований. Книга называется «Должны ли бомбы распространяться?».

Из данных Битона явствует, что только 5 наиболее крупных реакторов, имеющих в ФРГ, могут производить 180 атомных бомб в год, эквивалентных по силе бомбе, сброшенной в свое время на Хиросиму.

Учитывая отношения, сложившиеся между Бонном и Преторией, директор Южноафриканской-Западногерманской торгово-промышленной палаты Фишер заявил 21 июля 1966 года: «Южная Африка сможет стать мастерской для западногерманской промышленности».

А западногерманская газета «Индустрикурир» еще в 1963 году писала: «Южная Африка — райское место для капиталовложений».

Долг платежом красен. И уже в августе 1965 года тогдашний премьер-министр правительства ЮАР Фервурд смог произнести речь на торжестве по поводу ввода в действие первого южноафриканского атомного реактора, построенного, разумеется, с западногерманской помощью. В этой речи Фервурд сказал, что имеется в виду «военное применение материала» наряду с его применением в мирных целях.

Ныне в работах по созданию ядерной бомбы в ЮАР участвуют такие западногерманские фирмы, как «Крупп», «Дегусса», «Сименс» и другие. В ноябре 1965 года сам Альфред Крупп посетил Южно-Африканскую Республику, дабы обсудить достигнутый «прогресс» с правителями ЮАР.

Одновременно близ Претории ведутся работы по производству и усовершенствованию мощных баллистических ракет. С этой целью в апреле 1967 года в ЮАР прибыл профессор Герман Оберт, представитель западногерманской ракетной фирмы «Герман Оберт АГ».

Наконец, там же, в Южной Африке, подальше от глаз мировой общественности, в тесном сотрудничестве с ФРГ, организовано производство и усовершенствование

сверхядовитых газов, открытых экспертами химического концерна «ИГ Фарбен» в конце второй мировой войны.

— Каковы же перспективы атомно-ракетной оси Бонн — Претория и каковы ее конкретные достижения?

17 апреля 1967 года хорошо осведомленный в таких вопросах журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал, что Западная Германия к 1970 году будет производить достаточно плутония для изготовления ста атомных бомб в год.

Более определенно по этому поводу в октябре 1967 года высказалась «Газетт», издающаяся в Монреале: «Почти наверняка можно сказать, что Бонн максимум через 5 лет будет иметь ядерные бомбы и средства доставки — оружие, над которым НАТО не будет обладать контролем».

Плоды трудов Бонна и Претории иной раз реализуются и на европейской территории: в июне 1967 года пришло сообщение из Бремена, что там проведены наземные испытания мощной «европейской» ракеты. В сообщении указывалось: «расчетные цели превзойдены».

Так курс на создание своего ракетного и другого «оружия будущего» становится в ФРГ мрачной действительностью.

А пока германские монополии делают всё для подготовки производственной базы собственного атомно-ракетного оружия, а также для оснащения бундесвера всеми видами самого современного обычного оружия.

Во что же обходятся западногерманским трудящимся новые авантюристические планы, которые вынашивает монополистическая элита?

12 ноября 1967 года исполнилось 12 лет со дня формирования первых соединений бундесвера. За это время налогоплательщики выплатили на строительство и содержание армии в общей сложности огромную сумму — 164 миллиарда марок.

Вот источники громадного увеличения капиталов крупнейших концернов ФРГ, о которых читатель уже знает.

Но военных промышленников Западной Германии и что не удовлетворяет. Они требуют еще больше увеличить их долю прибылей в военном бизнесе на основе дальнейшего сокращения импорта американского

вооружения и еще большего расширения западногерманской военной промышленности.

Их не удовлетворяет структура военных расходов, когда 70 процентов бюджета министерства обороны поглощает содержание бундесвера, а инвестиции на приобретение оружия внутри страны — только 30 процентов. Военные концерны настаивают на том, чтобы расширение производства собственного оружия достигало такого уровня, когда содержание бундесвера составляло бы только 55 процентов к общему бюджету министерства обороны, а приобретение оружия внутри страны — не менее 45 процентов этих расходов.

В итоге усилий, приложенных за 12 лет существования бундесвера, он уже сейчас достигает полумиллионной численности и является крупнейшей западноевропейской сухопутной армией.

Дальнейшее стремление к его прямому расширению вызвало бы, разумеется, сопротивление даже союзников по НАТО. Вот почему западногерманские монополии и послушное им правительство решили пойти по другому пути: формально не увеличивать состав бундесвера, но одновременно привести в состояние боевой готовности почти полуторамиллионную армию резервистов.

И по-прежнему военной доктриной западногерманской армии, как раньше гитлеровской военной машины, является агрессивная война.

В конце 1967 года это подтвердил министерский советник Зеeman из ведомства федерального канцлера, заявив, что командование бундесвера ориентируется «на поля сражений, расположенные на территории противника». Вот для чего бундесверу нужна уже в мирное время, включая готовых к действию резервистов, почти двухмиллионная армия.

Тут нет ничего неожиданного: такая установка в области вооружения и военной доктрины — логическое следствие совершенно определенной политической линии, и прежде всего реваншистских территориальных требований ФРГ.

Ведь ФРГ — единственное в наше время государство, выступающее за перекройку европейских границ. Но ведь попытки реализации этих планов — и в этом никто не сомневается даже на Западе — означают третью мировую войну.

Тем не менее печальным историческим фактом является то, что западногерманское государство родилось с реваншистскими лозунгами на устах. В самом деле, отказ ФРГ признать установленную границу по Одеру—Нейссе был провозглашен канцлером Аденауэром уже в его первом правительственном заявлении в бундестаге 20 сентября 1949 года.

Эта центральная «идея» внешней политики ФРГ красной нитью проходит через все периоды недолгой истории этого государства.

Официальная боннская позиция отказа от признания восточных границ выражена в ряде правительственных документов. Так, 29 мая 1953 года, Аденауэр писал в меморандуме, направленном президенту США Эйзенхауэру: «Ни одно германское правительство никогда не будет в состоянии признать линию Одер—Нейссе».

Тот же тезис звучит в речи канцлера Эрхарда, в его выступлении 28 августа 1960 года в Дюссельдорфе: «...раздел Германии не может быть основой устойчивого мирного порядка в Европе».

Такие заявления руководителей ФРГ, естественно, настораживают. Ведь в них довольно прозрачно сквозит угроза войной в случае, если не будут признаны реваншистские «права Бонна» на всю территорию Германской Демократической Республики и на те земли, которые расположены к востоку от линии по Одеру—Нейссе.

В обобщенном виде притязания Бонна на не принадлежащие ему территории нашли выражение в требовании правительства ФРГ «восстановить границы германского рейха по состоянию на 31 декабря 1937 года».

И тут любопытная деталь! Оказывается, автором этого реваншистского требования является не Аденауэр, не Эрхард, не их приближенные, — такое «требование» впервые сформулировал не кто иной, как Герман Геринг, сформулировал его в Нюрнберге, уже находясь под судом, сформулировал тогда, когда Черчилль и Бирнс дали в своей речи в Фултоне и Штутгарте старт холодной войне. В апреле 1946 года Геринг заявил своему адвокату: «Чтобы продолжать существовать, нашей минимальной программой должно быть возвращение

границ 1937 года. Но, возможно, окажется необходимым даже расширить наши границы».

Уже свыше двадцати лет прошло с тех пор, как прах Геринга развеян по ветру, а правительство ФРГ до сих пор настойчиво долбит: «Восстановить границы 1937 года».

Совершенно очевидно, что и отказ признать факт существования ГДР и упорное требование восстановить границы 1937 года — всё это означает не что иное, как боннские планы новой экспансии на Восток.

Не следует, однако, думать, что требование восстановить границы 1937 года является планом-максимумом германских монополий. Это только начало, «скромное» начало.

Еще в 1958 году баден-вюртембергский министр Фидлер говорил: «Мы чувствуем себя несколько ущемленными, когда говорят о границах 1937 года». А бывший боннский министр Вольдемар Крафт выражает эту мысль значительно более радикально, объявляя требование о восстановлении границ 1937 года «недомыслием», так как оно означает готовность «списать со счета Судетскую область, Восточную Пруссию, Данциг и область Мемеля».

Эту же мысль конкретизирует близкая к правящим кругам боннская газета «Генераль-анцейгер»: «Судетские немцы будут ожидать от Чехословакии, освобожденной от коммунизма, возврата к Мюнхенскому соглашению, по которому осенью 1938 года Судетская область отошла к Германии».

В настоящее время в поисках «юридических аргументов» для своих реваншистских требований реваншистские круги Бонна дошли до того, что встали на позицию, будто Мюнхенский сговор 1938 года действителен и в настоящее время. С таким утверждением неоднократно выступал боннский министр Зеебом. Такова, в частности, его речь в Нюрнберге в мае 1964 года. По существу, она была ответом на обращение чехословацкого правительства к канцлеру Эрхарду с призывом официально признать недействительным мюнхенский сговор. В этой связи Зеебом в своей речи требовал «возвращения судето-немецкому народу похищенных судето-немецких областей».

Однако территориальные требования немецких

империалистов совсем не исчерпываются теми областями, которые они именуют «германскими».

Ведь в одном из своих выступлений Аденауэр признавал, что боннская политика проводится «с целью освободить не только советскую зону, но и всю... Европу к востоку от железного занавеса».

В другой раз, выступая в Ватикане 22 января 1960 года, он утверждал: «...в нынешние бурные времена бог возложил на германский народ особую миссию: быть хранителем Запада против тех мощных влияний, которые идут к нам с Востока».

Не правда ли, это очень похоже на нацистские высказывания по поводу их агрессивных планов на Востоке?

И в этом дружном ансамбле, воспевающем реваншизм, ядерный авантюризм и, разумеется, антикоммунизм, громче всех звучит голос бывшего боннского военного министра фон Хасселя: «Наши территориальные требования выходят далеко за рамки границ по Одере—Нейссе. Мы хотим вернуть все старые немецкие земли. Год двухтысячный не должен стать 83-й годовщиной Октябрьской революции в мире».

Западногерманские монополисты спят и видят не только восстановление третьего рейха в его старых границах, не только новый антикоммунистический крестовый поход во главе с бундесвером, но и хотят открыть XXI век, предварительно уничтожив на Земле великое содружество социалистических народов. Для этого они вновь готовы на любые самые страшные военные преступления.

Не иначе как для осуществления этих бредовых целей тот же Хассель в интервью газете «Франкфуртер цейтунг» требовал для Западной Германии «конкретного участия во всей ядерной философии, политике, стратегии и контроле».

Кто же подлинный режиссер такой политики и кто верит в возможность ее реализации? Ответ на этот вопрос содержится в одном из октябрьских 1967 года номеров «Газетт», издаваемой в Монреале: «...на западногерманской фондовой бирже идет бойкая торговля акциями многих, бывших некогда крупными, предприятий, которые сейчас являются национализированной собственностью на социалистическом Востоке».

Задача — унифицировать мышление

Агрессивная политика германских монополий вызывает всё больше возмущения и протестов не только в других странах, но и внутри ФРГ. Трудно вытравить из памяти германского народа кровавый и страшный для него опыт первой и второй мировых войн.

Что предстоит народу ФРГ в современном мире, если его правителям удалось бы разжечь пожар ракетно-ядерной войны в Европе? Это нетрудно себе представить, и это отчетливо сознают многие немцы. Какова же реакция руководителей германских монополий, а следовательно и правительства ФРГ, на такие настроения?

Если в германском народе еще не стерлась память о двух мировых войнах, то и господа из Рура не забыли об этом же опыте. Унификация мышления германского народа, железная дисциплина и бездумное выполнение любых приказов как основа крепкого тыла, а крепкий тыл как основа для успешного ведения войны — вот что нужно господам монополистам.

Вот почему, пытаясь вновь оболванить немецкий народ и сделать его покорным исполнителем преступных замыслов, канцлер Эрхард выдвинул тезис об «отождествлении немцев с их руководством», то есть о той унификации общественного мнения, которой с таким упорством и не без успехов в свое время добивался пресловутый Геббельс.

То, что канцлер преподносит в изящной словесной упаковке, публицисты из военного журнала «Веркунде», близкого боннскому министерству обороны, разъясняют гораздо проще и гораздо точнее: «Современная война ведется не только в трех сферах — на суше, в воде и в воздухе, она распространяется и на четвертую сферу — духовный мир людей. В этой сфере третья мировая война уже началась!»

Эта программа «милитаризации мозгов» немецкого народа в ФРГ ведется настойчиво, методично, всеми современными средствами и, к сожалению, снова не без успеха. Ну а раз в ход пошла старая гитлеровская концепция унификации мысли, то и методы ее осуществления нередко заимствуются в третьем рейхе.

Осенью 1965 года в центре Рура Дюссельдорфе — этой столице западногерманских монополий, — как сообщала итальянская газета «Унита», группа молодых христианских демократов из лиги «За решительное христианство» публично сожгла несколько сотен «нездоровых книг». В дюссельдорфских кострах на сей раз горели не марксистские книги: эта «вредная литература» в «свободной» федеративной республике практически давно истреблена и без публичного сожжения. На сей раз в огонь полетели произведения Грасса, Камю, Кестнера, Энциенсбергера, Саган. Примечательно, что эти варварские действия были разрешены отделом охраны общественного порядка дюссельдорфского муниципалитета.

Вот вам лучшее доказательство того, что «государственно мыслящие» немцы отнюдь не остались такими, какими были. Ныне, стоя у костра и кидая туда произведения человеческой мысли, они не горланят нацистских гимнов, а чинно тянут церковные псалмы, — они ведь «решительные христиане», а не безбожники-нацисты.

В то же самое время на книжном рынке в ФРГ можно приобрести в любом количестве мемуары нацистских военных преступников — Риббентропа, Шахта, Деница, Кессельринга, Манштейна и других — или печально известные «грошовые книжки», восхваляющие в стиле комиксов погромные подвиги гитлеровцев. К двадцатилетию разгрома нацистской Германии в ФРГ была издана книга, которую не рискнули напечатать даже в США. Это «Навязанная война» американского историка Хоггана. Прочитав 896 страниц этой стряпни, пораженный читатель узнает, что Адольф Гитлер был отнюдь не кровавым диктатором и беспрецедентным преступником, а человеком «миролюбивым, предупредительным и достойным восхищения», а «виновниками бессмысленной и беспощадной войны против Германии» были «вероломная Англия, страдающая манией величия Польша, кроваваджный президент США Рузвельт» и, само собой разумеется, Советский Союз.

Но честные немцы на Западе помнят изречение Генриха Гейне, относящееся к 1820 году: «Это была лишь прелюдия: там, где сжигают книги, в конце концов начинают жечь людей». Они помнят также, с какой точностью в третьей империи сбылись эти слова.

Снова боннские правители всячески развивают в немцах дух национального превосходства, заставляют их верить в то, что «сформировавшееся общество», как называют христианско-демократические теоретики общественный строй ФРГ, является эталоном не только для Западной Германии, но и для всего мира, — эталоном, призванным, в частности, заменить социализм. Это кажется почти невероятным, но послушайте слова самого Эрхарда: «Сформировавшееся общество — это не модель, которая может функционировать только в оболочке национального государства. Оно может выразиться и в картине объединенной Европы. Более того, оно обладает необходимыми качествами для того, чтобы стать направляющей идеей для переустройства нашего континента, а также для экономического и социального развития других народов. Если нам удастся этот шаг, тогда притягательная сила созданного таким образом общества докажет свое преимущество перед другими формами. В то же время она уничтожит идеологически и политически социализм — и этот процесс уже идет».

Так в новых условиях западным немцам навязывается старая гитлеровская «идейка» об установлении во всем мире «нового порядка», соответствующего политическим и экономическим вкусам западногерманских монополий.

Но то, что канцлер пытается закамуфлировать хитроумно-дешевой демагогией, то военный преступник и видный деятель НАТО, нацистский и бундесверовский генерал Хойзингер выкладывает с солдафонской прямолинейностью.

Выступая осенью 1965 года перед молодой порослью ХДСовских политиков на заседании в бад-годесбергской Штадтхалле, Хойзингер без обиняков говорил: «Надо применить атомное оружие, как только это потребуется... Мы не хотим еще раз быть подмятыми, а потом отвоеванными».

Реакционный западногерманский публицист Шламм из статьи в статью истерически призывает к атомной войне против лагеря социализма. По его мнению, требование запретить ядерное оружие и уничтожить его запасы является «самым позорным интеллектуальным скандалом нашего времени». При этом Шламм цинично и открыто признаёт, что атомная война, которую он при-

зывает развязать, — чисто агрессивная война, так как социалистические державы никому не угрожают: «Суть конфликта между коммунизмом и Западом заключается в том, что коммунизм хочет мира и в условиях мира процветает... Коммунистическая стратегия заключается в сохранении мира».

В это же время печать ежедневно вдалбливает в головы обывателей: «ФРГ имеет право на атомное участие».

Но идеологическая обработка народа ФРГ — это только часть программы унификации мышления, и при этом отнюдь не самая значительная. В ход пускаются и средства прямого подавления инакомыслящих, дабы сломить любое внутреннее сопротивление политике германских монополий. И одним из первых шагов на этом пути явилось проведенное свыше двенадцати лет назад запрещение Коммунистической партии ФРГ. Затем ряд ударов обрушился на другие демократические организации в Западной Германии.

Зато всячески поощряются неонацизм и неонацистские организации.

Вот почему в заявлении Советского правительства правительству ФРГ от 9 декабря 1967 года прямо упоминается, что «Потсдамское соглашение предусматривало полное уничтожение национал-социалистической партии и ее филиалов, категорическое запрещение всякой нацистской и милитаристской деятельности или пропаганды, равно как и нацистских и милитаристских доктрин, недопущение активных нацистов к политической и общественной деятельности».

И в заявлении Советского правительства ставится совершенно естественный вопрос: «Как можно совместить существование и легальную деятельность неонацистской национал-демократической партии и других профашистских организаций в ФРГ с указанными требованиями Потсдамского соглашения?»

Что же представляет собой пресловутая НДП? По признанию представителя федерального ведомства ФРГ по охране конституции, около 30 процентов всех членов НДП скомпрометировали себя пронацистской деятельностью в годы третьей империи. Что же касается руководящей группы национал-демократов, то более трех четвертей из них активно поддерживало гитлеровский режим.

Чем же объяснить тот факт, что влияние национал-демократической партии в Западной Германии быстро растет? Ведь нельзя отворачиваться от того, что в 1967 году при выборах в ландтаги пяти земель неонацисты получили 41 депутатское место. А в апреле 1968 года провели в ландтаги Баден-Вюртемберга 12 депутатов, собрав 9,8 процента голосов всех избирателей, участвовавших в голосовании.

Нельзя забывать и то, что, по мнению западноевропейских обозревателей, неонацисты пользуются сейчас по всей ФРГ поддержкой не менее 2,5 миллиона избирателей, что они готовятся к схваткам на очередных выборах в бундестаг. Существенную роль сыграла тут методично проводимая западногерманскими властями идеологическая обработка населения в реваншистском и милитаристском духе.

Не меньшее, а может быть и большее значение имеют современные связи неофашистов с хозяевами западногерманского бизнеса и та крупная финансовая поддержка, которую «деловые люди» оказывают национал-демократам.

Вот некоторые факты такого порядка: только на проведение избирательной кампании в бундестаг в 1965 году национал-демократическая партия израсходовала около одного миллиона марок, в то время как поступления от членских взносов, являющиеся единственным официальным источником бюджета этой партии, составили только 70 тысяч.

С какого же неба свалилось неонацистам еще больше 900 тысяч марок? Этот секрет выболтал орган предпринимателей — журнал «Дер арbeitsgeber», который призвал промышленников и впредь оказывать финансовую поддержку неонацистам.

Добившись успехов на выборах в ландтаги, руководство НДП решило организовать «марш на бундестаг». Партия начала активную подготовку к выборам 1969 года в федеральный парламент. Для проведения избирательной кампании нужны средства, и весьма солидные. Но это не смущает фюреров НДП, которые открыто заявили в конце лета 1968 года, что они ассигнуют 10 миллионов марок на предвыборную борьбу. А эти средства, из каких источников они будут черпаться? Ларчик раскрывается просто, столь же просто, как он раскрывался

в памятные февральские дни 1933 года: на помощь неонацистам приходят всё те же, уже хорошо знакомые истории, силы — крупнейшие корпорации западногерманского капитала.

Нельзя сказать, чтобы руководители этих монополий были уже убеждены в немедленном и безусловном успехе НДП. Но одно совершенно очевидно — программа этой партии столь соблазнительна, что было бы непростительно не помочь ей проташить своих кандидатов в бундестаг, и чем больше, тем лучше.

Вот почему, как стало известно из сообщения агентства АДН из Дюссельдорфа, главари НДП в августе 1968 года встретились в засекреченном месте с представителями промышленных монополий, в числе которых и те, кто уже значительное время участвует в финансировании НДП. Встреча была посвящена вопросу выдвижения кандидатов на предстоящих в 1969 году выборах в бундестаг. В ней в числе других участвовали представители концернов, уже известных читателю: Флика и группы «ИГ Фарбен».

Как стало известно, говорится в сообщении АДН, представители концернов дали понять, что они и сами не прочь были бы выставить свои кандидатуры по списку этой неонацистской партии. Однако, по их мнению, в 1969 году это было бы преждевременным.

На встрече был согласован список кандидатов в бундестаг от НДП. Нет нужды доказывать, что все это люди, которые будут полностью обеспечивать интересы концернов.

Эти факты приобрели столь широкую известность, что министерство внутренних дел ФРГ вынуждено было подтвердить: НДП финансируется из кругов торговли и предпринимателей.

Английская газета «Дейли экспресс» выразилась более определенно: «Не является секретом, что крупные промышленники, рассчитывая застраховать себя на будущее, тайно предоставляют большие средства НДП, так же как их предшественники давали деньги Гитлеру».

Чем снискали симпатии руководителей монополий фон Тадден и его коллеги по руководству НДП? Старыми нацистскими лозунгами, гласящими, что главными врагами боннского рейха являются социалистические страны, требованием признания законности Мюнхенского

соглашения, требованием «возврата» Западной Германии западных земель Польши и т. д.

Любопытно отметить, что лидер НДП фон Тадден в своей беседе с Уинстоном Черчиллем-внуком в 1967 году почти слово в слово повторил гитлеровские утверждения о целях внешней политики третьего рейха. Тадден уверял, что Гитлер «хотел лишь положить конец коммунизму, а для этого необходимо было покончить с Польшей и Чехословакией».

Таковы новые фавориты современных западногерманских монополий.

И это обстоятельство учли лидеры правящей партии ХДС. В конце августа — начале сентября 1968 года мир облетело сообщение: в Нижней Саксонии, где готовятся коммунальные выборы, правящая партия канцлера Кизингера пошла на открытый союз с НДП. Обе партии решили выступить на выборах с единым списком кандидатов.

А ведь еще совсем недавно Кизингер и его коллеги говорили, что о таком блоке не может быть и речи. Так множатся симптомы, предвещающие возможность образования в Бонне черно-коричневой коалиции.

Что ж, это закономерно. Ведь один из лидеров ХДС Штраус давно и тесно связан с концернами Флика и «ИГ Фарбениндустри». А ведь именно Штраус сделал, и сделал немало, чтобы Курт Кизингер сел в кресло канцлера.

Короче, как мы видим, одни и те же монополистические руки поддерживают и лидеров НДП, и лидеров ХДС. Почему же им не объединить своих усилий на политическом поприще, для начала в отдельных землях, как, например, в Нижней Саксонии...

Не случайно в лидеры такой будущей коалиции ХДС и НДП в общегосударственном масштабе прочат того же Штрауса, которого неонацисты считают своим кумиром, и считают не без оснований. Ведь этот офицер вермахта, едва унесший ноги из-под Сталинграда, все забыл и ничему не научился.

Так, например, в своей последней книге «Проект для Европы» Штраус следующим образом излагает планы на будущее, которые лелеют правящие круги ФРГ и стоящие за их спиной руководители монополий: «Коммунистические режимы должны быть постепенно ликви-

дированы, образ жизни и стандарт жизни Восточной Европы должны быть приспособлены к образу жизни Западной Европы. Этот процесс мы должны поощрять и поддерживать...»

Как мы уже указывали, идеологические и политические мероприятия отнюдь не исчерпывают подготовку ФРГ к новой агрессивной войне. Здесь не в меньшей мере полагаются на меч репрессий. И в течение длительного времени в ФРГ шла подготовка к принятию серии поправок к Основному закону — которые в своей совокупности и составляют так называемую «чрезвычайную конституцию». Эти поправки должны послужить основой для целой системы чрезвычайных законов, имеющих своей целью освободить боннское правительство от каких бы то ни было ограничений в осуществлении власти.

И это вполне закономерно: читатель помнит, что тоска по диктаторе и диктатуре охватывала господ из Рура еще в конце 20-х — начале 30-х годов. Он помнит также, как собирались толстосумы в доме Геринга в феврале 1933 года и как раскрылись их сердца и кошельки, когда потребовалось оказать нацистам финансовую помощь на предстоящих выборах в рейхстаг.

И тут нечему удивляться, — ведь «железный Герман» обещал тогда ликвидацию в Германии демократии на последующие сто лет. Могли ли люди большого бизнеса выступить против столь соблазнительной перспективы? Разумеется, нет. Ведь тому, кто стремится к военным авантюрам, нужны спокойный, безмолвствующий и послушный тыл и полная безответственность и бесконтрольность во внешней политике.

Но разве сейчас монополии в ФРГ ставят себе иные цели? Поэтому естествен и рецидив старого недуга, — снова у рурских господ безысходная тоска, тоска по диктатуре.

Справедливости ради надо отметить, что боннские власти не стали на путь прямого копирования «чрезвычайного законодательства» времен третьей империи. Они разработали сложную систему законов и не менее сложную мотивировку для их введения в действие.

Вот Гитлер просто решил эту проблему: запретил все партии, кроме нацистской, и члены парламента, входя

в зал, по команде кричали «зиг хайль!» и по такой же команде голосовали.

Увы, такой парламент даже в условиях реваншистского разгула в Западной Германии сейчас невозможен. Невозможен, а нужен. Значит, надо найти такой путь, который позволил бы изобрести нечто подобное, но под «демократическим» флером.

Нагнав страху на немецкого обывателя и представив ему картину будущей атомной войны, боннские авторы «Чрезвычайной конституции» предусмотрели создание так называемого «объединенного комитета», органа, который должен заменить обе палаты парламента. Этот весьма незначительный по численному составу «объединенный комитет» состоит на две трети из депутатов бундестага и на одну треть из членов бундесрата.

В каких же случаях этот «объединенный комитет» вступает в действие? «Чрезвычайная конституция» предусматривает, что федеральное правительство не нуждается в созыве парламента, если его своевременному созыву мешают непреодолимые препятствия или он не в состоянии принимать решения, а обстановка требует немедленных действий.

Нельзя не признать, что формулировка эта весьма гибка и весьма растяжима. Во-первых, что такое «непреодолимые обстоятельства» и кто определяет их «непреодолимость»? Об этом в законе не сказано. Безусловно, правительству нетрудно будет найти пропагандистский предлог для объявления, что такие «непреодолимые препятствия» налицо. Во-вторых, что значит «не в состоянии принимать решения»? Очевидно, здесь имеется в виду тот случай, когда парламент может быть созван, но вследствие разногласий между депутатами не может вынести решения, которого добивается правительство.

И вот на такой случай «чрезвычайная конституция» специально оговаривает, что правительство может действовать в создавшейся ситуации, опираясь на «объединенный комитет», который в случае необходимости объявляет «состояние обороны». Как говорится, «что и требовалось доказать».

Итак, монополисты и послушное им правительство, создавая «объединенный комитет», избавляются при определенных обстоятельствах от бундестага и бундесрата.

Всё это хорошо, конечно, но в ФРГ при таких обстоятельствах могут появиться и наверняка есть и будут инакомыслящие. Их голос протеста против новых военных авантур не нужен, больше того, опасен для агрессивных целей деловых людей.

Поэтому надо без промедления и без всяких «устаревших» правовых гарантий пустить в ход аппарат репрессий. Этим задачам отлично отвечает буржуазная военная юстиция.

И вот авторы «чрезвычайной конституции» разрешают ее применение в «условиях обороны», вызывающих «состояние напряженности». Что же кроется за этими весьма расплывчатыми понятиями? Из этого не делается секрета: «состояние обороны» наступает в случае, если федеральная территория подверглась вооруженному нападению или ей такое нападение угрожает.

Надо ли говорить, какие широкие возможности таятся в этой последней формуле, особенно если вспомнить практику германского милитаризма? Как будто гитлеровская клика развязала хотя бы одну из многочисленных войн без ссылки на то, что ей «угрожало нападение» со стороны ее жертвы! Как будто, осуществив агрессию против Польши, нацистское правительство не сообщило, что это поляки «систематически угрожали Германии»! Как будто, напав на Норвегию, гитлеровцы не утверждали, что таким путем они лишь «предотвратили» угрозу нападения на Норвегию со стороны Англии! А нападение на Советский Союз? Разве не германский посол граф фон дер Шуленбург по поручению своего правительства ранним утром 22 июня 1941 года сообщил Народному комиссару иностранных дел СССР, что нападение на Советский Союз якобы вызвано «угрозой нападения на Германию со стороны Советского Союза»? Ссылка на «угрозу нападения» стала стандартным предлогом для оправдания гитлеровской агрессии, и она была разоблачена на Нюрнбергском процессе.

Прав, глубоко прав западногерманский юрист Г. Ханновер, заявляя: «Всякий, кто знаком с историей Германии, не может отрицать, что правительство, которому необходима «угроза извне», в любую минуту может создать ее с помощью своей политики... Всегда можно найти какой-либо предлог, чтобы представить обстановку

ку настолько угрожающей, что это оправдало бы объявление чрезвычайного положения».

А что на деле означает объявление «состояния обороны» под предлогом мнимой опасности? Это значит, что практически и в мирное время право командования вооруженными силами может перейти к федеральному канцлеру; это значит, что резко сокращаются законодательные полномочия парламента.

Составители Основного закона ФРГ в свое время гордились тем, что не восстановили ст. 48 Веймарской конституции, которая предоставляла чрезвычайные полномочия президенту, чем и воспользовался Гитлер. Теперь правительству не нужен даже президент, оно само получает искомые права. Говорят, что исторические аналогии не всегда оправданы. Но в данном случае аналогия напрашивается сама собой.

24 марта 1933 года нацистская партия, захватившая власть в стране, «провела» через рейхстаг закон «О защите народа и государства». В статье 1 этого закона говорилось, что законы империи могут издаваться имперским кабинетом: в статье 2 — что «законы нации», изданные имперским кабинетом, могут иметь отклонения от конституции. В сущности, этот закон был ширмой, которую гитлеровцы использовали, чтобы узаконить свои преступления.

Трудно, очень трудно современным боннским деятелям доказать, что «Чрезвычайная конституция» имеет какую-либо цель, кроме той, чтобы заполучить право бесконтрольного законодательства. Но мы критикуем ее не только потому, что всякое посягательство на органы народного представительства заслуживает осуждения. Мы критикуем ее и потому, что она исходит от того единственного государства, которое открыто заявляет о своем стремлении изменить государственные границы в Европе, от того государства, в котором дух реваншизма с каждым днем набирает новую силу, в котором люди, запятнавшие себя сообщничеством с гитлеровцами, продолжают занимать ответственные посты в государственном аппарате. Одним словом, от того государства, политика которого вызывает все большее беспокойство в Европе и во всем мире.

Хорошо известно, что руководители монополий испы-

тывают страх перед народными массами, перед их инициативой, перед их активностью. Этот страх питается из совершенно определенного источника: «деловые люди», разумеется, хорошо сознают всю антинародную сущность той политики, которую проводит послушное им правительство. Отсюда — почти мистическая вера в силу репрессий.

Вот почему «Чрезвычайная конституция» предусматривает возможность самого широкого использования против народа, против бастующих рабочих не только полицейских сил, но и армии. Как сказано в «Чрезвычайной конституции», для предотвращения опасности, «угрожающей существованию или свободному демократическому строю федерации или земли», федеральное правительство может ввести в действие вооруженные силы в помощь полицейским силам.

Поскольку такой опасностью по смыслу «Чрезвычайной конституции» может быть «восстание» внутри страны, многие профсоюзы в ФРГ увидели в этом стремление боннского правительства использовать армию против рабочего класса как средство подавления массовых демонстраций протеста и забастовок, которые так легко могут быть выданы за «восстание».

Готовясь к агрессивной войне, гитлеровцы, как мы видели, выполняя волю монополий, ввели систему принудительного труда, превратив предприятия в каторжные казармы. Этим же духом так и веет от нынешнего «чрезвычайного законодательства».

«Чрезвычайная конституция» предусматривает возможность принуждать граждан к сохранению той или иной профессии и не разрешать им свободно менять место работы по мотивам создания повышенной готовности к обороне или защиты гражданского населения. Поскольку определение понятия «готовность к обороне» принадлежит правительству, то нетрудно представить себе, что это дает возможность в любое время ввести в систему принудительный труд.

Бывший министр внутренних дел П. Люкке в своем письме к председателю Объединения западногерманских профсоюзов Розенбергу признал, что осуществление чрезвычайных законов повлечет за собой «введение трудовой повинности» по крайней мере для восьми миллионов западногерманских трудящихся.

Один из виднейших германских милитаристов генерал фон Фрич писал, что вскоре после первой мировой войны он пришел к заключению, что «для того чтобы Германия снова стала сильной, мы должны одержать победу в трех битвах». Одна из них — «битва против рабочего класса». Имея в виду нацистские «чрезвычайные законы», фон Фрич с чувством глубокого удовлетворения заметил, что «Гитлер ее (эту битву. — Авт.) уже выиграл».

Прошли годы, и те, кто ничего не забыл и ничему не научился, снова стремятся использовать военную юстицию, бундесвер и принудительный труд как средство расправы с рабочим классом.

Как будто для того, чтобы никто не заподозрил боннские власти в том, что они в своем чрезвычайном законодательстве не во всем следуют образцам 1933 года, авторы «Чрезвычайной конституции» заодно уже дополняют ст. 10 Основного закона, гарантирующую тайну корреспонденции и других видов связи. Именно дополняют, ибо зачем отменять? Юридическая техника позволяет сохранить внешнее уважение даже к самым нежелательным нормам закона, а небольшое дополнение к этим нормам сводит их к нулю. Вот и дополняется статья 10 следующим указанием: «...поскольку ограничение (тайны переписки и т. п.) служит охране свободного демократического строя (?!), лицо, которого это ограничение касается, в известность об этом не ставится, и оно (ограничение) не может быть оспорено в обычном правовом порядке». И это принимается в государстве, которое статья 20 его конституции называет «демократическим и социальным»; а теоретики величают «правовым»!

Нам могут сказать, что вопрос о принятии того или иного порядка издания законов, о принятии тех или иных законов — это *внутреннее* дело государства.

Нет, когда государство с помощью законов готовит страну к нападению на другие страны, то и порядок принятия законов и самые эти законы уже не безразличны для народов других стран. И это показал Нюрнбергский процесс.

Заговор против мира — вот главное обвинение, которое было выдвинуто против нацистской клики. И далеко не случайно, что вся «внутренняя» политика гитлеров-

ского правительства — подавление демократии, расправа с другими партиями, фактическое упразднение парламентского контроля и т. д. — всё это фигурировало как один из элементов *заговора против мира*.

«После поджога рейхстага 28 февраля 1933 года, — говорится в Обвинительном заключении по делу главных нацистских военных преступников, — те пункты Веймарской конституции, которые гарантировали свободу личности, слова, печати, собраний и союзов, были отменены. Нацистским заговорщикам удалось провести в рейхстаге так называемый «Закон о защите народа и империи», дававший Гитлеру и членам его кабинета чрезвычайные полномочия в области законодательства».

Европейские народы, не раз оказывавшиеся жертвами германской агрессии, именно с этих позиций рассматривают «чрезвычайное законодательство».

С каждым днем люди все лучше начинают разбираться в его подлинных целях. Всемирно известный ученый, лауреат Нобелевской премии Макс Борн заявил: «С политической точки зрения принятие такого законодательства едва ли может иметь иную цель, чем установление господства над народными массами, с тем чтобы подготовить военную диктатуру и войну». Борн видит в «чрезвычайном законодательстве» «первую ступень к последней катастрофе Германии, а может быть, и всего человечества».

И этот шаг к катастрофе сделан: в июне 1968 года чрезвычайные законы были приняты боннским парламентом.

Такова история почти двадцатилетнего развития западногерманского государства, такова направленность этого развития. Германский империализм и его «рабочая пружина» — руководители монополий с самого своего возникновения отличались особой агрессивностью. В условиях общего кризиса капитализма эта черта еще больше обострилась, вылившись в форму разбойничьей политики третьей империи.

Разгром нацизма во второй мировой войне уменьшил возможности немецкого империализма, но отнюдь не изменил его крайней агрессивности.

Разумеется, новое соотношение сил на международной арене придало несколько иные формы этой агрессивности, но она осталась столь же опасной. Налицо

прямая преемственность между боннским и гитлеровским агрессивным курсом.

И этот курс диктуют прежние монополии, и во главе некоторых, важнейших из них, стоят прежние хозяева. Именно здесь причина того, что боннское государство делает упор на старые нацистские кадры. Хозяева сохраняют прежних слуг.

Когда военного преступника фельдмаршала Альберта Кессельринга досрочно выпустили из тюрьмы, он, как и полагается в «свободном мире», устроил пресс-конференцию и в ответ на вопрос о своих планах на будущее заявил кратко и недвусмысленно: «Мое будущее — в моем прошлом».

Эти слова так и просятся в качестве девиза на государственный герб ФРГ: «Наше будущее — в нашем прошлом».

З а к л ю ч е н и е

Мы подошли к концу нашего рассказа. Материалы гудебных процессов над руководителями германских монополий должны были раскрыть перед читателем зловещую роль рурских господ в преступлениях гитлеровской Германии.

Но в этом темном деле они не были одинокими. Они действовали в тесном союзе с монополистами других стран, и в первую очередь — с американскими. Этот союз не могла поколебать даже вторая мировая война. Разумеется, об этом американские трибуналы в Нюрнберге не рассказали человечеству.

Мы постарались восполнить этот досадный пробел, восполнить, опираясь, как видел читатель, только на американские и германские источники.

Известен и тот ущерб, который причинили правосудию американские трибуналы, оправдав по обвинению в агрессии всех рурских господ и освободив значительную часть их от ответственности за массовое и варварское использование принудительного труда на своих предприятиях. И всё же, несмотря на эти недостатки, несмотря на те субъективные намерения, которые были у руководителей американской внешней политики, когда они неохотно и под давлением сложившейся тогда исторической обстановки были вынуждены пойти на проведение этих судебных процессов, несмотря на всё это, было бы опрометчиво недооценивать их значение.

Конечно, преступная деятельность германских монополий и их особая роль и значение во всем государственном механизме третьей империи начали раскрываться

уже в Международном военном трибунале в ходе суда над главными немецкими военными преступниками. Однако во всей своей широте и со всеми деталями всё это было исследовано и установлено только на процессах концернов Круппа, Флика и «ИГ Фарбен».

И теперь, когда читатель вместе с нами ознакомился со всеми решающими, узловыми материалами, собранными обвинением и рассмотренными трибуналами, он может понять беспокойство адвоката Зимерса, осуществлявшего защиту барона Шницлера, когда он предупредил судей о социальном значении тех дел, которые они призваны были решить: это «антикапиталистические процессы», и, как таковые, они «вызовут большую радость коммунистов».

Уже много десятилетий в мире идет острая идеологическая борьба вокруг вопроса, имеющего особое значение для судеб человечества в XX веке: в чем причина тех кровавых войн, которые с последних лет XIX столетия и вплоть до наших дней всё чаще и чаще нарушают мир на земле и ныне угрожают самому существованию мировой цивилизации?

Неоднократно на протяжении многих десятилетий, на опыте многих войн эпохи империализма, можно было убедиться в том, что именно монополии были подлинными организаторами агрессивных войн, именно в их интересах эти войны развязывались. Именно на совести руководителей крупнейших монополий были колоссальные жертвы и разрушения.

Идеологи империализма, стремясь увести гнев народов в другую сторону, исписали тонны бумаги, чтобы доказать, что руководители концернов ничего общего не имеют с войной, не имеют никакого голоса в политике, что они и сами немало страдают от разорений, вызываемых любой войной.

Они признают, что кто-то, конечно, виноват в том, что время от времени земля сотрясается от разрывов снарядов, кто-то виноват в том, что в первую мировую войну загублено было 10 миллионов человек, а во вторую 30 миллионов. Но каждый раз находят различные причины, и ни одна из них и близко не касается «деловых людей». В одном случае причиной войн, по мнению идеологов империализма, являются традиции того или иного народа («извечная драчливость немцев»), в дру-

гом — «амбиция королей», а в третьем — «трагические недоразумения» в политике правительства.

В. И. Ленин в своих трудах не оставил и камня на камне от всех попыток идеологов такого сорта обмануть народы. Ленин вскрыл природу империализма, агрессивную его сущность. Вот уже на протяжении многих десятилетий адвокаты монополий безуспешно штурмуют крепость великих ленинских идей.

И вдруг (какая злая ирония судьбы!) — руками американских следователей и судей собираются, систематизируются и исследуются такие документальные материалы, которые неизбежно превратились в новую яркую и неопровержимую иллюстрацию правильности ленинских положений о природе и причинах возникновения войн в эпоху империализма. А почему мы говорим о неопровержимости этой иллюстрации? Да потому, что авторами этих документов, как мы видели, являлись сами господа монополисты и правительство одной из крупнейших империалистических стран — Третьей империи. И предназначались эти материалы только для совершенно секретного пользования узкого круга лиц из монополистической и государственной элиты. Вот почему они говорили о большой политике языком обнаженной правды.

И сейчас материалы нюрнбергских процессов над руководителями германских монополий — это острейшее оружие в борьбе с фальсификаторами истории, которых ныне так много развелось на Западе, особенно в США и ФРГ.

Необходимо отметить, что кампания фальсификации истории второй мировой войны началась именно на этих процессах.

Ведь, оправдав господ из Рура по обвинению в агрессии, американские судьи сами внесли весомый вклад в эту фальсификацию. Примером их неуважительного отношения к исторической правде может служить та часть приговора американского военного трибунала по делу Круппа, где записано:

«Мысль о том, что владельцы частных предприятий в наше время могут вырабатывать и претворять в жизнь преступные комбинации, для того чтобы совершать преступления против мира, является столь уникальной и далеко идущей в своем значении, что упоминание ее в

тексте обвинительного заключения вызывает сомнение: правильно ли мы поняли утверждение обвинителей?»

Такое заявление весьма характерно для представителей буржуазной юстиции. Они не приемлют даже мысль о том, что монополии могут быть причастны к преступлениям против мира, что они имеют какое-то отношение к агрессивной политике.

Видимо, американский трибунал, вынося приговор по делу «ИГ Фарбен», руководствовался этим соображением, когда утверждал:

«В данном случае мы стоим перед проблемой определения вины или невиновности в вопросе ведения агрессивной войны людьми, связанными с промышленностью, людьми, которые не делали политику, но которые поддерживали правительство в период перевооружения и продолжали служить ему во время войны, развязывание которой было признано актом агрессии».

Однако, понимая, что нет возможности перечеркнуть факты, показывающие огромную помощь, оказанную монополиями третьей империи в экономической подготовке и ведении агрессивных войн, американские судьи решили пойти навстречу этим весьма неприятным фактам с открытым забралом, предвосхитив все возможные возражения, и... легким прикосновением своих судейских перьев приравняли магнатов тяжелой индустрии и банков по своему политическому и экономическому значению к рядовым гражданам третьей империи:

«По необходимости бо́льшая часть населения Германии поддерживала военные усилия. Население вносило свой вклад как в период наступательных войн Германии, так и в период оказания ею сопротивления союзникам». Что же касается руководителей монополий, указывается в приговоре, то они «не были ни высокими государственными деятелями, ни ответственными военными чиновниками. Они участвовали как последователи, а не как лидеры. Если мы снизим уровень участия в военных преступлениях до включения руководителей «ИГ Фарбениндустри», то будет трудно разграничить виновных и невиновных среди огромной массы немцев».

А в действительности огромное значение материалов нюрнбергских процессов как раз и заключается в ярком подтверждении того, что нет ничего «уникально-го» в мысли, согласно которой «владельцы частных

предприятий в наше время могут вырабатывать и превращать в жизнь преступные комбинации, для того чтобы совершать преступления против мира».

В свете этих материалов приговоры американских трибуналов были поистине уникальны своим игнорированием огромной массы объективных доказательств, своей попыткой по существу фальсифицировать исторические события беспрецедентного масштаба. Такое не часто можно встретить даже в далеко не гладкой и совсем не безоблачной истории человеческого правосудия.

Вместе с тем, после того как были собраны и представлены Международному военному трибуналу и другим военным трибуналам неотразимые по своей убедительности доказательства виновности руководителей германских концернов, уже можно было не разделять тревоги американских судей, рассматривавших дело «ИГ Фарбен», по поводу того, что «будет трудно разграничить виновных и невиновных среди огромной массы немцев».

Так еще раз подтвердилась старая истина, известная каждому опытному судебному деятелю: мнение судей, воплощенное в приговоре, — отнюдь и не всегда безапелляционная правда. Любой приговор суда только тогда неколебим, когда он органически вырастает из суммы собранных и правильно оцененных доказательств, когда он полностью на них опирается, как на свой фундамент. А вот цитированные выше приговоры — яркая иллюстрация того, в каком противоречии со всеми доказательствами оказались выводы американских судей, незаконно оправдавших монополистов по обвинению в агрессии.

Да, велико значение нюрнбергских процессов для того, кто хочет знать правду о трагическом периоде мировой истории 1932—1945 годов.

Материалы этих процессов как бы девальвировали все попытки в прошлом, настоящем и будущем создать фальсификаторские, а потому квазиисторические труды с единственной целью скрыть от народов подлинную роль «деловых людей» в империалистической политике агрессии. Нюрнбергские процессы (и в этом их огромное значение) показывают народам, говоря словами В. И. Ленина, «как велика тайна, в которой война рождается». Они обнажают эту тайну и помогают простым людям всего мира постичь ее существо.

Но этим значение нюрнбергских процессов не исчерпывается. Они напоминают народам мира, и особенно Европы, какая большая опасность таится в современной политике германских монополистов, которые в 1933 году привели Гитлера к власти, а Германию и весь мир к войне, а сегодня, — разумеется, с учетом происшедших исторических перемен, — идут по тому же пути. Вот почему мы сочли необходимым ознакомить нашего читателя не только с послевоенной судьбой «героев» нюрнбергских процессов, но и с некоторыми фактами из истории западногерманского государства и сегодняшними политическими буднями этой державы.

Материалы нюрнбергских процессов — это выжженное клеймо, неизгладимое на челе не только Западной Германии, но и тех руководителей американских монополий и государственных деятелей США, которые, презрев исторический опыт, стали на путь потворствования, более того — на путь союза с русскими хищниками.

Однако этим отнюдь не ограничилась опасная для человечества деятельность американских монополий и правительства США.

Американские империалисты в годы, следовавшие за второй мировой войной и вплоть до наших дней, совершили немало актов агрессии и тягчайших военных преступлений.

Мы считали необходимым хотя бы вкратце рассказать и об этом, для того чтобы показать, что третья империя не обладала монополией на совершение военных преступлений и они не исчезли с лица земли вместе с ней.

Агрессивные устремления монополий в наши дни, в первую очередь американских, — вот истинный источник империалистических войн и их неизменной тени — военных преступлений. Мы стремились показать это только на фактах и только через призму фактов.

В Нюрнберге американский обвинитель Роберт Джексон от имени Соединенных Штатов сказал многое, что сейчас за океаном хотели бы предать полному забвению. Мы хотим привести одно такое высказывание: *«Хотя этот закон применяется впервые против германских агрессоров, он должен осуждать агрессию, совершенную любой другой нацией, включая и те, которые представлены сегодня в трибунале, если только он пред-*

назначен для служения истинно полезной цели. (Курсив паш. — Авт.)

Та ситуация, о которой лишь предположительно говорил Джексон, давно уже стала реальностью — приведенные слова американского обвинителя, вчера еще разоблачавшие нацистских военных преступников, сегодня разят с большой силой политических военных руководителей и мир большого бизнеса его собственной страны, уже несколько лет ведущих во Вьетнаме преступную агрессивную войну.

В 1945 году перед человечеством встал вопрос: может ли современное международное право справиться с преступлениями такого беспрецедентного масштаба, совершенными преступниками, занимавшими самое высокое положение в экономике, политике и армии, или оно бессильно это сделать? И на этот важнейший вопрос в Нюрнберге был дан положительный ответ. Эта проблема, как мы видели, волновала наиболее глубокие умы, например Достоевского, еще в середине прошлого столетия.

Она приобрела неизмеримо большее значение в наше время, — время атомно-ракетного оружия, применение которого могло бы иметь катастрофические последствия для всего человечества. В этих условиях нельзя было дальше терпеть безответственность тех людей, которые руководят в государстве экономикой, политикой и армией и используют свою власть для развязывания агрессии. И нюрнбергские процессы означали, что отныне на защиту мира и безопасности народов стал и уголовный закон.

И если всё же империалисты и здесь ничего не забыли и ничему не научились, то разве это не является еще одним подтверждением замечательных слов Жореса: «Капитализм несет в себе войну, подобно тому, как туча несет в себе грозу».

Но великому французу, павшему в 1914 году от руки наемника реакции, не суждено было увидеть то, что видим и знаем мы: есть ныне могучее содружество социалистических стран, стоящее неодолимой преградой на пути стремления империалистов к владычеству над миром. Всё шире и шире растут на всех континентах силы, выступающие за мир.

Список использованной литературы

- В. И. Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 299—426.
- В. И. Ленин. Замечания на сочинение Клаузевица «О войне». Ленинский сборник XII, стр. 394—443.
- В. И. Ленин. Военная программа пролетарской революции. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 131—143.
- В. И. Ленин. Социализм и война. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 307—350.
- В. И. Ленин. Доклад о мире 26 октября (8 ноября). Полн. собр. соч., т. 35, стр. 13—18.
- «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., Госполитиздат, 1961.
- «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. М., Госполитиздат, 1956.
- «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». М., Госполитиздат, 1961.
- «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. М., Госполитиздат, 1966.
- «Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 года. Манифест мира». М., 1957.
- «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва, ноябрь 1960 года». М., 1960.
- «Документы Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах, 24—26 апреля 1967 года». М., 1967.
- «В борьбе за мир». Советская делегация на V сессии комиссии по разоружению. М., Изд-во НКВД, 1928.
- «Вашингтонская конференция 1921—1922 гг.». М., Изд-во НКВД, 1924.
- «Гаагские конвенции о законах и обычаях войны». М., Госюриздат, 1942.
- «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства (октябрь 1943 г.)». Нюрнбергский процесс. Сб. документов в семи томах, т. 1. М., Госюриздат, стр. 20—21.
- «Соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных

военных преступников европейских стран оси (8 августа 1945 г.)». Нюрнбергский процесс, т. 1, стр. 64—65.

«Устав Международного военного трибунала. 8 августа 1945 г.». Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. 11. М., Госполитиздат, 1955, стр. 165—172.

«Стенографический отчет Нюрнбергского процесса главных немецких военных преступников». 39 томов. Архив Верховного суда РСФСР.

«Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны». М., 1949.

«Преступные цели — преступные средства». Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). М., Госполитиздат, 1965.

«СС в действии». Документы о преступлениях СС. Перевод с немецкого. М., изд-во ИЛ, 1960.

«Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта». М., изд-во «Прогресс», 1964.

«Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». М., изд-во «Юридическая литература», 1965.

«Конвенция о предупреждении геноцида и наказания за него (1948)». «Ведомости Верховного Совета СССР», 1954, № 12, статьи 244, 406—409.

«Женевские конвенции о защите жертв войны (1949)». «Ведомости Верховного Совета СССР», 1954,

М. Н. Андрюхин. Геноцид — тягчайшее преступление против человечества. М., Госюриздат, 1961.

К. А. Багинян. Агрессия — тягчайшее международное преступление. М., Изд-во АН СССР, 1955.

Л. А. Безыменский. Германские генералы с Гитлером и без него. М., изд-во «Мысль», 1964.

О. В. Богданов. Всеобщее и полное разоружение. М., Изд-во ИМО, 1964.

О. Винцер. 12 лет борьбы против фашизма и войны. Очерки по истории компартии Германии в период с 1933 по 1945 г. Перевод с нем. М., ИЛ, 1956.

Ш. Датнер. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных. Перевод с польского. М., ИЛ, 1963.

М. С. Драгилев. Американские монополии в погоне за сверхприбылями. М., Госполитиздат, 1956.

В. Зорин. Монополии и политика США. М., ИМО, 1960.

В. Зорин. Некоронованные короли Америки. М., Гослитиздат, 1962.

И. М. Иванова. Нюрнбергские принципы в международном праве. «Советское государство и право», 1960, № 8.

И. М. Иванова. Ссылка на «приказ свыше» в международном праве. Сб. «Вопросы теории и практики современного международного права», вып. 3. М., ИМО, 1960.

А. Кан. Заговор против мира. М., ИЛ, 1961.

Ф. И. Кожевников. Высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о традиционном попрании Германией международной законности. В кн.: «Научные записки института внешней торговли НКВТ», вып. 1. М., 1945.

В. И. Курляндский. Об уголовной ответственности виновников нарушений законов и обычаев войны. «Труды ВЮА». М., 1950, вып. 11.

И. А. Ледях, Ф. М. Решетников. Каждый нацистский преступник должен понести наказание. «Советское государство и право», 1965, № 2.

Джеймс Мартин. Братство бизнеса. М., ИЛ, 1951.

Р. Миллс. Властвующая элита. М., ИЛ, 1959.

С. В. Молодцов. Преступное нарушение американскими интервентами в Корее законов и обычаев войны. «Социалистическая законность», 1952, № 12.

Г. И. Морозов. Пропаганда войны — тягчайшее преступление против мира. «Советское государство и право», 1955, № 7.

В. Перло. Милитаризм и промышленность. М., Госполитиздат, 1965.

Н. Н. Полянский. Суд над преступниками войны. М., Госюриздат, 1945.

Р. Сэюли. ИГ Фарбениндустри. М., ИЛ, 1948.

К. Прицколейт. Кому принадлежит Западная Германия. М., ИЛ, 1960.

М. Ю. Рагинский. Основные процессуальные вопросы организации и деятельности международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио. М., ВИЮН, 1950.

М. Ю. Рагинский и С. Розенблит. Международный процесс главных японских военных преступников. М., Изд-во АН СССР, 1950.

П. С. Ромашкин. Американско-английские империалисты — покровители военных преступников. «Советское государство и право», 1952, № 11.

П. С. Ромашкин. Чудовищные преступления американских агрессоров в Корее. М., Госполитиздат, 1953.

А. Н. Трайнин. Уголовная ответственность гитлеровцев. М., Юриздат, 1944.

А. Н. Трайнин. Нюрнбергский процесс. Сборник статей. М., 1946.

А. Н. Трайнин. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., Изд-во АН СССР, 1956.

Джордж Уилер. Американская политика в Германии. М., ИЛ, 1950.

Б. Урланис. Война и народонаселение Европы. М., Соцэкгиз, 1960.

В. М. Хайцман. СССР и проблема разоружения. Историко-статистическое исследование. М., Изд-во АН СССР, 1959.

International Conference on Military Trials. Report of Robert U. Jackson. State Department publication. Washington, 1949.

Trial of Major War Criminals before the International Military

Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945 — 1 October 1946. Published at Nuremberg, vol. 42.

Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law, N 10, Nuremberg, October 1946 — April 1949. Washington, 1949—1953, 15 Volumes. (Vol. 6 — the case against Flick etc., vol. 7—8, the case against I. G. Farben-Industry, vol. 9, the case against Krupp etc.)

U. S. War Crimes Trial against Feldmarshal von Leeb et al.

●
Appelman S. A. Military Tribunals and International Crimes. Indianapolis. Co. 1954.

Balasz A. Die rechtliche Begründung des Nurnberger Urteils. Frankfurt am M., 1946.

Belgion Montgomery. Victor's Justice. London, 1948.

Calvocoressi P. Nuremberg: The Facts, the Law and the Consequences. London, 1947.

Cooper R. W. The Nuremberg Trial. London, 1947.

Descheemacker, Jacques. Le tribunal militaire international des grands criminels de guerre. Paris, 1947.

Dodd Th. The Nuremberg Trials. «The Journal of Criminal Law and Criminology», v. XXXVII, N 5, 1947.

Doman N. K. Political consequences of the Nuremberg Trial. «Annals of American Academy of Political and social science», 1946.

Echarad H. The Nuremberg Trials against the Mayor War Criminals and International Law. New York, 1949.

Feilchenfeld E. The International Economic Law of Belligerent Occupation. Washington, 1942.

Finch G. The Nuremberg Trial and International Law. «American Journal of International Law», N 1, 1947.

Fite K. B. The Nuremberg judgment. A. Summary. Washington, 1947.

Gibb A. D. Perjury Unlimited. Edinburg, 1955.

Gilbert G. The Nuremberg Diary. New York, 1948.

Glueck S. Crime and Correction. Cambridge, 1952.

Glueck S. The Nuremberg Trial and aggressive War. New York, 1946.

Glueck S. War Criminals. New York, 1944.

Greenspan M. The Modern Law of Land Warfare. Los-Angeles, 1959.

Hankey L. Politics, Trials and Errors. Oxford, 1950.

Harris W. Tyranny on Trial Evidence at Nuremberg. Dallas, 1954.

Heidecker G., Leeb G. Der Nurnberger Process — Bilanz der Tausend Jahre. Munchen, 1959.

Knieriem A. Nuremberg Trials and International Law. Chicago, 1959.

Köhler Fritz. Geheime Kommandosache. Aus den Dokumenten des Nürnberger Processes Zugest, 1956.

Lashs M. War Crimes. London, 1945.

Law Reports of Trial of War Criminals, v. 1. London, 1947.

Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe. Washington, 1944.

- Maugham V. UNO and War Crimes. London, 1951.
- Nuremberg. German Views of the War Trials. Washington, 1955.
- Pompe C. A. Aggressive war and International Crime. Hague, 1953.
- Saurel Louis. Le proces de Nuremberg. Paris, 1965.
- Sawicki E. From Nuremberg to the New Wehrmacht. Warszawa, 1957.
- Schact J. Account settled. London, 1948.
- Taylor T. The Nuremberg War Crimes Trials. New York, 1949.
- Woetzel R. The Nuremberg Trials in International Law. London, 1960.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая. В НЮРНБЕРГЕ

Вступление	5
Глава 1. <i>Брак по расчету</i>	19
„Он дал нам столь ясную картину своих идей...“	19
Требуется диктатор	22
Фонд Адольфа Гитлера	29
„Зондерконто С“	33
По стезе шпионажа и доносов	41
В одной упряжке с доктором Геббельсом	47
Глава 2. <i>Они заглянули в глубины будущего</i>	58
Таинственная спешка	58
„Мы уже накануне мобилизации и войны“	64
Люди, не имеющие ничего общего с государственным аппаратом	71
Глава 3. <i>Фон Шницлер заговорил</i>	77
Что случилось с рурским зубром?	77
Шницлер меняет показания	83
Подстрекатели и организаторы агрессии	87
Глава 4. <i>Лицемерие начинается с фирменного знака</i>	92
Крупп мечтает о мирной продукции...	92
„Эта семья — символ самых зловещих сил“	98
Ближайшие советники фюрера	110
Глава 5. <i>„Задача — разрезать огромный пирог“</i>	115
Адвокаты ищут выход	115
Грабеж по-нацистски	120
„Если расизм сулит наживу, то да здравствует расизм!“	134
„Советский Союз следует считать распущенным“	142

Глава 6. <i>Круги нацистского ада</i>	155
„Нужда не знает закона“	155
Освенцимские фабриканты	165
Круг девятый, последний...	185
Что же решили судьи?	193

Часть вторая. **ПОСЛЕ НЮРНБЕРГА**

Глава 1. <i>Волчье братство бизнеса</i>	201
Были ли здесь обманутые?	201
Самоуверенность Шахта и оптимизм Джексона	204
Это не „сложное проявление идиотизма“	207
Один компас — прибыль	213
Бизнес и измена	218
„Нет, сэр, не согласен“	222
У вершины цинизма	231

Глава 2. <i>„...в схватке с чем-то огромным, ужасным и постоянным...“</i>	236
Может ли всё это повториться?	236
Прощальное послание Эйзенхауэра	242
Заглядывая в будущее	243
Деньги вложены в дело, следовательно...	245
Пропаганда милитаризованной экономики	247
Кривая прибылей устремилась вверх	248
Мистер Касс и мистер Каммингс	250
Баловни судьбы	253
„Теория домино“ в действии	254
Тактика „выжженной земли“	258
„Наши прибыли зависят от продолжения войны“	270
В небе Вьетнама	273
Неудачная символика	280
На это нацисты не решились...	284
Важный элемент глобальной стратегии	296
„Семь сестер“	300
Нейтралитет по-американски	307

Глава 3. <i>„Наше будущее — в нашем прошлом“</i>	314
„Хоть с дьяволом, лишь бы перейти мост“	314
„Демократическое и социальное государство“ без грима	318
„Участвовать в ядерной философии, политике, стратегии“	326
Задача — унифицировать мышление	338

<i>Заключение</i>	353
-----------------------------	-----

<i>Список использованной литературы</i>	360
---	-----

*Аркадий Иосифович Полторак,
Евгений Борисович Зайцев*

***Рурские господа
и вашингтонские судьи***

Редактор Г. П. Тихонова

Художник И. З. Семенов

Художник-редактор О. И. Маслаков

Технический редактор Г. В. Преснова

Корректор И. В. Левтонова

*Сдано в набор 15/VII 1968 г.
Подписано к печати 11/XI 1968 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂
Бумага тип. № 2
Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 19,61
Тираж 100 000 экз. М-24338
Заказ № 1120/Л*

*Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография им. Володарского
Лениздата, Фонтанка, 57
Цена 72 коп.*

72 коп.

РУССКИЕ ГОСПОДА

и байингитские судбы